

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2022 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 17

№ 3–4

Главный редактор журнала
Елена Семёновна Узёнова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Ответственный секретарь
Кирилл Алексеевич Попов
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Научная редакция

Светлана Ивановна Данченко
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ольга Сергеевна Каштанова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Андреевна Леонтьева
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Наталья Александровна Лунькова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ксения Валерьевна Мельчакова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Пётр Владимирович Мошечков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Татьяна Ивановна Чепелевская
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционная коллегия

Оксана Анатольевна Запека
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Елена Николаевна Ковтун
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Андреевич Колосков
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Константин Владимирович Никифоров
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Владимир Яковлевич Петрухин
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Аркадьевна Плотнокова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Андрей Николаевич Соболев
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
Ольга Александровна Туфанова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
Артём Акопович Улуняч
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ольга Владимировна Хаванова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционный совет

Дёрдь Бебешти
Печский университет, Печ, Венгрия
Алеш Заржицкий
Остравский университет, Острава, Чехия
Наталия Корина
Венский университет, Вена, Австрия
Христина Марку
Фракийский университет имени Демокрита,
Комотини, Греция
Пенка Пейковска
Институт истории Болгарской академии наук,
София, Болгария
Сузана Раич
Белградский университет, Белград, Сербия
Витторιο Томеллери
Туринский университет, Турин, Италия
Штефан Трёбст
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия
Сандра Хаджихалилович
Задарский университет, Задар, Хорватия

Редакторы (русский язык)

Ирина Семёновна Пекунова
Валерия Станиславовна Кучко

Редактор-корректор (английский язык)

Кристофер Уолш

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X

SLAVIC WORLD

2022 **IN THE THIRD
MILLENNIUM**

Volume 17

Issue 3–4

Editor-in-Chief

Elena S. Uzeneva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Executive Editor

Kirill A. Popov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant Editors

Tatyana I. Chepelevskaya
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Svetlana I. Danchenko
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga S. Kashtanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anna A. Leontyeva
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Natalia A. Lunkova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ksenia V. Melchakova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Petr V. Moshechkov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial Board

Olga V. Khavanova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Evgenii A. Koloskov
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Elena N. Kovtun
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Konstantin V. Nikoiforov
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir Ya. Petrukhin
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anna A. Plotnikova
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey N. Sobolev
Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg

Olga A. Tufanova
A. M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Artyom A. Ulunyan
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Oksana A. Zapeka
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Advisory Board

György Bebesi
University of Pécs, Pécs, Hungary

Sandra Hadžihalilović
University of Zadar, Zadar, Croatia

Natalia Korina
University of Vienna, Vienna, Austria

Christina Markou
University of Thrace, Komotini, Greece

Penka Peykovska
Institute for Historical Studies,
Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Suzana Rajić
University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Vittorio S. Tomelleri
University of Turin, Turin, Italy

Stefan Troebst
Leipzig University, Leipzig, Germany

Aleš Zářický
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Russian Language Copy-Editors

Irina S. Pekunova
Valeria S. Kuchko

English Language Copy-Editor

Christopher Walsh

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Тадеуш Тадеушевич Кручковский*
Польский вопрос в России в оценке А.С. Будиловича 9
- Никита Сергеевич Гусев*
Открытие памятника великому князю Николаю Николаевичу в 1914 г.
и одна из последних болгарских попыток вернуть русские симпатии 25
- Владимир Бруженяк*
Лагерь военнопленных в Йиндржиховицах:
возникновение, повседневность, мемориализация 37
- Пётр Владимирович Мошечков*
Переговоры между СССР и Чехословакией
о заключении торгового соглашения в 1933–1935 гг. 67
- Анна Вячеславовна Амелина*
Ян Гус в чешской межвоенной утопической литературе 88
- Михаил Николаевич Саенко*
Праславянское название легких: *pluʔa или *pluʔa? 101
- Лучия Стефанова Антонова-Василева*
Роль трудов проф. Афанасия Матвеевича Селищева
в развитии болгарского языкознания 125
- Александра Игоревна Чиварзина*
Македонские представления о ходячих покойниках
с XIX в. до наших дней 141
- Ксения Анатольевна Климова,
Инна Олеговна Никитина*
Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи
(по полевым материалам 2022 г.) 160

О времени и о себе

- «Как исследователь я хотел уйти подальше
от современной политики». Воспоминания Александра Владимировича Липатова
в форме интервью 179

Славистика без границ

- Лариса Айратовна Киселева*
Направления лингвистической славистики
в Башкирском государственном университете 240
- Камилла Темуровна Юсупова*
Особенности преподавания паронимов греческим студентам,
изучающим болгарский и русский языки 250

Рецензии и обзоры

Мирослав Радивоевич

Љушић Р. Кнез Милош (1783–1860). Државотворни владар.

Нови Сад: Православна реч, 2021. 923 с.

ISBN 978-86-81648-15-5 259

Елена Гавриловна Кострикова

Агансон О.И. В поисках равновесия.

Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг.

СПб.: Алетейя, 2022. 362 с.

ISBN 978-5-00165-492-6 264

Хроника научной жизни

Никита Владимирович Евстафьев

Хроника конференции «Славянский мир: общность и многообразие».

Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «История» 283

Анна Васильевна Грасько

Хроника конференции «Славянский мир: общность и многообразие».

Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «Литературоведение» 290

Сергей Александрович Борисов

Хроника конференции «Славянский мир: общность и многообразие».

Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «Языкознание» 295

Юбилеи

Елена Семёновна Узенёва

80 лет Институту болгарского языка БАН 300

CONTENTS

Articles

- Tadeusz T. Kruczkowski*
Polish question in Russia in the Assessment of A. S. Budilovich 9
- Nikita S. Gusev*
The Unveiling of the Monument to Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1914
and One of the Last Bulgarian Attempts to Regain Russian Sympathies 25
- Vladimír Bružeňák*
POW Camp in Jindřichovice: Founding, Everyday Life, Memorialization 37
- Petr V. Moshechkov*
Soviet-Czechoslovak Trade Agreement Negotiations in 1933–1935 67
- Anna V. Amelina*
Jan Hus in Czech Interwar Utopian Literature 88
- Mikhail N. Saenko*
The Proto-Slavic Word for Lungs: *plut'a or *pl'ut'a? 101
- Luchia S. Antonova-Vasileva*
The Role of the Works of Professor Athanasii Matveevich Selishchev
in the Development of Bulgarian Linguistics 125
- Alexandra I. Chivarzina*
Macedonian Representations of the Walking Dead
from the Nineteenth Century to the Present Day 141
- Ksenia A. Klimova,*
Inna O. Nikitina
Funeral and Memorial Rites of Pontic Greeks of Sochi
(Based on 2022 Field Materials) 160

Looking back on the past and the profession

- “As a Researcher I Wanted to Get Away
from the Contemporary Politics”.
Alexander V. Lipatov’s Memoirs in Interview Form 179

Slavistics without boundaries

- Larisa A. Kiseleva*
Directions of Linguistic Slavistics in Bashkir State University 240
- Kamilla T. Yusupova*
Features of Teaching Paronyms to Greek Students
Studying Bulgarian and Russian 250

Reviews

Miroslav Radivojević

- Ljušić R. Knez Miloš (1783–1860). Državotvorni vladar.
 Novi Sad: Pravoslavna reč, 2021. 923 s. ISBN 978-86-81648-15-5
 [Ljušić R. Prince Miloš (1783–1860). The state-making ruler.
 Novi Sad: Orthodox word, 2021. 923 p.] 259

Elena G. Kostrikova

- O.I. Aganson. V poiskakh ravnovesiia.
 Velikobritaniia i “balkanskii labirint”, 1903–1914 gg.
 SPb.: Aleteiia, 2022. 362 s. ISBN 978-5-00165-492-6
 [O.I. Aganson. In search of balance.
 Great Britain and the “Balkan Labyrinth”, 1903–1914.
 Saint Petersburg: Aleteiia, 2022. 362 p.] 264

Chronicle of scientific life

Nikita V. Evstafyev

- Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
 Moscow, 24–25 May 2022. Section “History” 283

Anna V. Grasko

- Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
 Moscow, 24–25 May 2022. Section “Literary studies” 290

Sergej A. Borisov

- Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
 Moscow, 24–25 May 2022. Section “Linguistics” 295

Jubilees

Elena S. Uzeneva

- Bulgarian Language Institute of the Bulgarian Academy of Sciences:
 80th Anniversary 300

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ В ОЦЕНКЕ А.С. БУДИЛОВИЧА

Тадеуш Тадеушевич Кручковский

Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей и славянской истории,
факультет истории, коммуникации и туризма,
Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы

Почтовый адрес: ул. Ожешко, 22,
Гродно, 230023, Беларусь

Электронный адрес: tkruczkowski@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-9383-1377

Аннотация

В статье анализируется позиция российского историка и филолога А.С. Будиловича по польскому вопросу. А.С. Будилович был незаурядной динамичной личностью и одновременно крупным ученым-филологом, историком, но прежде всего — администратором науки и просвещения, общественным деятелем и публицистом. Имя А.С. Будиловича было широко известно в образованных кругах современного ему общества. Всю свою жизнь он подвизался в образовательных учреждениях Петербурга, Нежина, Варшавы и Юрьева. Известность в правительственных кругах А.С. Будилович приобрел в период работы по русификации в Варшавском и Юрьевском университетах. Взгляды ученого рассматриваются на фоне общих концепций российской историографии. Заявленная тематика в творческом наследии А.С. Будиловича была тесно связана с историей православных земель Речи Посполитой и западнорусским (белорусским и украинским) вопросом. На формирование научных и общественно-политических взглядов А.С. Будиловича оказали влияние как характер его образования, так и общественно-политическая среда тогдашней Западной России. В целом концепции А.С. Будиловича полностью соответствовали фундаментальным идеям российской исторической полонистики XIX — начала XX в., носившим консервативный и славянофильский характер, чаще всего антизападного толка. Важнейшим атрибутом славянского единства для А.С. Будиловича была религиозная и языковая общность славян. Православие представлялось ему единственным фундаментом, на котором славяне могли сохранить собственную идентичность. Миссию России в Польше А.С. Будилович объяснял желанием спасти поляков от грозившего им онемечивания и «вызвать к жизни» здоровые нравственные и умственные силы. Ученый был одним из самых поздних приверженцев славянофильского подхода к истории, сторонником панславистских идей.

Ключевые слова

Польша, Россия, польский вопрос, российская историография, историческая полонистика, западнорусизм, русификация, Варшавский университет, А.С. Будилович

Статья поступила в редакцию 23 мая 2022 г.

Цитирование: *Кручковский Т.Т.* Польский вопрос в России в оценке А.С. Будиловича // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 9–24. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.01>

POLISH QUESTION IN RUSSIA IN THE ASSESSMENT OF A.S. BUDILOVICH

Tadeusz T. Kruczkowski

D. Sc., Associate Professor,
Professor of Department of General
and Slavic History,
Faculty of History, Communication and Tourism,
Yanka Kupala State University of Grodno
Postal address: Ozheshko st., 22,
Grodno, 230023, Belarus
E-mail: tkruczkowski@yahoo.com
ORCID 0000-0002-9383-1377

Abstract

The article discusses the main viewpoints of the Russian historian and philologist Anton S. Budilovich on the Polish question in Russia. Budilovich was a dynamic personality and, at the same time, a prominent philologist, historian, publicist, and above all, an excellent administrator of science and education. The name Budilovich was widely known in the educated circles of contemporary society. He spent his entire life working in educational institutions in St. Petersburg, Nezhin, Warsaw, and Yuryev. Budilovich acquired work in the Russification of Warsaw and Yuryev universities. The scholar's views are considered against the background of the position generally inherent in Russian historiography. The topics studied by Budilovich were closely connected with the history of the Orthodox lands of the Polish–Lithuanian Commonwealth and the Western Russian (Belarusian and Ukrainian) issue. The scientific and socio-political views of Budilovich were influenced by both the nature of his education and the socio-political environment of what was then Western Russia. In general, Budilovich's historical polonistics fully corresponded to the fundamental ideas of Russian historical polonistics of the nineteenth and early twentieth centuries: conservative and Slavophile in nature, and mostly anti-Western. The most important attribute of Slavic unity for Budilovich was the religious community of the Slavs and their common language. Orthodoxy seemed to him the foundation on which the Slavs exclusively could preserve their own identity. He explained Russia's mission in Poland to be motivated by its desire to save the Poles from the Germanization that threatened them and to "bring to life" Polish moral and intellectual forces. The scholar was one of the last adherents of the Slavophile approach to history and a supporter of pan-Slavic ideas.

Keywords

Poland, Russia, Polish question, University of Warsaw, Russian historiography, historical polonistics, Western Russianism, Russification, A.S. Budilovich

Received 23 May 2022

How to cite: Kruczkowski, T.T., 2022. Pol'skii vopros v Rossii v otsenke A.S. Budilovicha [Polish question in Russia in the assessment of A.S. Budilovich]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 9–24. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.01>

На протяжении долгого времени Польша являлась для России не просто соседкой, но выступала как важнейший политический, военный и цивилизационный соперник, а также как проводник западного влияния. Проблематика российско-польских отношений, в том числе в контексте различной исторической политики этих стран, является весьма актуальной и в настоящее время. В связи с этим несомненный интерес представляет рассмотрение взглядов и деятельности одного из теоретиков и практиков российского консерватизма второй половины XIX — начала XX в. Антона Семеновича Будиловича, особенно в свете его западнорусского (белорусского) происхождения.

В творчестве А.С. Будиловича польский вопрос в России стал одной из важнейших тем, тесно связанной с историей православных земель Речи Посполитой и западнорусским (белорусским и украинским) вопросом. Этой тематике ученый посвятил ряд своих научных и публицистических статей¹.

В контексте изучения творческого наследия А.С. Будиловича данная проблематика исследовалась лишь выборочно. Его современник и земляк Е.Ф. Карский в некрологе Будиловичу обрисовал читателям общественно-политическую атмосферу западнорусских (белорусских) земель в середине XIX в., которая имела существенное значение для формирования системы мировоззрения будущего ученого². Свое впечатление о личности Будиловича, вынесенное за время совместной работы в Варшавском университете, оставил и его идейный противник, выдающийся историк-позитивист, считавшийся в России полонофилом, Н.И. Кареев³. Обстановка в этом учебном заведении была описана К.Н. Туром и Н. Дубровским⁴.

Отдельные фрагменты проблематики польского вопроса в России в интерпретации А.С. Будиловича проанализированы Ю.И. Курстаком, однако он изучал творчество ученого в целом, и этот аспект рассматривал на об-

¹ Будилович А.С. Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства // Беседа. 1871. № 6. С. 146–164; *Он же*. Мечта ли панславизм? // Беседа. 1872. № 1–2. С. 195–215; *Он же*. Из переписки князя К.А. Черкасского и Н.А. Милютина по польским делам // Славянское обозрение. 1892. Т. 2 (№ 7–8). С. 295–335; *Он же*. Русско-польские отношения // Краины России. 1906. № 7. С. 113–115; *Он же*. Старые и новые опыты польской государственности // Краины России. 1906. № 36. С. 599–603; *Он же*. Старые и новые опыты польской государственности // Краины России. 1906. № 35. С. 583–586; *Он же*. О единстве русского народа. СПб.: Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, 1907; и др.

² Карский Е.Ф. Памяти А.С. Будиловича // Русский филологический вестник. 1909. Т. LXI. № 1. С. 149–161.

³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990.

⁴ Тур К.Н. Студенческие годы (воспоминания о Варшавском университете) // Русская старина. 1912. Кн. 9. С. 402–442; Дубровский Н. Официальная наука в Царстве Польском: (Варшавск. ун-т по личным воспоминаниям и впечатлениям). СПб.: Типография «Север», 1908.

шем фоне формирования взглядов историка-слависта⁵. Некоторые оценки позиции ученого по польскому вопросу присутствуют в ряде российских и белорусских исследований, посвященных национальным проблемам и общественно-политической ситуации в России второй половины XIX — начала XX в.⁶ Внимание заявленной тематике уделил и автор статьи⁷.

Имя А.С. Будиловича было широко известно в образованных кругах современного ему общества. Всю свою жизнь он преподавал в образовательных учреждениях Петербурга, Нежина, Варшавы и Юрьева. Известность в правительственных кругах Будилович приобрел благодаря своему участию в русификации Варшавского и Юрьевского университетов.

А.С. Будилович (1846–1908), уроженец местечка Комотово Гродненской губернии, родился в семье сельского протоиерея, который после ликвидации Брестской унии и присоединения белорусских греко-католических

⁵ Курстак Ю.И. Польский вопрос в общественной мысли России: А.С. Будилович // ЕС и восточнославянский мир (конец XX — начало XXI вв.): Материалы Международной научной конференции (Гродно, 19 октября 2006 г.) / под общ. ред. А.Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2008. С. 201–206; *Он же*. Религиозный компонент в исторической концепции А.С. Будиловича // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў / редкол.: С.В. Марозава і інш. Гродна: ГрДУ, 2008. С. 24–28.

⁶ Савино Д. Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в представлениях русских националистов начала XX века // Логос. 2017. № 4 (27). С. 65–86. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-4-67-83>; Болдин В.А. Панславистские идеи А.С. Будиловича // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 101–110; Гудков А.Д., Шириняц А.А. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119.

⁷ Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. // Наш радавод: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII — пач. XX стст.», (Гродна, 28 верас. — 1 кастр. 1992) / адк. рэд. і ўклад. Дз. Караў. Гродна: б. в., 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417; *Он же*. Проблема цивилизационного выбора Польши и его последствия в оценке русской историографии XIX — начала XX вв. // История Польши в историографической традиции XIX — начала XXI вв.: Материалы Международной научной конференции. Гродно, 29–30 октября 2009 г. / под общ. ред. Т.Т. Кручковского. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. С. 30–41; *Он же*. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической колонизации XIX — начала XX веков: историографический обзор // ИАВБ. Минск, 2016. № 2 (25). С. 29–37; *Он же*. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века: дис. ... докт. ист. наук. Минск, 2017; *Он же*. Воспоминания Н.И. Кареева о Варшавском университете как феномен исторической памяти о российско-польских отношениях // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития [сб. ст.] / гл. ред. Т.А. Пивоварчик. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 76–81; *Он же*. Проблема взаимосвязи польского и еврейского вопроса в Западной России в интерпретации М.О. Кояловича // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв. [сб. научн. тр.]. Вып 3 / отв. ред. А.А. Сорокин. М.: Издательство Эдитус, 2021. С. 6–24; Кручковский Т.Т., Хиллота В.А. «Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России первой трети XIX века // История Польши в историографической традиции... С. 95–103; *Kruczkowski T. Historia Białorusi i stosunki polsko-białoruskie w świetle rosyjskiej historiografii II poł. XIX w. i początku XX w. // Przegląd Wschodni. 2000. Z. 3 (23). S. 443–476.*

приходов к Православной всероссийской церкви особенно ревностно служил последней. Своих детей Семен Иванович Будилович воспитал в духе традиционных православных ценностей.

На формирование взглядов А.С. Будиловича оказала влияние и общественно-политическая среда тогдашней Западной России. По словам Е.Ф. Карского, «уже с детства в родном селе будущий ученый «был поставлен на рубеже народностей», где его окружали поляки, литовцы, малороссы, евреи»⁸. Пережив польское восстание 1863–1864 гг., будучи свидетелем жесткой борьбы поляков и русского православного мира, молодой Будилович рано задался вопросом о причинах польско-русской розни. Детские впечатления оказались настолько сильными, что через всю жизнь он пронес негативное отношение к идее польской государственности, деятельности католического духовенства и дворянства, считая их причиной русско-польской вражды. Спустя десятилетия в своей автобиографии ученый вспоминал о том, что «фанатичная ненависть поляков к его отцу и семье оставила неизгладимый след в его сознании на всю оставшуюся жизнь»⁹.

Братья Будиловичи, дабы полностью отмежеваться от всего, что даже отдаленно напоминало о Польше, поменяли написание своей по-польски звучащей фамилии, убрав из нее букву «з» (в первоначальном варианте она значилась как «Будилович»). Отец А.С. Будиловича не только не ограничился русификацией фамилии, но и сменил ее впоследствии на церковную Георгиевский.

А.С. Будилович после окончания Кобринского духовного училища поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В.И. Ламанский стал не просто его научным руководителем, но и учителем в самом широком смысле этого слова. Его идейное влияние прослеживалось во всей научной деятельности будущего ученого. Будилович развил выдвинутую Ламанским «теорию трех миров», враждебных друг другу: европейского — западного католического романо-германского (к которому он причислял и поляков как изменников славянского дела, подобно В.И. Ламанскому и С.М. Соловьеву. — *Т. К.*); собственно азиатского, или монголо-татарского; и среднего — православного греко-славянского¹⁰.

Теоретико-методологической основой взглядов А.С. Будиловича стали воззрения ранних (московских) славянофилов и концепция конфронтационного развития западного и восточного миров В.И. Ламанского. Историк относился к той части мыслителей панславистской ориентации, которая рассматривала славянское единство в соответствии с известной панславистской формулой «гармонии в единстве»¹¹. В работах Будиловича эти

⁸ Карский Е.Ф. Памяти А.С. Будиловича... С. 151.

⁹ Курстак Ю.И. Польский вопрос... С. 202.

¹⁰ Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб.: Тип. Майкова, 1871.

¹¹ Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 56.

идеалы были доведены до крайней степени выражения. Ученого можно назвать одним из самых поздних приверженцев славянофильского подхода к истории, сторонником панславистских идей. Историографический анализ творчества Будиловича позволяет сделать вывод о принадлежности его, как и Е.Ф. Карского, по основным критериям к школе западнорусизма (белорусского регионального варианта славянофильства). Славянофильская историософия и преломление консервативной теории «официальной народности» в концепциях Н.Г. Устрялова и М.П. Погодина, а затем «западнорусизм» М.О. Кояловича и охранительный консерватизм Д.И. Иловайского или А.С. Будиловича выступают в области исторической полонистики как явления одного порядка.

Польский вопрос в России стал одной из важнейших тем творчества А.С. Будиловича. Исторические исследования ученого были подчинены его филологическим изысканиям. Большинству его работ был свойствен политизированный характер, что отражалось на результатах исследований, особенно по проблемам польской истории. Свои взгляды Будилович старался развивать не только в научных и публицистических трудах (посвященных истории Польши и современному состоянию польского вопроса), но и реализовать практически: как администратор науки и просвещения.

В целом концепции А.С. Будиловича, по нашему мнению, полностью соответствовали фундаментальным идеям российской исторической полонистики XIX — начала XX в. Общие подходы российской историографии исследуемого периода к исторической полонистике, как отмечается в современной науке¹², выразились в ее основополагающих идеях консервативного и славянофильского характера, чаще всего антизападного толка: о вековом противостоянии России и Польши; о западном цивилизационном пути Польши, несущем беды славянскому миру; о восприятии Польши как изгоя славянского мира; о Речи Посполитой — как уникальном в общественно-политическом плане, но нежизнеспособном организме; о неизбежной победе России в вековом цивилизационном противостоянии с Польшей; о сугубо отрицательной роли католичества в истории Польши; о том, что западнорусские земли (территории Белоруссии и Украины) получили признание только как часть единой православной России и не могли соединиться с Польшей в составе Речи Посполитой или существовать в качестве самостоятельных государственных образований¹³.

¹² Кручковский Т.Т. Польская проблематика... С. 242–264; Он же. Фундаментальные идеи... С. 29–36; Якубский В.А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2 [сб. ст.] / под ред. Г.Е. Лебедевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. С. 3–15; Кутявин В.В. Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике: взгляд историка // *Dusza polska i rosyjska: spojrzenie współczesne* (Польская и русская душа: современный взгляд) / pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź: Ibidem, 2003. S. 31–37.

¹³ Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях... С. 219.

Польский вопрос в России А.С. Будилович связывал с историей Польши и ее православных земель периода Речи Посполитой. Ученый показывал исторические корни проблемы польско-русского антагонизма, всю вину за который он перекладывал на польскую сторону. Будилович был активным приверженцем реализации идеи политического панславизма, заключавшейся в объединении славян на основе принятия православия как истинно славянской веры и русского языка как единого для всех славян под политическим верховенством России. Это обуславливало его стремление обосновать историческое право России на лидерство в славянском мире. В данной связи католическая славянская Польша самим фактом своего не православного существования выступала как наиболее очевидный противник этих идей.

Концептуальной основой трудов А.С. Будиловича, как и Д.И. Иловайского, являлась российская государственность в ее историческом развитии, понимаемая не как отвлеченная идея, а как неотъемлемый атрибут национальной жизни. Ее главный принцип он видел в существовании определенного народного типа или характера, основанного на православии и русском языке, сложившегося в результате кровавой многовековой борьбы с другими народами. Важнейшими доводами историка были постулируемые им идеи племенного единства славян, общей православной веры и общности исторических судеб.

Племенное единство славян, по его мнению, нагляднее всего выражалось в языке, который во всех «славянских наречиях» (а наречиями он называл все славянские языки, кроме русского) сохранил связь с языком праславянским. Ученый заявлял о том, что каждый исторический народ доходит при благоприятных условиях до образования общего языка, который является затем столь же значимым фактором его дальнейшего развития, как общая государственность, общая церковь, наука, литература, культура¹⁴.

Главным атрибутом славянского единства для А.С. Будиловича, вполне в духе панславистских идей, была религиозная общность славян. Православие представлялось ему единственным фундаментом, на котором славяне могли сохранить собственную идентичность. Исходя из этого, отношение Будиловича к идее церковной унии в целом и к Брестской унии 1596 г. в частности было последовательно негативным¹⁵.

Как и большинство российских историков, А.С. Будилович считал, что именно цивилизационное противостояние Запада и Востока определило общий характер российско-польских отношений¹⁶. Причиной враждебного отношения Польши к России было, по его утверждению, то, что поляки усвоили чужое мировоззрение, чувство немецкого презрения к славян-

¹⁴ Будилович А.С. Вопрос об общеславянском языке в западническом освещении // Славянский сборник. 1892. Т. 2 (№ 5-6). С. 54.

¹⁵ Курстак Ю.И. Религиозный компонент... С. 25.

¹⁶ Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях... С. 116.

ству¹⁷. Поэтому Будилович, как и С.М. Соловьев, противостояние России и Польши рассматривал как национально-религиозное противоборство.

Важное значение для А.С. Будиловича имел вопрос о развитии западно-русских земель в составе Речи Посполитой. Он полагал, что вся история Польши была ничем иным, как непрерывным наступательным движением на Русь под знаменем Рима и в интересах Западной Европы. По нашему мнению, классическое славянофильское определение сущности польской модели развития как полонизма можно найти у Ю.Ф. Самарина. Ученый объяснял, что под полонизмом следует понимать не только поляков как народ, государство, но и рассматривать это понятие как «просветительское начало, как представительство и вооруженную пропаганду латинства»¹⁸. Конкретизируя исторически свое определение полонизма, он утверждал, что Польша — «это острый клин, вогнанный латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы»¹⁹. По его словам, вражда России и Польши вызывалась тем, что обе стороны имели совершенно различные идеалы религиозного и политического характера²⁰.

Польский вопрос по степени эмоциональной ангажированности данной проблемы в творчестве А.С. Будиловича вообще не имел себе равных. Это обуславливалось, прежде всего, сложностью и остротой польской проблематики. Миссию России в Польше Будилович объяснял желанием спасти поляков от реально грозившего им онемечивания и вызвать к жизни те здоровые нравственные и умственные силы, которые поведут польский народ по пути, предначертанному ему Провидением²¹. Такой подход являлся типичным для консервативной историографии славянофильской ориентации²² и не был оригинальным.

Для А.С. Будиловича, апологета идеи единого русского народа, а также политического и культурного панславизма, выделение в особую группу белорусов и украинцев, а вследствие этого и признание за ними целого ряда присущих народу прав; никогда не было даже теоретически возможным²³. Как приверженец славянофильской идеи о дуализме европейской культуры, многовекового антагонизма между ее частями — романо-германским миром и русским православным, он считал территорию Белоруссии и Украины ареной борьбы между Западом и Востоком, между католичеством и православием. Одним из критериев, на основании которого происходило

¹⁷ Будилович А.С. Летопись // Славянское обозрение. 1892. Т. 2. С. 388.

¹⁸ Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса // Самарин Ю.Ф. Сочинения: в 5 т. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1877. Т. 1. С. 325.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 343.

²¹ Будилович А.С. Несколько замечаний... С. 163.

²² Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях... С. 137-138; Он же. Проблема цивилизационного выбора... С. 2.

²³ Курстак Ю.И. Религиозный компонент... С. 28.

разделение народов, для Будиловича, в отличие от М.О. Кояловича, у которого на первом месте были религиозные различия²⁴, — выступал язык²⁵.

Историк обосновывал единство русского языка, в том числе обращаясь к истокам его происхождения. Влияние польского языка он называл основным фактором, который повлек за собою некоторые языковые различия у украинцев и белорусов. Врагами «русского языка и русской образованности» Будилович, подобно М.О. Кояловичу, считал поляков и немцев, возлагая на них ответственность за возникновение украинского и белорусского сепаратизма²⁶.

Активизацию белорусского национального движения оба историка встретили с раздражением, видя в этом чужеродное влияние. Издаваемые газеты «Наша Доля» и «Наша Ніва» Будилович оценивал как дело рук «польских инженеров и виленских евреев»²⁷. Он, как и Коялович²⁸, приписывал причины их появления «польской интриге» и был твердо уверен в безуспешности их пропагандистских попыток, поскольку в Белоруссии эти газеты не найдут своего читателя²⁹.

Еще в 1871 г. А.С. Будилович опубликовал ставшую во многом программной статью³⁰, в которой изложил свое видение польского вопроса. Он представил три варианта его решения: обрусение, онемечивание или сохранение польской народности. Ученый считал первый и второй варианты неприемлемыми. Историк объяснял свои выводы следующим образом: натурализовать Польшу значило бы ее колонизировать, а это, по его мнению, Россия не в состоянии осуществить³¹.

Проблему возможной колонизации Польши А.С. Будилович рассматривал также с точки зрения геополитики и панславистских идей. Он писал: «Лучше даже потерять Польшу, чем насильственно ее обрусить». По его словам, применение силы приведет лишь к тому, что Россия оттолкнет от себя другие славянские народы, чем «приготовит великое торжество для немцев, которые не замедлят эксплуатировать в свою пользу негодование на Россию славянских народов»³². Это положение повторяло основные идеи по польскому вопросу, высказанные еще М.П. Погодиным³³.

²⁴ Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. С. 134.

²⁵ Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины. СПб.: Изд. Н.Д. Сергеевского, 1907. С. 28.

²⁶ Kruczkowski T. Historia Białorusi... S. 458; Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях... С. 142.

²⁷ Будилович А.С. О единстве русского народа... С. 30.

²⁸ Кручковский Т.Т. Проблема взаимосвязи... С. 18.

²⁹ Будилович А.С. О единстве русского народа... С. 31.

³⁰ Будилович А.С. Несколько замечаний... С. 146–164.

³¹ Там же. С. 157.

³² Там же. С. 158.

³³ Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях... С. 45–46.

Предоставление независимости Польше А.С. Будилович, как и большинство российских историков, считал невозможным. Этому, полагал он, мешали два фактора: внешний и внутренний. Внешний выражался в угрозе пангерманизма: молодое Польское государство было бы не в силах противодействовать натиску с Запада³⁴. Внутренняя же причина заключалась в том, что «великий социальный переворот, начатый реформами Милютина, еще не завершился; крестьянский вопрос не вполне разрешен; шляхетство не вполне еще забыло старые свои поползновения; новая народная интеллигенция не успела еще образоваться»³⁵.

Поэтому, заключал А.С. Будилович, предлагая третий путь: «в интересах не только славянства, но и человечества нужно желать <...> сохранения польским народом своей исторической личности»³⁶. В качестве альтернативы независимости ученый, как и большая часть российских исследователей³⁷, рассматривал участие Польши в будущей панславистской федерации во главе с Россией. Он предрекал: «Когда внутренняя общественная сила Польши обносится <...> когда мечта о политическом панславизме в той или другой форме совершится, тогда, нам кажется, и Польша найдет себе почетное место и независимое положение в конфедерированном славянстве»³⁸.

По словам А.С. Будиловича, восстания 1830 и 1863 гг. были восстаниями не за польскую народность, а за польскую государственность, которая имела сословный, феодально-клерикальный характер. «Даже язык этой государственности, — писал историк, — был не польский, а латинский, или, вернее, безобразная смесь польско-латинских слов и оборотов»³⁹. Столь же чужеродный характер, по мнению ученого, вполне отвечавшему фундаментальным идеям российской исторической полонистики⁴⁰, имела и католическая церковь, которая была не польской, а романо-германской.

Полемика для практической реализации его идей в польском вопросе стал российский Императорский варшавский университет. Работая там на протяжении 1881–1892 гг., А.С. Будилович снискал себе репутацию яркого полонифоба⁴¹, а возглавляемый им историко-филологический факультет стал самым русифицированным, принимая во внимание национальный состав преподавателей⁴².

³⁴ Будилович А.С. Несколько замечаний... С. 162.

³⁵ Там же. С. 164.

³⁶ Там же. С. 162.

³⁷ Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях... С. 44–48.

³⁸ Будилович А.С. Несколько замечаний... С. 164.

³⁹ Будилович А.С. Летопись... Т. 2. С. 398.

⁴⁰ Кручковский Т.Т. Фундаментальные идеи... С. 34.

⁴¹ Кареев Н.И. Прожитое... С. 414.

⁴² Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego, 1807–1915 / pod red. St. Kieniewicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981. S. 426.

О роли, которая отводилась Императорскому варшавскому университету в политике русификации поляков, неоднократно упоминалось в научной литературе предмета⁴³. Ввиду царившей здесь враждебной атмосферы русские ученые ехали в Варшаву неохотно, хотя для них существовали определенные привилегии. Отмечалось, что надолго русские в Варшаве не задерживались, «стремясь перебраться в центры научной и культурной жизни на основной территории России, — ведь Польша все же была провинцией, да еще с враждебно настроенным населением»⁴⁴. Это мнение поддерживается и в польской исторической науке⁴⁵. Однако некоторые российские профессора, как например, Е.Ф. Карский и А.С. Будилович, задержались надолго и сделали административные карьеры.

А.С. Будилович начал свою деятельность в Варшаве в последние годы правления генерал-губернатора П.П. Альбединского и в период попечительства А.Л. Апухтина. Известный своей приверженностью русской великодержавной идее⁴⁶, он сразу же столкнулся с неприязненным к себе отношением со стороны студенческой аудитории. Его вступительную лекцию, в которой он назвал польский язык всего лишь «наречием», студенты саботировали «пошаркиванием» ногами⁴⁷. Особенное неприятие у польского студенчества вызывало непризнание Будиловичем как профессиональным лингвистом самостоятельного статуса польского языка.

Деятельность А.С. Будиловича в Варшаве носила ярко выраженный великодержавный характер, была всецело направлена на усиление в Польше российского элемента. Его сторонники, признавая свойственную ученому резкость в отстаивании своих идеалов, оценивали его усилия как «безусловно чуждые всякой мелочности, придирчивости и бестактно-враждебных выходов»⁴⁸. Идеейные же противники Будиловича, сторонники либеральных

⁴³ Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego... S. 414; *Bardach J.* Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N.I. Kariejew // *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku* / red. M. Leczyk. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980. S. 104–154; *Maternicki J.* Nikołaaj Iwanowicz Karejew a polska edukacja historyczna // *Maternicki J.* Historiografia i kultura historyczna: studia i szkice. Warszawa, 1990. Z. XI. S. 536–579; *Лантвева Л.П.* Николай Иванович Кареев (1850–1931) // *Историки России XVIII–XX вв.* / сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: б. и., 1998. Вып. 5. С. 44–54; *Кручковский Т.Т., Нечухрин А.Н.* Польская проблематика в творчестве Н.И. Кареева // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: новыя канцэпцыі і падыходы. Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў.* Мінск, 3–5 лютага 1993 года. Мінск: Універсітэцкае, 1995. Ч. II: Сусветная гісторыя / нав. рэд. У.С. Кошалеў. С. 116–123; *Кареев Н.И.* Польская медаль в память Апухтина // *Голос минувшего.* 1916. № 42. С. 172–173; *Кареев Н.И.* Прожитое... С. 156–172.

⁴⁴ *Кареев Н.И.* Прожитое... С. 478.

⁴⁵ *Bardach J.* Problematyka polska... S. 106.

⁴⁶ *Maternicki J.* Nikołaaj Iwanowicz Karejew... S. 414; *Кареев Н.И.* Польская медаль... С. 172–174.

⁴⁷ *Кареев Н.И.* Прожитое... С. 158.

⁴⁸ *Грот К.Я.* Памяти Антона Семеновича Будиловича // *Исторический вестник.* 1909. Т. CXV (№ 3). С. 1111.

мер по отношению к полякам и сами студенты польского происхождения относились к нему достаточно холодно, называя его «серым кардиналом» университета, который имел сильное влияние на ректора⁴⁹.

В 1883 г. ректором Варшавского университета стал Н.А. Лавровский, хорошо знакомый А.С. Будиловичу. О том, насколько влиятельной фигурой в университете был Будилович, свидетельствует и тот факт, что в периоды отсутствия ректора Лавровского функции последнего исполнял именно он. В связи с этим в некоторых изданиях даже утверждается, что в 1890–1892 гг. Будилович был ректором Варшавского университета.

Историко-филологический факультет занимал особое место в структуре университета, поскольку играл определяющую роль в процессе формирования у будущей местной интеллигенции пророссийской идеологической позиции. Неудивительно поэтому, что численность профессоров-поляков здесь быстро сократилась. Ликвидация «национальных предметов» (не была создана кафедра истории Польши) и перенесение основного акцента на российскую филологию вели к тому, что польские преподаватели на историко-филологическом факультете становились попросту ненужными⁵⁰. Степень русификации этого факультета, на котором училось наименьшее число студентов, была самой высокой. Среди 70 студентов, обучавшихся в 1888/1889 учебном году на 4-х курсах историко-филологического факультета, лишь 14 были католиками⁵¹.

В течение 11 лет работы в Варшаве А.С. Будилович зарекомендовал себя непоколебимым великорусским патриотом, и деятельность его не осталась незамеченной. В 1892 г. Н.А. Лавровский получил пост попечителя Рижского учебного округа. Одной из его задач было преобразование Юрьевского университета, для которого был характерен пронемецкий уклон. Необходим был человек, полностью преданный великорусской идее. Лучшей кандидатуры, чем А.С. Будилович, новый попечитель не видел: 27 сентября 1892 г. тот был назначен ректором Юрьевского университета⁵².

В начале своей научной деятельности А.С. Будилович считал невозможным и даже нежелательным насильственное обрусение Польши. Позднее, во время работы в Варшавском университете, он продемонстрировал завидное упорство, стараясь русифицировать это учебное заведение и укрепить русский элемент в крае.

Уже после 1905 г. А.С. Будилович выражал надежду, что разрешение польского вопроса произойдет мирным путем, и призывал поляков: «Нужно только дождаться времени, когда и в польском обществе исчез-

⁴⁹ Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego... S. 426.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Список студентов Императорского варшавского университета на 1888–1889 гг. Варшава, 1889. С. 5–16.

⁵² Карский Е.Ф. Памяти А.С. Будиловича... С. 159.

нут захватнические устремления по отношению к исконным святорусским землям, как Холмщина, Белая Русь, Украина»⁵³. Такое примирение, по его утверждению, могло быть достигнуто только на российских условиях, «лишь перевоспитанием польского общества в духе кирилло-мефодиевских заветов»⁵⁴.

Оценивая польские восстания и охватившие тогда польскую интеллигенцию настроения, он считал эти явления ненормальными: «...мы уверены, что пройдет немного времени, когда они и сами признают, что их ныне охватил лишь безумный психоз»⁵⁵.

Таким образом, на формирование взглядов А.С. Будиловича по польскому вопросу оказали влияние как общественно-политическая среда тогдашней Западной России, так и консервативные и славянофильские концепции российской историографии. Определение польского вопроса и его составляющих, предлагаемые варианты его решения у Будиловича не выходили за рамки фундаментальных идей российской исторической полонистики XIX — начала XX в., носивших консервативный и славянофильский характер, чаще всего антизападного толка.

Литература

Болдин В.А. Панславистские идеи А.С. Будиловича // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 101–110.

Гудков А.Д., Шириняню А.А. Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2001. № 1. С. 94–119.

История Польши в историографической традиции XIX — начала XXI в.: Материалы Международной научной конференции. Гродно, 29–30 октября 2009 г. / под общ. ред. Т.Т. Кручковского. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011.

Кручковский Т.Т. Воспоминания Н.И. Кареева о Варшавском университете как феномен исторической памяти о российско-польских отношениях // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: сборник научных статей / гл. ред. Т.А. Пивоварчик. Гродно: ГрГУ, 2020. С. 76–81.

Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века: дис. ... докт. ист. наук. Минск, 2017.

Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. // Наш радавод: Матэрыялы Міжнар. навук. канф. «Царква і культура народаў Вялікага княства Літоўскага і Беларусі XIII — пач. XX стст.» (Гродна, 28 верас. — 1 кастр. 1992) / адк. рэд. і ўклад. Дз. Караў. Гродна: б. в., 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417.

⁵³ Будилович А.С. Холмская Русь и поляки // Окраины России. 1907. № 3. С. 38.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Будилович А.С. Русско-польские отношения... С. 113.

- Кручковский Т.Т.* Проблема взаимосвязи польского и еврейского вопроса в Западной России в интерпретации М.О. Кояловича // Конфессиональные и этнические группы российских регионов в XIX–XXI вв.: сборник научных трудов. Вып. 3 / отв. ред. А.А. Сорокин. М.: Издательство Эдитус, 2021. С. 6–24.
- Кручковский Т.Т.* Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX — начала XX веков: историографический обзор // ИАВБ. Минск, 2016. № 2 (25). С. 29–37.
- Кручковский Т.Т., Нечухрин А.Н.* Польская проблематика в творчестве Н.И. Кареева // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: новыя канцэпцыі і падыходы. Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск, 3–5 лютага 1993 года. Мінск: Універсітэцкае, 1995. Ч. II: Сусветная гісторыя / нав. рэд. У.С. Кошалеў. С. 116–123.
- Курстак Ю.И.* Польский вопрос в общественной мысли России: А.С. Будилович // ЕС и восточнославянский мир (конец XX — начало XXI в.): Материалы Международной научной конференции (Гродно, 19 октября 2006 г.) / под общ. ред. А.Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2008. С. 201–206.
- Курстак Ю.И.* Религиозный компонент в исторической концепции А.С. Будиловича // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў / редкол.: С.В. Марозава і інш. Гродна: ГрДУ, 2008. С. 24–28.
- Кутявин В.В.* Изучение этнических стереотипов в российской гуманитаристике: взгляд историка // *Dusza polska i rosyjska: spojrzenie współczesne* (Польская и русская душа: современный взгляд) / pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź: Ibidem, 2003. S. 31–37.
- Лантева Л.П.* Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Историки России XVIII–XX вв. / сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: б. и., 1998. Вып. 5. С. 44–54.
- Павленко О.В.* Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- Савино Д.* Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в представлениях русских националистов начала XX века // Логос. 2017. № 4 (27). С. 65–86. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-4-67-83>
- Якубский В.А.* Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени: сборник статей / под ред. Г.Е. Лебедевой. СПб.: Изд-во С.-Птб. ун-та, 2000. Вып. 2. С. 3–15.
- Bardach J.* Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N.I. Kariejew // *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku* / red. M. Leczyk. Warszawa: Książka i Wiedza, 1980. S. 104–154.
- Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915* / pod red. St. Kieniewicz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981.
- Kruczkowski T.* Historia Białorusi i stosunki polsko-białoruskie w świetle rosyjskiej historiografii II poł. XIX w. i początku XX w. // *Przegląd Wschodni*. 2000. Z. 3 (23). S. 443–476.
- Maternicki J.* Nikołaј Iwanowicz Karejew a polska edukacja historyczna // *Maternicki J. Historiografia i kultura historyczna: studia i szkice*. Warszawa, 1990. Z. XI. S. 536–579.

References

- Bardach, J., 1980. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N.I. Kariejew. In: M. Leczyk, ed., 1980. *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku*. Warsaw: Książka i Wiedza, pp. 104–154.
- Boldin, V.A., 2018. Panslavistskie idei A.S. Budilovicha [A.S. Budilovich's Pan-Slavic Ideas]. *Russian Political Science*, 1(6), pp. 101–110.
- Gudkov, A.D., Shiriniants, A.A., 2001. Politicheskie portrety: Vladimir Ivanovich Lamanskii [Political Portraits: Vladimir Ivanovich Lamanskii]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 1, pp. 94–119.
- Iakubskii, V.A., 2000. Fundamental'nye idei rossiiskoi polonistiki XIX v. [Fundamental Ideas of Polish studies in Russia in the XIXth century]. In: G.E. Lebedeva, ed., 2000. *Problemy sotsial'noi istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego novogo vremeni* [Problems of Social History and Culture of Middle Ages and of the Early Modern Period]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Ptb. un-ta. Issue 2, pp. 3–15.
- Kieniewicz, St., ed., 1981. *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915*. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Kruczkowski, T.T., 2016. Fundamental'nye idei i spetsificheskie cherty russkoi istoricheskoi polonistiki XIX — nachala XX vekov: istoriograficheskii obzor [Fundamental Ideas and Peculiar Features of Historical Polish Studies in Russia in XIXth — the beginning of XXth century: the Historiographic Review]. *IAVB*, 2 (25), pp. 29–37.
- Kruczkowski, T., 2000. Historia Białorusi i stosunki polsko-białoruskie w świetle rosyjskiej historiografii II poł. XIX w. i początku XX w. *Przegląd Wschodni*, 3 (23), pp. 443–476.
- Kruczkowski, T.T., ed., 2011. *Istoriia Pol'shi v istoriograficheskoi traditsii XIX — nachala XXI vv.: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Grodno, 29–30 oktiabria 2009 g.* [History of Poland in Historiographic Tradition of the XIXth — the beginning of XXth century: Materials of the International Scientific Conference. Grodno, 29–30 of October, 2009]. Grodno: GrGU im. Ia. Kupaly.
- Kruczkowski, T.T., 2017. *Istoriia Pol'shi v kontseptsiiakh rossiiskoi istoriografii XIX — nachala XX veka* [History of Poland in the concepts of Russian historiography, XIX — early XX centuries]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Minsk: Belarusian State University.
- Kruczkowski, T.T., 1994. Pol'skaia problematika v russkoi istoriografii vtoroi poloviny XIX v. [Polish Issues in Russian Historiography of the Second Half of XIXth century]. In: Dz. Karau, ed., 1994. *Nash radavod: Materyialy Mizhnar. navuk. kanf. "Tsarkva i kul'tura narodau Vialikaha kniastva Litouskaha i Belarusi XIII — pach. XX stst."* (Hrodna, 28 veras. — 1 kastr. 1992) [Our Genealogy: Materials of International Scientific Conference "Church and Culture of the Peoples of the Grand Duchy of Lithuania" (Grodno, September 28 — October 1 1992)]. Grodno: s. n. Book 6, part II, pp. 218–417.
- Kruczkowski, T.T., Nechukhrin, A.N., 1995. Pol'skaia problematika v tvorchestve N.I. Kareeva [Polish Issues in N.I. Kareev's Works]. In: U. S. Koshaleu, ed., 1995. *Histarychnaia navuka i histarychnaia adukatsyia u Respublitsy Belarus': novyia kantsepsyi i padykhody. Usebelarускаia kanferentsyia historykau. Minsk, 3–5*

- liutaha 1993 hoda* [Historical Science and Historical Education in the Republic of Belarus: New Concepts and Approaches. All-Belarusian Conference of Historians. Minsk, February 3–5, 1993]. Minsk: Universitetskoe. Part II: *Susvetnaia historyia* [World History], pp. 116–123.
- Kruczkowski, T.T., 2021. Problema vzaimosviasi pol'skogo i evreiskogo voprosa v Zapadnoi Rossii v interpretatsii M.O. Koialovicha [The Problem of Interrelation of Polish and Jewish Questions in Western Russia in the Interpretation of M.O. Koialovich]. In: A.A. Sorokin, ed., 2021. *Konfessional'nye i etnicheskie grupy rossiiskikh regionov v XIX–XXI vv.: sbornik nauchnykh trudov* [Confessional and Ethnic Groups of Russian Regions in XIX–XXI Centuries: Collection of Articles]. Moscow: Izdatel'stvo Editus, pp. 6–24.
- Kruczkowski, T.T., 2020. Vospominaniia N.I. Kareeva o Varshavskom universitete kak fenomen istoricheskoi pamiati o rossiisko-pol'skikh otnosheniiakh [N.I. Kareev's Memoirs about the Warsaw University as a Phenomenon of the Historical Memory about Russian-Polish Relations]. In: T.A. Pivovarchik, ed., 2020. *Sotsial'nye, kul'turnye i kommunikativnye praktiki v dinamike obshchestvennogo razvitiia: sbornik nauchnykh statei* [Social, Cultural and Communicative Practices in the Dynamics of the Community Development: A Collection of Scientific Articles]. Grodno: GrGU, pp. 76–81.
- Kurstak, Iu. I., 2008. Pol'skii vopros v obshchestvennoi mysli Rossii: A.S. Budilovich [Polish Question in the Public Opinion of Russia: A.S. Budilovich]. In: A.N. Nechukhrin, ed., 2008. *ES i vostochnoslavianskii mir (konets XX — nachalo XXI vv.): Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Grodno, 19 oktiabria 2006 g.)* [EU and the Eastern Slavic World (The End of XXth — Beginning of XXIth Centuries): Materials of the International Scientific Conference (Grodno, 19 October 2006)]. Grodno: GrGU, pp. 201–206.
- Kurstak, Iu. I., 2008. Religiozniy komponent v istoricheskoi kontseptsii A.S. Budilovicha [Religious Component in the Works of A. S. Budilovich]. In: S. V. Marozava, et al., eds, 2008. *Khrystsiianstva u historychnym liose belaruskaha naroda: zbornik navukovykh artykulau* [Christianity in the Historical Fate of the Belarusian People: A Collection of Scientific Articles]. Grodno: HrDU, pp. 24–28.
- Kutiavin, V.V., 2003. Izuchenie etnicheskikh stereotipov v rossiiskoi gumanitaristike: vzgliad istorika [The Study of Ethnic Stereotypes in Russian Humanities: a Historian's View]. In: A. de Lazari, R. Bäcker, eds, 2003. *Dusza polska i rosyjska: spojrzanie wspolczesne (Pol'skaia i rusaskaia dusha: sovremennyi vzgliad)* [Polish and Russian Soul: Contemporary Opinion]. Łódź: Ibidem, pp. 31–37.
- Lapteva, L.P., 1998. Nikolai Ivanovich Kareev (1850–1931) [Nikolai Ivanovich Kareev (1850–1931)]. In: A.A. Chernobaev, ed., 1998. *Istoriki Rossii XVIII–XX vv.* [Historians of Russia of XVIIIth — XXth Centuries]. Moscow: s. n. Issue 5, pp. 44–54.
- Maternicki, J., 1990. Nikolaj Iwanowicz Karejew a polska edukacja historyczna. In: J. Maternicki, 1990. *Historiografia i kultura historyczna: studia i szkice*. Warsaw, XI, pp. 536–579.
- Pavlenko, O.V., 1998. Panslavizm [Panslavism]. *Slavianovedenie* [Slavic Studies], 6, pp. 43–60.
- Savino, D., 2017. Inorodcheskie zagovory: poliaki, evrei, nemtsy i ukraintsy v predstavleniiakh russkikh natsionalistov nachala XX veka [Non-Russian's Plots: Poles, Jews, Germans, and Ukrainians in the Minds of Russian Nationalists in the Early XXth Century]. *Logos*, 4 (27), pp. 65–86. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-4-67-83>

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ В 1914 Г. И ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ БОЛГАРСКИХ ПОПЫТОК ВЕРНУТЬ РУССКИЕ СИМПАТИИ*

Никита Сергеевич Гусев

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Аннотация

В статье рассматривается попытка болгарского посланника в Петербурге Р. Дмитриева улучшить отношение русского общества к Болгарии. Поводом для этого являлось открытие в российской столице памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему, командовавшему русской армией в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. На монументе были изображены знаменосцы, у которых были реальные прототипы. Р. Дмитриев предложил отправить болгарского знаменосца, а вместе с ним и делегацию представителей страны. Но в то же время аналогично поступили и сербы, румыны и черногорцы. Николай II удостоил аудиенции все балканские делегации, их участников наградили российскими орденами. Р. Дмитриев в своем докладе в Софию представил все в выигрышном тоне и доложил, что заложены основы для противостояния сербской и греческой пропаганде в России. Однако порядок всех церемоний отводил Болгарии место после Румынии и Сербии, что недвусмысленно указывало на приоритеты России и ставило крест на попытках поднять вопрос о ревизии Бухарестского договора 1913 г. Вдобавок в публичном пространстве торжества в связи с открытием памятника были замещены празднованием рождения князя императорской крови Всеволода Иоанновича, на крещение которого прибыл его дядя сербский престолонаследник Александр, а также премьер Н. Пашич. Последовавшая вскоре Первая мировая война окончательно погубила возможности изменений имиджа Болгарии в лучшую сторону, а революция 1917 г. привела и к сносу самого памятника Николаю Николаевичу.

Ключевые слова

Болгария, Россия, Первая мировая война, Николай Николаевич Старший, Р. Дмитриев, информационные войны

Статья поступила в редакцию 18 августа 2022 г.

Цитирование: *Гусев Н.С.* Открытие памятника великому князю Николаю Николаевичу в 1914 г. и одна из последних болгарских попыток вернуть русские симпатии // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2022. Т. 17. № 3–4. С. 25–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.02>

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-59-18004.

THE UNVEILING OF THE MONUMENT TO GRAND DUKE NIKOLAI NIKOLAEVICH IN 1914 AND ONE OF THE LAST BULGARIAN ATTEMPTS TO REGAIN RUSSIAN SYMPATHIES

Nikita S. Gusev

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: gusevns@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9573-7018

Abstract

This article considers the attempt of the Bulgarian envoy in St. Petersburg, R. Dimitriev, to improve the attitude of Russian society to Bulgaria. The occasion was the unveiling of a monument dedicated to Grand Duke Nikolai Nikolaevich the Elder, who commanded the Russian army in the Russo-Turkish War of 1877–1878. The monument depicted flag bearers modelled on real individuals. R. Dimitriev proposed to send a Bulgarian flag bearer, and with him a delegation of representatives of the country. However, the Serbs, Romanians, and Montenegrins did the same. Nicholas II granted an audience to all the Balkan delegations and all the participants of the delegations were awarded Russian orders. In his report to Sofia, R. Dimitriev presented everything in a winning tone and reported that the foundations had been laid to combat Serbian and Greek propaganda in Russia. However, the order of the ceremonies assigned Bulgaria a place after Romania and Serbia, which clearly indicated Russian priorities and put an end to attempts to raise the issue of revising the Bucharest Treaty of 1913. In addition, in the public space, the celebrations in connection with the unveiling of the monument were replaced by the celebration of the birth of Prince of the Imperial Blood Vsevolod Ioannovich, whose baptism was attended by his uncle, Serbian heir to the throne Alexander, as well as Prime Minister N. Pašić. World War I, which soon followed, finally ended the possibility of changing the Russian image of Bulgaria for the better, and the revolution of 1917 led to the demolition of the monument to Nikolai Nikolaevich.

Keywords

Bulgaria, Russia, the First World War, Nikolai Nikolaevich the Elder, R. Dimitriev, information wars

Received 18 August 2022

How to cite: Gusev, N.S. 2022. Otkrytie pamiatnika velikomu kniazuiu Nikolaiu Nikolaevichu v 1914 g. i odna iz poslednikh bolgarskikh popytok vernut' russkie simpatii [The opening of the monument to Grand Duke Nikolai Nikolaevich in 1914 and one of the last Bulgarian attempts to return Russian sympathies]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 25–36. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.02>

Первая балканская война, в которой союзные болгары, сербы, греки и черногорцы разгромили Османскую империю, вызвала в русском обществе широкий отклик, породила надежды на единение славян и рождение новой великой державы — южнославянского союза. Тем больше оказалась горечь от Второй балканской войны, в которой Болгария сразилась со вчерашними союзниками из-за дележа Македонии, вдобавок подверглась нападению Румынии и Турции и была вынуждена признать свое поражение. Тот факт, что именно болгары напали первыми, нанес серьезный удар по восприятию их обществом Российской империи. В то же время сохранились и отдельные рупоры общественного мнения, призывавшие скорректировать в положительную сторону отношение к стране¹. Однако это неминуемо затрагивало вопрос о ревизии Бухарестского мира, ставшей на годы вперед приоритетом внешней политики официальной Софии и одним из главных чаяний болгарского народа. Надежд на ревизию было мало, но вчерашние союзники Болгарии не могли допустить даже возможности обсуждения данного вопроса, а потому прилагали усилия к дальнейшему ухудшению образа противника.

Осенью 1913 г. пост болгарского посланника в Петербурге занял генерал Р. Димитриев, тесно связанный с Россией, симпатии которого к России были широко известны. Он был переводчиком в русской армии в ходе войны 1877–1878 гг., окончил Николаевскую академию Генштаба, принял участие в заговоре офицеров-русифилов и свержении князя Александра Баттенберга, после чего был вынужден бежать в Россию, где его приняли на военную службу. Лишь после нормализации отношений Софии и Петербурга он смог вернуться на родину, где продолжил службу. В 1912 г. он прославил себя победами над турками, а в 1913 г. болгарское правительство безуспешно пыталось использовать его авторитет и связи для давления на российское правительство в вопросе урегулирования отношений с соседями. После смены внешнеполитической ориентации царь Фердинанд решил удалить популярного военачальника из Болгарии, отправив его в Петербург².

В донесениях Р. Димитриев сообщал, что несмотря на окончание Балканских войн сербская пропаганда лишь усиливалась. Его неоднократные обращения в МИД не приносили результата — средства на поддержку сторонников Болгарии не выделялись, в то время как, по его словам, сербы

¹ Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020. С. 452–456; Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 111–112.

² Гусев Н.С. Судьба Радко Димитриева и память о нём в контексте российско-болгарских отношений конца XIX — начала XX в. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 9–11.

щедро раздавали ордена, подарки, субсидии и устраивали банкеты³. Посланник, чьи русофильские настроения были широко известны, проявил инициативу, попытавшись самостоятельно привлечь к этому противостоянию проживающих в Петербурге болгар. Он просил их выступать на публичных собраниях, в печати и обещал открыть доступ к библиотеке и архиву дипломатической миссии⁴. Но успехи были незначительны. В то же время болгары оказывались объектами провокаций. Так, в декабре 1913 г. один из редакторов газеты «Новое время» получил конверт, в котором лежал чек на 2 тысячи левов, оплаченный Болгарским народным банком и подписанный неким Спиро Дыловым. Возмущенный попыткой подкупа журналист явился к Р. Димитриеву, тот обещал разобраться. В итоге выяснилось, что Болгарский народный банк платежное поручение с таким номером выдал на имя другого лица, а среди сотрудников банка Спиро Дылов не числился. Болгарский посланник в донесении предположил, что это греческая интрига, организатором которой является греческий агент Х. Вамвакас⁵. Фактически Р. Димитриев был вынужден отбиваться от нападок бывших союзников. Такая оборонительная позиция его не устраивала, и он искал повод перейти в информационное контрнаступление. И такой повод нашелся.

В январе 1914 г. планировалось открытие в Петербурге памятника великому князю Николаю Николаевичу Старшему, главнокомандующему в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. А война, освободившая Болгарию, всегда была выигрышной картой в руках Софии при необходимости напомнить о славном совместном прошлом и нерушимых связях России и Болгарии. Весь монумент, созданный итальянским скульптором П. Каноника, напоминал о войне и боевом братстве русских, болгар, сербов, румын и черногорцев.

На глыбе из финляндского гранита возвышалась бронзовая композиция. Венчала ее конная статуя великого князя в походной форме и с фельдмаршальским жезлом. Под ним размещались четыре горельефа. На переднем на фоне панорамы Сан-Стефано изображалась возглавляемая Николаем Николаевичем группа всадников, среди которых были престолонаследник, будущий император Александр III, румынский король Кароль, генералы И.В. Гурко, Ф.Ф. Радецкий, М.Д. Скобелев, А.А. Непокойчицкий и другие. На правом горельефе воспроизводились события 9 августа 1877 г. под горой Св. Николая, а на левом — сражение 30 августа 1877 г. за Гривицкий рудут под Плевной. На заднем же горельефе были помещены фигуры пяти

³ Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 106. Л. 20б.

⁴ *Цачевски В.* Радко Димитриев: генералът, който прослави България. Пловдив: Бисер, 2020. С. 188–189.

⁵ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 3. А. е. 1208. Л. 1–5. (Выяснить детали биографии Х. Вамвакаса не удалось — прим. Н. Г.).

знаменосцев, символизирующие единство армии Николая Николаевича — за русским следовали болгарский, сербский, румынский и черногорский. При этом каждый ваялся на основании реального знаменосца — участника войны 1877–1878 гг.⁶

Р. Димитриев решил воспользоваться случаем для напоминания о позитивных моментах совместного российско-болгарского прошлого. 22 декабря 1913 г. он направил в Софию донесение с предложением прислать Ангела Герчева, послужившего прообразом для фигуры на памятнике Николаю Николаевичу. В Софии решили сделать делегацию более солидной и предложили включить в нее бойцов болгарского ополчения и несколько чинов действующей армии. В итоге в Петербург направились генерал-майор Георги Тодоров, его адъютант майор Сотир Маринков и участники ополчения⁷ Григор Найденов, Теодор Киров, Георги Табаков, Лазар Пецев, Никола Семов и Ангел Герчев. 2 января они выехали в Россию⁸. Для закрепления успеха 31 декабря посланник запросил 1500 левов для организации «официального обеда для некоторых нужных лиц из высшего общества», но запрос пришлось повторить 9 января 1914 г., и лишь после этого средства были направлены⁹.

Однако вчерашние союзники поняли опасность узурпации болгарскими властями внимания и не желали потворствовать триумфу болгарофилии и умиленных воспоминаний о русско-болгарском боевом братстве и общем прошлом, сколь бы ни был их эффект ограниченным. А потому направили аналогичные депутации. 6 января в Петербург выехала румынская¹⁰ (генерал Константин Хыржеу, полковник Еремия Григореску, капитан Александру Филитти), 7 — сербская (генерал Милутин Маринович, полковник Живко Павлович, ротмистр Мирко Маринкович) и черногорская¹¹ (помощник военного министра генерал-майор Йово Бичер, майор Мартинович, знаменосец Савва Мартинович)¹². 9 января прибыли в Петербург румыны, 10-го — сербы, 11-го — черногорцы¹³.

Болгарская делегация прибыла несколько ранее. По словам Р. Димитриева, ее разместили «в хорошей гостинице», к ним были приставлены капитан А.К. Андерс и сотник лейб-гвардии казачьего полка А.А. Мосолов.

⁶ Речь. 1914. 10 I.

⁷ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 1-9.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 4 I.

⁹ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 12-14.

¹⁰ Речь. 1914. 7 I.

¹¹ Там же. 8 I.

¹² Отметим, что русские газеты, как обычно, допускали опечатки и неточности при воспроизведении южнославянских и румынских имен и фамилий, поэтому списки трех делегаций имеют в значительной мере характер реконструкции. Списки приведены на основе изданий: Русский инвалид. 1914. 14 I; Речь. 1914. 19 I.

¹³ Речь. 1914. 10 I; Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 12 I.

Последнего, согласно донесению посланника, назначил лично император¹⁴. Невысокое звание Мосолова не должно вызывать удивления, поскольку сотник А.А. Мосолов являлся сыном генерала А.А. Мосолова — человека не только близкого к Николаю II, но и тесно связанного с Болгарией: он участвовал в Русско-турецкой войне, служил начальником конвоя первого болгарского князя Александра Баттенберга. Не менее интересна и фигура А.К. Андерса — будущего советского комдива, но на тот момент лишь помощника делопроизводителя Главного управления Генштаба¹⁵.

По сообщениям газет, 9 января болгарская делегация во главе с посланником нанесла визиты военному министру В.А. Сухомлинову, его помощнику А.П. Вернандеру, начальнику Генерального штаба Я.Г. Жилинскому, главе МИД С.Д. Сазонову, столичному градоначальнику Д.В. Драчевскому. В тот же день в ресторане «Вена» состоялся сотый славянский обед¹⁶. К сожалению, выяснить его детали не удастся, но исходя из того, что в тот день в российской столице уже пребывали болгары, на этом мероприятии и им могла достаться своя минута славы.

Согласно же донесению Р. Димитриева, посещение С.Д. Сазонова состоялось 10 января¹⁷. На нем глава российской дипломатии проявлял хорошее отношение к Болгарии, дружелюбно расспрашивал о положении в стране, однако в заключение сообщил, что имеет информацию, согласно которой «по некоторым признакам Болгария заключила или заключит союз с Турцией»¹⁸. Посланник в донесении не указал, как он ответил на слова С.Д. Сазонова. На следующий день в Петропавловском соборе болгарские делегаты участвовали в панихиде по Александру II, Александру III, великим князьям Николаю Николаевичу, Михаилу Николаевичу, Владимиру Александровичу и возложили на их могилы венки¹⁹.

11 января в Царском Селе все балканские делегации посетили Николая II²⁰. Каждая удостоилась аудиенции, при которой присутствовали командир императорского конвоя Г.И. Трубецкой, помощник начальника военно-походной канцелярии императора К.А. Нарышкин, штаб-офицер для поручений при императорской Главной квартире А.А. Дрентельн, флигель-адъютант А.И. Воронцов-Дашков²¹. По донесению Р. Димитриева,

¹⁴ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 20об.

¹⁵ Автор выражает благодарность В.Б. Каширину за помощь в идентификации румынских офицеров, А.К. Андерса и А.А. Мосолова.

¹⁶ Речь. 1914. 10 I; Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 11 I.

¹⁷ На донесении стоит дата 12 января и указано, что визит к главе МИД состоялся «вчера». Однако в этом же документе говорится о визите к императору «сегодня», но посещение Николая II имело место 11 января, следовательно, в указанном сообщении посланника даты смещены на один день.

¹⁸ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 15.

¹⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 12 I; Русский инвалид. 1914. 12 I.

²⁰ Речь. 1914. 12 I.

²¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 14 I.

Николай II вопросов не задавал, но присутствовавший глава правительства В.Н. Коковцов интересовался экономикой, выразил радость, что Болгария быстро восстанавливается. Как резюмировал посланник, у российских высших должностных лиц остались приятные впечатления от делегации²².

12 января должно было состояться открытие памятника, подготовка к нему шла заранее. Уже с 1 января участники войны 1877–1878 гг. могли получить в Петербурге пригласительные билеты²³, 8–9 января в столицу прибыли делегации полков, где числился Николай Николаевич²⁴. В прессе вспоминали деяния великого князя. Историк и публицист В.Г. Гейман в газете «Новое время» рассказав о том, как принималось решение об отказе от штурма Константинополя в 1878 г., выразил надежду, что «может быть, еще исполнится заветная мечта великого князя и недовершенное совершится»²⁵.

День 12 января выдался пасмурным, температура стояла около нуля градусов²⁶. С 9:30 часов на Манежную площадь стали прибывать войска, выстраивавшиеся треугольником. В рядах войск заняли места военный министр и великие князья. Сквер вокруг памятника был обнесен решеткой с зелеными гирляндами и георгиевскими флагами. Перед Михайловским манежем соорудили палатку, в которой находились невестки Николая Николаевича Старшего, великие княгини Анастасия (Стана) и Милица Николаевны, с дочерьми Еленой и Мариной и сыном Милицы Николаевны Романом. Вокруг палатки разместились официальные лица, члены балканских делегаций, а на построенных вдоль фасада манежа трибунах — многочисленные приглашенные лица.

К 11 часам утра прибыл Николай II. «Забил барабаны, засвистели флейты, зазвучали горны, склонились перед царем знамена и штандарты его войска, музыка играла встречу», — писало «Новое время»²⁷. Началось торжественное богослужение, которое вел протопресвитер военного и морского духовенства Г.И. Шавельский. После матросы сдернули холст с памятника, с Петропавловской крепости прозвучал 51 выстрел салюта, а с близлежащих церквей — колокольный звон. Г.И. Шавельский освятил памятник, затем император обошел монумент вместе с его автором и принял парад, которым командовал великий князь Николай Николаевич Младший. В начале первого часа Николай II отбыл. Следом началось возложение венков. Балканские делегации совершили это в следующем порядке: румыны, сербы, болгары и черногорцы. Надписи на их венках были соответственно: “Carol I Regele României 1877–1914”, «Благодарная Сербия — великому

²² ЦДА. Ф.176К. Оп.2. А. е.1445. Л. 15.

²³ Речь. 1914. 1 I.

²⁴ Речь. 1914. 10 I.

²⁵ Новое время. 1914. 11 I.

²⁶ Толстой И.И. Дневник, 1906–1916. СПб.: Фонд регионального развития Санкт-Петербурга, 1997. С. 480.

²⁷ Новое время. 1914. 13 I.

князю Николаю Николаевичу», «От признательной Болгарии — великому князю Николаю Николаевичу, незабвенному главнокомандующему в Освободительной войне», «Николай I, король Черногории — победоносному вождю русской армии генерал-фельдмаршалу великому князю Николаю Николаевичу». Венки возложили делегации от полков, общественные организации, всего их было около 20²⁸.

«По окончании церемонии возложения венков и по отбытии высочайших особ публика была допущена обозреть новый величественный монумент, несомненно, являющийся одним из лучших в северной столице», — писала газета «Русский инвалид»²⁹.

Однако далеко не все были согласны с искусствоведческими оценками печатного органа военного министерства. Еще до открытия памятника искусствовед А.А. Ростиславов предупреждал в «Речи» — России «грозит изобилие памятников», созданных авторами не самого высокого уровня. «Задача, посильная только самым выдающимся художникам страны, оправдываемая только их участием, разрешается ведомствами и обществами, не имеющими никакого касательства к искусству, поручается заведомым посредственностям или обласканным фортуной любителям», — заявлял он³⁰. И оказался прав. «Теперь, под открытым небом, он (памятник. — *Прим. Н. Г.*) мне еще меньше понравился, чем когда я обозревал его в деревянной мастерской», — записал в тот день в дневнике петербургский городской голова И.И. Толстой³¹. Не был в восторге и шеф жандармов В.Ф. Джунковский: «В художественном отношении памятник этот оставлял желать много лучшего и не производил должного впечатления»³².

Однако художественная сторона вопроса мало интересовала Р. Дмитриева, и он ее не отразил в своем донесении в Софию. Но сообщил, что 12 января вечером великий князь Николай Николаевич Младший дал торжественный обед. «Мы по степени были поставлены после румын и сербов», — докладывал посланник. Тосты поднимались за правителей и армии всех четырех стран, которые представляли делегаты³³.

Вскоре члены делегации были награждены российскими орденами. В основном орденом св. Станислава — младшим орденом империи, и орденом Св. Анны, стоявшим на ступень выше. Р. Дмитриев получил мечи к Св. Анне I ст., военный агент в Петербурге Б. Сирманов — золотой портсигар с эмалью, Г. Тодоров — Св. Станислава I ст., С. Маринков, Т. Киров, Г. Табаков — Св. Станислава II ст., Г. Найденов — Св. Анну II ст., Л. Пецев

²⁸ Новое время. 1914. 13 I. Русский инвалид. 1914. 14 I. Речь. 1914. 13 I.

²⁹ Русский инвалид. 1914. 14 I.

³⁰ Речь. 1914. 3 I.

³¹ Толстой И.И. Дневник. С. 480.

³² Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2-х томах. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1997. Т. 2. С. 269.

³³ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 17.

и Н. Семов — Св. Анну III ст., А. Герчев — знаки ордена Св. Анны. 17 января болгарская делегация уехала³⁴. Аналогичные награды получили и члены румынской, сербской и черногорской делегаций.

В своем отчете Р. Димитриев представил все в максимально позитивном виде и доложил об успехе миссии. Великому князю Петру Николаевичу на торжественном обеде посланник говорил, что инициатива прислать делегацию исходила от болгар, а остальные балканские страны лишь воспользовались болгарской идеей. Награждение мечами к ордену Св. Анны посланник тоже описал духе победной реляции: «Это произвело тут известное впечатление и комментируется как особое внимание к болгарам, поскольку такие знаки даются только за военные заслуги русским подданным-генералам». По его словам, он неоднократно слышал от представителей российского общества выражение горечи от постигшей Болгарию беды, советы примириться с Россией и прежде всего с императором, чувствующим себя оскорбленным из-за того, что его призывы в 1913 г. не были услышаны. «Это хорошее начало, которое, если развивать, в будущем в значительной мере парализует греческие и сербские интриги против нас», — констатировал Р. Димитриев³⁵.

Впрочем, в действительности Р. Димитриев делал хорошую мину при плохой игре. Во-первых, ситуация с орденами была несколько сложнее. Действительно, в сербской делегации высшую награду получил ее глава М. Маринович, и это был орден Св. Станислава I ст. Аналогичного был удостоен и приехавший во главе болгар Г. Тодоров. В то же время руководителя румынской делегации К. Хержеу наградили орденом Св. Анны I ст. При номинальном равенстве стоит учитывать то, что Р. Димитриев являлся уже широко известным военачальником, бывшим российским офицером и имел статус посланника.

Во-вторых, Р. Димитриев хоть и сообщил, что болгары во всех церемониях шли третьими, но будто не придавал этому значения. Если не учитывать черногорскую делегацию, представлявшую страну, которую вряд ли официальный Петербург считал потенциально значимой силой в возможном общеевропейском конфликте, то болгарская делегация становится последней в ряду балканских союзников. Порядок всех мероприятий недвусмысленно указывает на приоритеты России на Балканах — Румынию и Сербию, а именно к ним у болгар были непримиримые территориальные претензии. Очевидно, что в такой ситуации речи о ревизии Бухарестского мира идти не могло.

В то же время сам факт напоминания о русско-болгарском боевом братстве, акцентирование внимания на благодарности Болгарии к России, конечно, можно рассматривать как начало реабилитации страны. Впрочем,

³⁴ Речь. 1914. 19. I.

³⁵ ЦДА. Ф. 176К. Оп. 2. А. е. 1445. Л. 19–21.

как известно, в разговоре запоминается последняя фраза. А здесь болгарам не удалось достичь успеха. Связанные с Болгарией торжества были вытеснены в общественно-политическом пространстве рождением князя императорской крови Всеволода Иоанновича — сына князя императорской крови Иоанна Константиновича и Елены Петровны, дочери сербского короля.

На торжества приехал родной дядя новорожденного — сербский престолонаследник Александр, его сопровождал премьер Н. Пашич, которого в Петербурге хорошо знали и которому заметно симпатизировали. Уже на следующий день после открытия памятника Николаю Николаевичу газеты писали об их прибытии³⁶. Сербский престолонаследник сразу же осмотрел памятник, а премьер посетил С. Д. Сазонова и В. Н. Коковцова³⁷. 14 января был день небесного покровителя Сербии Св. Саввы, и литургию в присутствии сербских официальных лиц служил ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии Анастасий (Александров); 15 января состоялось освящение Федоровского собора, заложенного в честь 300-летия Дома Романовых. Естественно, на такое важное событие позвали и сербского престолонаследника. О его визитах, о визитах к нему в Зимний дворец, где он как монаршая особа был удостоен чести разместиться, о его завтраках с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, теткой Милицей Николаевной и ее супругом Петром Николаевичем, участии в различных торжествах пресса регулярно сообщала³⁸. Очевидно, все воспоминания о торжествах с участием болгар в памяти современников были замещены сообщениями о представителях Сербии. Наконец, болгарские награды явно уступали бриллиантам к ордену Св. Александра Невского, которых в те дни был удостоен Н. Пашич³⁹. На уровне протокола это было закономерно в силу различного официального статуса награжденных, но для менее искушенного постороннего зрителя не могло не вызывать размышлений. 20 января Николай II дал аудиенцию сербскому премьеру, 21-го — только что прибывшему в Петербург греческому главе правительства⁴⁰.

Такой интенсивный информационный поток и высокий уровень приема болгары организовать не могли. И дело не только в отсутствии повода, аналогичного тому, которым воспользовались сербы. Премьер В. Радославов

³⁶ Речь. 1914. 13 I.

³⁷ Речь. 1914. 14 I. Правда, на этой встрече С.Д. Сазонов обсуждал с Н. Пашичем вопрос о необходимости уступок со стороны Сербии для примирения с Болгарией. Сербский премьер в ответ указывал на большую значимость Сербии, нежели Болгарии в будущем вооруженном противостоянии с Австро-Венгрией, а потому и нецелесообразность усиления Болгарии во вред Сербии. Тем не менее во время пребывания в Петербурге Н. Пашич давал Р. Димитриеву туманные обещания о возможности пересмотра границ в Македонии (*Илчев И.* Болгария и Антантата през Първата световна война. София: Наука и изкуство, 1990. С. 43).

³⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 14, 16, 21 I; Речь. 1914. 16, 19 I.

³⁹ Речь. 1914. 19 I.

⁴⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1914. 22 I.

всегда в России воспринимался негативно, и если Н. Пашич слыл русофилом, то В. Радославов — русофобом. А потому отправление его в Петербург могло принести в лучшем случае демонстрацию нейтрального отношения. Посланник Р. Димитриев в личном письме царю советовал при первом удобном случае самому посетить Петербург или отправить в российскую столицу престолонаследника, чтобы «изгладить чувство огорчения императора», и не сомневался в радушном приеме⁴¹. Однако с этим заключением нельзя согласиться. Царь Фердинанд, ранее неоднократно посещавший российскую столицу, после лета 1913 г. воспринимался как предатель всего славянства, а потому и его визит не мог принести никакой пользы. С другой стороны, престолонаследник Борис являлся крестником Николая II, и в публичном пространстве не был связан с принятием решений. Ему уже исполнилось 19 лет, он принимал участие в торжественных церемониях, организованных монархами Англии, Португалии и России. Однако все же нужен был повод, который выдумать в той ситуации оказалось сложно.

Правда, возможно, что и в Софии не считали необходимым вести борьбу на поле русского общественного мнения. Сопровождавшееся скандалом в парламенте утверждение займа банка «Дисконто Гезельшафт» в 1914 г. продемонстрировало всей Европе, что для действующего болгарского правительства вопрос внешнеполитической ориентации фактически решен⁴². Хотя болгарское правительство до вступления в Первую мировую войну и продолжало торг с Антантой и Центральными державами о получении Македонии в качестве награды за выступление на той или иной стороне, заранее было очевидно, что Россия в отличие от своих оппонентов не сможет полностью пренебречь мнением Сербии⁴³. Недаром Р. Димитриеву приходилось повторять свои просьбы, связанные с обеспечением проболгарской агитации в Петербурге. Посланник оставался один в этой борьбе, ведя ее из идейных соображений и не чувствуя поддержки со стороны своего государства. Естественно, такая борьба в ситуации после Балканских войн была обречена на провал и сиюминутные успехи, подобные торжествам в связи с открытием памятника, преломить ситуацию не могли. В итоге Р. Димитриев 25 июля 1914 г. подал рапорт об увольнении с болгарской службы и поступил в русскую армию. Он отправился на фронт, надеясь хотя бы таким способом повлиять на отношение русского общества к своим соплеменникам и к своей родине⁴⁴.

⁴¹ Цачевски В. Радко Димитриев. С. 190.

⁴² Бирман М.А. Реакция в Болгарии // За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002. С. 79–80.

⁴³ Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София: Проф. Марин Дринов, 2007. С. 15–22.

⁴⁴ Гусев Н.С. Судьба Радко Димитриева и память о нем в контексте российско-болгарских отношений конца XIX — начала XX вв. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 11–12.

Литература

- Бирман М.А. Реакция в Болгарии // За балканскими фронтами Первой мировой войны / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик, 2002. С. 78–83.
- Гусев Н.С. Судьба Радко Димитриева и память о нем в контексте российско-болгарских отношений конца XIX — начала XX вв. // Вестник МГИМО-Университета. 2019 № 12 (6). С. 7–27.
- Гусев Н.С. Болгария, Сербия и русское общество во время Балканских войн 1912–1913 гг. М.: Индрик, 2020.
- Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София: Наука и изкуство, 1990.
- Котов Б.С. Межсоюзническая война лета 1913 года в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112.
- Цачевски В. Радко Димитриев: генералът, който прослави България. Пловдив: Бисер, 2020.
- Шкундин Г.Д. Разделяй и властвуй! Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 — март 1916 г.). София: Проф. Марин Дринов, 2007.

References

- Birman, M.A., 2002. Reaktsiia v Bolgarii [Reaction in Bulgaria]. In: V.N. Vinogradov, ed., 2002. *Za balkanskimi frontami Pervoi mirovoi voiny* [Behind the Balkan fronts of the First World War]. Moscow: Indrik, pp. 78–83. (in Rus.)
- Gusev, N.S., 2020. *Bolgariia, Serbiia i russkoe obshchestvo vo vremia Balkanskikh voyn 1912–1913 gg.* [Bulgaria, Serbia and Russian Society During the Balkan Wars (1912–1913)]. Moscow: Indrik. (in Rus.)
- Gusev, N.S., 2019. Sud'ba Radko Dimitrieva i pamiat' o nem v kontekste rossiisko-bolgarskikh otnoshenii kontsa XIX — nachala XX vv. [The Fate of General Radko Dimitriev and His Memory in Context of Russian-Bulgarian Relations of the Late 19th — Early 20th centuries]. *MGIMO Review of International Relations*, 12 (6), pp. 7–27. (in Rus.)
- Ilchev, I., 1990. *Bŭlgariia i Antantata prez Pŭrvata svetovna voina* [Bulgaria and the Entente During the First World War]. Sofia: Nauka i izkustvo. (in Bulg.)
- Kotov, B.S., 2015. Mezhsouiznicheskaia voina leta 1913 goda v vospriatii russkogo obshchestva (po materialam pressy) [Inter-Union War in the Summer of 1913 in the Perception of Russian Society (Based on the Press)]. *Modern and Contemporary History*, 3, pp. 101–112. (in Rus.)
- Shkundin, G.D., 2007. *Razdeliai i vlastvui! Vopros o separatnom mire s Bolgariie v politike derzhav Antanty (oktiabr' 1915 — mart 1916 g.)* [Divide and Conquer! The Question of a Separate Peace with Bulgaria in the Policy of the Entente Powers (October 1915 — March 1916)]. Sofia: Prof. Marin Drinov. (in Rus.)
- Tsachevski, V., 2020. *Radko Dimitriev: generalŭt, koito proslavi Bŭlgariia* [Radko Dimitriev: the General who Glorified Bulgaria]. Plovdiv: Biser. (in Bulg.)

ЛАГЕРЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЙИНДРЖИХОВИЦАХ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ

Владимир Бруженяк

Доктор философии,
преподаватель истории,
гимназия г. Соколов
Почтовый адрес: ул. Гуситска, 2053,
Соколов, 35601, Чехия
Электронный адрес: vladimir.bruzenak@gymso.cz

Аннотация

Лагерь военнопленных в Йиндржиховицах (нем. Хайнрихсгрюн), располагавшийся в области Рудных гор на территории современной Чешской Республики, принадлежал к числу крупнейших подобных лагерей времен Первой мировой войны в пределах Австро-Венгрии. За период с 1915-го по 1918 г. через него прошли десятки тысяч военнопленных из Сербии, Черногории, Российской империи и Италии. В случае с Сербией речь шла, помимо военнопленных, и о множестве интернированных гражданских персон. Для лагеря было возведено свыше 170 строений, окруженных забором с колючей проволокой и сторожевыми башнями, способных вместить почти 40 тыс. пленных. В целом комплекс был практически автономен, располагая всей необходимой инфраструктурой, включая пекарню, больницу, прачечную, душевые и часовню. Военнопленных использовали на разнообразных работах, прежде всего связанных с земледелием. Также их труд применяли при ремонте дорог, добыче базальта в близлежащей каменоломне, на производствах — в первую очередь на металлургическом заводе в Ротаве и при строительстве химического завода в г. Соколов (в то время Фалькнов, нем. Фалькенау). Особенно начиная с 1917 г. в лагере стала ухудшаться ситуация с обеспечением продуктами и лекарствами, из-за чего в нем стали распространяться болезни и резко возросла смертность. Всего здесь умерло 3855 человек, включая 2465 сербов и черногорцев, 1301 итальянца, 56 русских и около двух десятков представителей австрийской лагерной охраны, среди которых было и несколько чехов. Военнопленных хоронили неподалеку от лагеря, на кладбище, которое сохранилось по сей день. После войны останки сербских пленных были эксгумированы и, вместе с прахом тысяч солдат молодой Югославии, ранее похороненных в других местах на территории Богемии, перенесены в мавзолей, под который переоборудовали водопроводный резервуар бывшего лагеря. Сегодня в нем находятся примерно 7190 гробов с останками тех, кто происходил с территории бывшей Югославии — в большинстве своем сербов, но также и солдат, сражавшихся в войне на стороне Австро-Венгрии, прежде всего словенцев, хорватов и боснийцев, — а кроме того, 189 русских.

Ключевые слова

Первая мировая война, военнопленные, лагерь для военнопленных, военные захоронения, мавзолей

Статья поступила в редакцию 7 июля 2022 г.

Цитирование: *Бруженяк В.* Лагерь военнопленных в Йиндржиховицах: возникновение, повседневность, мемориализация // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 37–66. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.03>

POW CAMP IN JINDŘICHOVICE: FOUNDING, EVERYDAY LIFE, MEMORIALIZATION

Vladimír Bružeňák

Ph. D., history teacher,
Sokolov high school
Postal address: Husitská str., 2053,
Sokolov, 35601 Czechia
E-mail: vladimir.bruzenak@gymso.cz

Abstract

The prisoner of war camp in Jindřichovice (German: Heinrichsgrün), located in the Ore Mountains on the territory of the modern Czech Republic, was one of the largest such camps of the First World War in Austria-Hungary. In the period from 1915 to 1918, tens of thousands of prisoners of war from Serbia, Montenegro, the Russian Empire, and Italy passed through it. Many Serbian civilians were interned in addition to military personnel. Over 170 buildings were erected for the camp which was capable of accommodating almost forty thousand prisoners and which was surrounded by a fence with barbed wire and watchtowers. The whole complex was almost autonomous, with all the necessary infrastructure, including a bakery, hospital, laundry, ablutions, and a chapel. Prisoners of war were used in a variety of jobs in the vicinity, primarily related to agriculture. Their labour was also used for the repair of roads, the extraction of basalt in a nearby quarry, and in industry, primarily at a metallurgical plant in Rotava and in the construction of a chemical plant in Sokolov (at that time Falknov; German: Falkenau). From 1917, the situation with the provision of food and medicine began to worsen in the camp, leading to the spread of disease and a rapid increase in the mortality rate. In total, 3,855 people died here, including 2,465 Serbs and Montenegrins, 1,301 Italians, 56 Russians, and approximately two dozen of the Austro-Hungarian camp guards, among whom were several Czechs. The prisoners of war were buried in a cemetery near the camp, which has survived to this day. After the war, the remains of the Serbian prisoners were exhumed and, together with the remains of thousands of soldiers of the newly established Yugoslavia who had previously been buried in locations all over Bohemia, were transferred to a mausoleum, which was converted from the camp's water supply cistern. Today, it contains the remains of about 7,190 of those who came from the territory of the former Yugoslavia — mostly Serbs, but also soldiers who fought in the war on the side of Austria-Hungary, primarily Slovenes, Croats, and Bosnians, and also 189 Russians.

Keywords

World War I, prisoners of war, POW camp, war graves, mausoleum

Received 7 July 2022

How to cite: Bružeňák, V., 2022. Lager' voennoplennykh v Iindrzhihovitsakh: vznik-novlenie, povsednevnaia zhizn', memorializatsiia [POW Camp in Jindřichovice: Founding, Everyday Life, Memorialization]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 37–66. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.03>

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей статьи — проследить на основании изучения доступных источников историю одного из крупнейших на территории Австро-Венгрии лагерей военнопленных Первой мировой войны, располагавшегося в Йиндржиховицах (нем. Хайнрихсгрюн — *Heinrichsgrün*). Помимо обстоятельств возникновения лагеря, в статье рассматривается его функционирование, развитие, оснащение, повседневная жизнь пленных, а также предпринимается попытка подсчитать число жертв заключения. Кроме того, в задачи исследования входит описание послевоенной судьбы территории лагеря, прежде всего, создание Йиндржиховицкого мавзолея, который стал крупнейшим местом захоронения жертв Первой мировой войны на территории сегодняшней Чешской Республики.

Причинам, течению и последствиям Первой мировой войны за прошедшие годы было посвящено множество профильных работ. Например, монографии известного военного аналитика Лидделла Гарта, в первую очередь «Правда о войне 1914–1918 гг.» (1930 г., позднее вышедшая под заглавием «История Мировой войны 1914–1918 гг.»)¹ или «Первая мировая война» (1936 г.)². Среди других известных авторов, занимавшихся данной темой, следует упомянуть также Филипа Уорнера («Первая мировая война», 1995 г.)³, Мартина Гилберта («Первая мировая война. Полная история», 2004 г.)⁴ и Джона Кигана («Великая война», 1998 г.)⁵. Из чешских исследователей можно отметить, в частности, Ярослава Шедивого (труд «Окопная война», 1988 г., по причине преследования автор издал его под псевдонимом Иветты Гержтовой)⁶ и Ярослава Грбека (например, работа «Великая война на море», вышедшая в 5 томах в 2001–2002 гг.)⁷.

Меньшее число книг касается положения и жизни военнопленных в ходе этого конфликта. Тема военного плена не является очень частой или стержневой в исследованиях вооруженных столкновений, однако без ее освещения и понимания картина ни одной из войн не может быть полной. К числу наиболее значительных работ принадлежит книга немецкого историка Йохена Ольтмера «Военнопленные в Европе времен Первой мировой войны» (2005 г.)⁸, а также новаторская монография австрийского ученого Антона Хольцера «Усмешка палача. Неизвестная война против гражд-

¹ *Liddell Hart B.H. A History of the World War 1914–1918. Boston: Little Brown, 1935.*

² *Liddell Hart B.H. The War in Outline, 1914–1918. New York: Random House, 1936.*

³ *Warner Ph. World War One: A Narrative. London: Arms & Armour, 1995; Cassell, 1998.*

⁴ *Gilbert M. First World War: A Complete History. New York: Holt Paperbacks, 2004.*

⁵ *Keegan J. The First World War. London: Hutchinson, 1998.*

⁶ *Šedivý J. (Heřtová Y.). Zákopová válka. Praha: Naše vojsko, 1988.*

⁷ *Hrbek J. Velká válka na moři. Praha: Libri, 2001–2002. 5 d.*

⁸ *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. J. Oltmer. Paderborn: Brill Schöningh, 2005.*

данского населения 1914–1918 гг.» (вышла в 2008 г.)⁹, которая раскрывает доселе практически неизвестную тему притеснений со стороны солдат Австро-Венгерской монархии по отношению к военнопленным и гражданским на занятых территориях. Достойны упоминания также исследование Оливера Уилкинсона «Британские военнопленные в Германии во время Первой мировой войны» (2017 г.)¹⁰ и книга «Немецкие военнопленные Великой войны. Жизнь в Йоркширском лагере» (2021 г.), изданная Энн Бакли¹¹.

Интересным вкладом начинающих чешских ученых в изучение жизни военнопленных периода Первой мировой войны является дипломная работа Мириам Тумовой «Будни лагерей военнопленных в Австро-Венгрии времен Первой мировой войны и их отражение в дневнике Алессандро Пеннасилико» (Карлов университет, 2010)¹². О чешских военнопленных в Российской империи повествует книга Йитки Заблоудиловой «В русском плену. Организации пленных чехов и словаков в России, 1914–1918 гг.» (2018 г.)¹³.

Среди региональных исследований лагерей военнопленных в Западной Богемии упомянем прежде всего книгу «Эхо Великой войны» (2012 г.)¹⁴, авторства Владимира Бруженьяка и Романы Берановой, посвященную лагерью в Йиндржиховицах, и дипломную работу Павлины Кучеровой «Лагерь военнопленных в Подграде-у-Хеба» (2015 г.)¹⁵.

2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛАГЕРЯ

28 июня 1914 г. сербский студент Гаврило Принцип застрелил в г. Сараево (Босния) наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда д'Эсте и его супругу Софию Хотек. Австро-венгерское правительство выдвинуло ультиматум Сербии, которая, как оно полагало, предоставила помощь террористам. Правительство Сербии было совершенно не в состоянии выполнить требования ультиматума, поскольку это означало бы нарушение суверенитета маленького балканского государства, и потому ровно через месяц после убийства, 28 июля 1914 г., австрийская армия атаковала

⁹ *Holzer A.* Das Lächeln der Henker. Der unbekannte Krieg gegen die Zivilbevölkerung 1914–1918. Darmstadt: Primus Verlag, 2008.

¹⁰ *Wilkinson O.* British Prisoners of War in First World War Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

¹¹ *Buckley A.* German Prisoners of the Great War. Life in a Yorkshire Camp. Barnsley: Pen and Sword Books, 2021.

¹² *Tůmová M.* Každodennost v zajateckých táborech Rakouska-Uherska za 1. světové války a jejich obraz v deníku Alessandra Pennasilica: diplomová práce. Praha, 2010.

¹³ *Zabloudilová J.* V ruském zajetí. Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku. 1914–1918. Praha: EPOCH, 2018.

¹⁴ *Beranová R., Bružeňák V.* Osvěty Velké války: zajatecký tábor Jindřichovice 1915–1918. Sokolov: Muzeum Sokolov, 2012.

¹⁵ *Kučerová P.* Zajatecký tábor v Podhradě u Chebu (1915–1918): bakalářská práce. Liberec, 2015.

Сербию, положив начало Первой мировой войне. В связи с обязательствами в рамках союзных договоров на стороне Австро-Венгрии в войну вступили Германия, Болгария и Османская империя (Турция) — так называемые Центральные державы; Сербии на помощь пришли ее верные союзники — русские, им, в свою очередь, — французы и британцы, так называемая Антанта. Колеблющаяся Италия, изначально союзница Австро-Венгрии, в 1915 г. склонилась наконец на сторону Антанты и выступила против двуединой монархии — теперь в состоянии войны были фактически все основные европейские державы.

Маленькая Сербия мужественно отразила в 1914 г. несколько австрийских попыток захватить ее и была повержена лишь осенью 1915 г. примерно втрое превосходящими силами союзных войск Австро-Венгрии, Германии и Болгарии с немецким генералом А. фон Макензеном во главе. Сербская армия понесла значительные потери убитыми, равно как и гражданское население. За все время войны потери Сербии оцениваются более чем в миллион человек, что представляло собой огромную цифру для столь малого народа.

Большие военные и территориальные потери понесла в 1915 г. и Россия, в результате весеннего наступления австрийских и немецких войск лишившаяся всей Польши, значительной части Украины и Прибалтики.

Одним из прямых последствий успехов Центральных держав стало, разумеется, увеличение числа военнопленных, которых необходимо было где-то разместить. Именно в первой половине 1915 г. начинается история лагеря для военнопленных в крушногорском поселении Йиндржиховице.

9 июня 1915 г. в Йиндржиховицах состоялось совещание об учреждении лагеря для 30 тысяч русских военнопленных. В нем приняли участие генерал-майор Каротта и полковник Виктор Раудниц от военного командования г. Прага, представители управления стройкой, города Краслице и поселка Йиндржиховице, окружного гетмана¹⁶, металлургического завода в пос. Ротава и лесного хозяйства поместья графов Ностиц. Присутствующие договорились о том, что позаботятся о защите йиндржиховицкого заказника, воду лагерь будет брать из ручья Скршивань, в качестве охраны будет привлечено 1500 человек, а лесопилку Ностицев в Ротаве в связи с необходимым расширением подключат к электроснабжению от соседнего металлургического завода. Лесное хозяйство, кроме того, настояло, чтобы его работники были освобождены от призыва на фронт, поскольку на них придется повышенная рабочая нагрузка и потребуются менять лесной хозяйственный план¹⁷. Лагерь было решено расположить на возвышенности

¹⁶ Глава администрации округа (окружного управления). Округа представляли собой основную территориальную единицу в системе государственного управления Чешскими землями начиная с 1850 г. — *Прим. перев.*

¹⁷ Státní oblastní archiv Klášter (далее — SOA Klášter). F. Ústřední správa Nostitzů, spisy Ervína hr. Nostitze 1900–1918. Kart. 88. Zápis z 10.6.1915.

у Йиндржиховиц в направлении на Ротаву, между тогдашним постоянным двором «Маут», замковыми охотничьими угодьями и лесной дорогой под названием «Хофбуш». Причины такого выбора не вполне ясны. Речь шла об отдаленной горной местности с низким хозяйственным потенциалом — земледелие здесь было развито слабо, значительные промышленные предприятия, на которых можно было бы использовать пленных, тоже отсутствовали, за исключением Ротавского металлургического завода. Видимо, основанием для выбора местоположения лагеря была именно эта удаленность территории, позволяющая ограничить контакты пленных с местным населением и предотвратить возможные попытки побега. С учетом того, что лагеря военнопленных для австрийских и немецких солдат в России также часто размещались в подобных удаленных или недоступных местах, не исключено, что австрийское командование просто намеревалось поместить неприятельских пленных в те же условия, в которых находились солдаты Габсбургской монархии. Ранее высказывались предположения, что на создании лагеря настоял граф Ностиц, дабы иметь в своем поместье источник дешевой рабочей силы. Документы из ностицкого архива, однако, свидетельствуют против этого, поскольку граф, напротив, не соглашался со строительством лагеря на своих землях, опасаясь распространения различных заболеваний среди местного населения¹⁸. Его усилия, впрочем, были тщетны, и на территории Западной Богемии начал строиться очередной лагерь военнопленных для солдат Антанты — с марта 1915 г. уже шло создание лагерей в пос. Карлин у г. Плана и в пос. Подград у г. Хеб.

Вскоре после инспекции в Йиндржиховицы прибыло подразделение военных строителей, расквартированное в доме, принадлежавшем Терезии Сворчик. 13 июня под канцелярию лагеря были отведены четыре класса йиндржиховицкой школы, а в доме пекаря Хазельбауера расположилась временная администрация лагеря под началом полковника Франца Лазера и адъютанта, обер-лейтенанта Франца Гуссака из 6-го караульного батальона ландштурма. Управление лагерем было соединено телефонной линией сначала с местной почтой, а затем и с будущим лагерем¹⁹.

Уже 17 июня прибыла и первая команда из нескольких десятков русских²⁰ военнопленных, которых разместили во временных бараках, стоявших вдоль главного шоссе у поворота на Ротаву. Пленные трудились над обеспечением подвода воды к лагерю и, согласно плану технического советника инженера Кошала, отстраивали его территорию. 25 октября завер-

¹⁸ SOA Klášter. F. Ústřední správa Nostitzů, spisy Ervína hr. Nostitze 1900–1918. Kart. 88. Zápis z 10.6.1915. Dopisy z 24 a 25.6.1915.

¹⁹ Reschny K. Das Kriegsgefangenenlager bei Heinrichsgrün 1915–1918 // Festschrift zur 400 Jahrfeier der Stadt Heinrichgrün / hrsg. H. Brandl. Kraslice: Stadtgemeinde Heinrichsgrün, 1937. S. 77–78.

²⁰ В источниках под «русскими» подразумеваются военнопленные из Российской империи. Указания на их точный национальный состав отсутствуют.

шилось строительство зданий комендатуры, и она смогла переехать из школы непосредственно на территорию лагеря. В течение октября также были готовы к использованию два резервуара и водопровод для лагеря. Один из резервуаров после войны был переоборудован в мавзолей, которым остается и поныне. Лагерь не только имел собственное водообеспечение, но и был оборудован прогрессивной для того времени канализацией с очистными сооружениями²¹.

Строительство лагеря продвигалось быстро, и вскоре возле Йиндржиховиц был возведен почти что маленький город. В нем имелись 100 деревянных бараков для рядовых военнопленных и шесть зданий для пленных офицеров, 13 корпусов инфекционного отделения и 14 бараков отделения легких заболеваний с собственной кухней, прачечной и душевыми. В части для здоровых заключенных находились две пекарни со складами продуктов, 3 погреба для картофеля, кухня, два барака с душевыми и прачечными, туалеты, вещевые склады, четыре склада соломы и прочие вспомогательные бараки. Была возведена и часовня, а также бараки с раздвижной крышей (так называемые «лёжки») для отдыха, в том числе в рамках лечения. Кроме того, для упрощения развоза провианта по территории лагеря была проведена узкоколейная железная дорога. Она соединялась с канатной дорогой у базальтовой каменоломни, к которой вел подъездной путь от вокзала в Ротаве. Таким образом, канатная дорога вместе с подъездным путем служили не только для транспортировки базальта, но и для доставки провианта и других грузов в лагерь.

По соседству была построена база для охраны лагеря: она состояла из 14 бараков для личного состава, барака для легкобольных, кухни, умывальни с душевой, столовой и склада. Офицеры и сержанты имели в своем распоряжении пять бараков, также с полным обеспечением. Из других построек здесь находились лагерная почта, здания администрации, склад боеприпасов, офицерский клуб, спортивная площадка, конюшни, садовое хозяйство и т. д. Территорию лагеря оборудовали пожарными гидрантами, была создана лагерная пожарная служба.

Освещался комплекс электрическими лампами, по периметру его обнесли колючей проволокой, через которую был пропущен электрический ток. Также было поставлено несколько высоких сторожевых башен, с которых открывался достаточный обзор всего лагеря и которые были связаны между собой и с комендатурой телефонным кабелем. Охрана, таким образом, могла весьма быстро реагировать на обнаружение попытки к бегству. Любопытным фактом определенно является то, что значительную часть подразделений охраны составляли солдаты и офицеры чешской национальности.

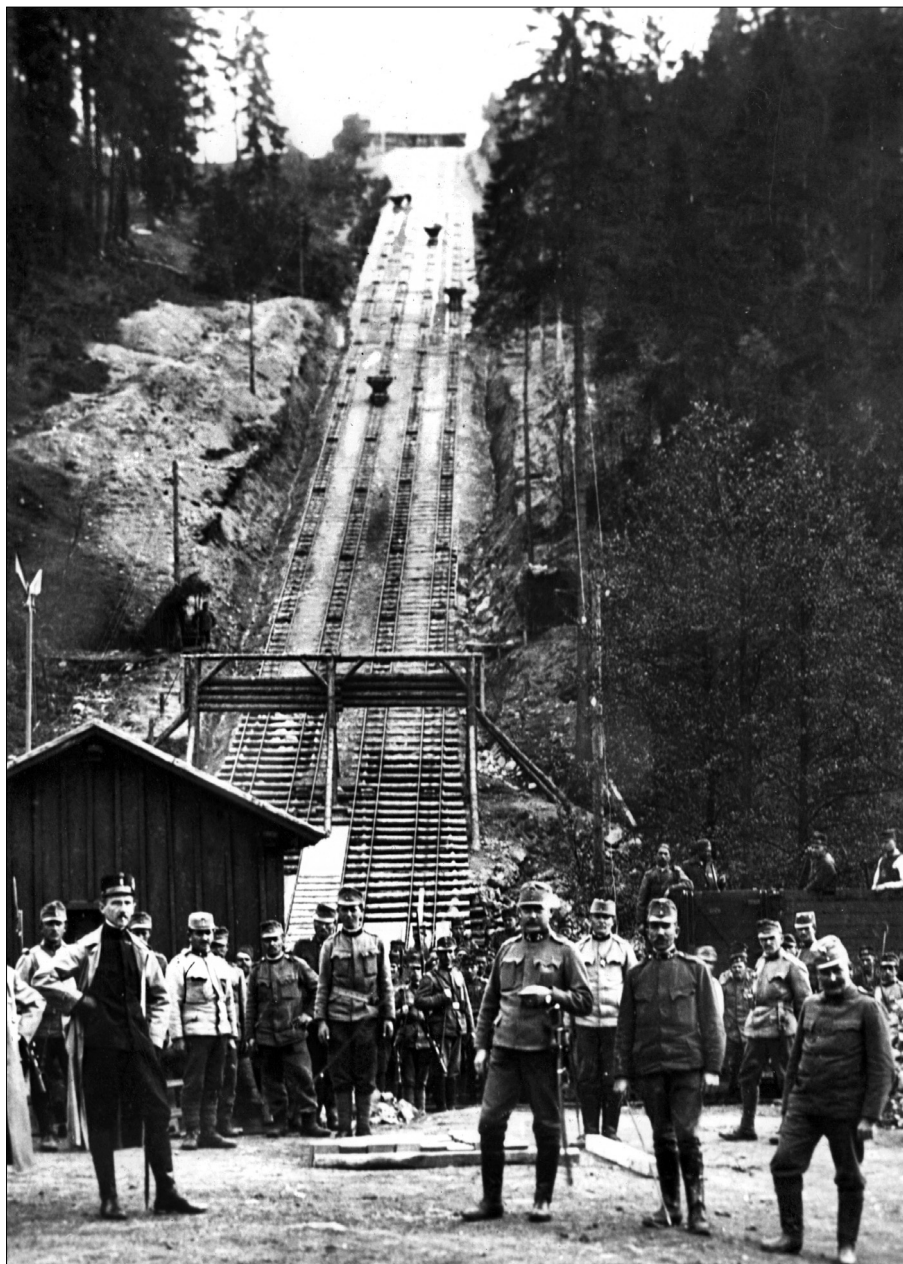
²¹ Reschny K. Das Kriegsgefangenenlager bei Heinrichsgrün 1915–1918. S. 77–78.

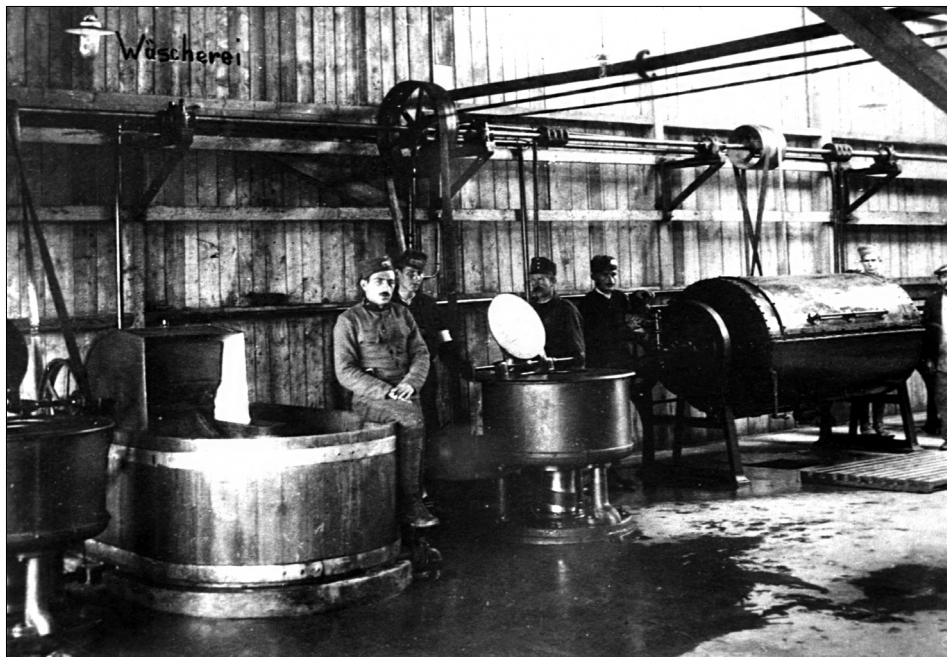
Общий вид лагеря

Лагерная узкоколейная дорога

Канатная дорога

Прачечная

Вид на лагерь
(предположительно, со сторожевой вышки)

Всего строительство лагеря обошлось в 7 млн австрийских крон, было возведено свыше 170 объектов, в которых уже скоро разместилось порядка 28 тысяч пленных и охранный персонал. Численность последнего остается неизвестной, однако с учетом того, что меньший по размеру (примерно на 16 тысяч пленных) лагерь в Карлине у Планы охраняли порядка 2500 солдат, он должен был быть довольно значительным. По некоторым источникам, в конце войны в лагере находилось около 36 тысяч человек²².

3. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛАГЕРЯ

Как уже говорилось, первыми пленными, попавшими в лагерь, были русские в количестве примерно 300 человек. После поражения Сербии осенью 1915 г. за ними последовали сербские и черногорские пленные, поскольку Черногория воевала против Австро-Венгрии бок о бок с Сербией и была разбита вместе с ней. Первая партия сербов в составе 500 солдат прибыла в лагерь 16 ноября 1915 г., вскоре за ней последовали другие. До декабря 1915 г. здесь оказалось 5 тысяч сербов и черногорцев, в течение 1916 г. поступление пленных продолжалось. В марте 1917 г. в лагерь прибыла группа раненых русских, последними в нем оказались итальянцы (наибольшее их число — после победы австро-венгерских войск при Капоретто в октябре 1917 г.)²³.

Рабочая команда из российских военнопленных

²² Ibidem. См. также: *Beranová R., Bružeňák V. Ozvěny Velké války*. S. 12-18.

²³ Точных сведений о перемещениях военнопленных не существует, лишь упоминания в прессе того времени, например: *Český deník* 20 I 1916, 7 III 1917; *Národní politika* 23 IX 1916 и др.

Не только военные, но и много сербских гражданских лиц попало в лагерь у Йиндржиховиц. Австрийская армия либо попросту захватывала их вместе с военными, либо же они каким-либо образом становились неуютны австрийской оккупационной администрации. Среди них был 90-летний православный епископ Станойе Марьян Леовац (скончался в 1917 г.) и его восьмилетний правнук. Помимо него, здесь оказались и другие дети — самым младшим из умерших в лагере был Драгутин Николич из Великого Поповца, скончавшийся в 1916 г. в возрасте 14 лет, — а также несколько женщин.

Рабочая команда из сербских военнопленных

День в плену был заполнен разнообразнейшими работами по поддержанию функционирования лагеря. Подъем был в 6 часов утра, после завтрака шла переключка и распределение по рабочим командам. В 11 часов выдавался обед, затем следовал двухчасовой отдых. После него возобновлялась работа, которая заканчивалась около 5 часов вечера. Дальше следовал ужин и отбой. По воскресеньям в лагерной часовне проходили католические (под председательством приходского священника из Йиндржиховиц) и православные богослужения — в лагере имелся православный священник, и большинство русских и сербских военнопленных принадлежали к этому вероисповеданию. В пестрой смеси представителей разных национальностей из оккупированной Сербии и России были, однако, и мусульмане.

Лагерная часовня

Лагерное меню можно проиллюстрировать директивой Военного министерства о довольствии военнопленных, действовавшей с 1 марта 1916 г.: завтрак составлял кофе из 23-граммового кубика цикория либо чай, 15 г сахара или 10 г искусственного подсластителя и 250 г хлеба. Обед был либо мясным — гуляш из 100 г свежего или консервированного мяса (баранина или говядина), 400 г картофеля, 10 г муки, 10 г жира, 20 г соли, 5 г лука, ½ г перца, — либо без мяса — 350 г капусты, 500 г картофеля, 10 г муки, 15 г жира, 20 г соли, 5 г лука и 20 мл уксуса. По воскресеньям к обеду, помимо главного блюда, полагался суп. На ужин в основном выдавался суп из фасоли, бобов, круп, картофеля или гороха. Недельный рацион хлеба составлял 3500 г на человека²⁴.

В будние дни одна из рабочих команд с большой повозкой регулярно направлялась на вокзал Ротава — Аненске Удоли, где грузила почту, которая затем доставлялась в лагерь. Другие команды занимались снабжением лагеря древесиной, углем (его пленные возили на тележках из близлежащих шахт в районе г. Ходов и пос. Долни Нивы), специальные команды были приставлены к кухне, снабжению продуктами и текущему обслуживанию лагеря. Военнопленных также привлекали к разнообразным работам в окрестностях, где ощущалась нехватка отправленных на фронт молодых мужчин.

²⁴ Státní okresní archiv Sokolov se sídlem v Jindřichovicích (далее — SOkA Sokolov se sídlem v Jindřichovicích). F. Kronika obce Jindřichovice 1918-1933, dodatek.

Почтовая повозка

Российские пленные трудились прежде всего в ротавских металлургических цехах, где в тот период выпускалась жель для упаковки продуктовых консервов, магазины для патронов, детали артиллерийских орудий и прочая военная продукция. С 1916 г. заключенные из Йиндржиховиц принимали участие и в строительстве химического завода в г. Соколов, который должен был обеспечивать нужды австро-венгерской военной промышленности. Именно в этом году Австрийское общество химической и металлургической промышленности приняло решение в соответствии с директивой правительства запустить в Соколове химзавод для производства карбида кальция и азотной извести, служивших базовым сырьем для изготовления боеприпасов. Стройка началась в ноябре 1916 г., при этом использовался труд военнопленных из Йиндржиховиц. Их разместили в нескольких временных бараках, длиной по 60 м и шириной по 10,9 м. По бокам помещения располагались спальные места, посередине было свободное пространство. Также была оборудована столовая для офицеров, канцелярия, душевые и дезинфекционная станция с котельной, склад, место заключения и мастерские. Бараки стояли на том месте, где позднее были возведены проходная завода и административное здание. Безопасность труда особо не соблюдалась, о чем свидетельствует смертельный случай с 29-летним итальянским военнопленным Баттистой Де Альберта 7 апреля 1918 г. Вместе с пятью другими итальянцами под присмотром надзирателя он переносил

сил связку стальных тросов и был ими раздавлен²⁵. Помимо строительства завода пленных привлекали и к возведению железнодорожного моста через реку Огрже — ключевого участка подъездного пути, ведущего к объекту. Занимателен тот факт, что часть моста была доставлена в качестве ценной военной добычи непосредственно из Сербии — оттуда же, откуда происходило и большинство работавших здесь военнопленных.

Другим местом применения их труда была базальтовая каменоломня поблизости от лагеря. Местный ротавский базальт выделялся тем, что легко раскалывался на части, из-за чего активно использовался для изготовления маленьких кубиков для мозаик и обычной брусчатки. Мощение и ремонт дорог также относились к сфере деятельности заключенных. Кроме того, они помогали местному населению и поселкам на сельскохозяйственных и лесохозяйственных работах, за что в случае работ на территории общественных владений получали оплату в размере 1 кроны (при этом 1 кг хлеба стоил 32 геллера, пиво — 15 геллеров), куска хлеба и порции табака на человека в день.

Военнопленные тянут дорожный каток

В свободное время после ужина и по воскресеньям военнопленные играли на музыкальных инструментах и в различные игры, занимались спортом, имели возможность и для образования. Часть подобных мероприятий помогали организовывать американские сотрудники международной

²⁵ SOA Klášter. F. Rakouský spolek pro chemickou a hutní výrobu, závod Sokolov. Inv. č. 21 (úrazy); Inv. č. 67 (plány baráků).

христианской молодежной организации YMCA (англ. *Young Men's Christian Association* — «Мужская молодежная христианская ассоциация». — Прим. перев.). С самого начала войны они развернули разнообразную деятельность во многих лагерях военнопленных на территории как государств Антанты, так и Центральных держав, с целью улучшить положение и облегчить судьбу заключенных. В июле 1916 г. в Подград у Хеба и в Йиндржиховицы прибыл американский сотрудник YMCA Макферсон Х. Дональдсон, чьи усилия сосредоточились прежде всего на педагогической работе с часто неграмотными пленными, главным образом русскими, которых он учил чтению, письму, основам географии и математики в здесь же устроенной школе. Дональдсон привез им книги на родном языке, организовал их дальнейшие поставки с помощью российского Красного Креста и даже помог закупить на средства организации очки для слабовидящих пленных. Помимо русских он занимался работой с татарами, грузинами и другими подданными Российской империи, содержащимися в йиндржиховицком лагере. Дональдсон обеспечил лагерь граммофоном и классическими музыкальными инструментами: гитарами, мандолинами, скрипками и аккордеонами. Каждый вечер он посвящал исполнению вместе с заключенными их народных песен. Кроме того, именно он занялся спортивной стороной жизни пленных, научив их играть, например, в футбол. Также Дональдсон обеспечил возможность проведения православных богослужений. В апреле 1917 г., когда США вступили в войну против Центральных держав, ему пришлось покинуть территорию Габсбургской монархии, а его работу в последующие месяцы продолжил швейцарский сотрудник YMCA Герман Моргенталер, который, помимо Йиндржиховиц, посещал и лагерь в Планае, где до сих пор не было ни одного представителя организации. В марте 1918 г. Моргенталера сменил его земляк Гайнрих Томмен, оставшийся в Западной Богемии вплоть до февраля 1919 г., то есть до первых месяцев существования Чехословацкой Республики²⁶.

Помимо досуга и образования свободное время пленных было посвящено и различным мелким работам — они плели циновки, вырезали из дерева игрушки, ложки, шкатулки, сундучки и т. п. Эти предметы в дальнейшем обменивались у жителей Йиндржиховиц и Ротавы на еду, табак и прочее. Такой «натуральный обмен», а равно сохранившиеся совместные фотографии местных жителей и заключенных или снимки с похорон, в которых принимало участие много гражданских лиц, с большой долей вероятности — жителей Йиндржиховиц, свидетельствуют не только о достаточно свободном лагерном режиме, но и о хороших отношениях между местными жителями и пленными.

²⁶ *Steuer K. A. Pursuit of an "Unparalleled Opportunity": The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914-1923. New York: Columbia University Press, 2009.*

Оркестр итальянских военнопленных

Изготовление соломенной обуви

Хотя некоторыми военнопленными предпринимались попытки к бегству, все они, разумеется, окончились провалом. Например, в сентябре 1915 г. из лагеря сбежали трое русских, которые несколько дней блуждали по окрестностям, ночуя в лесах и страдая от голода, пока не были пойманы жандармами в городке Абертамы. В октябре 1915 г. совершили побег еще четверо русских, которых вскоре схватили у г. Соколов. В ноябре того же года сбежать попытались двое сербов, позднее задержанных около г. Тепла, а в ноябре 1916 г. сбежало пятеро сербских офицеров — их путь к свободе окончился в Карловых Варах²⁷.

4. ПОТЕРИ

По мере того, как затягивалась война, ухудшалась ситуация со снабжением гражданского населения не только одеждой или гигиеническими средствами, но и прежде всего продуктами. На фронты, где сражалась австро-венгерская армия, то есть в первую очередь на Восточный фронт против России и Южный фронт против Италии, отправлялись все большие и большие запасы провианта, обмундирования, лекарств, угля и прочего стратегического материала, которого, таким образом, стало отчаянно не хватать на территории Габсбургской монархии. Хуже всего ситуация была в тех областях, где в силу климатических особенностей было слабо развито сельское хозяйство. Из-за этого они зависели от подвоза продуктов из более плодородных областей монархии, что с 1916 г. происходило с возрастающими задержками. Поскольку к таким проблемным регионам относилась и большая часть сегодняшнего Соколовского округа, здесь быстро начал распространяться голод. Местные жители не просто стали забывать вкус белого хлеба и мяса — рацион хлеба как такового уменьшался все сильнее, в меню начали входить супы из коры деревьев или молодых побегов хвойных. На фоне этой ситуации росло число смертей из-за последствий недоедания — только в 1918 г. в Ротаве по преимуществу от недоедания скончались 75 человек. Гибель людей вызывали и различные болезни, с которыми ослабленный и истощенный организм был не в состоянии бороться.

В такой ситуации стали значительно ухудшаться условия жизни и в лагере военнопленных. Об этом свидетельствует не только переданная через испанского военного атташе в Вене в штаб международного Красного Креста в Женеве жалоба поручика запаса сербской армии д-ра Живко Топаловича, члена руководства сербской социалистической партии, захваченного в плен еще в 1914 г. у города Лазаревац, но и воспоминания военнопленных, а главное — растущее число смертей в лагере. Пленный Милован Каматович из деревни Добролюпци вспоминал после войны, как супруга прислала ему однажды на Рождество посылку с носками. Те понравились шедшему рядом русскому офицеру, который спросил Каматовича, что тот за них хочет.

²⁷ Deutsche Zeitung Bohemia. 11 IX 1915, 10 X 1915 а 7 XI 1916.

Каматович ответил, что хочет перевод в русскую кухню. Русский какое-то время колебался, но в конце концов согласился и разрешил Каматовичу поступить в ассистенты к русскому повару, что, возможно, спасло сербу жизнь, поскольку продуктов действительно не хватало. К тому же, Каматович выносил еду с кухни и для других сербских пленных²⁸. Дефицит провианта коснулся и охранников — в открытке за январь 1917 г. один из них жалуется жене, что у него уже кончился сахар, и просит прислать его вместе с другими вещами, о которых писал в более раннем письме.

В связи с недостатком продовольствия и лекарств смерть быстро начала собирать свою дань среди заключенных лагеря. Начиная со второй половины 1916 г. смертность стремительно растет, наиболее тяжелое положение, очевидно, сложилось летом 1917 г. при крупной вспышке тифа, когда ежедневно умирало по 20–40 человек. Помимо тифа причинами смерти были также туберкулез и оспа. Лагерная больница и морг были переполнены, каждый день похоронная процессия направлялась отсюда на расположенное юго-восточнее лагеря кладбище, где тела усопших помещались в братские могилы. Всего в лагере скончалось порядка 3855 человек, из них 2465 были сербами и черногорцами, 1301 — итальянцами, 56 — русскими, около двух десятков принадлежало к австрийской охране, среди них было и несколько чехов²⁹.

Лагерное кладбище

²⁸ Лазаревич М. Чарапе сачувале главу // Политика. 6 I 2008. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/10351/Сарапе-сачувале-главу> (дата обращения: 07.07.2022).

²⁹ Данные приводятся на основе списка погребенных в фонде Реестра военных захоронений Военного архива в Праге.

В качестве иллюстрации отметим, что средняя смертность в лагерях военнопленных, организованных Великобританией и считавшихся наилучшими с точки зрения условий содержания, составляла 10%. В случае Йиндржиховиц этот показатель был лишь немногим выше и достигал приблизительно 12%.

Следует также упомянуть, что кладбище использовалось и во время Второй мировой войны — здесь было погребено несколько женщин после неустановленного «марша смерти»³⁰, один поляк, пятеро советских и один французский пленный, а также немецкий солдат, казненный 10 марта 1945 г. за дезертирство³¹.

5. КОНЕЦ ВОЙНЫ

Первая мировая война официально закончилась 11 ноября 1918 г. подписанием перемирия между Францией и Германией. Однако фронт Центральных держав начал распадаться еще за несколько недель до этого события, а в случае Австро-Венгрии речь шла и о распаде государства как такового. 28 октября на ее территории возникла независимая Чехословакия, всего лишь днем позже — Королевство сербов, хорватов и словенцев, впоследствии ставшее Королевством Югославия. Развал монархии, разумеется, повлиял и на йиндржиховицкий лагерь военнопленных.

1 ноября 1918 г. его покинули последние чешские солдаты и офицеры, составлявшие часть личного состава охраны. Еще раньше подобным образом поступили австрийские военные. В тот момент в лагере все еще находилось примерно 800 пленных, около 700 из них были итальянцами, все остальные — сербами. Прочие заключенные лагерь уже покинули. Русские военнопленные оставили его весной 1918 г. — их выпустили на основании Брест-Литовского мира, заключенного 3 марта 1918 г. между Центральными державами и Россией, власть в которой после революции в ноябре 1917 г.³² захватили большевики.

Ввиду опасений возможного неконтролируемого развития событий только что учрежденный в г. Хеб немецкий национальный совет отдал 1 ноября приказ национальному совету в г. Краслице создать отряд ополчения и взять под охрану ресурсы и продовольствие, имеющиеся в йиндржиховицком лагере. Поэтому жители Ротава и Йиндржиховиц, прежде всего из числа бывших солдат, организовали отряд «фольксвера» примерно из 100 человек, который немедленно отправился в лагерь.

Опасения Хебского совета оказались обоснованными, поскольку уже 3 ноября к лагерю начали стягиваться сотни людей из близких и дальних

³⁰ Насильственный перегон заключенных из одного трудового/концентрационного лагеря в другой в связи с приближением войск Союзников. — *Прим. перев.*

³¹ *Beranová R., Bružeňák V. Ozvěny Velké války. S. 50, 59–65.*

³² Автор статьи использует датировки строго по григорианскому календарю. — *Прим. перев.*

поселений в поисках всего необходимого. Годы бедности, голода, лишений и нужды взяли свое — лагерные запасы представляли слишком соблазнительный способ получить то, чего людям уже давно недоставало. Начались грабежи, которые продолжались до 10 ноября, причем отряд ополченцев не только не воспрепятствовал им, но и многие его члены присоединились к мародерам. Порядок попытались навести вызванные австрийские жандармы, в результате их вмешательства один человек (некий Хелгерт, недавно вернувшийся с войны) погиб. Семь сотен итальянских солдат и офицеров, которые еще оставались в лагере, по имеющимся данным, вели себя дисциплинированно, охраняли свои запасы и спустя несколько дней в полном составе отбыли домой³³.

3 января 1919 г. в Йиндржиховицы впервые вступило подразделение новой чехословацкой армии, представленное 40 бойцами 35-го пехотного Пльзеньского полка под командованием подполковника Романа Вольпрахта. Солдаты начали проводить досмотры дома за домом в попытке обнаружить как можно большую часть лагерного имущества. Значительная его доля и вправду была найдена и передана чехословацкому командованию, причем некоторые вещи попадались на улицах и даже в йиндржиховицком пруду — жители выбросили их из страха наказания³⁴. Сам лагерь в течение следующих месяцев был разобран и через несколько лет от него практически не осталось и следа.

6. СОЗДАНИЕ МАВЗОЛЕЯ

Хотя охрана и военнопленные покинули лагерь в конце октября — начале ноября 1918 г., а здания вскоре после этого были снесены, о его существовании продолжало напоминать лесное кладбище с сотнями мертвых тел. Усилия как молодого чехословацкого государства, так и Югославии и Италии, были направлены на то, чтобы это место содержалось достойным образом.

В начале 1920-х гг. итальянская и югославская стороны провели картографирование мест последнего упокоения своих граждан. В его рамках состоялись и два посещения кладбища у Йиндржиховиц. 1 октября 1924 г. здесь побывал итальянский [военный] атташе полковник Белини, а некоторое время спустя, 26 октября — делегация из представителей Югославии (профессор Прохазка, вице-консул Дайичич, инспектор военных захоронений Миливой Црвчанин) и чехословацкой армии (майор Хватош и капитан Коштялек), перед которой стояла задача найти подходящее место для возведения мавзолея, куда должны были быть перенесены останки сербских солдат как из йиндржиховицкого лагеря, так и из некоторых других мест Чехословакии.

³³ Reschny K. Das Kriegsgefangenenlager bei Heinrichsgrün 1915–1918. S. 78–79.

³⁴ Ibidem.

Учет и регистрация югославских военных захоронений продолжались до 1925 г., 139 кладбищ было насчитано в Словакии, 38 — в Моравии и 172 — в Богемии. Одновременно с этим было принято решение перенести останки югославских военнопленных с моравских кладбищ в мавзолей в Оломоуце, со словацких — в Тренчине, с богемских — в Йиндржиховицах. В качестве наиболее подходящего места комиссия выбрала бывший водопроводный резервуар, находящийся на холме над поселком, от которого и до сих пор открывается хороший обзор территории бывшего лагеря военнопленных. Компетентные органы обеих стран одобрили этот проект, и еще в 1925 г. югославское правительство выкупило у местного жителя Ганса Лёссля за сумму 1600 крон участок земли площадью 2493 кв. м, который и сегодня записан в земельном кадастре как территория Сербской Республики. В мавзолей было предложено перенести не только прах сербских жертв, но и останки русских, умерших в лагере у г. Броумов³⁵.

Для этого в 1925 г. проф. Брандт разработал проект мавзолея с использованием имеющегося резервуара. Владимир Александрович Брандт (1874–1944) был внуком немецкого зоолога, приехавшего в Санкт-Петербург по приглашению царя Николая I. После революции 1917 г. в России Брандт принял решение эмигрировать и сначала уехал в Германию, откуда в 1922 г. переехал в Прагу, где и прожил до своей смерти в 1944 г. в тюрьме Панкрац. Кроме мавзолея в Йиндржиховицах он проектировал и православную церковь Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище, а также виллу К. Крамаржа в Высоке-над-Йизероу.

Согласно изначальному проекту, помимо перестроенного в мавзолей резервуара, которому в мемориале отводилось центральное место, планировалось установить Вечный огонь (справа от мавзолея, если смотреть спереди) и 22-метровый обелиск с государственным гербом Королевства СХС (Югославии) и православным крестом. Однако ни обелиск, ни чаша Вечного огня так никогда и не были построены.

Строительство финансово и морально в значительной мере поддержал консул Монако в Чехословакии Владимир Гржебик, сторонник мемориального сохранения в стране югославских могил. За свои усилия он получил от короля Александра орден св. Саввы 1-й степени. Интерьер был оформлен в соответствии с проектом капитана Йозефа Коштялека, который также следил за строительством мавзолея в целом. В 1931–1932 гг. из местного гранита был высечен привлекающий внимание вход храмового типа с элементами византийской архитектуры и установлены медные, художественно декорированные ворота. Фасад украсила мозаика с изображением лика Христа, а на крышу был водружен кирилло-мефодиевский крест³⁶. Декора-

³⁵ Vojenský historický archiv. F. Evidence válečných hrobů. Seznam vojínů, ruských a srbských státních příslušníků pohřbených na hřbitově v Jindřichovicích. Kr. 39.

³⁶ Восьмиконечный крест, все поперечные перекладины в котором горизонтальны. — *Прим. перев.*

тивное убранство находится и внутри, помимо модели лагеря и фотографий того времени, здесь размещены мемориальная доска в честь освящения мавзолея, приуроченного к 10-й годовщине восшествия на престол Александра I Карагеоргиевича, и пентаптих 1926 г. на деревянных панелях в византийском стиле. На центральной панели изображен Христос в мандорле, на четырех боковых панелях по обе стороны — ангел и солдат. Авторы пентаптиха — русские художники И.Я. Билибин и К.М. Катков.

Эксгумация останков сербских солдат началась на военном кладбище в Йиндржиховицах уже в ходе строительства мавзолея. 1 августа 1926 г. в поселок прибыли 30 человек из 5-го граничарского батальона, расквартированного в г. Хеб, под командой капитана Франтишека Гинека, которые на следующий день начали выкапывать гробы с прахом умерших военнопленных. Непосредственное извлечение останков продлилось до 22 сентября, его проводили трое сотрудников похоронного бюро — Йосеф Фиан, Ян Фекула и Франтишек Фаркач. При этом выяснилось, что из-за воздействия грунтовых вод не все тела истлели, и потому некоторые были возвращены в могилы на кладбище, где по окончании эксгумации провели земельные работы 30 человек из 2-го батальона 33-го пехотного Соколовского полка. Всего с йиндржиховицкого кладбища военнопленных были перенесены в мавзолей останки примерно 2500 человек³⁷.

Весной 1927 г. эксгумация тел сербских (около 2650) и русских (170) солдат прошла в бывшем лагере военнопленных пос. Мартинковице, в окрестностях г. Броумов. 14 июня 1927 г. на станцию Ротава — Анненске-Удоли прибыл спецсостав, сопровождаемый почетной охраной, украшенный цветами, венками и югославским флагом, который вез примерно 2800 ящиков с человеческими останками. Затем на армейских автомобилях они были перевезены до Йиндржиховиц и с почестями перенесены в мавзолей³⁸.

13 ноября 1929 г. на ротавский вокзал прибыл следующий спецсостав, который доставил кости еще 1221 югославского солдата с разных кладбищ Богемии, всего 26: из Чешских Будеёвиц, Писека, Прахатиц, Клатов, Пльзени, Добржан, Хотикова, Бенешова, Кутна-Горы, Колина, Часлава, Миловиц, Мелника, Млада-Болеславы, Хрудима, Пардубиц, Высоке-Мыта, Йозефова, Литомержиц, Терезина, Либерца, Поухова, Хомутова, Моста, Франтишковы Лазней и Аша³⁹.

Ознакомиться со строительными работами в мавзолее 7 июня 1927 г. инкогнито приехала и югославская королева Мария, проходившая лечение в Марианских Лазнях. Ее сопровождал М. Цврчанин, а также начальник отделения жандармерии вахмистр В. Комарек и вахмистр В. Когоут. Свое

³⁷ SOKA Sokolov se sídlem v Jindřichovicích. F. 291 (Památník Okresní četnické velitelství Kraslice).

³⁸ Národní listy. 28 V 1927.

³⁹ Nová doba. 14 XI 1929.

удовлетворение заботой об останках покойных югославов королева выразила позднее в награждении В. Комарека орденом Св. Саввы V степени⁴⁰.

1928 г. был годом 10-й годовщины не только окончания Великой войны, но и возникновения Чехословацкой Республики — вся осень была пропитана духом этого торжества. И одним из центров празднеств стал мавзолей в Йиндржиховицах. В воскресенье 16 сентября соколовское (тогда еще фалькновское) отделение «Сокола»⁴¹ организовало поездку в Йиндржиховицы, к нему присоединились отделения из Карловых Вар, Кадани, Хомутова, Марианских Лазней, Хеба и Яхимова, депутация местных легионеров, несколько чешских скаутов, а также ученики школы чешского меньшинства в Соколове — всего собралось порядка 800 человек. Из Соколова (Фалькнова) на станцию Ротава — Анненске-Удоли в 9:30 выехал специальный поезд, оттуда процессия под пение национальных песен двинулась к металлургическому заводу и затем прошла петляющим маршрутом вокруг города и через территорию бывшего лагеря военнопленных до мавзолея. Здесь ее уже ждал инспектор югославских военных захоронений М. Цврчанин. После торжественных речей последовало возложение венков на ящики с останками покойных, а затем в знак добрых чехословацко-югославских отношений соколовское отделение «Сокола» было принято в чехословацко-южнославянскую лигу⁴².

Знаменательными посещениями был отмечен и 1929 г.: в августе мавзолей осмотрели сербский генерал Душан Штефанович с супругой и полковник Генерального штаба Дмитрий Жиркович, которых с чехословацкой стороны сопровождал полковник Генерального штаба Вычитал⁴³.

Торжественное освящение здания мавзолея состоялось 8 июля 1932 г. под эгидой Т.Г. Масарика и короля Югославии Александра I. Среди присутствовавших были югославский посол как представитель короля, министр Кралевич от лица югославского правительства, начальник Генерального штаба югославской армии генерал Милованич, несколько югославских сенаторов и депутатов во главе с Гербарем и Милошевичем, делегаты от г. Белград, сербского «Сокола» и другие гости. Чехословацкую сторону представляли министр обороны генерал Вышковский — от лица президента и одновременно правительства ЧСР, генерал Сыровый вместе с большой группой чехословацких офицеров и многие другие ведущие общественно-политические деятели страны. У мавзолея были выстроены чехословацкие солдаты и легионеры в полной амуниции. Присутствовали и югославские

⁴⁰ SOKA Sokolov se sídlem v Jindřichovicích. F. 291.

⁴¹ «Сокол» — чешское спортивное общество, основанное в 1862 г. по образцу немецкого гимнастического движения Мирославом Тыршем и Йиндржихом Фюгнером. Ставило своей целью физическое и патриотическое воспитание молодежи. Существует по сей день. — *Прим. перев.*

⁴² SOKA Sokolov se sídlem v Jindřichovicích. F. 291.

⁴³ *Ibidem.*

военнослужащие, в частности, представители флота и учащиеся высших военных учебных заведений. На мероприятие собрались и многочисленные толпы зевак со всей округи. После исполнения югославского и чехословацкого гимнов прошла панихида, которую отслужили представитель [сербского] патриарха епископ Нишский Досифей, епископ Мукачевско-Пряшевский Дамаскин, епископ Пражский Сергей и епископ Чехословацкий Горазд. Затем были возложены венки от президента Т.Г. Масарика и короля Александра со словами: «Спасибо жертвам за национальное освобождение». После этого было возложено еще 30 венков, среди прочих — от чехословацкого парламента, всеславянского и чехословацкого «Сокола», от пос. Йиндржиховице и от чехословацких граждан. В торжественном мероприятии принимали участие и русские казаки из числа эмигрировавших в Чехословакию. Владыка Досифей от имени патриарха освятил мавзолей с останками жертв лагеря военнопленных и окропил его водой семи сербских рек, символизировавшей скорбь и слезы родственников и [всех] граждан Сербии⁴⁴. Следует упомянуть, что двое из присутствовавших православных епископов стали позднее мучениками и были причислены своей церковью к лику святых. Первым был чешский владыка Горазд, расстрелянный нацистами в пражском районе Кобылисы за то, что укрывал лиц, совершивших покушение на исполняющего обязанности рейхспротектора Рейнхарда Гейдриха, а вторым — нишский владыка Досифей, скончавшийся от последствий издевательств хорватских усташей.

И хотя мавзолей был освящен в 1932 г., последние составы с останками жертв Первой мировой войны прибыли сюда только в 1938 г. В мае 1938 г. в Нидерландах, которые во время войны сохраняли нейтралитет, были эксгумированы 89 сербских солдат, умерших по преимуществу в январе 1919 г. в местных транзитных лагерях, на пути из немецких и австрийских лагерей военнопленных домой. Затем их останки перевезли в Йиндржиховицкий мавзолей — сегодня они здесь единственные, помещенные в цинковые ящики, все остальные сложены в деревянных⁴⁵. Последние партии останков — шести сербских солдат с кладбища в Марианских Лазнях и семи с кладбища в городке Костелец-над-Черными-лесы — прибыли в июне и июле 1938 г.⁴⁶

Так Йиндржиховицкий мавзолей стал самым крупным местом погребения жертв Первой мировой войны в Чешской Республике. Здесь собраны останки приблизительно 7190 человек, происходивших с территории бывшей Югославии, — в большинстве своем сербов, но также и солдат, сражавшихся в войне на стороне Австро-Венгрии, прежде всего словенцев, хорватов и боснийцев, — а также 189 русских.

⁴⁴ SoKA Sokolov se sídlem v Jindřichovicích. F. 291.

⁴⁵ См.: Serbian Prisoners of War. URL: www.secanje.nl (дата обращения: 04.10.2022).

⁴⁶ Český deník. 3 VI 1938.

Первым управляющим мавзолея стал местный каменщик по фамилии Борувка, которому югославское государство выплачивало 1400 динаров ежемесячно. Ключи от мавзолея можно было взять в местной жандармерии⁴⁷.

Шли годы, мавзолей постепенно ветшал. В 1966 г. был проведен ремонт как его самого, так и ведущей к нему дороги. Более масштабные работы, включая реставрационные, состоялись в 1978–1980 гг. Была проложена наружная изоляция, постелена новая медная крыша. Наверху был реставрирован железный крест с позолоченными розетками, отремонтированы входные двери с медной обивкой, проверено состояние мемориальной доски на задней стороне мавзолея.

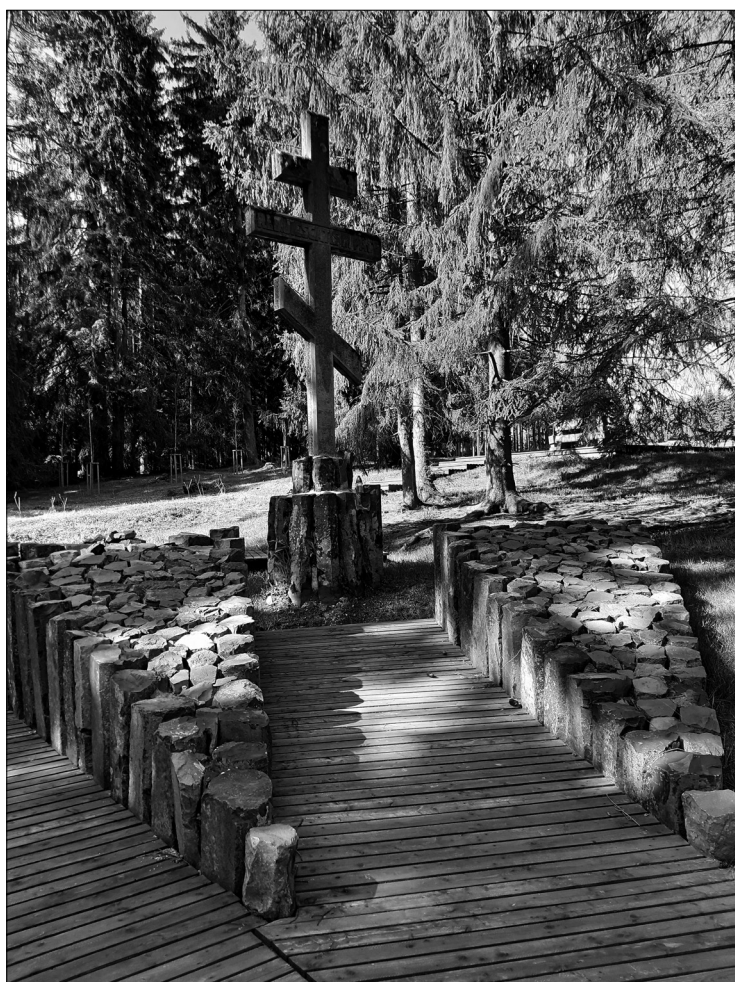
Дальнейшие работы инициировал югославский посол в начале 1990-х гг. Однако прежде чем к ним приступили, в мавзолею побывали грабители. В то время как Вторую мировую войну мавзолей пережил без ущерба, в 1995 г. ради пары крон в приемном пункте воры не постеснялись сорвать медные пластины со стен, крыши и входных дверей. Таким образом, в 1996 г. помимо запланированных работ пришлось проводить и ремонт крыши, облицовку стен и входа. Последний раз объект был заметно подновлен в 2011 г. при значительном участии Российской Федерации.

Вход в мавзолей

⁴⁷ SOKA Sokolov se sídlem v Jindřichovicích. F. 291.

Памятным местом того же типа стал и новый мемориал на территории лагерного кладбища, обустроенный Управлением лесного хозяйства Чешской Республики и властями Карловарского края примерно за 2,5 млн крон и торжественно открытый 22 октября 2018 г. Прежде запущенное и поросшее лесом и кустарником пространство наконец превратилось в достойное место упокоения более чем 1350 солдат из Италии и России, с часовней, настильными тропами, последними сохранившимися надгробиями и именами погребенных жертв. Так, в год столетия окончания Великой войны кладбище вместе с мавзолеем стало еще одним значительным памятником Карловарского края, напоминающим об одной из худших глав в истории человечества.

Поклонный крест на лагерном кладбище

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании представленного исследования можно констатировать, что лагерь в Йиндржиховицах являлся вторым или третьим по величине и численности размещенных военнопленных из всех подобных лагерей на территории бывшей Австро-Венгрии. Он был добротнo отстроен и организован, вмещал порядка 40 тыс. пленных и в значительной мере сам себя обеспечивал. В цели организаторов лагеря не входила ликвидация его невольных обитателей, можно сказать также, что не было приоритетным и использование их на близлежащих промышленных предприятиях или в сельском хозяйстве. Скорее, это было вторичной задачей, возникшей в связи с общей военной обстановкой. К сожалению, ею же было обусловлено и общее число жертв, которое в процентном отношении не слишком выделяется на фоне остальных лагерей такого рода, организованных как Центральными державами, так и странами Антанты. Мы, однако, не располагаем практически никакой информацией о конкретных событиях внутри лагеря, поэтому не исключено, что имели место случаи притеснения по отношению к военнопленным со стороны охраны. Прежде всего это могло касаться пленных из Сербии и Черногории, с которыми австро-венгерская военная администрация поступала чрезмерно жестко во многих местах — как в лагерях, так и на оккупированных территориях. Но это всего лишь предположения.

Цель лагеря заключалась, таким образом, только в концентрации пленных неприятельских солдат (в случае сербов — и ряда гражданских лиц) на основании Женевских конвенций. К сожалению, из-за нужды, дефицита продуктов и лекарств, вызванных длительной войной, здесь погибли почти четыре тысячи человек. Однако, несмотря на столь большое число смертей, лагерь в Йиндржиховицах все же нельзя сравнивать с трудовыми и концентрационными лагерями, возникавшими в 1920-е — 1940-е гг. на территории Советского Союза и нацистской Германии.

Создание после войны мемориального комплекса на кладбище и особенно появление мавзолея могут рассматриваться как одна из вех при выстраивании дружественных отношений между Чехословацкой Республикой и Королевством Югославией, получивших политическое и военное воплощение в так называемой Малой Антанте.

Перевод с чешского К.А. Попова

В статье использованы исторические фотографии из собраний Музея г. Соколов и Музея г. Карловы Вары, а также снимки, сделанные переводчиком.

Литература

- Beranová R., Bružeňák V.* Ozvěny Velké války: zajatecký tábor Jindřichovice 1915–1918. Sokolov: Muzeum Sokolov, 2012.
- Buckley A.* German Prisoners of the Great War. Life in a Yorkshire Camp. Barnsley: Pen and Sword Books, 2021.
- Gilbert M.* First World War: A Complete History. New York: Holt Paperbacks, 2004.
- Holzer A.* Das Lächeln der Henker. Der unbekannte Krieg gegen die Zivilbevölkerung 1914–1918. Darmstadt: Primus Verlag, 2008.
- Hrbek J.* Velká válka na moři. Praha: Libri, 2001–2002. 5 d.
- Keegan J.* The First World War. London: Hutchinson, 1998.
- Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. J. Oltmer. Paderborn: Brill Schöningh, 2005.
- Kučerová P.* Zajatecký tábor v Podhradě u Chebu (1915–1918): bakalářská práce. Liberec, 2015.
- Liddell Hart B.H.* A History of the World War 1914–1918. Boston: Little Brown, 1935.
- Liddell Hart B.H.* The War in Outline, 1914–1918. New York: Random House, 1936.
- Reschny K.* Das Kriegsgefangenenlager bei Heinrichsgrün 1915–1918 // Festschrift zur 400 Jahrfeier der Stadt Heinrichgrün / hrsg. H. Brandl. Kraslice: Stadtgemeinde Heinrichsgrün, 1937.
- Steuer K.A.* Pursuit of an “Unparalleled Opportunity”: The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923. New York: Columbia University Press, 2009.
- Šedivý J. (Heřtová Y.)* Zákopová válka. Praha: Naše vojsko, 1988.
- Tůmová M.* Každodennost v zajateckých táborech Rakouska-Uherska za 1. světové války a jejich obraz v deníku Alessandra Pennasilica: diplomová práce. Praha, 2010.
- Warner Ph.* World War One: A Narrative. London: Arms & Armour, 1995; Cassell, 1998.
- Wilkinson O.* British Prisoners of War in First World War Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Zabloudilová J.* V ruském zajetí. Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku. 1914–1918. Praha: Epoque, 2018.

References

- Beranová, R., Bružeňák, V., 2012. *Ozvěny Velké války: zajatecký tábor Jindřichovice 1915–1918*. Sokolov: Muzeum Sokolov.
- Buckley, A., 2021. *German Prisoners of the Great War. Life in a Yorkshire Camp*. Barnsley: Pen and Sword Books.
- Gilbert, M., 2004. *First World War: A Complete History*. New York: Holt Paperbacks.
- Holzer, A., 2008. *Das Lächeln der Henker. Der unbekannte Krieg gegen die Zivilbevölkerung 1914–1918*. Darmstadt: Primus Verlag.

- Hrbek, J., 2001–2002. *Velká válka na moři*. Prague: Libri. 5 vol.
- Keegan, J., 1998. *The First World War*. London: Hutchinson.
- Kučerová, P., 2015. Zajatecký tábor v Podhradě u Chebu (1915–1918). Bakalářská práce. Technical University of Liberec.
- Liddell Hart, B.H., 1935. *A History of the World War 1914–1918*. Boston: Little Brown.
- Liddell Hart, B.H., 1936. *The War in Outline, 1914–1918*. New York: Random House.
- Oltmer, J., ed., 2005. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Brill Schöningh.
- Reschny, K., 1937. Das Kriegsgefangenenlager bei Heinrichsgrün 1915–1918. In: H. Brandl, ed., 1937. *Festschrift zur 400 Jahrfeier der Stadt Heinrichsgrün*. Kraslice: Stadtgemeinde Heinrichsgrün.
- Steuer, K.A., 2009. *Pursuit of an “Unparalleled Opportunity”: The American YMCA and Prisoner of War Diplomacy among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923*. New York: Columbia University Press.
- Šedivý, J. (Heřtová, Y.), 1988. *Zákopová válka*. Prague: Naše vojsko.
- Tůmová, M., 2010. Každodennost v zajateckých táborech Rakouska-Uherska za 1. světové války a jejich obraz v deníku Alessandra Pennasilica. Diplomová práce. Charles University.
- Warner, Ph., 1998. *World War One: A Narrative*. London: Cassell.
- Wilkinson, O., 2017. *British Prisoners of War in First World War Germany*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Zabloudilová, J., 2018. *V ruském zajetí. Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku. 1914–1918*. Praha: Epoque.

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ СССР И ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ТОРГОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В 1933–1935 ГГ.

Пётр Владимирович Мошечков

Кандидат исторических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: pmoshechkov@yandex.ru
ORCID 0000-0002-0036-2306

Аннотация

Статья посвящена проходившей в 1933–1935 гг. финальной стадии советско-чехословацких переговоров о заключении торгового договора. Следует отметить, что в советской и современной отечественной литературе вопросы, связанные с контактами Советского Союза и Чехословакии в экономической сфере, упоминаются лишь фрагментарно. В то же время история консультаций, происходивших между Министерством иностранных дел Чехословацкой республики и дипломатическими и торговыми представителями СССР в Праге, нашла свое отражение в работах чешских ученых З. Сладека, З. Конечного и Ф. Майнуша. В связи с этим целью исследования стала реконструкция истории переговорного процесса на основании дневников советских полпредов А.Я. Аросева и С.С. Александровского, а также их донесений в Москву, представленных в фондах «Секретариат М.М. Литвинова» и «Секретариат Н.Н. Крестинского» Архива внешней политики Российской Федерации. Использованы были и отчеты о деятельности Торгового представительства Советского Союза в Праге, равно как и предварительные проекты договора, разработанные советскими и чехословацкими дипломатами, хранящиеся в фонде «Министерство внешней торговли СССР» Российского государственного архива экономики. Проведенное исследование показало, что стремление сторон урегулировать взаимоотношения в данной области было вызвано как чисто экономическими, так и политическими причинами. Подписание договора, состоявшееся 25 марта 1935 г., позволило разрешить основные существовавшие между двумя странами спорные вопросы в сфере торговли. Это событие, наряду с заключением договора о взаимной помощи, ознаменовало собой начало нового этапа в истории советско-чехословацких отношений межвоенного периода.

Ключевые слова

СССР, Чехословакия, Э. Бенеш, С.С. Александровский, Ф.Ф. Килевич, внешняя торговля

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2022 г.

Цитирование: *Мошечков П.В.* Переговоры между СССР и Чехословакией о заключении торгового соглашения в 1933–1935 гг. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2022. Т. 17. № 3–4. С. 67–87. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.04>

SOVIET-CZECHOSLOVAK TRADE AGREEMENT NEGOTIATIONS IN 1933–1935

Petr V. Moshechkov

Ph. D., Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: pmoshechkov@yandex.ru
ORCID 0000-0002-0036-2306

Abstract

This article deals with the final stage of Soviet-Czechoslovak negotiations to conclude a trade agreement that took place between 1933 and 1935. It should be noted that in both Soviet and modern Russian literature, issues related to contacts between the Soviet Union and Czechoslovakia in the economic field are mentioned only fragmentarily. At the same time, the history of the consultations which were led by the Ministry of Foreign Affairs of the Czechoslovak Republic and diplomatic and commercial representatives in Prague has been reflected in the works of Czech historians Z. Sládek, Z. Konečný, and F. Mainuš. As a result of this research, the diaries of Soviet ambassadors A. Ya. Arosev and S. S. Alexandrovskij and their reports to Moscow, which are held in the funds of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation (“M. M. Litvinov’s secretariat” and “N. N. Krestinsky’s secretariat”), became the object of the research. The reports of the Trade mission of Soviet Union in Prague, as well as the preliminary projects of the agreement developed by Soviet and Czechoslovak diplomats (which are held in the fund “Ministry of Foreign Commerce of USSR” of the Russian State Archive of Economics), were also used. The study shows that the aspiration of both parties to settle mutual relations in this sphere was prompted by both economic and political motives. The signing of the agreement, which took place on 25 March 1935, allowed major contentious issues in trade between the two countries to be regulated. This event, along with the conclusion of an agreement on mutual assistance, marked the beginning of the new phase in the history of Soviet-Czechoslovak relations in the interwar period.

Keywords

USSR, Czechoslovakia, E. Beneš, S.S. Alexandrovskij, F.F. Kilevits, foreign commerce
Received 20 September 2022

How to cite: Moshechkov, P.V., 2022. Peregovory mezhdru SSSR i Chekhoslovakiei o zakliuchenii torgovogo soglasheniia v 1933–1935 gg. [Soviet-Czechoslovak Negotiations on Signing of the Trade Agreement in 1933–1935]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 67–87. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.04>

Одной из наиболее актуальных и активно исследуемых тем как в современной отечественной, так и в зарубежной историографии по истории внешней политики Советского Союза межвоенного периода является изучение круга вопросов, связанных с нормализацией отношений СССР с государствами Центральной и Юго-Восточной Европы. Немаловажную роль в рассмотрении этих процессов играет и изучение позиции, которую занимало правительство Чехословацкой республики в отношении инициированных Францией и Советским Союзом еще осенью 1933 г. переговоров по проекту Восточного пакта, а также событий, предшествовавших подписанию франко-советского (2 мая 1935 г.) и чехословацко-советского (16 мая 1935 г.) договоров о взаимной помощи.

Существенным представляется и то, что одной из важных целей переговоров, проводившихся между Москвой и Прагой в 1933–1935 гг., было урегулирование вопросов, касавшихся торговых отношений. Анализ имеющейся на сегодняшний день научной литературы показывает, что данная тематика имеет разную степень изученности в отечественной, чешской и словацкой историографии. Так, в советской научной литературе основной акцент был сделан на рассмотрении политического аспекта контактов между Советским Союзом и Чехословакией, в то время как вопросы, связанные с организацией торговли между двумя странами, оказались отодвинуты на второй план и упоминались исследователями лишь эпизодически¹. В свою очередь в историографии периода ЧССР сюжеты, посвященные переговорам о торговых отношениях в 1933–1935 гг., нашли отражение в работах З. Сладека², З. Конечного и Ф. Майнуша³. Общая характеристика проводимого СССР в 1920-х — 1930-х гг. внешнеполитического курса в области торговли с Чехословакией была дана и в ряде современных работ: например, в трудах О.Н. Кена и А.И. Рупасова⁴; монографии Э. Ворачека,

¹ См., например: *Петерс И.А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965; *Он же.* СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Киев: Наукова думка, 1971; *Кизченко А.Ф.* Внешняя политика Чехословакии накануне Второй мировой войны (май 1935 г. — март 1939 г.): дис. <...> д. ист. наук. Киев, 1972.

² *Сладек З.* Экономические соглашения между ЧСР и СССР 1935 г. // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами, 1918–1939: сборник статей / под ред. С.И. Прасолова, П.И. Резонова. М.: Наука, 1968. С. 101–125; *Sládek Z.* Hospodářské vztahy ČSR a SSSR, 1918–1938. Praha: Horizont, 1971.

³ *Конечный З., Майнуш Ф.* Чехословацко-советский торговый договор 1935 г. // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Řada historická* (С). 1967. Roč. XVI. Č. 14. S. 102–103.

⁴ *Кен О.Н.* Чехословакия в политике Москвы (1932–1936 гг.): к новой постановке проблемы // *Россия XXI: общественно-политический и научный журнал.* 1996. № 7–8. С. 52–70; № 11–12. С. 82–112; 1997. № 1–2. С. 62–86; *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб.: Европейский дом, 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 — июнь 1934. С. 108–122.

Д. Губены и Б. Литеры⁵, равно как и в подготовленном коллективном чешских и российских авторов под руководством Э. Ворачека издании «Российско-чешские торгово-экономические отношения»⁶. При этом в означенных исследованиях значительно меньше места уделено самому процессу переговоров о заключении торгового соглашения, которые велись советскими и чехословацкими дипломатами в 1933–1935 гг.

Необходимость урегулирования советско-чехословацких торговых отношений начала осмысливаться чехословацкими политиками и промышленниками уже в начале 1920-х гг.⁷. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, значимую роль сыграла тяжелая экономическая ситуация, в которой Чехословацкая республика находилась после окончания Первой мировой войны. После распада Австро-Венгерской монархии она унаследовала 3/4 ее промышленного потенциала, однако прежние экономические связи между входившими в состав империи регионами оказались нарушены. На западных рынках чехословацкие товары не выдерживали конкуренции из-за высокой стоимости производства. На другом возможном направлении их реализации — Балканах — Чехословакию вытесняли Франция и Германия. В связи с этим перед чехословацкими промышленниками и государственными деятелями возникла необходимость поиска новых рынков сбыта⁸.

Во-вторых, в торговле с советской стороной были заинтересованы представители ряда отраслей чехословацкой промышленности (например, прядильни льна, обувные фабрики) из-за отсутствия в Чехословакии достаточного количества сырья, необходимого для их нормального функционирования. Кроме того, по мнению некоторых предпринимателей, получение новых заказов из РСФСР позволило бы им обеспечить расширение производства, что, в свою очередь, могло стать важным инструментом для борьбы с безработицей в стране⁹.

В-третьих, нельзя не упомянуть и о политической составляющей, обуславливавшей пристальное внимание Чехословацкой республики к Совет-

⁵ Voráček E., Hubený D., Litera B. V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz, 1918–1948. Praha: Historický ústav, 2019.

⁶ Ворачек Э. и др. Российско-чешские торгово-экономические отношения = Česko-ruské obchodně-ekonomické vztahy. Praha: PR-Aspekt International, 2014.

⁷ Там же. С. 70, 72; Sládek Z. Hospodářské vztahy... S. 11–12, 24.

⁸ Šedivý J. Z jakých hospodářských a politických příčin uzavřela ČSR prozatímní dohody se Sovětským Ruskem v roce 1922 // Prasolov S. I., Sládek Z., Šedivý J., Vorobjeva J. D. Studie z dějin československo-sovětských vztahů 1917–1938. Praha: Academia, 1967. S. 9.

⁹ См., например: Письмо владельцев обувного предприятия «К. Будишоховский и сыновья» Торгово-ремесленной палате о заинтересованности их в установлении торговых отношений с Россией, Тржебич, 25 VI 1920 // Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / отв. ред. П.Н. Поспелов, В. Краль (далее — ДМИСЧО). М.: Наука, 1973. Т. 1: Ноябрь 1917 — август 1922 г. № 309. С. 356; Ходатайство Объединенных прядильен льна перед Министерством торговли Чехословакии не препятствовать ввозу закупленного в Советской России сырья, Трутнов, 14 III 1921 // Там же. № 358. С. 404; Sládek Z. Hospodářské vztahy... S. 37–38.

ской России. Занявший пост министра иностранных дел в ее правительстве бывший генеральный секретарь Чешско-Словацкого национального совета Эдвард Бенеш, вырабатывая курс молодого государства в отношении РСФСР, указывал на полную несостоятельность прежней политики союзников, направленной на организацию интервенции в Россию, и ее ошибочность и опасность для ЧСР. Он предполагал, что пришедший к власти большевистский режим будет недолговечным ввиду невозможности привлечь к сотрудничеству талантливых администраторов и организаторов, что со временем привело бы к изменению его характера. В связи с этим Бенеш считал необходимым продолжать следовать курсу, направленному на невмешательство во внутренние дела России, и вступать в экономические контакты с ее отдельными регионами, для чего МИД предписывалось вести деятельность по основанию в отдельных городах страны чехословацких консульств. Проводить данную политику ЧСР предстояло в полном согласии с западными державами, к тому моменту начавшими рассматривать вопрос о восстановлении торговых связей с Советской Россией¹⁰.

Именно поэтому уже во время состоявшегося в феврале — апреле 1920 г. обмена нотами между правительствами РСФСР и Чехословакии¹¹ последнее ответило согласием на предложение советской стороны об установлении между странами торговых отношений. Дальнейшие переговоры о возможности налаживания взаимных связей в экономической области без признания СССР де-юре, обмена торговыми представителями и консулами Э. Бенеш вел в Лондоне с Л.Б. Красиным, направленным в столицу Великобритании в качестве председателя Российской торговой делегации¹².

В июле 1920 г. между Чехословакией и РСФСР произошел обмен миссиями Красного Креста, имевшими репатриационные функции (чехословацкую миссию возглавил майор Й. Скала, а советскую — С.И. Гиллерсон). Приблизительно через год, к середине июня 1921 г., правительства Чехословакии и Советского Союза достигли договоренности о смене репатриационных миссий на торговые (советскую возглавил П.Н. Мостовенко,

¹⁰ *Марына В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. М.: Индрик, 2013. С. 56, 71–72. 16 января 1920 г. Верховный Совет Антанты принял резолюцию, позволявшую союзным и нейтральным государствам вести торговлю с РСФСР. Это означало формальное снятие с Советской России торговой блокады. Предпринимая данный шаг, союзники и, в первую очередь, Великобритания, надеялись вывести свои экономики из кризисной ситуации. См.: *Sládek Z. Hospodářské vztahy...* S. 24–25.

¹¹ Нота правительства РСФСР правительству Чехословацкой республики, [Москва], 25 II 1920 // ДМИСЧО. Т. 1. № 274. С. 322–323; Нота министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину, [Прага], 10 IV 1920 // *Там же*. № 285. С. 332–334; Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу, [Москва], 22 IV 1920 // *Там же*. № 288. С. 337.

¹² Л.Б. Красин — Г.В. Чичерину, [Лондон], 2 VI 1920 // *Там же*. № 299. С. 346–347; Л.Б. Красин — [Э. Бенешу], [Лондон], 7 VI 1920 // *Там же*. № 304. С. 352.

получивший статус полномочного представителя в Праге, а чехословацкую — Й. Гирса)¹³.

Интересно отметить, что уже на стадии переговоров об обмене торговыми делегациями в конце марта 1921 г., проведенных между советскими и чехословацкими дипломатами в Ревеле и Праге, было заявлено, что в их функции, помимо ведения «практической работы по осуществлению товарообмена и торговых сношений частных предприятий и фирм», должна была войти и подготовка «будущего русско-чехословацкого торгового договора»¹⁴. До его разработки стороны условились заключить временное соглашение, содержащее в себе статьи как политического, так и экономического характера, а его основной целью являлось бы регулирование прав и обязанностей обеих миссий¹⁵.

В апреле 1921 г. РСФСР и Чехословакия начали консультации по подготовке текста статей временного соглашения. Основой для них стал разработанный Литвиновым проект, который состоял из 14 пунктов. Среди них были и положения, определявшие условия назначения и деятельности торговых миссий, товарообмена и транзитной торговли¹⁶. Однако в ходе дальнейших переговоров между сторонами выявились разногласия относительно формулировок ряда статей документа. Обсуждая экономические вопросы, чехословацкая сторона настаивала на предоставлении ей уже в рамках временного соглашения преимуществ и привилегий в соответствии с принципом наибольшего благоприятствования, а также на удовлетворении советской стороной имущественных претензий бывших граждан Австро-Венгерской империи. Это, в свою очередь, не устраивало Москву, которая была готова установить торговые и консульские отношения с ЧСР лишь после включения в договор пунктов о взаимном нейтралитете, признании миссии в Праге в качестве единственного представителя России на территории страны, обязательстве не оказывать поддержку иным претендентам на власть в РСФСР, а впоследствии — признания СССР де-юре. К концу марта 1922 г. советские и чехословацкие дипломаты завершили работу над согласованием основных положений договора, однако чехословацкая сторона всячески затягивала обсуждение вопроса о его окончательном заключении¹⁷.

¹³ *Серapiroнова Е.П.* Чехословакия и вопрос о признании Советской России в начале 1920-х гг. // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е.П. Серapiroнова. М.: Полимедиа, 2020. С. 148; *Přehled dějin československo-sovětských vztahů v období 1917-1939 / zprac. Č. Amort a kol.* Praha: Academia, 1975. S. 122.

¹⁴ В. Гирса — С.И. Гиллерсону, Прага, 31 III 1921 // ДМИСЧО. Т. 1. № 365. С. 411–412.

¹⁵ В. Чех — МИД ЧСР, Ревель, 30 III 1921 // Там же. № 362. С. 409; *Станков Н.Н.* Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 — 5 июня 1922 года) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 6. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0019971-1>

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 7, 13–15.

Ситуация изменилась лишь после заседаний Генуэзской конференции и подписания 16 апреля 1922 г. в Рапалло советско-германского договора, провозглашавшего отказ сторон от взаимных финансовых претензий, восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами, а также развитие экономического сотрудничества и торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования. Понимая, что соглашение между Германией и РСФСР де-факто означало выход последней из дипломатической изоляции, чехословацкая сторона приняла решение о смене тактики и ускорила переговоры о заключении временного договора¹⁸. Он был подписан 5 июня 1922 г.¹⁹ и имел, в первую очередь, политическое значение. Гораздо в меньшей степени в нем были отражены вопросы, связанные с торговлей. Так, 11-я статья соглашения признавала за правительством РСФСР и его органами права юридического лица «в случае осуществления на территории ЧСР торговой деятельности»; обязательство чехословацкой стороны «оказывать поддержку каждому целесообразному почину своих граждан», готовых принимать участие в восстановлении экономической жизни в Советской России; обязательство правительства РСФСР содействовать чехословацким гражданам, ведущим по согласованию с ним экономическую деятельность на территории страны, и обеспечивать для них «полную юридическую защиту личности и имущества» (при этом особые гарантии предоставлялись для инвестированных капиталов). Согласно тексту 14-й статьи, любая торговая деятельность должна была производиться в соответствии с действующим законодательством договаривающихся сторон. Во втором ее пункте оговаривалась принадлежность монополии внешней торговли правительству РСФСР, а третий пункт рассматривал в качестве нарушения договора сделки, относящиеся к территории Советской России, которые были бы заключены с лицами, «действующими не от имени Правительства РСФСР и не в качестве его уполномоченных или с его разрешения»²⁰. 15-я статья предусматривала возможность внесения в документы по торговым сделкам пункта о третейском разбирательстве, а 19-я статья определяла принцип гарантии российскими властями неприкосновенности имущества, привезенного или приобретенного на территории РСФСР, для чехословацких граждан, занимающихся торговой деятельностью на российской территории²¹.

¹⁸ Станков Н.Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 — 5 июня 1922 года) // Славяноведение. 2022. № 3. С. 15-16; Он же. Рапальский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. 2006. № 3. С. 6, 8.

¹⁹ На следующий день, 6 июня 1922 г., договор аналогичного содержания был подписан между Чехословакией и Советской Украиной. См.: Временный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Чехословацкой республикой // ДМИСЧО. Т. 1. № 447. С. 507-511.

²⁰ Там же. С. 509.

²¹ Там же. С. 510.

Таким образом, анализ экономических статей временного договора показывает, что они содержали лишь общие формулировки и были явно недостаточны для реализации полноценных экономических отношений между двумя государствами. Отсутствие четких законодательных норм при осуществлении торговых операций, неурегулированность вопросов, связанных с их кредитованием, а также неопределенность статуса советского представительства в Чехословакии и налогообложения заключаемых им сделок²² требовали дальнейших консультаций между дипломатами обеих стран, целью которых стала бы подготовка к заключению полномасштабного советско-чехословацкого торгового соглашения.

Однако дальнейшее развитие отношений между СССР и Чехословакией в данной сфере застопорилось, а неоднократно предпринимавшиеся советскими и чехословацкими дипломатами на протяжении второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. попытки приступить к урегулированию ситуации значимого успеха не имели. Серьезным препятствием на пути к достижению консенсуса было наличие в чехословацких правительственных кругах противников ведения переговоров с Советским Союзом, в первую очередь, возглавляемой К. Крамаржем Национально-демократической партии, поддерживаемой группой промышленников и банкиров во главе с генеральным директором Живностенского банка Я. Преиссом²³.

Очередной раунд советско-чехословацких переговоров был начат в 1933 г. по инициативе Праги и совпал с новым этапом сближения между СССР и Чехословакией, который происходил на фоне существенных сдвигов в системе международных отношений в Европе. Одним из факторов стал приход к власти в Германии в январе 1933 г. партии национал-социалистов и назначение канцлером А. Гитлера. Стремясь укрепить внешнеполитическое положение страны в тот момент, когда еще только начиналось восстановление германской военной мощи, Гитлер и его окружение видели в числе своих задач подрыв действовавшей в Европе системы международных отношений²⁴. Усиление внешнеполитических позиций Германии, а также переход правительственных кругов Великобритании, придерживавшихся в своей политике идеи «равновесия сил», к прямой или косвенной поддержке германских требований, угрожали интересам Франции, на тот момент еще сохранявшей статус наиболее влиятельной из стран европейского континента. Постепенное ослабление ее позиций серьезно настораживало правительственные круги Чехословакии. Неожиданным для них стало и согласие французской дипломатии принять участие в переговорах по предложенному Б. Муссолини проекту «пакта четырех», который предполагал установление в Европе директории четырех держав — Германии,

²² Ворачек Э. и др. Российско-чешские торгово-экономические отношения. С. 70, 72.

²³ Там же. С. 72, 74; *Sládek Z. Hospodářské vztahy... S. 8.*

²⁴ Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 99.

Италии, Великобритании и Франции²⁵. В связи с этим с начала 1933 г. МИД ЧСР приступил к поиску новых дипломатических комбинаций, в том числе инициировал новую попытку сближения с Советским Союзом.

Другим основанием, побудившим чехословацкие и советские круги возобновить переговоры, были изменения, произошедшие в сфере торговли между двумя странами. После короткого периода оживления в 1924–1925 гг.²⁶ во взаимном товарообороте между двумя государствами наблюдался значительный спад. Одновременно начали снижаться объемы чехословацкого экспорта в СССР: в 1926–1927 гг. он составил 2,15 % от общего объема вывоза, а в 1929 — лишь 1,3 %. При этом определенные сдвиги произошли и в характере торговой политики СССР. Если ранее советская сторона уделяла основное внимание размещению своих заказов на чехословацких предприятиях и в связи с этим в течение нескольких лет «имела резко выраженный пассив торгового баланса», то с 1925–1926 гг. внешне-торговое ведомство начало постепенно переходить к увеличению объема экспорта советской продукции в ЧСР на фоне сокращения объема заказов. В первой половине 1933 г. соотношение советского экспорта из Чехословакии к импорту в Чехословакию составляло «8 или 9 к 1-му». Серьезным препятствием для увеличения объемов советской торговли с Чехословакией продолжали оставаться применявшиеся чехословацким правительством, действовавшим в русле политики протекционизма в отношении импорта²⁷, лицензионные системы²⁸. Так, в первом полугодии 1933 г. хозяйственный департамент Министерства иностранных дел и девизная комиссия при Министерстве финансов значительно урезали квоты на ввоз из СССР таких товаров, как антрацит (2 тыс. т вместо 6 тыс.), томасова мука (3 тыс. т вместо 6 тыс.), анилиновое масло (10 т вместо 20 т)²⁹. После принятого 10 июня

²⁵ Кургуныян Т.А. «Пакт четырех» и чехословацкая дипломатия // Советское славяноведение. 1973. № 3. С. 19–23.

²⁶ В 1924 г. объем чехословацкого экспорта в Советский Союз, согласно данным чехословацких статистик, увеличился в 8,3 раза; согласно советским материалам, учитывавшим в том числе и товары, поступавшие из Чехословакии в СССР через Гамбург и Триест, — в 16,7 раза. Выросли и показатели советского импорта в Чехословакию: по данным советских статистик — в 2 раза, по данным чехословацких — в 14,4 раза. В следующем, 1925 г., экспорт из ЧСР в Советский Союз достиг своей максимальной величины — в соответствии со сведениями, направленными в Прагу торговой миссией Чехословакии в Москве, советский экспорт в ЧСР вырос в 10 раз, а чехословацкий в СССР — в 32 раза. См.: *Sládek Z. Hospodářské vztahy...* S. 74, 77.

²⁷ *Průcha V. et al. Hospodářské a sociální dějiny Československa. Brno: Doplněk, 2004. Díl 1: Období 1918–1945.* S. 226, 278–279.

²⁸ С.С. Александровский — Н.Н. Крестинскому, Прага, 28 VII 1933 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 57–62; [Докладная записка по экспортной работе за 1-е полугодие 1933 г. Прага, 26 июля 1933 г.] // Российский государственный архив экономики (далее — РГЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 558. Л. 1–5; *Přehled dějin československo-sovětských vztahů...* S. 166.

²⁹ С.С. Александровский — Н.Н. Крестинскому, Прага, 28 VII 1933 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 59–61.

1933 г. постановления о повышении ставок таможенных тарифов в крайне невыгодном положении оказались и поставки нефти и нефтепродуктов³⁰. Введения правительством ограничений на поступление из СССР в ЧСР продукции деревообрабатывающей, угольной, текстильной и химической промышленности требовали и представители соответствующих предприятий в ЧСР, что было связано с отсутствием у них возможности конкурировать с ценовыми предложениями советских поставщиков³¹. Результатом стало снижение показателей советского экспорта с 3 500 000 руб. в первой половине 1932 г. до 1 446 000 руб. в первой половине 1933 г.³².

Неурегулированность вопроса о лицензиях на советские товары побудила стороны возобновить переговоры. 16 января 1933 г. заведующий политическим отделом МИД ЧСР Павел Велнер обратился к полпреду СССР в Праге А.Я. Аросеву и торгпреду Ф.Ф. Килевицу с предложением «начать общие переговоры о торговом договоре, о торговом представительстве и о налогах». Советские представители выразили свое согласие. В этот же день состоялась их встреча с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем. Последний сам поднял тему о необходимости заключения соглашения, в тексте которого были бы урегулированы все проблемы, связанные с чехословацко-советскими отношениями в области экономики: вопросы о правах торгпредства и его налогообложения³³.

Позиция советской стороны в торговых переговорах с Чехословакией, как и во время предыдущих этапов взаимных консультаций, продолжала оставаться категоричной. Инструктируя С.С. Александровского, сменившего в мае 1933 г. А.Я. Аросева на должности полномочного представителя СССР в Чехословакии, по вопросу о его возможном выступлении перед представителями чехословацкой прессы, заместитель наркома по иностранным делам Н.Н. Крестинский отмечал, что первостепенной задачей советской дипломатии в отношении Чехословакии должно было стать именно возобновление дипломатических отношений, в то время как решение о заключении торгового договора имело бы второстепенную значимость³⁴.

Новая стадия консультаций между сторонами началась в сентябре — октябре 1933 г. Их инициатором стал политический референт Восточного отдела МИД ЧСР Й. Благож, предложивший признать в качестве торго-

³⁰ С.С. Александровский — Н.Н. Крестинскому, Прага, 16 VIII 1933 // Там же. Л. 111–116; Общая характеристика чехословацкого нефтяного рынка и работа совнефтеэкспорта за I-е п/г 1933 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 558. Л. 20–21.

³¹ Ворачек Э. и др. Российско-чешские торгово-экономические отношения. С. 80.

³² [Докладная записка по экспортной работе за I-е полугодие 1933 г. Прага, 26 июля 1933 г.] // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 558. Л. 2–3.

³³ А.Я. Аросев и Ф.Ф. Килевиц — НКВД СССР, Прага, 16 I 1933 // ДМИСЧО. М.: Наука, 1977. Т. 2: Август 1922 — июнь 1934 г. № 431–432. С. 540–541.

³⁴ Н.Н. Крестинский — С.С. Александровскому, [Москва], 7 VIII 1933 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 109.

вого временный договор 1922 г. Советская сторона проявила внимание к разработанному чехословацкой дипломатией проекту. Из инструкций, направленных Александровскому 27 октября 1933 г. Народным комиссариатом иностранных дел, было видно желание советской стороны добиться провозглашения Чехословакии и СССР торгово-договорными странами без проведения переговоров и подписания соответствующего соглашения. Таким образом, полагали в ведомствах иностранных дел и внешней торговли, Советский Союз мог бы добиться от ЧСР введения конвенционных пошлин для советского экспорта в обмен на предоставление чехословацкой стороне возможности осуществления транзита через территорию СССР. С целью облегчить претворение такого варианта в жизнь советские дипломаты были готовы определить статус торгпредства с помощью обмена нотами или заключения специального соглашения. Однако в том случае, если бы чехословацкие дипломаты «не захотели пойти на соглашение о Торгпредстве без каких-либо новых материальных уступок» со стороны СССР или же связывали с ними новый этап торгово-политических переговоров, Москва была готова вести их на тех же принципах и без соглашения о статусе Торгпредства³⁵.

Проект Благожа и предложения НКВТ были рассмотрены и на высшем уровне. 14 ноября 1933 г. в результате опроса своих членов Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о целесообразности принятия разработанного чехословацким дипломатом плана³⁶, а 17 ноября НКВД направил в полпредство в Праге проект ноты о Торгпредстве, составленный по образцу аналогичного советско-литовского документа³⁷. В Москве полагали, что обмен заявлениями о статусе СССР и Чехословакии как торгово-договорных стран был бы выгоден советской стороне лишь в том случае, если бы ЧСР предоставила по экспортируемым ею товарам «те же пониженные таможенные ставки, которыми пользуются настоящие торгово-договорные страны», а также если бы ЧСР распространила на СССР «другие их преимущества». Такое решение было вызвано тем, что советская сторона опасалась возникновения ситуации, при которой чехословацкая сторона восприняла бы согласие полпреда на заключение торгового договора как готовность Советского Союза начать переговоры «без возобновления дипотношений». Вместо этого Александровскому поручалось попытаться побудить Благожа к тому, чтобы он сам выступил в качестве инициатора обсуждения вопроса. В таком случае полпреду следовало заявить, что высказанная им идея является дискутабельной, и если бы Чехословакия обратилась к советскому

³⁵ Г.Я. Сокольников и Б.Д. Розенблюм — С.С. Александровскому, Москва, 27 XI 1933 // *Там же*. Л. 132-134.

³⁶ Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 397, 400.

³⁷ Н.Н. Крестинский — С.С. Александровскому, Москва, 17 XI 1933 г. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 97. Л. 132-133; Проект ноты министерству иностранных дел // *Там же*. Л. 134-136.

правительству с официальным запросом, последнее отнеслось бы к нему благожелательно. При отсутствии такового НКИД посчитал бы зондаж Александровского неудавшимся и вновь ожидал бы «изменений общей обстановки в отношениях между СССР и Чехословакией»³⁸.

По всей вероятности, нового предложения от Й. Благожа или МИД ЧСР полпреду так и не поступило. На это указывает то обстоятельство, что 2 декабря 1933 г. во время заседания Коллегии Народного комиссариата иностранных дел, в котором принимал участие и Александровский, было принято решение «не давать чехам заказов, по крайней мере первый квартал 1934 г.». Кроме того, НКИД постановил сократить штат торгпредства в Праге на 40 %. Данный шаг, предпринятый на фоне обстановки экономического кризиса, был сделан с целью продемонстрировать чехословацким правительственным кругам, что им не стоит рассчитывать на развитие торгово-экономических отношений в условиях, когда СССР фактически трактуется как «бездоговорная» страна³⁹.

Тем не менее подготовка проекта торгового договора продолжилась и в начале 1934 г. Его составление Э. Бенеш поручил руководителю IV (экономической) секции внешнеполитического ведомства ЧСР Ю. Фридману. 7 февраля министр иностранных дел Чехословакии сообщил об этом С.С. Александровскому. Они условились, что, если советские дипломаты нашли бы данный проект подходящей базой, то переговоры по нему могли бы быть продолжены, а текст договора был бы окончательно готов к моменту нормализации отношений между двумя странами. В том случае, если подписание договора оказалось бы нежелательным для советской стороны или несвоевременным, Бенеш был готов обсуждать и иные варианты, в том числе выдвинутую Благожем идею⁴⁰.

После завершения подготовки проекта договора 12 февраля 1934 г. его копии были разосланы для ознакомления всем ведомствам ЧСР. Окончательные формулировки его статей были приняты на межминистерском совещании⁴¹. 28 февраля 1934 г. основные положения, вошедшие в проект соглашения, Ю. Фридман обсудил с торгпредом Килевицем, а затем, 7 марта 1934 г., и с полпредом Александровским. Этот документ представлял собой компиляцию, составленную из отдельных частей торговых договоров, заключенных Советским Союзом с другими странами, и снабженную рядом

³⁸ Н.Н. Крестинский — С.С. Александровскому, Москва, 17 XI 1933 г. // *Там же*. Л. 96–97; Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 400.

³⁹ Там же. С. 401.

⁴⁰ Запись беседы представителя СССР в Чехословакии С.С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем, Прага, 7 II 1934 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 459. С. 576–577.

⁴¹ Сообщение Министерства иностранных дел Чехословакии министерствам и высшим правительственным органам по вопросу о временном решении торговых отношений с СССР, Прага, 17 V 1934 г. // *Там же*. № 471. С. 589.

дополнений, необходимых для приспособления соглашения «к требованиям чехословацких законов»⁴². В основу предлагаемого МИД ЧСР варианта договора был положен принцип наибольшего благоприятствования. Он подразумевал статьи, регулировавшие вопросы поселения и правовой защиты граждан, мореплавания, использования товарных знаков, авторского права, статуса Торгпредства и торговых обществ⁴³. Помимо этого в документ предполагалось включить и положение, согласно которому Советский Союз обязывался предоставить чехословацким предприятиям контингенты для ввоза в СССР товаров на сумму 250 млн крон в год⁴⁴. Полпред, руководствуясь указаниями из Москвы, отклонил данное предложение, заявив о необходимости создания общей правовой базы для заключения подобного рода договоров в виде признания Советского Союза де-юре⁴⁵.

15 марта 1934 г. во время очередной встречи с Бенешем Александровский сообщил главе чехословацкого внешнеполитического ведомства, что советское правительство еще не проводило обсуждение вопроса о торговых переговорах с ЧСР, и обратил его внимание на то, что вручение чехословацкой стороной проекта советской стороне может быть рассмотрено как особая форма предложения о переговорах. При этом он еще раз заявил об отсутствии достаточных предпосылок для их проведения до установления между Чехословакией и СССР дипломатических отношений. Бенеш ответил, что «проект и предложение вступить в переговоры о торговом договоре нужно рассматривать как его инициативу». Выразив надежду на скорое урегулирование политических отношений между обеими странами, он предложил «считать политические переговоры открытыми, переговоры о торговом договоре как часть и вопрос, подлежащий урегулированию для нормализации взаимоотношений».

Текст чехословацкого проекта соглашения Александровский получил вечером 15 марта и направил его в НКВД вместе с письмом, в котором сообщил о своих впечатлениях от разговора с Бенешем⁴⁶. Из ответной телеграммы Н.Н. Крестинского следовало, что Москва восприняла позицию чехословацких правительственных кругов как их желание получить от Советского Союза «компенсацию в форме торгового договора» за восстановление дипломатических отношений. Полпреду СССР в Праге было

⁴² Основными договорами, использовавшимися при создании данного проекта советско-чехословацкого соглашения, были советско-германский и советско-норвежский торговые договоры. См.: [Запись разговора с Фридманом 7-го марта 1934 года], Прага, 8 III 1934 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 102. Д. 102. Л. 35.

⁴³ Запись разговора с Фридманом 7-го марта 1934 года, Прага, 8 III 1934 // Там же. Л. 35.

⁴⁴ С.С. Александровский — Г.Я. Сокольникову, Прага, 6 марта 1934 г. // Там же. Л. 50-51.

⁴⁵ Запись разговора с Фридманом 7-го марта 1934 года, Прага, 8 III 1934 // Там же. Л. 36-37, 39-40.

⁴⁶ С.С. Александровский — Н.Н. Крестинскому, Прага, 15 III 1934 г. // ДМИСЧО. Т. 2. № 464. С. 584.

рекомендовано заявить Бенешу о возвращении к переговорам только после получения ответа из Москвы⁴⁷.

Ответная телеграмма из советской столицы поступила в полпредство 2 апреля 1934 г. М.М. Литвинов, с 1930 г. занимавший должность народного комиссара по иностранным делам, поручил Александровскому уведомить руководителя чехословацкого внешнеполитического ведомства, что СССР заключал со всеми странами торговые договоры «только после нормализации отношений» и в связи с этим от подобной практики отступить не может⁴⁸. Об этом полномочный представитель СССР в Праге сообщил Э. Бенешу во время встречи, состоявшейся 6 апреля 1934 г. Последний воспринял заявление советской стороны спокойно и, в свою очередь, заявил Александровскому о готовности чехословацкой стороны вернуться к проекту взаимного признания Советским Союзом и Чехословакией друг друга торгово-договорными странами на основе временного договора 1922 г. в том случае, если бы решение проблемы признания СССР де-юре затянулось⁴⁹.

Опубликованные во втором томе сборника «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений» служебные записки по линии МИД ЧСР демонстрируют, что после 14 апреля 1934 г. Бенеш утвердился в своем намерении придерживаться последнего варианта торгово-политических переговоров с СССР⁵⁰. К принятию такого решения чехословацкое внешнеполитическое ведомство побуждали и соображения чисто экономического характера. По-прежнему актуальным оставался вопрос о размере таможенных сборов, которые применялись к импортировавшимся из СССР товарам. В мае 1934 г., отмечая намерение советской дипломатии добиваться введения договорных пошлин, чехословацкое внешнеполитическое ведомство указывало, что разрешение этого вопроса никоим образом не способствовало бы интересам Чехословакии, поскольку в таком случае «Советы наверняка бы добивались время от времени новых таможенных льгот <...> а общая нормализация торговых отношений постоянно бы отдалялась во вред чехословацкому экспорту, который значительно упал». Выход из сложившейся ситуации руководство Министерства иностранных дел видело в создании условий для импорта советских товаров в ЧСР «путем предоставления договорных таможенных тарифов на основе принципа наибольшего благоприятствования». Данная мера должна была иметь временный характер и действовать вплоть до заключения полноценного торгового договора. Ее введение позволило бы свести на нет исполь-

⁴⁷ Н.Н. Крестинский — С.С. Александровскому, Москва, 17 III 1934 г. // *Там же*. № 465. С. 585.

⁴⁸ М.М. Литвинов — С.С. Александровскому, Москва, 2 IV 1934 г. // *Там же*. № 467. С. 587.

⁴⁹ С. С. Александровский — НКВД СССР, Прага, 6 IV 1934 г. // *Там же*. № 468. С. 587.

⁵⁰ Запись референта Министерства иностранных дел Чехословакии Я. Глоса об указании министра иностранных дел Э. Бенеша заключить с СССР временный торговый договор, Прага, 14 IV 1934 г. // *Там же*. № 470. С. 589.

зубый советскими дипломатами аргумент о вытеснении товаров из СССР с чехословацкого рынка. Соответствующее соглашение должно было быть реализовано посредством обмена нот. В его рамках также подразумевалось заключение договоренностей о контингентах и обеспечении провоза чехословацких товаров через СССР⁵¹.

Возвращение к обсуждению проекта отдельного договора произошло лишь после 9 июня 1934 г., когда состоялось дипломатическое признание СССР Чехословакией и Румынией. В письмах, приложенных к нотам о нормализации отношений между Советским Союзом и Чехословакией, было заявлено о прекращении и окончательной ликвидации взаимных финансовых претензий, «проистекающих из событий войны и революции», равно как и «применения революционного законодательства в обеих странах». При переговорах, касавшихся взаимных экономических и торговых отношений и интересов обеих стран и их граждан, они обязались придерживаться тех же принципов, что применялись в ходе решения аналогичных вопросов с другими государствами, «с которыми они поддерживают нормальные дипломатические отношения»⁵². Кроме того, официальное установление дипломатических отношений в 1934 г. вызывало надежду на частичное оживление советско-чехословацкой торговли и разрешение основных торгово-политических вопросов⁵³.

К этому моменту советской стороной был рассмотрен чехословацкий текст и разработаны основные замечания к нему. 29 июня проект обсудили на заседании Политбюро. Его участники постановили разрешить Александровскому и Килевицу сообщить чехословацкому внешнеполитическому ведомству о готовности СССР приступить к переговорам. Их фактическое начало было рекомендовано отложить на осень 1934 г., а предметом должен был стать представленный чехословацкой стороной проект, с учетом поправок, предложенных народными комиссариатами иностранных дел и внешней торговли⁵⁴.

Действуя в соответствии с полученными от НКВД инструкциями, Александровский договорился с Фридманом о переносе консультаций на сентябрь⁵⁵, а 10 июля посетил его заместителя Я. Глоса, которого ознакомил с позицией советской стороны. Во время беседы выяснилось, что препятствием для продолжения переговоров вновь стали вопрос о контингентах и проблема пассивного торгового баланса ЧСР. Стремясь достичь

⁵¹ Сообщение Министерства иностранных дел Чехословакии министерствам и высшим правительственным органам по вопросу о временном решении торговых отношений с СССР, Прага, 17 V 1934 г. // *Там же*. № 471. С. 590.

⁵² АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 102. Д. 102. Л. 16-17; 20.

⁵³ *Sládek Z. Hospodářské vztahy...* S. 145.

⁵⁴ *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б)... С. 453.

⁵⁵ Запись разговора с зав. экономическим отделом МИДа Фридманом, Прага, 4 VII 1934 г. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 169. Л. 171.

благожелательного отношения советской стороны «к вопросам советских заказов в Чехословакии», Глос заявил, что правительственные круги его страны проявили готовность пойти на уступки СССР, письменно оповестив Торгпредство о согласии «соответствующих чехословацких органов на ввоз в Чехословакию ряда советских товаров». Принятие Москвой этого предложения создало бы благоприятную обстановку для ведения дальнейших переговоров⁵⁶. На вопрос об отношении советской стороны к возможности установления контингентов для чехословацкого экспорта на 1935 год Александровский ответил, что «подобные вопросы никогда не входят в рамки собственно торговых договоров», и введение контингентов в таком случае — «не самоцель и не идеальное средство, а скорее, наоборот, форма, рожденная нуждой и ненормальностью положения»⁵⁷.

Обсуждение проблемы было продолжено 27 сентября во время встречи Э. Бенеша с М.М. Литвиновым в Женеве. Главы внешнеполитических ведомств Советского Союза и Чехословакии обсудили «ближайшие конкретные задачи» совместной политики двух стран, среди которых присутствовало и два экономических проекта: подготовка торгового соглашения и разработка экономического и финансового плана сотрудничества «в форме постоянных кредитов и поставок»⁵⁸.

К переговорам стороны приступили в октябре 1934 г. При этом советская сторона по-прежнему придерживалась тактики затягивания, в то время как Бенеш и Фридман, наоборот, настаивали на скорейшем заключении договора⁵⁹. В донесении от 5 ноября Александровский, сообщая в НКВД о своем впечатлении от частных встреч с представителями чехословацкой стороны, выражал надежду, что в ближайшем будущем «все спорные вопросы легко будет урегулировать», в связи с чем документ, по его мнению, мог бы быть подписан в ближайший срок. При этом полпред полагал, что на сей раз чехословацкая сторона не свяжет «подписание договора с вопросами о заказах или контингентах» из-за жесткой и недвусмысленной позиции советских представителей. На то, что чехословацкие ведомства осознали невозможность получить от советской стороны «контингенты или иные твердые обязательства», указывало, по словам Александровского, и

⁵⁶ Запись разговора с Гло[s]ом 10 июля 1934 г., Прага, 16 VII 1934 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. П. 102. Д. 102. Л. 106–107.

⁵⁷ Там же. Л. 106; 108–109.

⁵⁸ Записка о беседе министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша с народным комиссаром иностранных дел СССР М.М. Литвиновым в Женеве о дальнейшем развитии взаимных отношений, Прага, 27 IX 1934 г. // ДМИСЧО. М.: Наука, 1978. Т. 3: Июнь 1934 г. — март 1939 г. № 1. С. 45.

⁵⁹ Из записи беседы полномочного представителя СССР в Чехословакии С.С. Александровского с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем, Прага, 23 X 1934 г. // ДМИСЧО. Т. 3. № 30. С. 52–53; С.С. Александровский — М.М. Литвинову, Прага, 5 X 1934 г. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 46. Д. 167. Л. 71–72; Запись разговора с Бенешем, Прага, 1 XII 1934 г. // АВП РФ. Ф. 05. П. 102. Д. 102. Л. 150.

предложение о кредитовании советских заказов⁶⁰. Предположения советского полпреда оказались верными. Направленная 27 ноября 1934 г. Э. Бенешу IV секцией МИД ЧСР справка демонстрировала отказ чиновников экономического подразделения от прежней тактики из-за опасения, что Москва выдвинет встречное предложение «о ряде контингентов ввозимых товаров в ЧСР», которое чехословацкая сторона не смогла бы удовлетворить. В связи с принятием такого решения вопрос об объемах чехословацкого экспорта в Советский Союз должен был быть рассмотрен уже в рамках отдельных переговоров о кредитах⁶¹.

Окончательно согласованный с чехословацким МИД проект советско-чехословацкого торгового соглашения вместе со статьями приложенного к нему заключительного протокола был передан в Народный комиссариат иностранных дел в декабре 1934 г. Его I–VI статьи регулировали вопросы, касавшиеся поселения, приобретения имущества, вывоза и ввоза орудий труда и инструментов, необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Договор давал гражданам обеих стран возможность пользоваться равными правами, льготами и преимуществами при осуществлении торговой, трудовой и иной деятельности и позволял им иметь свободный доступ к судам и иным государственным учреждениям договаривающихся сторон для защиты своих интересов. В VII статье в общей форме были прописаны обязанности и функции, возлагавшиеся на назначаемых правительствами Советского Союза и Чехословакии консульских работников, а также содержалось обязательство сторон «в кратчайший срок заключить консульскую конвенцию и соглашение о наследовании». VIII статья фактически представляла собой договор о Торгпредстве СССР в ЧСР. XI–XV статьи документа были посвящены вопросам организации торговли, обложения товаров пошлинами и таможенными сборами или же освобождения от них, осуществления перевозок пассажиров, багажа и товаров по железным дорогам и водным путем⁶². Частью договора должна была стать и предложенная чехословацкой стороной декларация о взаимной охране прав на промышленную собственность⁶³. Предполагалось, что вступление соглашения в силу произойдет на 15-й день после обмена ратификационными грамотами. В том случае, если бы одна из сторон заявила о намерении расторгнуть договор, его действие прекратилось бы «через один год со дня отказа»⁶⁴.

⁶⁰ С.С. Александровский — М.М. Литвинову, Прага, 5 X 1934 г. // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 9. П. 46. Д. 167. Л. 72.

⁶¹ Справка экономического отдела Министерства иностранных дел Чехословакии министру иностранных дел Э. Бенешу о состоянии торговых отношений с СССР, Прага, 27 XI 1934 г. // ДМИСЧО. Т. 3. № 33. С. 62–63.

⁶² РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 785. Л. 72–92.

⁶³ Там же. Л. 87.

⁶⁴ Там же. Л. 89.

Текст чехословацкого проекта обсуждался на совещании под председательством заместителя начальника Экспортного управления Ю.О. Ленгиеля, состоявшемся 16 декабря 1934 г. в Народном комиссариате внешней торговли СССР⁶⁵. 23 декабря отредактированные варианты его I–VII, IX и XVI статей и вошедших в заключительный протокол примечаний были переданы в распоряжение НКВД. Помимо стилистической правки советские эксперты рекомендовали включить в текст договора разъяснение относительно трактовки понятия «юридическое лицо» в советском правовом пространстве. 1-й и 2-й пункты VII статьи, содержавшие постановления о задачах Торгпредства СССР в Чехословакии и пункт об исключении его упоминания в чехословацком торговом реестре, предлагалось отредактировать по образцу советско-норвежского или советско-эстонского договоров. Равным образом представители НКВД рекомендовали включить в текст договора разъяснение 6-го пункта VIII статьи о трактовке согласно чехословацким законам и чехословацкой юрисдикции всех произведенных Торгпредством на территории ЧСР сделок и торговых операций⁶⁶.

Параллельно с переговорами о торговом соглашении между чехословацкой и советской стороной состоялся обмен мнениями и по вопросу о налоговом обложении операций Торгового представительства СССР. Согласно принятым решениям, в отношении Торгпредства не должны были применяться действовавшие в ЧСР прямые налоги и надбавки к ним. Они заменялись так называемым паушальным налогом (сбором, который выплачивался в фиксированном размере). Начисление данной ставки предполагалось производить по следующей схеме: Торгпредство СССР обязывалось сообщать каждый год в Налоговое управление «до конца февраля следующего за облагаемым операционным годом» сумму своей выручки от экспорта в Чехословакии, на основании которой впоследствии планировалось производить исчисление ставки налога. Его величина, указанная в предоставленном чехословацкой стороной проекте, составляла 4,169 % «от обычных цен товаров», в то время как в советском контрпроекте — 0,215 % с «общей суммы экспортной выручки». Впоследствии стороны пришли к компромиссному решению: ставка паушального налога должна была составлять «0,4 % общей суммы торговых оборотов по сделкам, проведенным Торгпредством», что было зафиксировано в отдельной статье договора⁶⁷.

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 785. Л. 71; Замечания к проекту торгового договора с Чехословакией, принятые на совещании у тов. Ленгиеля с участием тов. Гойхбарга и тов. Блюменфельда, Москва, 16 XII 1934 г. // *Там же*. Л. 44.

⁶⁶ Там же. Л. 44–44 об.

⁶⁷ Чехословацкий проект. Соглашение о проведении налогового обложения Торгового Представительства Союза Советских Социалистических Республик в Чехословацкой Республике, принятого во исполнение ст. VIII настоящего торгового договора // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 785. Л. 95; Советский контрпроект // *Там же*. Л. 93–94; Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословацкой, Прага, 25 III 1935 г. // ДМИСЧО. Т. 3. № 49. С. 83–94.

Таким образом, подводя итоги исследования, следует отметить, что основные задачи, которые ставили перед собой советская и чехословацкая стороны в 1933 г., ко времени возобновления переговоров о торговом соглашении, были сформулированы их представителями еще в 1921–1922 гг., в процессе выработки текста временного договора. Для советского руководства первостепенное значение имело признание де-юре, и проблема установления контактов с ЧСР рассматривалась им как средство дипломатического нажима на правительство Чехословакии. В то же время Министерство иностранных дел ЧСР было заинтересовано в том, чтобы добиться для своей страны наиболее выгодных условий в торговле с Советским Союзом. Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословацкой, подписанный 25 марта 1935 г., включил в себя более широкие, по сравнению с временным договором 1922 г., положения, регулировавшие вопросы поселения, статус Торгпредства и налогообложение его сделок, а также положения, определявшие права фирм, обществ и государственных организаций при ведении хозяйственной деятельности на территории другой договаривающейся стороны. Он являлся очередным шагом в процессе налаживания связей между двумя странами. Окончание торгово-политических переговоров в марте 1935 г., наряду с заключением 16 мая 1935 г. договора о взаимной помощи, ознаменовало собой начало нового этапа в истории советско-чехословацких отношений⁶⁸.

Литература

- Ворачек Э. и др.* Российско-чешские торгово-экономические отношения = *Cesko-ruské obchodně-ekonomické vztahy*. Praha: PR-Aspekt International, 2014.
- Кен О.Н.* Чехословакия в политике Москвы (1932–1936 гг.): к новой постановке проблемы // *Россия XXI: общественно-политический и научный журнал*. 1996. № 7–8. С. 52–70; № 11–12. С. 82–112; 1997. № 1–2. С. 62–86.
- Кен О.Н., Рупасов А.И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб.: Европейский дом, 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 — июнь 1934.
- Кизченко А.Ф.* Внешняя политика Чехословакии накануне Второй мировой войны (май 1935 г. — март 1939 г.): дис. <...> д. ист. наук. Киев, 1972.
- Конечный З., Майнуш Ф.* Чехословацко-советский торговый договор 1935 г. // *Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Řada historická (C)*. 1967. Roč. XVI. Č. 14. S. 101–116.
- Кургуныян Т.А.* «Пакт четырех» и чехословацкая дипломатия // *Советское славяноведение*. 1973. № 3. С. 19–30.

⁶⁸ Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословацкой, Прага, 25 III 1935 г. // ДМИСЧО. Т. 3. № 49. С. 83.

- Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. М.: Индрик, 2013.
- Петерс И.А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965.
- Петерс И.А.* СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Киев: Наукова думка, 1971.
- Серапионова Е.П.* Чехословакия и вопрос о признании Советской России в начале 1920-х гг. // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е.П. Серапионова. М.: Полимедиа, 2020. С. 148–162.
- Сладек З.* Экономические соглашения между ЧСР и СССР 1935 г. // Советско-чехословацкие отношения между двумя войнами, 1918–1939: сборник статей / под ред. С.И. Прасолова, П.И. Резонова. М.: Наука, 1968.
- Случ С.З.* Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.
- Станков Н.Н.* Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 — 5 июня 1922 года) // Славяноведение. 2022. № 3. С. 5–19. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0019971-1>
- Станков Н.Н.* Рапальский договор 1922 года и Чехословакия // Славяноведение. 2006. № 3. С. 3–15.
- Přehled dějin československo-sovětských vztahů v údobí 1917–1939 / zprac. Č. Amort a kol.* Praha: Academia, 1975.
- Průcha V. et al.* Hospodářské a sociální dějiny Československa. Brno: Doplněk, 2004. Díl 1: Období 1918–1945.
- Sládek Z.* Hospodářské vztahy ČSR a SSSR, 1918–1938. Praha: Horizont, 1971.
- Šedivý J.* Z jakých hospodářských a politických příčin uzavřela ČSR prozatímní dohody se Sovětským Ruskem v roce 1922 // *Prasolov S.I., Sládek Z., Šedivý J., Vorobjeva J.D.* Studie z dějin československo-sovětských vztahů 1917–1938. Praha: Academia, 1967. S. 7–28.

References

- Amort, Č., et al., eds, 1975. Přehled dějin československo-sovětských vztahů v údobí 1917–1939. Prague: Academia.
- Ken, O.N., 1996–1997. Chekhoslovakiia v politike Moskvy (1932–1936 gg.): k novoi postanovke problemy [Czechoslovakia in Moscow's Politics (1932–1936): Towards a New Formulation of the Problem]. *Rossii XXI: obshchestvenno-politicheskii i nauchnyi zhurnal*, 7–8, pp. 52–70; 11–12, pp. 82–112; 1–2, pp. 62–86.
- Ken, O.N., Rupasov, A.I., 2000. *Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentariia* [Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the relations of the USSR with western neighboring states (late 1920s — 1930s): Problems. Documents. Commentary experience]. Saint Petersburg: Evropeiskii dom. *Chast' 1: dekabr' 1928 — iun' 1934* [Part 1: December 1928 — June 1934].
- Kizchenko, A.F., 1972. *Vneshniaia politika Chekhoslovakiia nakanune Vtoroi mirovoi voiny (mai 1935 g. — mart 1939 g.)* [Foreign policy of Czechoslovakia on the

- eve of World War II (May 1935 — March 1939). Dis. <...> dokt. ist. nauk. Taras Shevchenko National University of Kyiv.
- Konečný, Z., Mainuš, F., 1967. Chekhoslovatsko-sovetskii torgovyi dogovor 1935 g. [The Czechoslovak-Soviet Trade Agreement of 1935]. *Sbornik prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. Řada historická (C)*, XVI (14), pp. 101–116.
- Kurgun'ian, T.A., 1973. “Pakt chetyrekh” i chekhoslovatskaia diplomatiia [The Four-Power pact and the Czechoslovak diplomacy]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 3, pp. 19–30.
- Mar'ina, V.V., 2013. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i che-lovek, 1884–1948* [The Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: Politician and Person, 1884–1948]. Moscow: Indrik.
- Peters, I.A., 1965. *Chekhoslovatsko-sovetskie otnosheniia (1918–1934)* [Czechoslovak-Soviet relations (1918–1934)]. Kyiv: Naukova dumka.
- Peters, I.A., 1971. *SSSR, Chekhoslovakiia i evropeiskaia politika nakanune Miunkhena* [USSR, Czechoslovakia and the European Policy on the Eve of Munich]. Kyiv: Naukova dumka.
- Průcha, V. et al., 2004. *Hospodářské a sociální dějiny Československa*. Brno: Doplněk. Díl 1: Období 1918–1945.
- Serapionova, E.P., 2020. Chekhoslovakiia i vopros o priznanii Sovetskoi Rossii v nachale 1920-kh gg. [Czechoslovakia and the Question of the Recognition of Soviet Russia in the Early 1920s.]. In: E. P. Serapionova, ed., 2020. *Chekhoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii* [Czechoslovakia and Soviet Russia on the rubble of empires]. Moscow: Polimedia, pp. 148–162.
- Sládek, Z., 1971. *Hospodářské vztahy ČSR a SSSR, 1918–1938*. Prague: Horizont.
- Sládek, Z., 1968. Ekonomicheskie soglasheniia mezhdru ChSR i SSSR 1935 g. [Economic Agreements Between ČSR and USSR of 1935]. In: S.I. Prasolov, P.I. Rezonov, eds, 1968. *Sovetsko-chekhoslovatskie otnosheniia mezhdru dvumia vojnami, 1918–1939: sbornik statei* [Soviet-Czechoslovak Relations Between Two Wars, 1918–1939: Collections of Articles]. Moscow: Nauka.
- Sluch, S.Z., 2005. Stalin i Gitler, 1933–1941: raschety i proschety Kremlia [Stalin and Hitler, 1933–1941: Calculations and Miscalculations of the Kremlin]. *Otechestvennaia istoriia*, 1, pp. 98–119.
- Stankov, N.N., 2022. Pervyi sovetsko-chekhoslovatskii dogovor: ot proekta do podpisaniia (2 apreliia 1921 — 5 iunია 1922 goda) [The First Soviet-Czechoslovak Treaty: From the Draft to its Signing (April 2, 1921 — June 5, 1922)]. *Slavic Studies*, 3, pp. 5–19. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0019971-1>
- Stankov, N.N., 2006. Rapall'skii dogovor 1922 goda i Chekhoslovakiia [The 1922 Rapallo Treaty and Czechoslovakia]. *Slavic Studies*, 3, pp. 3–15.
- Šedivý, J., 1967. Z jakých hospodářských a politických příčin uzavřela ČSR prozatímní dohody se Sovětským Ruskem v roce 1922. In: S.I. Prasolov, Z. Sládek, J. Šedivý, J.D. Vorobjeva, 1967. *Studie z dějin československo-sovětských vztahů 1917–1938*. Prague: Academia, pp. 7–28.
- Voráček, E., et al., 2014. Rossiisko-cheshskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniia [Russian-Czech Trade and Economic Relations] = Česko-ruské obchodně-ekonomické vztahy. Prague: PR-Aspekt International.

Ян Гус В ЧЕШСКОЙ МЕЖВОЕННОЙ УТОПИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Анна Вячеславовна Амелина

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский пр-т, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: Anna.v.amelina@mail.ru
ORCID 0000-0002-2700-1076

Аннотация

В статье рассматривается культурно-историческая роль Яна Гуса в утопических построениях чешской межвоенной литературы. В этот период в Чехии наблюдается «волна утопичности», именно утопия (как негативная, так и позитивная) стала чрезвычайно удобным средством для осмысления комплекса проблем молодой Чехословацкой республики, причем в это время отдается предпочтение национальному элементу перед социальным, что характерно и для славянских утопий в целом. Подавляющее большинство корпуса утопических произведений в это время принадлежит перу авторов второго и третьего ряда, но именно у них национальный вопрос выходит на первый план, причем чем проще и примитивнее такие тексты с художественной точки зрения, тем ярче в них выражены коллективные чешские национальные стереотипы. В таких произведениях Ян Гус предстает столпом национальной культуры. В первую очередь в плане духовном, как вдохновитель на строительство мирной и справедливой жизни, где чехи обретают, наконец, свое заслуженное страданиями место как народ, и во вторую — как вдохновитель на военные подвиги. Величие его фигуры для чехов настолько масштабное, что оно разгоняет утопические фантазии чешских авторов до мировой (как минимум культурной) гегемонии или же помогает миру справиться с его главным врагом — немцами. В статье анализируются романы: «Телефонный разговор чеха с обитателем планеты Марс» Й. Мичана (1918), «Гибель человечества» Й. Аканы (1928), «Красное головокружение» А.М. Тихого (1921), «Желтые против белых» В.О. Лучана (1925), «Тысячелетие короля Матгяша» Й. Черноха (1931).

Ключевые слова

Утопия, антиутопия, массовая литература, национальные стереотипы, гуситство, чешская литература, табориты, Первая республика

Статья поступила в редакцию 31 мая 2022 г.

Цитирование: Амелина А.В. Ян Гус в чешской межвоенной утопической литературе // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 88–100. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.05>

JAN HUS IN CZECH INTERWAR UTOPIAN LITERATURE

Anna V. Amelina

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: Anna.v.amelina@mail.ru
ORCID 0000-0002-2700-1076

Abstract

The article deals with the role of Jan Hus in utopian constructions of the Czech interwar literature. During this period, a “wave of utopianism” was observed in the Czech Republic, it was utopia (both negative and positive) that became an extremely convenient means for understanding the complex of problems of the young Czechoslovak republic, and at that time the national element was preferred over the social one, which is also characteristic of the Slavic utopia in general. The overwhelming majority of the of utopian works at that time was written by the authors of the second and third-rate, but it is with them the national question comes to the fore, and the simpler and more primitive from an artistic point of view the texts of such authors were, the more clearly they express collective Czech national stereotypes. In such works, Jan Hus appears as a pillar of national culture. First of all, in terms of spirituality, as an inspirer for the construction of a peaceful and just life, where the Czechs finally find their place as a people, tarnished by suffering, and secondly, as an inspirer for military exploits. The greatness of his figure for the Czechs is so massive that it accelerates the utopian fantasies of Czech authors to world (at least cultural) hegemony or helps the world cope with its main enemy — the Germans. The article analyzes the following novels: “Telephone conversation of a Czech with an inhabitant of the planet Mars” (1918) by J. Mičan, “Death of Mankind” (1928) by J. Akana, “Red Vertigo” (1921) by A.M. Tichý, “Yellows against Whites” (1925) V. O. Lučan, “The Millennium of King Matthias” (1931) J. Černoch.

Keywords

Utopia, antiutopia, mass literature, national stereotypes, Hussites, Czech literature, Taborites, the First republic

Received 31 May 2022

How to cite: Amelina, A.V., 2022. Ian Gus v cheshskoi mezvhoennoi utopicheskoi literature [Jan Hus in Czech interwar utopian literature]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 88–100. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.05>

Эпоха между двумя мировыми войнами, с одной стороны, стала золотым веком чешской истории в невиданном до той поры плюрализме культуры. Но с другой стороны, чехи вместе со словаками, получив национальную независимость и создав национальное государство, Чехословацкую республику, столкнулись с новыми для них вызовами внутренней и мировой политики, впервые за долгое время формально выступив субъектом последней.

Демаркация государственной границы происходила в сопровождении военных действий (например, с поляками — Тешинский вооруженный конфликт), проблемно проходило и последующее налаживание связей с ближними и дальними соседями, особенно с СССР, когда чешская политическая элита не могла принять решения об установлении с ним дипломатических отношений. С другой стороны, этнические немцы набирали политическую силу в условиях демократии республики. Все эти процессы и события, попав в передовицы газет, впоследствии находят отражение в публицистике, а вскоре и в художественной литературе, накладываясь при этом еще и на глубокие как личные, так и коллективные, в особенности что касается легионеров, травмы Первой мировой войны. И именно в этот период литературная (анти)утопия становится чрезвычайно популярной.

В 1920-е гг. в чешской литературе поднялась, а в 1930-е гг. откатилась так называемая «волна утопичности»¹. Явление это общеевропейское, однако в западных литературах утопия (имея в виду в нашей работе как позитивную, так и негативную ее разновидность) завоевывает свои позиции уже к XIX в., а в чешской она представлена лишь единичными случаями (русскому читателю они знакомы по книгам С. Чеха о путешествиях пана Броучека на Луну и в XV столетие, а также по романетто Я. Арбеса), поэтому для чешской культуры такая волна стала настоящим феноменом (в рассматриваемый межвоенный период выходит более 40 утопических произведений²). Именно утопия как тип сознания и в то же время форма проявления этого типа сознания — утопия литературная — становятся чрезвычайно удобным средством осмысления комплекса перечисленных выше проблем. С одной стороны, утопические произведения выражают надежды (в позитивных утопиях) и страхи (в негативных) насчет той или иной социально-политической организации общества и идеологии. Важной особенностью чешских (анти)утопий является то, что стержнем их конструкций выступает проблема существования, выживания и организации

¹ Piša A.M. Vlna utopičnosti // Piša A.M. Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha: František Svoboda a Solaf Roman, 1927. S. 142–153.

² Обзор, классификацию и основную проблематику утопических произведений межвоенной Чехии см. в работе: Machek J. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii // Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru / ed. I. Taranenková, M. Jareš. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV; Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej univerzity, 2012. S. 64–89.

чехов как нации; предпочтение национальному элементу перед социальным характерно и для славянских утопий в целом, что отмечено польским исследователем М. Бобровницкой³. Именно для чехов писатели рисуют идеальное общественное устройство или, наоборот, проецируют в будущее свои страхи за чешскую государственность, связанные, прежде всего, с ненавистными немцами (в подобной роли, впрочем, могут выступать также евреи, реже венгры и поляки⁴).

Многими чешскими историками литературы, в том числе современным исследователем чешской утопии Ярославом Махеком, отмечено, что подавляющее большинство корпуса утопических произведений принадлежит перу авторов второго и третьего ряда, о некоторых из них не сохранилось никаких данных, на многие издания не вышло даже рецензий. Но именно у таких авторов национальный вопрос выходит на первый план, в отличие от «элитарных» писателей-космополитов, в первую очередь К. Чапека. Вместе с тем чем проще и примитивнее с художественной точки зрения тексты таких авторов, тем ярче у них выражены коллективные чешские национальные стереотипы. При этом в признанных высокохудожественных литературных вершинах, то есть в произведениях братьев Чапек, Я. Вайсса, М. Майеровой, И. Гауссмана, если и присутствуют чешский национальный вопрос или национальные фобии, то скорее латентно.

Обращение в массовой утопической литературе к национальному вопросу порой связывается со стремлением утописта привлечь читателя и соответствовать его ожиданиям, то есть здесь усматривается и коммерческий мотив (см. вышеупомянутые работы Махека). Однако можно предположить, что данные авторы (вне зависимости от их ориентации на вкусы массового читателя) тем самым воплощают в своих романах настроения общества в целом и бытующие в нем обыденные представления, страхи и надежды — об этом свидетельствует хотя бы большое количество таких произведений, причем часть из них публиковалась даже за собственный счет. В некоторой степени здесь можно говорить о так называемой народной утопии.

Именно в национально организованном обществе авторы видят свой идеал, отвергая при этом идею всемирного объединения и глобализации. Идеал для них — это нация, данная человечеству от Бога или природы. Антиидеал, напротив, связан у чешских утопистов с поглощением Германией часто в составе интернационального социалистического образования. В идеальном мире Чехия часто становится великой мировой державой, под эгидой которой происходит объединение Европы: иногда это связано

³ *Bobrownicka M. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii) // Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. T. 2: Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim / pod red. B. Czapik-Lityńskiej. Katowice: Wydaw. UŚ, 1997. S. 9–17.*

⁴ Об этом см. работы: *Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”. Předastavy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // Forum historiae. 2012. Roč. 6. № 2. S. 84–100.*

с возникновением благоприятных природных условий или с переселением чехов подальше от немцев, в других случаях чехи становятся отважными воинами и успешно отражают атаки немцев, а бывает, и вовсе их завоевывают. В религиозных утопиях чехи становятся образцом нравственности и ими восхищаются остальные несовершенные народы. Все эти фантазии указывают на вполне имперские амбиции вновь освободившегося малого чешского народа.

В таких произведениях Ян Гус становится маяком, источником вдохновения, фигурой, символизирующей былое величие чехов и направляющей их в славное будущее⁵. Самым в этом смысле ярким и по хронологии ранним произведением является «Телефонный разговор чеха с обитателем планеты Марс» Й. Мичана, изданный в 1918 г. (впервые в 1915 г., но тираж был конфискован). В предисловии автор обращается к чешской общественности: «Чтобы доказать, что незабываемый магистр Ян Гус был истинным Божьим воином и мучеником, нужно пересмотреть Его процесс и перед всем миром реабилитировать. С этой целью была эта книга написана. Пришла мировая война, которая исключила любое высказывание в пользу этого национального святого — и эту невинную книгу запретили! <...> Народ чешский не был тогда единым, его вообще не было. Сейчас все иначе — народ един и для правды открыт. Ну же, к делу!»⁶. Само произведение представляет собой утопическое сочинение, уходящее жанровыми корнями к диалогам Платона и описывающее общество, напоминающее принципами своего устройства уклад таборитов. Сюжет довольно прост: чешскому инженеру удалось дозвониться до Марса и связаться с местным жителем, их беседа и есть содержание идеальной утопической фантазии. Марсианский мир — практически копия земного, там тоже есть страны и нации, и тоже есть город Прага, откуда и ведет свой разговор собеседник земного чеха. Однако марсианский мир по сравнению с земным — более развитый, идеальный. Постепенно восхищенному землянину открываются разные стороны жизни Марса.

Началось строительство нового мира в день 500-летней годовщины сожжения Яна Гуса. Был пересмотрен его процесс, после чего церковь отказалась от всего своего имущества в пользу бедных, а объединенный высшей идеей чешский народ вдохновился примером великого предка, и за церковь последовали все богатые жители Марса — так был создан Фонд Гуса, из которого обеспечивались все нуждающиеся, на эти же средства был учрежден Университет Гуса. С тех пор, словно чудом, чехи стали возрождаться, верующих все прибывало.

На Марсе покончено с научными спорами ввиду полной свободы высказывания, упразднены деньги и золото, а с ними роскошь, бедность, пре-

⁵ Это отмечает и Махек: *Machek J. Češi jako “predvoj lidstva... S. 88.*

⁶ *Mičan J. Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelem planety Martu. Karlín: Nákl. vlastním, 1918. S. 2.* (Здесь и далее перевод с чешского наш. — А. А.)

ступность и проституция, все работают, все получают всё необходимое и все равны, нет зависти и нет войн, исчезли болезни. В идеальном мире Мичана церковь не отделена от государства, а учение Христа в системе образования привело просто к чудесным результатам. С упразднением денег и бедности прекратилась и классовая борьба, социализм стал религией, поскольку христианство и социализм — это одна и та же идея: «Гус, церковь католическо-евангелическая, социализм, средние сословия при поддержке чистого реализма и народ сам своей доброй волей построили в короткий срок Царствие божие на планете Марс»⁷.

Чем больше описывает марсианин быт своей планеты, тем больше он напоминает общинную крестьянскую жизнь таборитов: одеваются жители одинаково, по-библейски, больше всего времени они занимаются земледелием, запрещен алкоголь (хотя автор тут же оговаривается, что «Пльзеньский праздрой» в виде исключения оставили), передвигаются они в основном пешком или на велосипеде. Чешские мужчины выглядят как воины эпохи Пршемысловичей, а женщины — как античные красавицы. Основа общества — семья, все женщины выходят замуж. Жители отличаются превосходным здоровьем и радуются жизни. И самое интересное: в отличие от Земли, на Марсе чешская речь — международная, то есть чехи стали мировым культурным гегемоном благодаря учению Яна Гуса.

По окончании разговора землянин предался мечтам о том, как и на его родине Прага станет Новым Иерусалимом, он представляет Яна Гуса, называя его «нашим дорогим», «нашим любимым» и Национальным Святым, и сошедшего с небес Христа, беседующих о судьбе чешского народа, который своей кровью и страданиями заслужил счастливое будущее⁸. Этот краткий диалог свидетельствует о том, что именно Гус, по мнению автора, не только призван привести чехов к мирскому величию, но и приближает их к Богу.

Данный текст демонстрирует классические черты утопического проекта: автор рисует достигнутый идеал общества, не предполагая какое-либо дальнейшее развитие, а история как непрерывный процесс игнорируется в принципе. Кроме того, пожалуй, именно Мичан дает самый амбициозный вариант идеального будущего для чехов — они стали мировым гегемоном и живут в Царствии Божием на земле «в непрерывной любви от вечности до вечности»⁹, придя к этому при помощи не физической силы, а духовной. Особенностью проекта Мичана также является заимствование уклада гуситских религиозных общин.

Схожие идеи слышатся и в романах с более или менее развернутым сюжетом. В произведении Й. Аканы (1881–?, настоящее имя Йозеф Гольий)

⁷ *Mičan J. Telefonická rozmluva...* S. 38.

⁸ *Ibid.* S. 52.

⁹ *Ibid.* S. 40.

«Гибель человечества» (чеш. *Zkáza lidství*, 1928), как и у Мичана, фигура Гуса сопряжена прежде всего с духовной составляющей создаваемого мира. Об Акане есть некоторые сведения в изданиях о научной фантастике (О. Неффа, И. Адамовича), на его роман вышла рецензия (литературный журнал «Звон»). Будучи автором патентов на технические изобретения, Акана центральным персонажем своего произведения сделал гениального ученого, которому удалось проникнуть в суть материи и полностью овладеть ее силами, став фактически богом в человеческом облики. Эти знания профессор, принявший имя Верус, решил использовать для спасения человечества, предложив последнему или нравственно преобразиться, или перейти к нематериальной стадии существования, стать ближе к Богу, под угрозой полного уничтожения от грядущей всемирной войны. Естественно, люди не вняли его призывам, и Верус строит огромную крепость на Белой горе, где собирает великие умы со всего света трудиться на благо человечества, тем самым сделав Прагу центром мира, вместе с тем избавив местных жителей от нищеты и взяв их под свою защиту. Благодаря своей силе все военные атаки на него он отразил исключительно мирными средствами. Война тем не менее разразилась, но автор заканчивает свою книгу мыслью о грядущем спасении (что должно было быть описано в продолжении романа).

Нравственный пафос у Аканы явно превалирует. В предисловии автор пишет: «Человечество нашей эпохи, при удивительных изобретениях, знаниях и скепсисе, отчаянно мечется в своих слабостях и страстях. Оно ищет успокоение своей души и нервного тела, но ничего не находит. <...> нужно, чтобы человечество изменилось само. <...> я показываю ему этот путь»¹⁰. Делает это Акана художественно не очень искусно, его положительные образы шаблонно идеализированы (в особенности женские в своей добродетели и невинной красоте). Опору, как и Мичан, он видит в Яне Гусе. Белая гора, на которой разместился Верус, у Аканы служит постоянным напоминанием о национальной трагедии, символом боли и войны (автор был на фронтах Первой мировой войны), и эту рану он лечит, своей крепостью он охраняет мир чехов, которые поверили своему богу. Рассуждения о Боге у автора при этом довольно нетрадиционные, Верус становится богом не в христианском понимании, а называется, в частности, буддийским Христом. Христианский Бог у Аканы виновен в войнах, а потому ниспровергается и провозглашается не-Богом¹¹. Однако к Яну Гусу у автора отношение однозначно благоговейное, и мало того, Верус выступает своего рода его реинкарнацией и последователем: «Однажды уже гений народа чешского погиб <...>. Погубили гения нашего, несмотря на всяческую справедливость и право. Их грубая сила победила материю тела гения. Дух гения перешел в его народ <...>. Однако сильные народа этого не пошли с ним, и

¹⁰ *Akana J. Zkáza lidství. Praha: Max Forejt, 1928. S. 5.*

¹¹ *Ibid. S. 119.*

тогда допустили они на землю свою чужеземцев, чтобы те избавили народ от светлых идей. <...> Так и ныне. Великий гений человечества пребывает на Белой горе, где уже однажды народ наш ослабленного духа был повержен грубой силой в рабство»¹²; «отвергните все иллюзии и ложь и живите лишь правдой, как вам завещал гений нашего народа, Гус, за которой шли ваши славные предки»¹³.

В отличие от Мичана, Акана не рисует идеальный мир, по своему объекту изображения роман скорее антиутопия, однако с сильным потенциалом утопии, частично реализованной пока лишь для чехов и планируемой распространиться на все человечество в продолжении романа, так, впрочем, и не опубликованном. Тем не менее, так же, как и у Мичана, у Аканы чех меняет судьбу всего мира, делает Прагу его центром, а сам становится богом, оберегающим соотечественников от войны, вторым Яном Гусом, гением и спасителем человечества. У Аканы мы видим смещение акцента в восприятии Гуса по сравнению с Мичаном — если у последнего Гус иерархически ниже Христа, то у Аканы Гус замещает Христа, принося новую веру. Кроме того, автор делает акцент на уме и гениальности Гуса, отождествляя тем самым мораль и разум. Так же, как и у Мичана, сам Гус в романе Аканы тоже «появляется» — в одной из глав Верус вызывает из прошлого духов исторических деятелей (Христос, Колумб, Наполеон и др.), в случае с Гусом автор изображает сцену сжигания его на костре и передает его предсмертную обличающую проповедь, обращенную к смеющимся над ним людям¹⁴.

Более приземленный взгляд на мир представляет А.М. Тихий (1882–?) в романе «Красное головокружение» (чеш. *Rudá závrat'*, 1921, рецензия вышла в журнале «Цеста» за 1922 г.). Автор — журналист и прозаик, редактор оккультного журнала, так же как Акана, склонный совмещать в своих произведениях научный и мистический компонент, по-видимому, легионер (судя по знаниям русских реалий и русизмам в тексте). Его динамичный, насыщенный событиями роман-антиутопия с отчетливо антинемецким пафосом рассказывает о том, как чехи под предводительством французского интеллигента Тьерсо организовали восстание против социалистического режима Германии, установившегося в результате переворота и войн и принесший для всей Европы, включая Россию, доведенный до абсурда коллективизм, напоминающий большевистский (люди одеты в робы, разрушен институт семьи, женщины живут в колониях, как скот, будучи собственностью государства). Пусковым механизмом восстания был призван стать фильм о Яне Гусе, который собирался снять Тьерсо к 100-летию Ев-

¹² *Akana J. Zkaza lidstvi...* S. 140.

¹³ *Ibid.* S. 296.

¹⁴ *Ibid.* S. 230–231.

ропейской федерации социалистических государств. В Прагу, «каменную сказку, бесценную корону всего славянства»¹⁵, «сердце славянства и лагерь Божьих Воинов, вечно стоящих на страже и готовых к бою со всем миром по первому сигналу так же, как когда-то водил <...> полчища первый величайший демократ и коммунист Европы — Ян Жижка из Троцнова»¹⁶, француз пришел «инсценировать величайшую эпоху истории <...> эпоху гуситскую»¹⁷. В своем обращении к чешскому народу он говорит: «Народ гуситский просто не принял германского социализма, поскольку он уже создал свой — на основах более чистых и благородных»¹⁸.

Восстание удалось, режим пал, однако и после этого Германия не отказалась от гегемонии в Европе и развязала войну, в которой против нее выступил весь остальной мир. Совместными титаническими усилиями славян и Великобритании немецкая машина в итоге была сломлена, и после страшной германской антиутопии появляется красивая утопия славянская, охватившая территорию от Шумавы до Тихого океана: «Сама судьба <...> соединила и сплотила разбросанные ветви славянские в единый ствол, который как раз проходит очищающим огнем страдания, чтобы стать достойным нести тот чудесный плод, чей многообещающий прекрасный цветок был сожжен на границе констанцской. Прага — Табор — Гус — Хельчицкий — Коменский — Толстой! — Какое созвездие!»¹⁹ В новом мире живут чехославы, «величайший культурный народ мира»²⁰, задачами славянства стали «святое богослужение и радостное проявление жизни»²¹. В самом конце романа намечается уже конкретный проект нового мира, в котором Тихий немецкому социализму, воспринимаемому как германизация («Раз Берлину не удалось Европу германизировать, он ее социализировал»²²), противопоставляет гораздо более мягкий его вариант, подразумевающий частную собственность, свой домик и садик, но ограничивающий богатство.

Таким образом, здесь мы снова наблюдаем избранность чехов как спасителей всей Европы, в том числе уже разрушенной до этого большевиками России, под хоругвью Яна Гуса и как собирателей народов славянских, а Европа, в свою очередь, буквально влюбляется в этот храбрый малый народ²³. Интересно, однако, что в предводителе автор выбирает именно француза, с чем, по-видимому, связаны чешские надежды на союзничество Франции, потерявшие впоследствии крах накануне Второй мировой

¹⁵ *Tichý A.M. Rudá závrať. Praha: Šolc a Šimáček, 1921. S. 29.*

¹⁶ *Ibid. S. 31.*

¹⁷ *Ibid. S. 29.*

¹⁸ *Ibid. S. 31.*

¹⁹ *Ibid. S. 279.*

²⁰ *Ibid. S. 315.*

²¹ *Ibid. S. 330.*

²² *Ibid. S. 42.*

²³ *Ibid. S. 221.*

войны, и еще более странно, что именно француз выступает в роли наследника Яна Гуса (его выступления в Берлинском парламенте, куда начали сходиться простые люди, вызывает явные ассоциации с проповедями чешского национального героя); почти в той же степени автора можно назвать англофилом.

Тем не менее, по сравнению с Мичаном и Аканой, у Тихого мы наблюдаем изменение роли Гуса: вместо главного святого, нравственного ориентира чешской нации и величайшего гения, он выступает вдохновителем на военные подвиги, чтобы чехи сначала получили национальную независимость, а затем добились и гегемонии. По сравнению с Мичаном, делающим акцент на духовном преображении по заветам Гуса, и Аканой, который сосредоточил внимание на разуме, Тихий более воинственный, он признает необходимость войны как способа достижения свободы и справедливости²⁴.

Среди авторов, вдохновлявшихся фигурой Яна Гуса, можно отметить и В.О. Лучана с его романом «Желтые против белых» (чеш. *Žlutí proti bílým*, 1925). Произведение это проникнуто пацифизмом, как и у Аканы, однако главные положительные герои здесь, к удивлению (поскольку «желтая угроза» в те годы была общим местом), — китайцы, которые, развиваясь вне европейской цивилизации, смогли достичь превосходящего уровня как в технологиях, так и духовном развитии, что позволило им ненасильственным путем захватить мир и своим примером трудолюбия перестроить его по лучшему образцу. Автор считает, что западный мир с его культурой и идеологией, уходящими корнями в римское право, способен только на войну, а «варварский» Китай может Запад преобразить, пусть Вифлеемское чудо рождения Христа ему и неизвестно. Взгляд автора на китайцев как на трудолюбивых, любящих своих правителей и высокоморальных людей с лозунгом «Весь мир — китайцам», несомненно, наивен и идеалистичен, что делает его художественный мир утопичным. В какой-то степени на примере китайцев Лучан пытается рационализировать христианскую мораль, сведя ее к логике, и показать, что она может спасти человечество от войны и гибели. Но главное, что автор ценит в китайцах, — это культ труда, именно его они приносят в европейский мир и возвращают к нему обленившихся, заплывших жиром европейцев.

Когда Лучан говорит про потрясения и неурядицы «молодой республики» Китая (у него он стал республикой в начале XX в.) и о том, как китайцы старались сохранить в новом строе свою национальную самобытность²⁵, возникает четкая ассоциация с молодой республикой Чехословакией, что позволяет говорить или о намеренной мысленной подстановке, или, воз-

²⁴ Tichý A.M. Ruda zavrať... S. 126.

²⁵ Lučan V.O. Žlutí proti bílým. Praha: Hudec, 1925. S. 65–66.

можно, о неосознанной. Кроме того, когда автор говорит непосредственно о чехах, часто представляя их в комических сценах и диалогах, где они с юмором воспринимают даже «страшную» китайскую угрозу, он отмечает их важную особенность: «Мы, чехословаки, ни при чем <говоря о войнах> и как народ Гуса — Коменского — Хельчицкого и Масарика — всегда были и остаемся сторонниками решать правовым путем споры, которые до этого решались правом кулака»²⁶. Таким образом, в отличие от других авторов, Лучан в современных чехах не находит достаточного потенциала для спасения мира от войны, он видит спасение за пределами Европы и христианства, но в чешских традициях, в частности гуситских, он обретает моральную опору для новой мирной жизни.

В связи с Гусом можно упомянуть еще книгу моравского интеллигента, редактора журнала «Нашинец» Й. Черноха (1873–1953) «Тысячелетие короля Матьяша» (чеш. *Milénium krále Matěje: román z XXV. století*, 1931), в которой герои перемещаются в 2443 год, когда Моравия становится центром Объединенных государств центральной Европы, где установлен социалистический режим и герои носят русские имена с отчествами. Главный герой не интересуется, как сам признается, идеологией. Для него золотой век — это правление короля Матьяша Корвина, когда в Моравии «жили, как в раю»²⁷, а будущее, в которое он попал, его разочаровывает, новые порядки (или даже кулинария — котлеты из пингвинов) идут вразрез с его традиционными взглядами и набожностью, а снесенные памятники и забытая история города Оломоуца (например, казнь божьих воинов епископом Яном Железным, главным противником гуситов) его печалит, хотя и здесь он находит горстку почитателей Гуса, а Моравия, ставшая центром Европы, вызывает у него патриотическую гордость. «Почему же именно здесь, в городе моих снов, это все проявляется, почему отравляется воздух моего края чешских братьев — врагов обмана и лжи»²⁸, — возмущается герой и в итоге заканчивает книгу словами «Черт возьми утопию»²⁹. Перед нами, по сути, сочетание, с одной стороны, антиутопии, в которой в Моравии водворяется социализм, происходит русификация, а чешская национальная история и культура подвергаются забвению, и с другой стороны, авторского идеала, утопии, восходящей к гуситской эпохе. В данном случае, как например, и у Тихого, Гус является олицетворением национальной истории и традиции. Однако, в отличие от остальных авторов, Чернох смотрит в будущее с пессимизмом, его идеал находится в прошлом, и лишь Ян Гус является той связующей нитью, которая дает надежду на лучшее будущее.

²⁶ *Lučan V.O. Žlutí proti bílým... S. 288.*

²⁷ *Černocho J. Milénium krále Matěje: román z XXV. století. Olomouc: Národní knihtiskárna, 1931. S. 17.*

²⁸ *Ibid. S. 167.*

²⁹ *Ibid. S. 193.*

Рассмотрев все эти произведения, мы можем сделать вывод, что роль Яна Гуса как столпа национальной культуры в утопической литературе первого межвоенного десятилетия чрезвычайно важна. В первую очередь в плане духовном, как вдохновителя на строительство мирной и справедливой жизни, где чехи обретают наконец свое заслуженное страданиями место как народ и живут по законам гуситских общин (Мичан), во вторую — как мыслителя и гения (Акана), и в третью — как вдохновителя на военные подвиги (Тихий). Величие его фигуры для чехов настолько масштабно, что оно разгоняет утопические фантазии чешских авторов до мировой (как минимум культурной) гегемонии или же помогает миру справиться с его главным врагом — немцами, что наглядно иллюстрирует страхи и амбиции жителей молодой чехословацкой республики. В более скромном с точки зрения роли чехов образе будущего духовные заветы Гуса позволяют жить чехам в мире (Лучан), а в более пессимистичной картине с наследием Яна Гуса связывается сохранение культурных и исторических традиций, которые дают надежду на лучшее (Чернох). В самых смелых оптимистических фантазиях авторы вводят в произведения эпизоды с участием самого Гуса (Мичан, Акана), призванные дать напутствие чешским читателям, в этих же произведениях Гус сопоставляется с Христом (Мичан) или даже его замещает (Акана). Отметим, что такая идеализация Гуса и гуситской эпохи характерна не только для утопической литературы, в первую межвоенную декаду его фигура появляется и у «признанных» авторов, однако этот вопрос требует отдельного осмысления и изучения.

Литература

Akana J. Zkáza lidství. Praha: Max Forejt, 1928.

Bobrownicka M. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii) // Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian. T. 2: Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim / pod red. B. Czapik-Lityńskiej. Katowice: Wydaw. UŚ, 1997. S. 9–17.

Černoch J. Milenium krále Matěje: román z XXV. století. Olomouc: Národní knih-tiskárna, 1931.

Lučan V. O. Žlutí proti bílým. Praha: Hudec, 1925.

Machek J. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii // Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru / ed. I. Taranenková, M. Jareš. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV; Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej univerzity, 2012. S. 64–89.

Machek J. Češi jako “predvoj lidstva”. Představy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie // Forum historiae. 2012. Roč. 6. № 2. S. 84–100.

Mičan J. Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelem planety Martu. Karlín: Nákl. vlastním, 1918.

Píša A.M. *Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926*. Praha: František Svoboda a Solař Roman, 1927.

Tichý A.M. *Rudá závrať*. Praha: Šolc a Šimáček, 1921.

References

Akana, J., 1928. *Zkáza lidství*. Prague: Max Forejt.

Bobrownicka, M., 1997. Utopie na ziemiach słowiańskich (Próba typologii). In: B. Czapiak-Lityńska, ed., 1997. *Utopia w językach, literaturach i kulturach Słowian*. Vol. 2: *Z przemian świadomości utopijnej w procesie historycznoliterackim*. Katowice: Wydaw. UŚ, pp. 9–17.

Černoch, J., 1931. *Milenium krále Matěje: román z XXV. století*. Olomouc: Národní knihtiskárna.

Lučan, V.O., 1925. *Žlutí proti bílým*. Prague: Hudec.

Machek, J., 2012. Báječné nové světy, současnost a budoucnost v meziválečné české utopické beletrii. In: I. Taranenková, M. Jareš, eds, 2012. *Bude, ako nebolo. Podoby utopického žánru*. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV; Trnava: Pedagogická fakulta Trnavskej university, pp. 64–89.

Machek, J., 2012. Češi jako “predvoj lidstva”. Předastavy o českém národě a jeho sousedech v ideálních světech meziválečné české utopické belterie. *Forum historiae*, 6 (2), pp. 84–100.

Mičan, J., 1918. *Telefonická rozmluva Čecha s obyvatelem planety Martu*. Karlín: Nákl. vlastním.

Píša, A.M., 1927. *Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926*. Prague: František Svoboda a Solař Roman.

Tichý, A.M., 1921. *Rudá závrať*. Prague: Šolc a Šimáček.

ПРАСЛАВЯНСКОЕ НАЗВАНИЕ ЛЕГКИХ: **plut'a* или **pl'ut'a*?

Михаил Николаевич Саенко

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: veraetatis@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5829-7527

Аннотация

Праславянское название легких довольно надежно восстанавливается как **plut'a* (п. pl.) или **pl'ut'a* (п. pl.), однако детали взаимоотношений этих двух форм не до конца ясны. В научной литературе можно найти противоположные взгляды на то, какая из этих форм первична. В отдельных славянских языках шире распространены потомки **plut'a*, представленные в старославянском, сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицких и древнерусском языках, в то время как континуанты **plut'a* преобладают (но не являются исключительными) в двух несвязанных ареалах: польско-лужицко-полабском и сербохорватско-словенском. Вероятнее всего, форма **pl'ut'a* старше, а **plut'a* является инновацией. Взаимоотношения этих форм пытались объяснить как: а) ассимиляцию **plut'a* > **pl'ut'a*; б) диссимиляцию **pljutja* > **plutja* или **pl'ut'a* > **plut'a*; в) **pl'ut'a* > **plut'a* под влиянием инфинитива **pluti* 'плавать'; г) **pl'ut'a* > **plut'a* в результате «вторичного отвердения» *l'*; д) дублетность **pl'ut'a* / **plut'a* из-за двойного развития праслав. *eц > *u / *ju; е) дублетность **pl'ut'a* / **plut'a* как отражение разных ступеней аблаута в рамках первоначально атематической парадигмы; ж) дублетность в результате ассимиляции гласного **plectjā* > **plautjā*. На наш взгляд, наиболее предпочтительными сценариями возникновения варианта **plut'a* являются дистантная диссимиляция палатальных *l'-t'* > *l-t'* или влияние производящего глагола **pluti* 'плавать'. В словообразовательном отношении, вероятно, исходной была форма женского рода **plectis* > **pl'utъ*, которая впоследствии перешла из **-i*-склонения в **-jā*- и была переосмыслена как множественное число среднего рода.

Ключевые слова

Праславянский язык, словообразование, соматическая лексика

Статья поступила в редакцию 18 июля 2022 г.

Цитирование: Саенко М.Н. Праславянское название легких: **plut'a* или **pl'ut'a*? // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 101–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.06>

THE PROTO-SLAVIC WORD FOR LUNGS: **plut'a* or **pl'uta*?

Mikhail N. Saenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: veraetatis@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5829-7527

Abstract

Although the Proto-Slavic word for lungs can be reliably reconstructed as **plut'a* (n. pl.) or **pl'ut'a* (n. pl.), it remains unclear how these two forms are related to each other. Scholars have expressed contradictory views as to which of the two forms should be considered primary. In a number of Slavic languages, the descendants of **pl'ut'a* are more widespread, as they can be found in Old Church Slavonic, Serbo-Croatian, Slovenian, Czech, Slovak, Polish, Lusatian, and Old Russian, whereas the continuants of **plut'a* prevail (without being exclusive) in two unconnected areas: Polish-Sorbian-Polabian and Serbo-Croatian-Slovenian. It seems most likely that the form **pl'ut'a* is older and **plut'a* is an innovation. The following attempts have been made to explain the relation between the two forms: a) assimilation **plut'a* > **pl'ut'a*; b) dissimilation **pljutja* > **plutja* or **pl'ut'a* > **plut'a*; c) **pl'ut'a* > **plut'a* under the influence of the infinitive **pluti* 'to float'; d) **pl'ut'a* > **plut'a* as a result of the 'secondary hardening' of *l'*; e) doubling **pl'ut'a* / **plut'a* because of the twofold development of Proto-Slavic **eu* > **u*/**ju*; f) doubling **pl'ut'a* / **plut'a* as a reflection of two ablaut grades within one athematic paradigm; g) doubling as a result of vowel assimilation **pleutiā* > **plautjā*. In our view, the distant dissimilation of the palatals *l'-t'* > *l-t'* or the influence of the underlying verb **pluti* 'float' should be considered the most probable scenarios of how the variant **plut'a* appeared. In terms of word formation, it is likely that feminine **pleutis* > **pl'utb* was the initial form. Having shifted from **-i*-declination to **-jā*, it came to be perceived as the plural of the neutral noun.

Keywords

Proto-Slavic language, word formation, body part terms

Received 18 July 2022

How to cite: Saenko, M.N., 2022. Praslavianskoe nazvanie legkikh: **plut'a* ili **pl'ut'a*? [The Proto-Slavic word for lungs: **plut'a* or **pl'ut'a*?]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 101–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.06>

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Праиндоевропейское название легких — **pleymon-* — восстанавливается на основе санскр. *klomán-* (m., n.) ‘правое легкое’, греч. πνεύμων¹ (ион.-атт. πλεύμων) (m.) ‘легкое’, лат. *pulmō* (m.) ‘легкое’ и образовано от глагола **pley-* ‘плавать’ (> праслав. **pluti*, **plowō*). Так же, как рус. *лёгкое*, нем. *Lunge*, англ. *lights* и ряд других слов, это название мотивировано тем, что когда при разделке туши животного внутренности выкладывают в миску с водой, легкие плавают на поверхности².

В балто-славянских языках мы находим дериваты от того же корня, но с другим суффиксом: лит. *plaitis* (m.; pl. — *plaičiai*), лтш. *plāuša* (f.; pl. — *plāušas*), диал. также *plāuši*, *plāuši* (m. pl.), *plāūkšas*, *plāušas* (f. pl.)³, прусск. *plauti* (f.) ‘легкое’ и праслав. **pluťa* (n. pl.) или **pluťa* (n. pl.)⁴.

Реконструкция праславянского названия легких несколько проблематична, поскольку формы, представленные в современных славянских языках, несводимы к одному архетипу. Часть восходит к **plute* (n. sg.), ср. формы литературных языков: чеш. *plíce* (f.), слов. *plúca* (n., pl.t.), словн. *pljuča* (n., pl.t.). Часть, напротив, к **plute*: польск. *pluco* (n.), в.-луж. и н.-луж. *pluca* (n., pl.t.), срх. *plúca* (n., pl.t.).

¹ Под давлением авторитета греческого Миклошич даже выводил праславянское обозначение легкого из **pnutje*, позже близкое мнение высказал Махек (см. *Miklosich F. Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. S. 252; *Machek V. Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1968. S. 460), что, конечно, нельзя рассматривать всерьез, поскольку вторично как раз греческое -v-, на что указывают формы всех остальных индоевропейских языков.

² Против этого обоснования возражал, кажется, только В. Шаур, считавший, что «индоевропейцы не проводили вскрытий, так что вряд ли могли прийти к идее современных этимологов, что легкие “плавают”» (*Indoevropané neprováděli pitvy, těžko tedy mohli dojít k představě novodobých etymologů, že plíce “plavou”*), см. *Šaur V. J před zadními vokály v staroslověnině // Slavica*. 1988. Roč. 57. Č. 3. S. 259. Сложно здесь согласиться с чешским ученым. Вскрывали ли праиндоевропейцы людей, мы точно не знаем, но в том, что они разделяли животных, сомневаться не приходится.

³ *Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch*. Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1927–1929. Band 3. S. 325, 327, 366.

⁴ В. Махек полагал, что балтославянское слово является продолжением праиндоевропейского, видоизмененным под влиянием **plete* ‘плечо’, поскольку плечи и легкие якобы соседствуют в теле, см.: *Machek V. Etymologický slovník... S. 460*. Отметим, что в известном нам материале не прослеживается никакой особой связи между плечами и легкими, кроме того, для континуантов **plete* в древнейших памятниках характерны формы двойственного числа, а для потомков **plute* / **plute* — только множественного числа, что напрямую свидетельствует против гипотезы Махека. В. Смочинский считает, что в прабалтославянском формант *-tjo-* преобразовал старую согласную основу на *-men-* (см.: *Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego: Uniwersytet Wileński*, 2007. S. 468–469). Мы полагаем, что речь идет скорее о параллельных дериватах. Ни одного другого примера замены *-men-* на *-tjo-* не известно. Касательно же происхождения *-tjo-* см. ниже.

Существуют противоположные взгляды на взаимоотношения **l*- и **l*-форм. Согласно первой гипотезе, первично **plute*, а **plute* — вторично⁵. По другой гипотезе исходно было **plute*, а вторично — **plute*⁶. Ряд исследователей не отдает предпочтения какой-либо из этих точек зрения, а некоторые реконструируют для праславянского оба варианта⁷.

Далее мы постараемся найти ответы на следующие вопросы: можем ли восстанавливать дублетность для прауровня? Если нет, какой из вариантов первичен? Какова причина наличия двух вариантов?

2. ПОТОМКИ **pluʔa* и **pluʔaʔ* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1. В основных старославянских текстах континуант **plute* появляется лишь однажды, как *плѹшта* (Супрасльская рукопись, л. 84). К сожалению, эта запись не показательна, поскольку хотя в целом в Супрасльской рукописи после палатального «л» довольно последовательно пишется «ю», как в словах *лѹтъъ*, *лѹбы*, *лѹдѹе*, *клѹса*, *клѹчь* и производных от них, так и после *l epentheticum* в словах *блюдо*, *блюсти* (речь идет о десятках примеров), *плѹѡ* (277об, 9) и *извлѹемъ* (242об, 10), но есть и отдельные примеры написания «оу» (камора над «л» при этом была поставлена лишь один раз): *лѹѡтѹсти* (106об, 14), *клѹѡѡдѹ* (119об, 30), *неклѹѡѡчимааго* (185об, 7 и 189об, 2–3), *лѹѡво* (274, 4)⁸. При этом в трех основных словарях старославянского языка данное слово было записано по-разному: *плѹѡѡ*⁹

⁵ Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 2. С. 82–83; *Machek V. Etymologický slovník... S. 460; Štok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972. Knjiga 2. S. 689; Polański K. Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1976. Zeszyt 4. S. 527–528; Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. Warszawa: PWN, 2000. T. 2. S. 631; Etimološki rječnik hrvatskoga jezika / ured. R. Matasović. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2021. Svezak 2. S. 140.*

⁶ *Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. S. 422.*

⁷ *Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1924. B.1. S. 474, 590; Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Lyon, Paris: IAC, 1950. T. 1. P. 123; Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1976. T. 2. S. 40; Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1985. Heft 15. S. 1092; Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. A. Erhart. Praha: Nakladatelství Akademie věd České republiky, 2002. Sešit 11. S. 661; Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. S. 447; Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Založba ZRC, 2016.*

⁸ *Codex Suprasliensis. URL: <http://suprasliensis.obdurodon.org> (дата обращения: 12.08.2022).*

⁹ *Slovník jazyka staroslověnského / hl. red. J. Kurz. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1973. Sešit 3. S. 60; Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. С. 452.*

и *плѹща*¹⁰. Отдельным вопросом является то, достаточно ли контекста из Супрасльской рукописи (*да живѹ ти сѣшѹ звѣрьми плѹшта ти извлечена вѣдѣтъ*) для того, чтобы приписывать слову *плѹшта* не только значение «легкие», но и «внутренности», как это сделано во всех трех словарях. Мы склонны ответить на этот вопрос отрицательно.

В такой ситуации особую значимость приобретает Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, созданный не позднее 913 г. Данный памятник дошел до нас в редакциях трех ветвей — сербской, болгарской и русской, причем ранняя русская редакция восходит, вероятно, к рукописи, переписанной с болгарской на Руси в X–XI вв.¹¹ Сопоставление текстов памятников всех трех редакций может дать представление о языке протографа.

Для такого сопоставления мы использовали рукописи сербской (ГИМ, Син. 345, 1263 г.¹²), болгарской (ГИМ Син. 35, XIV в.¹³) и русской (РГБ МДА 145, XV в.¹⁴) редакций. Во всех трех редакциях последовательно используется форма *плюща*, которая, по всей вероятности, была характерна и для старославянского оригинала этого текста.

Таблица 1

**Слова *плюща* и *плющнь* в «Шестодневе»
Иоанна экзарха Болгарского**

сербская редакция		русская редакция		болгарская редакция	
форма	лист	форма	лист	форма	лист
<i>пльюща</i>	100а	<i>плюща</i>	96б	<i>плюща</i>	75б
<i>плюща</i>	175б	<i>плюща</i>	167б	<i>плюща</i>	119а
<i>плющами</i>	231г	<i>плющами</i>	239а	<i>плющами</i>	166а
<i>плющамъ</i>	233б	<i>плющамъ</i>	241а	<i>плющомъ</i>	167б
<i>плюща</i>	233б	<i>плюща</i>	241а	<i>плющѧ</i>	167б
<i>плющньные</i>	233б	<i>плющныѧ</i>	241а	<i>плющныѧ</i>	167б
<i>плюще</i>	233б	<i>плюща</i>	241а	<i>плющѧ</i>	167б
<i>плюще</i>	233б	<i>плюща</i>	241а	<i>плющѧ</i>	167б

¹⁰ Старобългарски речник / отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София: Валентин Траянов, 1999. Т. 1. С. 219.

¹¹ Чешмеджиев Д. Иоанн Экзарх // Православная энциклопедия / под ред. С.Л. Кравца и др. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 24. С. 666.

¹² URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/177333> (дата обращения: 12.08.2022).

¹³ URL: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/177791> (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁴ Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетей, 2001.

плющамн	233в	плющамнї	241б	плющамн	168а
плющъ	234в	плющъ	242б	плющо҃р	169а
плющамнъ	234г	плющамнъ	243а	плющамнъ	169а
плющамнъ	234г	плющамнъ	243а	плющамнъ	169а
плюще	234г	плюща	243а	плюща	169а
плющамн	235а	плющамна	243а	плющамн	169б

Как видно из таблицы, формы всех трех рукописей хорошо соответствуют друг другу. Лишь один раз писец рукописи Син. 35 перепутал плюща ‘легкие’ и плуца ‘плечи’. Нельзя не отметить, что в отличие от Супрасльской рукописи в Шестодневе плюща последовательно употребляется как основа *plurale tantum* женского рода склонения на *-jo-.

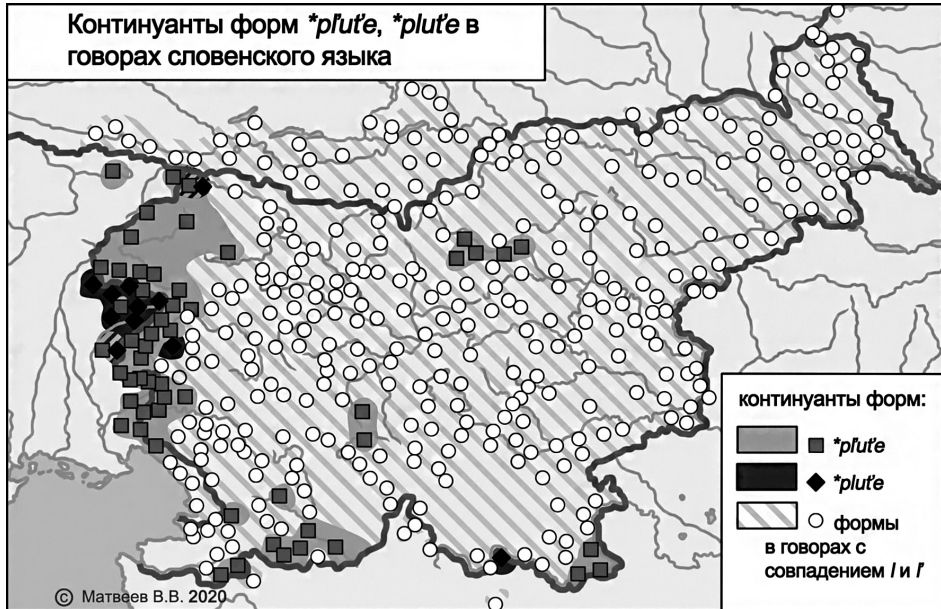
Если говорить о современном болгаро-македонском ареале, континуанты *pluʃe / *pluʃe в нем почти отсутствуют, поскольку их вытеснили кальки или полукальки типа *бял дроб* или *бял джигер*¹⁵. Лишь в двух северомакедонских говорах из сетки ОЛА мы обнаруживаем формы *plue* (пункт 93, Теарце; наряду с *bel žiger*) и *plua* (пункт 98, Шлегово; наряду с *drob*)¹⁶. К сожалению, в силу совпадения рефлексов *l и *lʹ в данных говорах этот материал иррелевантен для определения качества второго согласного в *pluʃe / *pluʃe.

2.2. В словенско-сербохорватском ареале представлены формы как с -lʹ-, так и с -l-. В Словении ситуация осложняется тем, что во многих говорах l совпал с l. Исключить иррелевантные данные позволяет сопоставление карт Словенского лингвистического атласа 1/52 «легкие» и 2/7 «ключ». Данные SLA показывают, что преобладают континуанты *pluʃe, включая формы с переходом в j, это произошло в пунктах 005, 008 (каринтийские), 064, 066–073, 076, 078, 083–091, 093, 097, 099–103, 105, 106, 111, 126, 127, 139, 148, 152–157 (приморские), 161 (ровтарский), 196 (гореньский), 231, 233, 290–292 (доленьские), 311–313, 315, 322 (штирийские). Континуанты *pluʃe представлены в островке западных приморских говоров, преимущественно на территории Италии (065, 074, 075, 077, 079–081, 082 (дублетные формы), 094), одном каринтийском говоре (009 (дублетные формы)), а также в одном пункте в Хорватии (284)¹⁷.

¹⁵ Подробнее о происхождении этой коллокации см. в: Саенко М.Н. Черная печень, белые легкие: к истории и ареалу одной коллокации // Slovenski jezik. 2019. Št. 12. S. 31–51.

¹⁶ Общеславянский лингвистический атлас, лексико-словообразовательная серия. Человек / red. J. Siatkowski, J. Waniakowa. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2009. Выпуск 9. Карта 53.

¹⁷ Slovenski lingvistični atlas. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2011. Atlas 1: Človek (telo, bolezni, družina) / ured. J. Škofic. Karta 52; Slovenski lingvistični atlas. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2016. Atlas 2: Kmetija / ured. J. Škofic, M. Šekli. Karta 7.

Карта 1. Континуанты форм **plu̯e* и **plu̯e* в словенских говорах

Напротив, в сербохорватских говорах распространены в основном континуанты **plu̯e*. Согласно данным ОЛЖ, **plu̯e* встречается в значительной части кайкавских говоров (27, 29–31, 153). Два пункта, 28 и 35, irrelevantны в силу совпадения /r/ и /l/.

Форма *plū̯ca* (п., pl.t.) отмечена также в Водице, Истрия, на границе со Словенией¹⁸. На острове Вргада известны формы *plū̯cā* и *plū̯cā*¹⁹, а в Бродско-Посавской жупании — *pljū̯cā*²⁰. Кроме того, *plū̯ha* фиксируются в трех селах в общине Томиславград (Сеоница, Мандино Село, Црвенице) в Боснии и Герцеговине. Н. Рамич полагает, что мы имеем дело с фонетическим переходом *pl > pl̥*, но как он сам отмечает, в этих говорах отсутствует характерный для некоторых сербохорватских диалектов процесс перехода *l > l̥* в определенных условиях. Помимо *plū̯ha* он приводит еще несколько примеров наличия *l̥* на месте литературного «л»: *жельдац* — ‘желудок’ (повсеместно на территории Дувно и Ливно), *блұза* — ‘блужка’, *цївїль* — ‘гражданское лицо’²¹. Но конечно, *блұза* и *цївїль* нерелевантны

¹⁸ Ribarić J. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri // Српски дијалектолошки зборник. 1940. Књига 9. С. 178.

¹⁹ Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade. Zagreb: Izdavački zavod Jugoslavenske akademije, 1973. Dio 2. S. 156.

²⁰ Jakšić M. Rječnik govora slavonskih, baranjskih i srijemskih. Zagreb: Dominović, 2015. S. 514.

²¹ Рамич Н. Ливанско-дувански говорни тип // Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књига 46. С. 315.

как германизмы: *ль* передает немецкое *l*. В случае желудка мы имеем дело с синкопой гласного и последующей диссимиляцией двух зубных согласных: *жёлудац* > *жельдац*. Кроме того, нет никакого перехода *пл* > *пль* в форме *dat.-ins.-loc.pl. плуговѣм* (Сеоница)²².

П. Скок обращал внимание на фитоним *pljućak* в Лике²³.

Наконец, по данным, приведенным в словаре Миклошича, двух церковнославянских рукописях сербского извода, в Ходошской рукописи XV в. и Прологе-минее Михановича XVI в. представлены формы *плюца*²⁴.

Разрезанность ареала *-l-* словенско-кайкавским клином *-lʔ-* на первый взгляд производит впечатление большей архаичности формы **pluʔe* в этом ареале, однако расположенные сравнительно далеко на восток *-lʔ-*формы говорят о том, что ранее, вероятно, картина была несколько более пестрой.

Отметим, что в основном в сербохорватском ареале представлены формы среднего рода, но есть случаи и женского рода, например *plūćä* (f.) на Вргаде²⁵ или *plūća* (f.) наряду с *plūća* (n. pl.) на Браче²⁶.

2.3. По данным ОЛА, в чешско-словацком ареале мы находим исключительно потомков **pluʔe*. Ряд пунктов иррелевантен для определения качества согласного в исходной праформе в силу совпадения *lʔ* и *l*, а также отсутствия перегласовки *'u* > *'i* (пункты 196, 197, 208–213, 215, 219, 221, 225), однако поскольку они окружены ареалом континуантов **pluʔe*, можно полагать, что чешско-словацкий ареал в этом отношении единообразен.

Отметим, что в чешском, в отличие от большинства славянских языков, слово *plíce* женского рода, причем таковой была ситуация уже в древнечешском, например: <...> *ta reuma jde na plícě a je napřlňuje a tiem napřlněním jsú plícě vlhky a plny* (Spis o moči a o pulsú, 1444 г.; Прага, Библиотека Национального музея, IV Н 28, л. 8v)²⁷.

Диалектный диминутив *plička* (n. pl.) наряду с литературным *pličky* (f. pl.) указывает на представленность в прошлом и формы среднего рода²⁸.

2.4. Более сложную картину мы находим в Польше. Большая часть территории занята континуантами формы **pluʔe*, **lʔ* можно найти в трех ареалах:

- a) в пограничье с Чехией и Словакией: пункты ОЛА 299, 310 и 316; в пунктах 308, 309 и 317 обнаруживаются оба варианта;

²² Рамућ Н. Ливањско-дувањски говорни тип // Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књига 46. S. 360.

²³ Skok P. Etimologijski rječnik... S. 689.

²⁴ Miklosich F. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Darmstadt: Wilhelm Braumüller, 1977. S. 575.

²⁵ Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade. S. 156.

²⁶ Šimunović P. Rječnik bračkih čakavskih govora. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga, 2009. S. 669.

²⁷ Staročeská textová banka. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB> (дата обращения: 12.08.2022).

²⁸ Machek V. Etymologický slovník... S. 460.

- б) в самых северных мазовецких говорах: 251, 252, 264;
 в) в переселенческих говорах с территории современной Украины: 257 (Жаганец; из-под Тарнополя), 268 (Лигота-Пенкна, из деревни Тулигловы под Львовом).

Непоказательна форма из ареала былячения (242, Велька-Весь).

С этой картиной очень хорошо коррелируют данные из Малого атласа польских говоров, где **l'* фиксируется в тех же трех ареалах²⁹:

- а) южные малопольские и силезские говоры, формы *pluca* — пункты атласа 1, 1а, 2, 2А, 2В, 2С, 3, 10, 11, 13с, 93, Р16, Р21, Р35, Р36, R2 (Инвальд), R3 (Фацимех, краковский повят), R9 (Вуйцице, олавский повят);
 б) северные говоры:
pluca — 80, 81а, 86, 86а, 87,
pluce — 88, 92А,
pluca — 69А;
 в) восточные кресы:
pluca — 6, 19, 21, 36а, 94 (Тулигловы, Львовская область), 95, Р30,
plucu — 100,
letkie pluca — R4 (Нове-Брусно).

Распространенность **l'*-форм в северных мазовецких говорах, в населенных пунктах Кшижаны, Мронгово, Рыбицаль, Ужранки, Венгуй подтверждается также данными диалектного словаря³⁰.

Возможно, ранее в мазовецких говорах **l'*-формы были представлены шире, на что указывают записи *pluca* в пяти пунктах в Атласе мазовецких говоров: Тшцянка (повят Гарволин), Суйки (повят Кутно), Сувчин (повят Отвоцк), Кобылинки (повят Плоцк), Громбец (повят Серпц)³¹.

Дополняет эти данные Языковой атлас Силезии: *c'aške pluca* 'печень' — пункты 25 (Старча), 28 (Ханусек), 56 (Ошчадница)³².

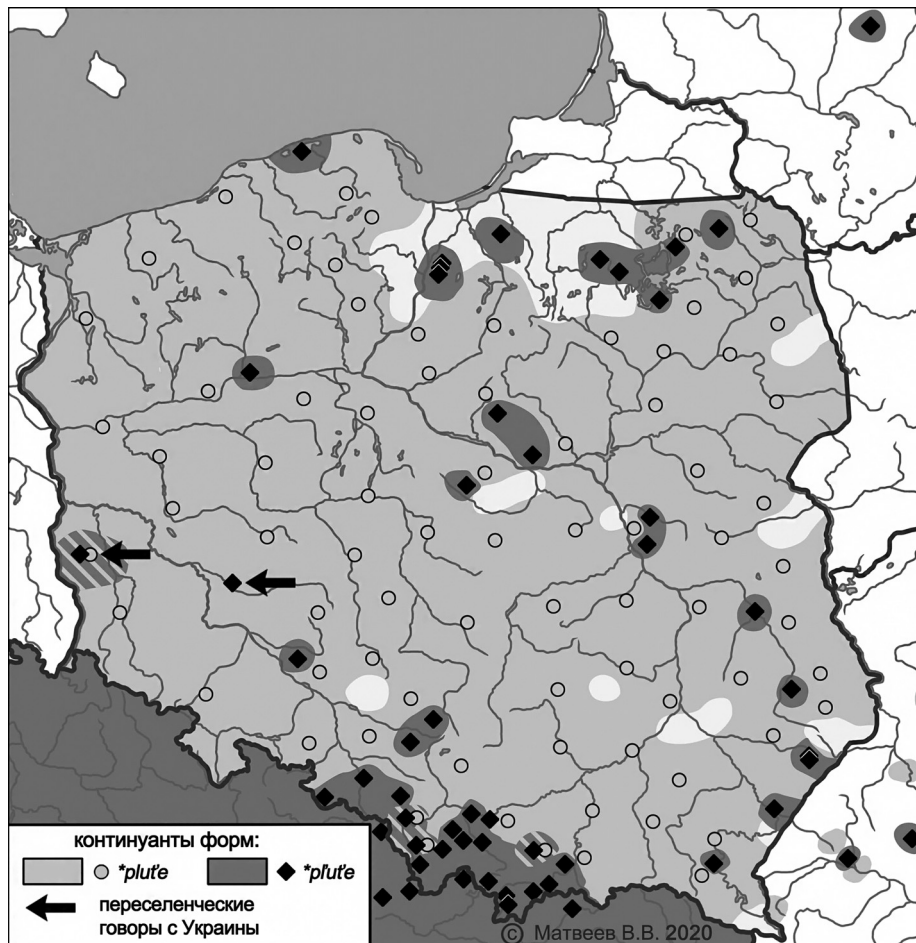
По всей видимости, польские данные нужно трактовать следующим образом: **plu'e* выглядит как инновация, занимающая большую часть ареала и почти повсеместно вытеснившая **pl'u'e*. Последняя форма сохранилась в трех периферийных ареалах, а также точно в центре территории. В двух из этих ареалов поддерживающее влияние оказали соседние языки.

²⁹ Mały atlas gwar polskich / red. M. Karaś, Z. Stamirowska, Z. Stieber. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1964. Т. 7. Мапа 345.

³⁰ Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur / red. D. Kołodziejczykowa, K. Sobolewska. Warszawa, Kraków: Instytut języka polskiego PAN. Т. 6. S. 115–116.

³¹ Atlas gwar mazowieckich / red. H. Horodyska, A. Strzyżewska-Zaremba. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1971. Т. 1. Мапа 19.

³² Atlas językowy Śląska / red. A. Zaręba. Warszawa, Kraków: PWN, 1974. Т. 4. Мапа 629.

Карта 2. Континуанты форм **pluʔe* и **pluʔe* в польских говорах

2.5. В полабском обнаруживаются формы, восходящие к **pluʔe*: *pluʔcə* и *pluʔcə* (п. pl.) в зависимости от диалекта³³.

2.6. Формы обоих литературных лужицких языков — *pluca*, однако в говорах представлена более сложная картина. В части из них мы находим германизмы *luŋa* / *luŋga* (< *Lunge* ‘легкое’) и (*běu*) *šl’iŋk* (< *Geschlinge* ‘ливер’), в других — коллокации типа «белая печень», «мягкая печень», «легкая печень». И лишь в части говоров — исконное *puca* / *pluca*, нередко также в составе коллокации с прилагательными «мягкий» или «белый»³⁴. Форма

³³ *Polański K. Słownik etymologiczny...* S. 527–528.

³⁴ *Sorbischer Sprachatlas / bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch und S. Michalk. Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1978. Band 6. Karte 53.*

pluca выступает в говорах с переходом $t > l$, а *pluca* — с переходом $t > ʉ$ (*pluca* > *pluca* > *pluca*), таким образом, как правило, лужицкие формы выводятся из **pluʔe*.

В то же время в нескольких старых словарях можно найти континуанты **pluʔe*: Ю. Светлика (верхнелужицкий), Я. Хойнана (нижнелужицкий)³⁵.

2.7. В восточнославянских памятниках начиная с XIV в.³⁶ фиксируется форма *плючѣ* ~ *плючѣ* (во мн. ч. — *плючѣ*), включая рукописи с ограниченным церковнославянским влиянием³⁷. Однако в современных говорах континуанты **pluʔe* не сохранились, лишь в некоторых украинских и белорусских говорах представлены полонизмы с *-c-*, а не *-č-* (пункты ОЛЖ 332, 413, 415, 420, 421, 427, 429, 448, 449, 451, 465, 471, 523). Отметим, что в большинстве случаев эти полонизмы имеют *-l'-*, а не *-l-* (кроме пунктов 471, 523), что может указывать на заимствование из кресовых говоров. Заимствованные формы *пл'уца* или *пл'уци* обильно представлены на северо-востоке Закарпатской области Украины вдоль границы со Словакией и Польшей³⁸.

2.8. Попробуем резюмировать распределение проанализированных форм в славянских идиомах.

Таблица 2

**Pluʔe* и **pluʔe* в славянском мире

	<i>*pluʔe</i>	<i>*pluʔe</i>
старославянский	?	+
македонский	иррелев.	
сербохорватский	+ (преимущ.)	+ (частично)
словенский	+ (частично)	+ (преимущ.)
чешский	–	+
словацкий	–	+
польский	+ (преимущ.)	+ (частично)

³⁵ Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch... S. 1092.

³⁶ Современное 'лёгкое' отмечено начиная с XVI в., см.: Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1981. Выпуск 8. С. 191.

³⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. И. С. Улуканов. М.: Азбуковник, 2000. Т. 6. С. 440; Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1989. Выпуск 15. С. 113; Гістарычны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. А.М. Булыка. Мінск: Беларуская навука, 2005. Выпуск 24. С. 388.

³⁸ Дзєндзєлївський Й.О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика). Ужгород: Ужгородський державний університет, 1960. Частина 2. Карта 145.

полабский	+	–
лужицкие	+ (преимущ.)	+ (арх.)
древнерусский	–	+

Перед нами рисуется сложная картина. Более распространены, однако, скорее континуанты **plut'e*, а потомки **plut'e* преобладают (но не являются исключительными) в двух несвязанных ареалах: польско-лужицко-полабском и сербохорватско-словенском. Мы полагаем, что для праславянского уровня следует более уверенно реконструировать **plut'e*, в то время как **plut'e* может быть результатом независимых постпраславянских инноваций в двух ареалах.

3. СООТНОШЕНИЕ **plut'e* и **plut'e* В ДИАХРОНИИ

3.1. Касательно соотношения **plut'e* и **plut'e* существует несколько гипотез:

- 1) исходно **plut'e*, а **plut'e* — форма с ассимиляцией.
- 2) исходно **plut'e*, а **plut'e* — форма с диссимиляцией:
- 2а) речь идет о диссимиляции **j*, то есть $lj-t > l-tj$ ³⁹ (такую же диссимиляцию В. Смочиньский предполагает для прабалтийского⁴⁰).
- 2б) речь идет о диссимиляции палатальных, то есть $l'-t' > l-t'$ ⁴¹.
- 2в) форма **plut'e* является результатом вторичного влияния инфинитива **pluti*⁴².
- 2г) в форме **plut'e* наблюдается вторичное отверждение I⁴³.
- 3) **plut'e* и **plut'e* являются дублетами:
- 3а) дублеты отражают двойное развитие праслав. **eu* > **u*/**ju*⁴⁴.
- 3б) дублеты отражают разные ступени аблаута в рамках первоначально атематической парадигмы⁴⁵.
- 3в) **pleutiā* > **plautiā*, ассимиляция гласного первого слога гласному второго слога (**sreumō* > **strumu* как аналогия)⁴⁶.

³⁹ Преображенский А.Г. Этимологический словарь... С. 82–83; *Skok P. Etimologijski rječnik... S. 689; Polański K. Słownik etymologiczny... S. 528.*

⁴⁰ *Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego: Uniwersytet Wileński, 2007. S. 468.*

⁴¹ *Machek V. Etymologický slovník... S. 460.*

⁴² *Vaillant A. Grammaire comparée... T. 1. P. 123.*

⁴³ *Lamprecht A. Praslovanština. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 1987. S. 43; Šaur V. J před zadními vokály v staroslověnině... S. 259.*

⁴⁴ *Bezljaj F. Zbrani jezikoslovni spisi. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2003. Zvezek 1. S. 374.*

⁴⁵ М. Сной в: *Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1995. Knjiga 3. S. 59.*

⁴⁶ *Ibidem.*

Далее мы попытаемся последовательно разобрать аргументы за и против этих версий.

3.2. На первый взгляд, на большую старость **plutē* указывают балтийские формы (см. выше), однако вокализм у балтийских и славянских когнатов совпадает далеко не всегда, ср. праслав. **kolěno* и лит. *kelėnas* ‘коленная чашечка’, кроме того, и в балтийских языках представлена форма, восходящая к **pleutjā*, а именно: лтш. диал. *plāušas*. Как было описано выше, против версии о первичности **plutē* говорит ареал. Наконец, для случаев дистантной ассимиляции согласных характерно, что один согласный полностью уподобляется другому. Приведем несколько пример: праслав. **deg-* > **geg-* > **žeti* ‘жечь’ (но **degъty* ‘деготь’); **trozdy* > **drozdy* ‘дрозд’⁴⁷; болг. **наберки* > *баберки* ‘падалица, оставшаяся после сбора урожая’⁴⁸; болг. диал. *булбучишъм* > *булдушишъм* ‘плещусь, плюхаюсь’⁴⁹; слвн. *prešustvo* > *prešūstvo* ‘прелюбодеяние’⁵⁰, слвн. диал. *slišati* ‘слышать’ > *šlišet*⁵¹, *šli:šetę*⁵², *suša* > *šū:ša* ‘засуха’⁵³, *bivol* > *vívol* ‘буйвол’⁵⁴, *paberek* > *páperək* ‘падалица, оставшаяся после сбора урожая’⁵⁵; пол. диал. *Niemiec* ‘немец’ > *Miemiec*, *niemrawy* ‘вялый’ > *miemrawy* (аналогично в однокоренных словах)⁵⁶; укр. **želězo* > *zalızo* ‘железо’, **želza* > *záloza* ‘железа’; рус. диал. *бумага* > *гумáга*⁵⁷.

Конечно, бывают случаи и частичной дистантной ассимиляции, например, словенское *p-sn* > *p-sm*: **pěsnъ* > *pěsem* ‘песня; стихотворение’; штирийское диалектное *prěsmec* ‘пасхальный кулич; хлеб из недрожевого теста’ при литературном *prěsnec*⁵⁸; диал. *p'le.smo* ‘малая берцовая кость’⁵⁹,

⁴⁷ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. Выпуск 5. С. 127; Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1981. T. 4. S. 260.

⁴⁸ Български етимологичен речник / ред. Вл. И. Георгиев. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971. Т. 1. С. 23.

⁴⁹ Дейкова Х. Об этимологизации группы глаголов румынского происхождения в одном болгарском говоре // Этимология (2009–2011) / под ред. Ж.Ж. Варбот, Д.И. Эдельман, А.Ф. Журавлева, Л.В. Куркиной. М.: Наука, 2012. С. 80.

⁵⁰ Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. Konzonantizem. Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1924. S. 313.

⁵¹ Tominec I. Črnovrški dialect. Ljubljana: SAZU, 1964. S. 203.

⁵² Ivančič Kutin B. Slovar bovskega govora. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2007. S. 88.

⁵³ Gregorič J. Kostelski slovar. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2014. S. 430.

⁵⁴ Novak V. Slovar stare knjižne prekmurščine. Ljubljana: ZRC SAZU, 2006. S. 808.

⁵⁵ Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1895. Del 2. S. 7; Ramovš F. Historična gramatika...S. 183.

⁵⁶ Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków: Akademia Umiejętności, 1903. Tom 3. S. 155.

⁵⁷ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1972. Выпуск 7. С. 226.

⁵⁸ Snoj M. Slovenski etimološki slovar. S. 592.

⁵⁹ Slovenski lingvistični atlas. 1. Človek (telo, bolezn, družina). Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2011. Karta 64.

plésno ‘подъем ноги; большая берцовая кость’⁶⁰ при слвн. лит. *plésno* ‘подушечка лапы животного’.

Однако такие случаи сравнительно редки, как показывает наш опыт, при дистантной ассимиляции намного чаще происходит полное уподобление одного согласного другому. На наш взгляд, это веский аргумент в пользу первичности формы *pl'ut'e в праславянском.

3.3. В защиту гипотезы о двойном развитии праславянского *eu > *u/*ju Ф. Безлай, помимо пары *pl'ut'e / *plute, приводил ряд примеров. Большинство из них объясняется аблаутом, лишь на трех следует остановиться подробнее:

- а) *teus- > *tux- / *t'ux-: *tuxnōti ‘тухнуть’ / *tušiti ‘тушить’ — слвн. *čúhniti* ‘ужариваться, ослабевать; вонять’⁶¹, схр. *čúhnuti* ‘дуть’, пол. *cuch* ‘вонь’ (по какой-то причине Безлай не приводил глагола *cuchnąć* ‘вонять’). Однако польский глагол попал в литературный язык из диалектов с мазурением⁶², а словенский и сербохорватский восходят к *čuxnōti (< *čuxati) с вторичным č в случае сербохорватского⁶³.
- б) *d'eus- > *dux- / *d'ux-: *duxъ — русск. *жухнуть*, бел. *жухнуць*, слвн. диал. *júhniti* ‘пикнуть’. Сопоставление весьма проблематично с семантической точки зрения. Согласно ЭССЯ, *жухнуть* выводится из *жохнуть < *жѣс(т)кнутъ⁶⁴.
- в) пол. *dziupla* ‘дупло’ при схр. *dúplja*, рус. *дупло́*, слвн. *dúplo* ‘дупло’, диал. пол. *dziub* и *dziubnia* и др. Однако праславянский *d' стабильно давал в польском *dz*, и в случае *dziupla*, *dziub* и *dziubnia* следует видеть вторичное смягчение начального *d-*. Подобные случаи хорошо известны, сюда относятся пол. *dziura* ‘дыра’, чеш. диал. *d'oura* ‘дыра’, слвц. *d'aleký* ‘далекий’, рус. *дюжий*.

Таким образом, мы полагаем, что версию о дублетности развития *eu следует отбросить.

3.4. Вышеупомянутая гипотеза Лампрехта о вторичном отвердении *l'* в *pl'ut'e является решением *ad hoc*. Никакими аргументами она, к сожалению, подкреплена не была. Отметим, что различные вторичные преобразования действительно нередко встречаются (ср. сербохорватские и в меньшей степени болгарские формы с *lju-* / *лю-* в континуантах прасла-

⁶⁰ *Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Del 2. S. 57.*

⁶¹ Как Плетершник, из словаря которого взят этот материал, так и Безлай, разделяют *čúhniti* ‘ужариваться, ослабевать’ и *čúhniti* ‘вонять’, однако с этимологической точки зрения это вряд ли обосновано.

⁶² *Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego, 1952. T. 1. S. 108.*

⁶³ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. Выпуск 4. С. 130–131; *Słownik prasłowiański...* T. 2. S. 283.

⁶⁴ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1978. Выпуск 5. С. 154.

вянских **lupina*, **luska*, **luspa* и др.⁶⁵, однако все они требуют своего объяснения.

3.5. Дублетность **plute* и **plute* в результате обобщения разных ступеней аблаута, на наш взгляд, маловероятна. Устранение старой системы аблаута в склонении имен существительных — процесс очень древний и характерный в первую очередь для корневых и гетероклитических основ. В качестве гипотетических примеров обобщения разных ступеней аблаута можно привести случаи **derwo* ‘дерево’ / **dr̥wa* ‘дрова’, **dworъ* ‘двор’ / **dwьрь* ‘дверь’, **sьrdьce* ‘сердце’ / **serda* ‘середина’. Однако и в этих случаях речь может идти о деривации, а не выведении из одной праформы. Кроме того, во всех случаях мы наблюдаем и дифференциацию значения.

3.6. Ассимиляция гласных в славянском материале известна, но большинство примеров уже постпраславянской древности, действительно старых случаев очень мало⁶⁶. К тому же обычно ассимилируется безударный гласный ударному.

Диссимиляция с утратой одного из *j*, то есть **pljoutjo* > **ploutjo* должна была бы быть очень древней, предшествовать возникновению палатальных согласных (**l'* и **t'*). В таком случае маловероятно, чтобы оба варианта дожили до эпохи распада праславянского языка и сохранились в языках-потомках.

Так, существуют потенциальные примеры дистантной диссимиляции согласных, которая должна была произойти в сравнительно позднюю эпоху (после второй и третьей палатализаций), однако никаких расхождений между славянскими языками не наблюдается:

- герм. **wiking-* > праслав. **wiceзь* > **witeзь* ‘витязь’;
- герм. **reking-* > праслав. **receзь* > **reteзь* ‘цепь’;
- герм. **skilling-* > праслав. **scьleзь* > **stьleзь* ‘вид монеты’.

3.7. Перейдем к гипотезе диссимиляции палатальных, то есть *l'-t' > l-t'*. Рассмотрим еще несколько примеров дистантной диссимиляции, схожих с **plute* > **plute* и претендующих на большую древность.

- а) диссимиляция палатальных в **t'udь* > **tudь* ‘чужой’.

В данном случае форма с диссимиляцией охватывает только юг Славии (слвн. *tūj*, схр. *tūd*, мак. *туј*⁶⁷), при этом в старославянских памятниках еще обнаруживается колебание *тoуждь* / *штoуждь*. Напротив, в западно- и восточнославянских языках представлено только **t'udь*: чеш. *cizí*, слвц. *cudzi*,

⁶⁵ См.: Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1988. Выпуск 15. С. 215–220.

⁶⁶ См. краткий обзор в: Саенко М.Н. Праславянское **rereľь* / **roreľь*: исходная форма и этимология // *Slovenski jezik*. 2017. Št. 11. S. 25–27. Добавим к перечисленным примерам чеш. *nehet* ‘ноготь’ (< *nohet* < **nogъть*).

⁶⁷ Начальный согласный в болг. *чужд* объясняют влиянием слова *чудо*, см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. С. 379.

пол. *ciudzy*, в.-луж. и н.-луж. *ciuzu*, рус. *чужо́й*, укр. *чужий*, бел. *чужы́*. Нам неизвестно, чтобы где-либо на югославянской территории встречались континуанты **tudь*, и наоборот — чтобы на севере Славии имели континуанты **tudь*.

б) диссимиляция губных в **swoboda* > **sloboda* ‘свобода’⁶⁸.

В этом случае четкого географического распределения между диссимилированным и недиссимилированным вариантами не наблюдается: ст.-сл. *свѡбѡда*, болг. *свободá*, диал. *слободá*⁶⁹, мак. *слобода*, схр. *slobòda*, устар. *svobòda*⁷⁰, слвн. *svobòda*, устар. *sloboda*⁷¹, диал. *s'lobòda*⁷², чеш. *svoboda*, морав. диал. *sloboda*⁷³, слвц. *sloboda*, пол. *swoboda*, в.-луж. *swoboda*, бел. *свабòда*, диал. *слабòда*⁷⁴, укр. *свобòда*, *слободá* ‘слобода’, рус. *свобòда* и *слободá* с дифференциацией значений.

Таблица 3

**Распределение континуантов **swoboda* и **sloboda*
в славянских языках**

	<i>*swoboda</i>	<i>*sloboda</i>
старославянский	+	–
болгарский	+	+ (диал.)
македонский	–	+
сербохорватский	+ (устар.)	+
словенский	+	+ (устар., диал.)
чешский	+	+ (диал.)
словацкий	–	+
польский	+	–

⁶⁸ Существуют и нефонетические объяснения этого соотношения, на наш взгляд, не слишком убедительные. Обзор см. в: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského / hl. red. I. Janyšková. Brno: Tribun EU, 2010. Sešit 15. S. 913–914.*

⁶⁹ *Български етимологичен речник / ред. кол. М. Рачева, Т. А. Тодоров. София: Проф. Марин Дринов, 2002. Т. 6. С. 884–885.*

⁷⁰ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / obrad. J. Jedvaj et al. Zagreb: Jugoslavenska akademija, 1959–1962. Dio 17. S. 368.*

⁷¹ *Ahačič K. et al. Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2011. S. 467.*

⁷² *Gregorič J. Kostelski slovar. S. 408.*

⁷³ *Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha: Akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906. S. 383.*

⁷⁴ *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / галоўны рэд. Г. А. Цыхун. Мінск: Беларускае навука, 2008. Т. 12. С. 171.*

верхнелужицкий	+	–
белорусский	+	+ (диал.)
украинский	+	+
русский	+	+

В данном случае сложно оспорить праславянскую древность диссимиляции. При этом не может не удивлять, насколько хорошо сохраняется дублетность, которую мы обнаруживаем в большей части славянского мира.

Добавим еще несколько примеров дистантной диссимиляции губных в отдельных славянских языках: болг. диал. *булбучишъм* > *булгучишъм*, *будушишъм* ‘плещусь, плюхаюсь’⁷⁵; **bьbrь* > схр. *dàbar* ‘бобр’⁷⁶; слвн. диал. *vamp* > *lamp* ‘живот’⁷⁷, *veverica* > *léverica* ‘белка’⁷⁸, *veverica* > *briébərca*⁷⁹ (с диссимиляцией *v-v* > *v-b* и последующей ассимиляцией)⁸⁰; **mimo* > словин. *tjīvø* ‘мимо’⁸¹; польск. диал. *wdowa* > *gdowa* ‘вдова’⁸²; польск. *miedźwiedz* > *niedźwiedz* ‘медведь’⁸³; укр. диал. *кв́нитися* > *кл́нитися* ‘спешить’⁸⁴. Потенциально праславянским случаем диссимиляции губных является **topoľ* ‘тополь’ при лат. *pōpulus* ‘тополь’ (одни ученые считают праславянскую и латинскую формы родственными, другие видят здесь раннелатинское заимствование в славянских языках⁸⁵).

в) выпадение одного из двух *r* в **bratrь* > **bratь* ‘брат’⁸⁶.

⁷⁵ Дейкова Х. Об этимологизации... С. 80.

⁷⁶ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1976. Выпуск 3. С. 159.

⁷⁷ Slovenski lingvistični atlas. 1. Človek (telo, bolezni, družina). Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2011. Karta 49.

⁷⁸ Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894. Del 1. S. 514.

⁷⁹ Ivančič Kutin B. Slovar bovškega govora. S. 28.

⁸⁰ Ramovš F. Historična gramatika... S. 151.

⁸¹ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1992. Выпуск 19. С. 61.

⁸² Mały atlas gwar polskich. T. 8. Mapa 397.

⁸³ Boryś W. Słownik etymologiczny... S. 360–361.

⁸⁴ Shevelov G.Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg: Carl Winter, 1979. P. 740.

⁸⁵ Snoj M. Slovenski etimološki slovar. S. 795.

⁸⁶ Существуют попытки реконструировать форму **bratrь* < **bratos* для праславянского состояния, ср.: Słownik prasłowiański / red. F. Sławski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1974. T. 1. S. 362. На наш взгляд, они вряд ли обоснованы. Л. Мошинский возражал против постулирования выпадения *r* для **bratь*, указывая на старославянские формы храбрь, ребро и сьребро без этого явления, см.: Moszyński L. Najstarsze zróżnicowanie dialektyczne prasłowiańszczyzny // Slavia Orientalis. 1980. Rocznik XXIX. № 1/2. S. 196. Однако диссимиляции в отличие от прочих фонетических изменений осуществляются пере-

Формы без выпадения: ст.-сл. братръ / братъ, слвн. диал. *brater*⁸⁷, чеш. *bratr*, слвц. диал. *bratr*⁸⁸, др.-польск. *bratr*⁸⁹, пол. диал. *brater* (Цешин)⁹⁰, в.-луж. *bratr*, н.-луж. *bratš*.

Формы с выпадением: болг., мак. *брат*, слвн., схр. *brät*, слвц., пол. *brat*, бел., укр., рус. *брат*.

В данном случае ареальное распределение наблюдается: формы без выпадения *r* сохраняются фактически только в периферийных словенских говорах, лужицких языках, чешском, а также маргинально в словацком и польском (причем форма в говоре Цешина вполне может быть богемизмом).

3.8. Перейдем к гипотезе о влиянии вокализма глагола. Случаи, когда вокализм глагола вторично влиял на отличающийся вокализм именного производного, известны. Ярким примером является случай болгарского *грьм* 'гром'. Для праславянского надежно восстанавливается пара **gr̥mĕti* 'гремять' — **gromъ* 'гром'⁹¹ (параллелью для нестандартного аблаута является пара **wъnziti* 'вонзить' — **nožь* 'нож'). В болгарском **gr̥mĕti* и **gromъ* закономерно дали *грьмá* и *гром* соответственно. Однако в настоящее время *гром* глоссируется как устаревшее или диалектное⁹², а его место в литературном языке заняла форма *грьм* (членная форма — *грьмѣт*), вокализм которой стал соответствовать глагольному, причем возможным это стало только после соответствующих фонетических изменений в болгарском (**rъ* > *ɾ* > *rъ* / *ɾr*).

Воздействием глагольного вокализма О.Н. Трубачев объяснял также форму **delbto* 'долото', представленную преимущественно в южнославянском ареале, и, предположительно, являющуюся вторичной по отношению к **dolbto*⁹³.

гулярно, в отдельных лексемах, ср. выпадение *p* в русских словах *горнчар > *гончар* и *кочергар > *кочегар*, но его отсутствие в формах *пример*, *пробор*, *перегар*, *старовер* и др. (можно, конечно, указать на то, что в словах *гончар* и *кочегар* дополнительным фактором было нахождение *-p-* перед согласным, но в силу отсутствия других подобных примеров это сложно проверить).

⁸⁷ Slovenski lingvistični atlas. 1. Karta 107.

⁸⁸ Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994. Díl 1. S. 154.

⁸⁹ Słownik staropolski / red. S. Urbańczyk. Warszawa: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1953–1955. T. 1. S. 154; Słownik polszczyzny XVI wieku / red. H. Cieńska. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1967. T. 2. S. 416.

⁹⁰ Słownik gwar polskich / red. T. Gołębiowska, J. Reichan, S. Urbańczyk. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1986. Zeszyt 6. S. 469.

⁹¹ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. Выпуск 7. С. 163–164, 138. Słownik prasłowiański / red. W. Boryś, F. Sławski. Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 2001. T. 8. S. 265–266, 228–229.

⁹² Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 12.08.2022).

⁹³ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. С. 205. Выпуск 4.

Отметим, что в случае **plu'te* / **plu'te* влияние основы инфинитива глагола **pluti* 'плыть' было возможно только в том случае, если взаимосвязь между этими словами оставалась очевидной для носителей, что, к сожалению, проверить невозможно⁹⁴.

3.9. Резюмируя проделанный анализ, следует сказать, что из перечисленных в начале раздела восьми мнений о взаимоотношении форм **plu'te* и **plu'te* только два мы считаем действительно аргументированными: гипотеза о диссимиляции палатальных *l'-t' > l-t'*, а также предположение о влиянии производящего глагола **pluti*. К сожалению, определение того, какой сценарий более вероятен, не представляется возможным.

Следует оговорить, что гипотеза диссимиляции ограничивает верхнюю временную границу появления формы **plu'te* той эпохой, когда **t'* еще был палатальным согласным, то есть это должно было осуществиться либо в позднюю праславянскую эпоху, либо непосредственно сразу после распада праславянского языка.

4. МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ЧЛЕНЕНИЕ СЛОВА **plu'ta*

В литературе можно встретить три взгляда на морфологическое деление слова **plu'ta*:

- а) выделяется суффикс *-tio-*, то есть слово членится как **pleu-tio*⁹⁵. Ф. Славский видел здесь суффикс **-te* и **plu'te* / **plu'te* как единственное существительное с ним. По его мнению, *-te* — это результат расширения **-to-* при помощи вторичного **-je*⁹⁶. Р. Матасович считает это одной из возможностей, объясняя такой суффикс (**-tje < *-tja-*) как слияние (conflation) суффиксов **-to-* и **-ja*⁹⁷.
- б) выделяется суффикс *-io-* и слово членится как **pleut-io*⁹⁸.
- в) выделяется суффикс **-ti-* (> **-t₆*). В. Мажюлис реконструировал для прабалтославянского слово **plauti* / **pleuti* 'плавание' среднего

⁹⁴ Именно разрывом такой взаимосвязи Ю.В. Шевелёв объяснял сохранение формы **plu'te* в части славянских языков, см. *Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic*. Heidelberg: Carl Winter, 1964. P. 275.

⁹⁵ *Štok P. Etimologijski rječnik... S. 690; Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Sešit 11. S. 661; Rejzek J. Český etymologický slovník. Brno: Leda, 2001. S. 476; Borys W. Słownik etymologiczny języka polskiego. S. 447; М. Сной в: *Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knjiga 3. S. 59; Snoj M. Slovenski etimološki slovar. S. 551; Derksen R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden, Boston: Brill, 2008. P. 405-406; Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. S. 448.**

⁹⁶ *Słownik prasłowiański... T. 2. S. 40.*

⁹⁷ *Matasović R. Slavic Nominal Word-Formation. Heidelberg: Winter, 2014. P. 114.*

⁹⁸ *Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: August Cesarec, 1993. S. 489; Ваітковікі А. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. Г.А. Цыхун. Мінск: Беларуская навука, 2004. Т. 9. С. 218. Етимологічний словник української мови / гол. ред. О.С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 4. С. 457.*

рода с дальнейшей конкретизацией значения в 'легкие' (pl. **plautī* / **pleutī*) и образованием инновационной собирательной формы **plautjā* / **pleutjā* (nom.-acc. pl. n.)⁹⁹. Близкое мнение высказал и Р. Матасович¹⁰⁰.

На наш взгляд, наиболее обоснована последняя версия. Нарращение суффикса *-*je*- требует объяснения, которого, кажется, никто не дал. С другой стороны, мы хорошо знаем, что *-*i*-основы, в том числе с суффиксом *-*ti*- > *-*tb*-, переходили в *-*jo*-склонение, причем как в праславянском, так и в балтийских языках. Например, в праславянском **mori* (n.) > **morjo* > **mor'e* 'море', **pleti* (n.) > **pletjo* > **plet'e* 'плечо'¹⁰¹; в литовском *daņgtis*, -*čio* 'крышка' при устар. и диал. *daņgtis*, -*ties*, *laņktis*, -*čio* 'мотовило' при диал. *lanktis*, -*tiēs*, диал. *svirtis*, -*čio* при литер. *svirtis*, -*ties* 'журавль, коромысло'¹⁰².

Однако в таком случае некоторой проблемой является род праславянского слова, поскольку других достоверных случаев *-*ti*-основ среднего рода в праславянском нет. Спорным является слово **plet'e*, в случае которого одни ученые видят основу **plet-*, а другие — **plekt-*¹⁰³, в первом случае суффикс *-*ti*- вычленишь не получится. Более того, видимо, не характерен средний род для дериватов на *-*ti*- был и в праиндоевропейском. В языках-потомках мы наблюдаем образования преимущественно женского рода, реже мужского, очень редко и явно вторичные — среднего¹⁰⁴.

На первый взгляд, в пользу реконструкции формы среднего рода **plauti* / **pleuti*, предложенную Мажюлисом, для прабалтославянского свидетельствуют колебания в роде в балтийских языках. Однако такие случаи известны и для существительных, исходно к среднему роду не принадлежавших, особенно, но не обязательно среди *-*i*-основ, причем иногда даже в рамках одного языка. Ср., например: лит. *lāpas* / *lapa* 'лист' — лтш. *lapa* 'лист'; лит. *dėlnas* / *dėlna* 'ладонь' — лтш. *delna* 'ладонь'; лит. *anglis* (f.) / *añglis* (m.) 'уголь'; лит. *ugnis* (f.) / *uñnis* (m.) 'огонь'; лит. *gyvatā* / *gyvātas* 'жизнь'¹⁰⁵.

⁹⁹ *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. Т. 3.

¹⁰⁰ *Matasović R.* Slavic Nominal Word-Formation. P. 114.

¹⁰¹ *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Lyon, Paris: IAC, 1958. Т. 2. P. 138-140.

¹⁰² *Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego. Warszawa: PWN, 1965. Т. 2. S. 243.

¹⁰³ Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Sešit 11. S. 656-657.

¹⁰⁴ *Brugmann K.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg: Karl J. Trübner, 1892. В. 2. Teil 1. S. 276-290; *Wackernagel J., Debrunner A.* Altindische Grammatik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1954. В. 2. Teil 2. S. 642; *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. München: Beck, 1977. В. 1. S. 504.

¹⁰⁵ В случае дублетных литовских форм одна, как правило, является диалектной или устаревшей, см.: *Lietuvių kalbos žodynas*. URL: <http://lkz.lt> (дата обращения: 12.08.2022).

Таким образом, есть серьезные сомнения в том, что балтославянское название легких было изначально среднего рода. В связи с этим сценарий Мажюлиса требует некоторой корректировки. Можно предположить, что отправной точкой была форма **plautis* / **pleutis* женского рода, что наиболее характерно для дериватов с формантом **-tis*. В латышском и прусском женский род удержался, в литовском и части латышских диалектов произошел переход в мужской род. В случае праславянского же легко можно себе представить переход из **-i*-склонения в **-jo-*. Подобные случаи хорошо известны, например, **datʰ*¹⁰⁶ > **daʰa*, **zemʰ* > **zemja*, в том числе уже после распада праславянского: **morwʰ* > слвн. *mrávlja* ‘муравей’, **bolnʰ* > др.-чеш. *blaně* ‘луг’¹⁰⁷. Вероятно, в целом именно такого происхождения формант **-ʰa*¹⁰⁸.

Следующим этапом должно было быть переосмысление **pluʰa* как формы не женского рода, а среднего рода множественного числа. По такому сценарию изначально собирательное **brat(r)ʰja* (f.) в части славянских языков стало восприниматься как nom. pl. от **bratʰr* (пол. *bracia*, рус. *братья*). При этом, хотя в ряде языков (старославянский язык Шестоднева Иоанна Экзарха, чешский, некоторые сербохорватские говоры) континуанты **pluʰa* относятся к женскому роду, мы склонны полагать, что это не сохранение исконного состояния, а вторичный возврат к нему.

Наконец от **pluʰa* (n. pl.) был образован вторичный сингулятив **pluʰe*, возможно, уже даже не в праславянскую эпоху. Аналогичный пример мы обнаруживаем в случае польского *liść* ‘лист’, являющегося обратным дериватом от собирательного *liście* ‘листва’ (< **listʰje*).

Объяснения требует также вокализм формы **pleutis*. Первоначально для дериватов с формантом **-tis* был характерен корень на нулевой ступени аблаута. Однако в праславянском мы находим и случаи *-e*-вокализма¹⁰⁹. Более того, параллельные формы с разным вокализмом известны и за пределами славянских языков, например, φεύξις ‘бегство’ у Софокла при обычном φύξις¹¹⁰.

Возможно, выбор именно такого вокализма в праславянском объясняется тем, что нулевая ступень была уже «занята» словом **plʰtʰ* (‘плавающая корка’ >) ‘плоть’¹¹¹, образованным от того же корня при помощи того же

¹⁰⁶ Słownik prasłowiański... Т. 2. S. 358.

¹⁰⁷ Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. Выпуск 2. С. 178. Вопреки ЭССЯ, из числа сопоставлений следует исключить слвн. диал. *blánja* ‘доска, пень’, не соответствующее семантически и, возможно, являющееся романизмом, см. Slovenski lingvistični atlas. 2.2. Kmetija. Komentarji. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2016. S. 337.

¹⁰⁸ Обзор дериватов (с иным объяснением происхождения суффикса) см. в: Słownik prasłowiański... Т. 2. S. 42–43.

¹⁰⁹ Słownik prasłowiański... Т. 2. S. 43–50.

¹¹⁰ Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 1925.

¹¹¹ Подробнее см. в: Саенко М.Н. История семантики континуантов праслав. **plʰtʰ* // Славяноведение. 2022. № 5. С. 132–144.

суффикса. В целом нельзя не отметить разнообразие праславянских *-t*-дериватов от корня *pleu- 'плавать'. Помимо *plъть и *plu'a сюда относятся *plъть 'плот', *plъty 'плавник' и *pluta 'поплавок'¹¹².

5. ВЫВОДЫ

Из двух потенциальных реконструкций праславянского названия легких, *plu'a и *plu'a, вероятно, исходной является первая, в то время как вторая форма появилась либо вследствие действия дистантной диссимиляции $l-t > l-t'$, либо как результат влияния производящего глагола *pluti 'плавать'. При обоих сценариях вариант *plu'a мог появиться как еще в праславянский период, так и после распада праславянского языка в двух ареалах (польско-лужицко-полабском и сербохорватско-словенском) независимо друг от друга.

Мы полагаем, что первоначально от глагола *pleu- 'плавать' была образовано слово *pleutis > *plъть женского рода, в дальнейшем перешедшее из *-i-склонения в *-jā-, то есть *plъть > *plu'a, и позднее переосмысленное как множественное число среднего рода.

Литература

- Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетей, 2001.
- Дейкова Х. Об этимологизации группы глаголов румынского происхождения в одном болгарском говоре // Этимология (2009–2011) / под ред. Ж.Ж. Варбот, Д.И. Эдельман, А.Ф. Журавлева, Л.В. Куркиной. М.: Наука, 2012. С. 78–89.
- Рашић Н. Ливањско-дувањски говорни тип // Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књига 46. С. 263–426.
- Саенко М.Н. Праславянское *perelъ / *porelъ: исходная форма и этимология // Slovenski jezik. 2017. Št. 11. S. 25–27.
- Саенко М.Н. Черная печень, белые легкие: к истории и ареалу одной коллокации // Slovenski jezik. 2019. Št. 12. S. 31–51.
- Саенко М.Н. История семантики континуантов праслав. *plъть // Славяноведение. 2022. № 5. С. 132–144.
- Чешимеджиев Д. Иоанн Экзарх // Православная энциклопедия / под ред. С.Л. Кравца и др. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 24. С. 663–669.
- Шалаева Т.В. О возможных дериватах и.-е. *pleu- / *plou- в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18: Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов / отв. ред. Л.Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 214–221.

¹¹² О некоторых других потенциальных производных от этого корня см.: Шалаева Т.В. О возможных дериватах и.-е. *pleu- / *plou- в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 18: Актуальные аспекты изучения лексики славянских диалектов / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 214–221.

- Bezljaj F. Zbrani jezikoslovni spisi. Ljubljana: Založba ZRC SAZU, 2003. Zvezek 1.
- Brugmann K. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg: Karl J. Trübner, 1892. B. 2. Teil 1.
- Lamprecht A. Praslovanština. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 1987.
- Matasović R. Slavic Nominal Word-Formation. Heidelberg: Winter, 2014.
- Moszyński L. Najstarsze różnicowanie dialektyczne prasłowiańszczyzny // *Slavia Orientalis*. 1980. Rocznik XXIX. № 1/2. S. 195–200.
- Otrębski J. Gramatyka języka litewskiego. Warszawa: PWN, 1965. T. 2.
- Ramovš F. Historična gramatika slovenskega jezika. Konzonantizem. Ljubljana: Učiteljska tiskarna, 1924.
- Ribarić J. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri // Српски дијалектолошки зборник. 1940. Књига 9. С. 1–208.
- Schwyzer E. Griechische Grammatik. München: Beck, 1977. B. 1.
- Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. Heidelberg: Carl Winter, 1964.
- Shevelov G.Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg: Carl Winter, 1979.
- Šaur V. J před zadními vokály v staroslověnině // *Slavia*. 1988. Ročník 57. Č. 3. S. 250–263.
- Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Lyon, Paris: IAC, 1950, 1958. T. 1, 2.
- Vondrák W. Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1924. B. 1.
- Wackernagel J., Debrunner A. Altindische Grammatik. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1954. B. 2. Teil 2.

References

- Barankova, G.S., Mil'kov, V.V., 2001. *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo* [John the Exarch's Hexameron]. Saint Petersburg: Aleteia.
- Bezljaj, F., 2003. *Zbrani jezikoslovni spisi*. Ljubljana: Založba ZRC SAZU. Vol. 1.
- Brugmann, K., 1892. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strasbourg: Karl J. Trübner. Vol. 2. Part 1.
- Cheshmedzhiev, D., 2010. *Ioann Ekzarkh* [John the Exarch]. In: Kravets S.L. et al., ed., 2010. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Pravoslavnaia entsiklopediia, pp. 663–669. Vol. 24.
- Deikova, Kh., 2012. Ob etimologizatsii gruppy glagolov rumynskogo proiskhozhdeniia v onom bolgarskom govore [On the Etymologization of a Group of Verbs of Romanian Origin in a Bulgarian Dialect]. In: Zh. Zh. Varbot, D.I. Edel'man, A.F. Zhuravlev, L.V. Kurkina, ed., 2012. *Etimologii (2009–2011)* [Etymology (2009–2011)]. Moscow: Nauka, pp. 78–89.
- Lamprecht, A., 1987. *Praslovanština*. Brno: Univerzita J.E. Purkyně.
- Matasović, R., 2014. *Slavic Nominal Word-Formation*. Heidelberg: Winter.
- Moszyński, L., 1980. Najstarsze różnicowanie dialektyczne prasłowiańszczyzny. *Slavia Orientalis*, XXIX (1/2), pp. 195–200.

- Otrębski, J., 1965. *Gramatyka języka litewskiego*. Warsaw: PWN. Vol. 2.
- Ramić, N., 1999. Livanjsko-duvanjski govorni tip. *Srpski dijalektološki zbornik*, 46, pp. 263–426.
- Ramovš, F., 1924. *Historična gramatika slovenskega jezika. Konzonantizem*. Ljubljana: Učiteljska tiskarna.
- Ribarić, J., 1940. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri. *Srpski dijalektološki zbornik*, 9, pp. 1–208.
- Saenko, M.N., 2019. Chernaia pechen', belye legkie: k istorii i arealu odnoi kollokatsii [Black liver, white lungs. On the history and location of the model]. *Slovenski jezik*, 12, pp. 31–51.
- Saenko, M.N., 2022. Istoriia semantiki kontinuantov praslav. *рльъ [Semantic History of Continuants of Proto-Slavic *рльъ]. *Slavianovedenie*, 5. Pp. 132–144.
- Saenko, M.N., 2017. Praslavianskoie *репель / *popель: iskhodnaia forma i etimologiia [Proto-Slavic *репель / *popель: Original Form and Etymology]. *Slovenski jezik*, 11, pp. 25–27.
- Schwyzler, E., 1977. *Griechische Grammatik*. Munich: Beck. Vol. 1.
- Shalaeva, T.V., 2016. O vozmozhnykh derivatakh i.-e. *pleu- / *plou- v slavianskikh dialektakh [On the Possible Derivatives of IE *pleu- / *plou- in the Slavic Dialects]. In: L.E. Kalyn', ed., 2016. *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* [Works on Slavic Dialectology]. Moscow: Institut slavianovedeniia. Vol. 18: *Aktual'nye aspekty izucheniiia leksiki slavianskikh dialektov* [Actual Aspects of Study of Vocabulary of Slavic Dialects], pp. 214–221.
- Shevelov, G.Y., 1964. *A Prehistory of Slavic*. Heidelberg: Carl Winter.
- Shevelov, G.Y., 1979. *A historical phonology of the Ukrainian language*. Heidelberg: Carl Winter.
- Šaur, V., 1988. J před zadními vokály v staroslověnině. *Slavia*, 57 (3), pp. 250–263.
- Vaillant, A., 1950, 1958. *Grammaire comparée des langues slaves*. Lyon, Paris: IAC. Vol. 1, 2.
- Vondrák, W., 1924. *Vergleichende slavische Grammatik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. Vol. 1.
- Wackernagel, J., Debrunner, A., 1954. *Altindische Grammatik*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. Vol. 2. Part 2.

РОЛЬ ТРУДОВ ПРОФ. АФАНАСИЯ МАТВЕЕВИЧА СЕЛИЩЕВА В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Лучия Стефанова Антонова-Василева

Доктор филологических наук, профессор,
директор Института болгарского языка
им. профессора Любомира Андрейчина
Болгарской академии наук.

Почтовый адрес: бул. Шипченски проход, 52, блок 17,
София, 1113, Болгария

Электронный адрес: luchantonova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2108-4082

Аннотация

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить отражение исследований и идей, изложенных в трудах профессора А.М. Селищева, в работах и направлениях исследований болгарских лингвистов. Внимание сосредоточено на монографиях и статьях Селищева, посвященных языку и истории населения географической области Македонии, подчеркнуты достоинства его описаний фонетической и морфологической систем местных говоров, которые сопровождаются сопоставительным анализом болгарских диалектов. Освещаются также его исследования в области лексики и топонимики. Селищев уделял внимание и вопросам взаимовлияния разных языков, например албанского и болгарского, изучая не только историю отдельного региона, его диалектологические особенности, но и вопрос двуязычия населения. В статье говорится и об интересе Селищева к тем историческим фактам, которые проливали свет на проблему этнической принадлежности населения той или иной части болгарской языковой области. Роль исследований Селищева анализируется в контексте общего состояния болгарской лингвистической науки времен национального возрождения, когда собственно болгарские источники для распространения знаний и просвещения были очень ограниченными и обычно издавались вне пределов Османской империи, частью которой в тот период была Болгария. В статье подчеркивается, что труды Селищева представляют собой не единичное явление, а часть общей тенденции, что подтверждают труды В. Григоровича, А. Дювернуа и др. Приведены примеры из работ таких видных болгарских ученых, как Л. Милетич, Б. Цонев, Ст. Младенов, Й. Займов и др., которые свидетельствуют о наличии серьезной традиции, чье начало было положено профессором Селищевым.

Ключевые слова

Болгарский язык, фонетика, морфология, лексика, история, диалектология, Македония

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2022 г.

Цитирование: *Антонова-Василева Л.С.* Роль трудов проф. Афанасия Матвеевича Селищева в развитии болгарского языкознания // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2022. Т. 17. № 3–4. С. 125–140. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.07>

THE ROLE OF THE WORKS OF PROFESSOR ATHANASII MATVEEVICH SELISHCHEV IN THE DEVELOPMENT OF BULGARIAN LINGUISTICS

Luchia S. Antonova-Vasileva

Prof., D. Sc., Director,
Institute for Bulgarian Language
“Prof. Lyubomir Andreychin”,
Bulgarian Academy of Sciences
Postal address: Shipchenski prohod blvd., 52, block 17,
Sofia, 1113, Bulgaria
E-mail: luchantonova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2108-4082

Abstract

This article aims to trace the impact of the studies and ideas from the works of Prof. A. M. Selishchev in the publications and research directions of Bulgarian linguists. Attention is paid to his monographs and to articles devoted to the language and history of the population in the geographical area of Macedonia. The merits of the descriptions of the phonetic and morphological system of the territorial dialects, accompanied by the tracing of the parallels of the phenomena in Bulgarian dialects, are indicated. The article highlights the professor's studies of vocabulary and toponymy. Prof. Selishchev paid special attention to the mutual influence of different languages (for example, Albanian and Bulgarian), studying not only the history of the given region and its dialectological specifics, but also the bilingualism of the population. The article also traces Selishchev's interest in the historical facts that illustrated the issue of ethnic affiliation of the population of different zones in the Bulgarian language area. The historical facts described by Selishchev about the nationality of the population are described. The role of the subject's research is considered in relation to the general state of Bulgarian linguistic science during the Renaissance, when the Bulgarian sources for the spread of knowledge and enlightenment were limited and were usually published outside the borders of the Ottoman Empire (of which Bulgaria was a part). The works of Selishchev should not be considered an isolated phenomenon, but part of a general trend, which is demonstrated by the works of V. Grigorovich, Al. Duvernoy, and so on. Examples are cited from the works of prominent Bulgarian scientists such as L. Miletich, B. Tsonev, St. Mladenov, and J. Zaimov, which testify to the deep impact left by the work of Prof. Selishchev.

Keywords

Bulgarian language, phonetics, morphology, vocabulary, history, dialectology, Macedonia

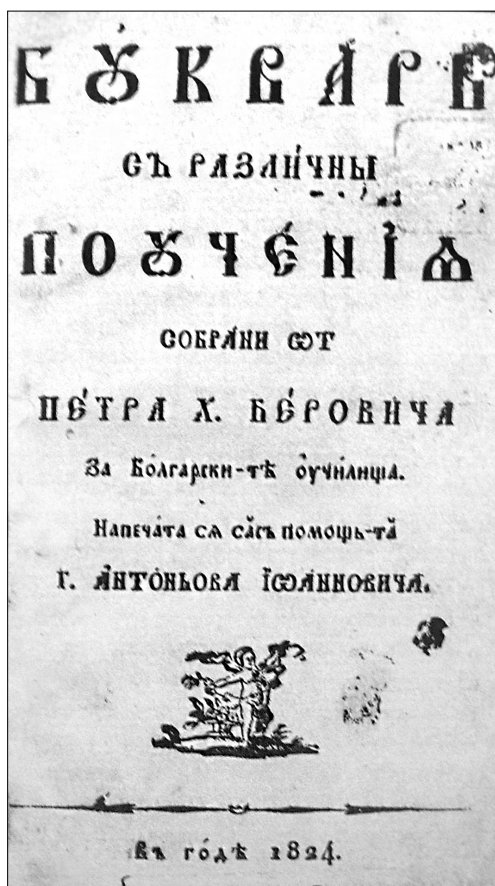
Received 29 November 2022

How to cite: Antonova-Vasileva, L.S., 2022. Rol' trudov prof. Afanasii Matveevicha Selishcheva v razvitii bolgarskogo iazykoznaniiia [The Role of the Works of Prof. Athanasii Matveevich Selishchev for the Development of Bulgarian Linguistics]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 125–140. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.07>

Болгарское государство возрождается после пятивекового ига в 1878 г. Существуют неопровержимые доказательства того, что до завоевания Болгарии османскими турками в 1396 г. ее культурный уровень полностью соответствовал тогдашнему времени. Это справедливо для всех областей культуры, государственности и научного знания, включая лингвистику. Примерно в 893 г. Черноризец Храбр, представитель Преславской книжной школы Северо-Восточной Болгарии, пишет свое сочинение «О писменъхъ» — «О буквах». Патриарх Евфимий — защитник Велико-Тырново во время османской осады — автор трудов по стилистике болгарского языка, орфографической реформы Второго болгарского царства. Его сочинения нашли широкий отклик у ряда славянских народов той эпохи благодаря таким книжникам, как Константин Костенецкий (вероятно, из Костенеца), автор «Сказания о письменах» или «Сказания о буквах», и многим другим. Но в эпоху национального болгарского возрождения в Европе выходит учебное пособие «Первое учение хотящим учиться книг писменим славянским, называемое буквар написано иждивением г. Марка Феодоровича, болгара родом из Разлога...» (Виена, 1792)¹. А первый болгарский букварь с оригинальным заглавием «БѸКВАРЬ СЪ РАЗЛИЧНЫ ПОУЧЕНІА», написанный Петром Бероном из старопланинского города Котел, издан в Брашове в 1824 г.

Первая известная нам «болгарова граматика», созданная Неофитом Рильским из Банско, также издана в Крагуеваце (Румыния).

Очень значительным из-за языковой и религиозной близости, из-за преклонения перед актом Освобождения и не в последнюю очередь из-за исключительного профессионализма в научных ис-

Первый болгарский букварь Петра Берона

¹ Първев П. Създатели и творци на българското езикознание. София: Народна просвета, 1987. С. 8.

Первая известная болгарская грамматика
Неофита Рильского

следованиях было влияние России. Можно привести ряд примеров важных трудов русских лингвистов, например труд Виктора Григоровича — первого известного в настоящий момент ученого, который посетил в 1844–1847 гг. болгарские земли. По окончании этого путешествия он издал «Очерк путешествия по Европейской Турции»². В данной публикации Григорович беспристрастно изложил ряд сведений о болгарском языке, в частности:

² Григорович В. И. Очерк путешествия по Европейской Турции. (С картой окрестностей Охридского и Преспанского озер). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1848. (2-е изд. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1877)

«Из Охриды пожелал я объехать охридское озеро до монастыря св. Наума и оттуда горами проникнуть до преспанского озера. Но прежде совершил я небольшую поездку в край, мало еще известный географам. В найденном мною житии св. Климента встречается следующее место: *στήλας δὲ λιθίνους ἐν τῇ κεφαλῆνιᾳ, (μετονομασθείση τῇ βουλγαῶν φῶνῃ γλαβινετζα) ἐστὶν εἶδεν ἀχρι καὶ εἰς τόδε σωζόμενας ἐν αἰς γράμματα ἐγχεκόλαπται τῆς εἰς χυ παρ' αὐτῆ τῆ ἔθνοους ὄλη προσέλευσιν καὶ διχέωσιν σημειούμενα, т. е. что въ Кефалиниі, на языке болгарском названной главиница, и теперь еще видеть можно сохранившиеся каменные столбы, на которых [105] вырезаны надписи, знаменующие обращение к Христу и водворение всего народа (Болгар)».*

Еще одним примером может послужить труд А. Дювернуа, который составил первый законченный словарь болгарского языка, содержащий около 20 000 слов и изданный в 9 томах в 1885–1889 гг.³ Необходимо отметить, что в список источников Дювернуа включил и «Болгарские народные песни, собранные братьями Димитрием и Константином Миладиновыми».

Данная тенденция сохранялась и в первые десятилетия истории Третьего болгарского царства. Если посмотреть труды классиков болгарского языкознания, можно найти доказательства неоспоримого авторитета русских ученых и подтверждение того, что их взгляды формировали направления исследований болгарской лингвистики.

Одним из этих языковедов и был А.М. Селищев — автор ряда книг и научных публикаций, связанных с исследованием болгарского языка. Его первая работа «Очерки по македонской диалектологии» была опубликована в Казани в 1918 г.⁴ В Болгарии же она была издана только в 1981 г. — факт, который доказывает, что в Болгарии труд Селищева был воспринят в своем первоначальном и полностью аутентичном виде.

Огромное достоинство работ А.М. Селищева заключается в том, что они были написаны с опорой на полевые исследования⁵, которые на тот момент были новыми и крайне редкими. Это подчеркивает проф. Й. Заимов во введении к первому болгарскому изданию, озаглавленном как «Место “Очерков по македонской диалектологии” в болгарской диалектологии»⁶.

Там он отмечает, что Селищев изначально ориентировался на северную часть географической области Македонии, где собрал материалы «по исто-

³ Дювернуа А.Л. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М.: Университетская тип., 1885–1889. Вып. 1–9.

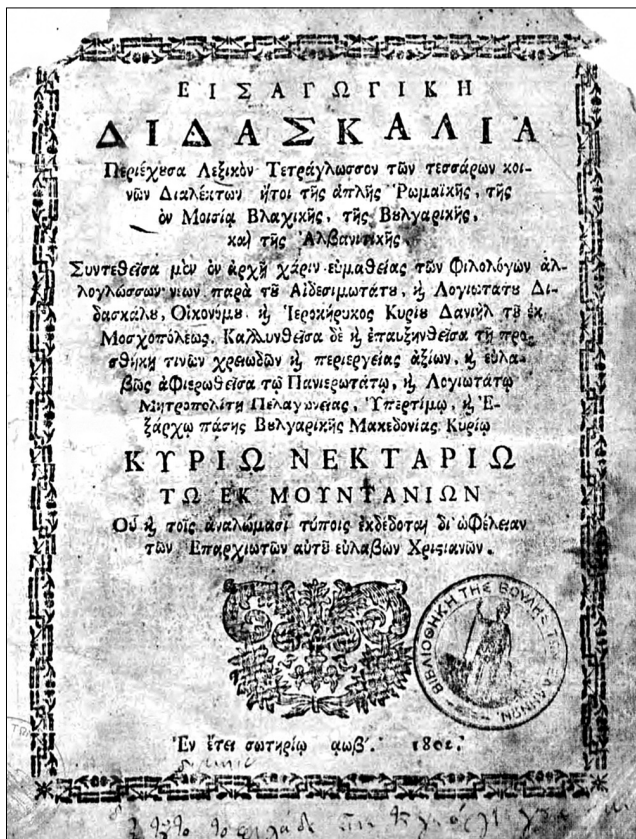
⁴ Селищев А.М. Очерки по македонской диалектологии. Казань: Лито-Типография Т-во «Умидъ», 1918. Т. 1. (Фототипно издание. София: Наука и искусство, 1981).

⁵ См. библиографию болгаристических работ Селищева в: Селищев А.М. Очерци по македонската диалектология.

⁶ Там же.

рии болгарского литературного языка, в частности “препростѣишаго и некнижнаго языка болгарскога писателей первой половины XIX века”⁷. В качестве исходного и основного источника он использовал часть знаменитого тетраглоссария хаджи Даниила, представленную текстом на битолском наречии.

Заглавие этого труда гласит: «Вводная инструкция, содержащая четырехязычный словарь четырех распространенных диалектов, то есть простого римского, мезийско-валашского, болгарского и албанского»⁸.

Четырехязычный словарь хаджи Даниила

⁷ Селищев А.М. Отчет о занятиях за границей в летнее ваканционное время 1914 года. Казань: Типо-литография Императорскаго университета, 1915. С. 1.

⁸ Греч. ΕΙΣΑΓΩΓΙΚΗ ΔΙΔΑΣΚΑΛΙΑ Περίχουσα Λεξικὸν Τετραγλωσσὸν τῶν τεσσάρων κοι-
νῶν διαλέκτων, ἤτοι τῆς ἀπλῆς Ῥωμαϊκῆς, τῆς ἐν Μοισίᾳ Βλαχικῆς, τῆς Βουλγαρικῆς, καὶ
τῆς Ἀλβανικῆς — «ИСАГОГИКИ ДИДАСКАЛИА Пэриэхуса Лексикон Тэтраглэссон
тон тэссарон кинон диалектон ити тис аплис Ромаикис, тис эн Мисиа Вляхикис,
тис Вульгарикис, кэ тис Альванитикис». См.: Ничев Ал. «Четириезичният речник»
на Данаил. София: Издателство на Българската академия на науките, 1977. С. 11.

В заглавии ясно отражено, что словарь содержит материал на болгарском языке (греч. *τῆς Βουλγάρικῆς*). Селищев передает это точное название и подчеркивает: «Что касается данных для XVIII-го и начала XIX-го в., то для этого времени мною изучены следующие материалы: 1. Болгарская параллель четырехязычного словаря москопольского йерокирика хаджи Даниила. Словарь входит в состав его книги *Εἰσαγωγικὴ Διδασαία... τῆς ἐν Μοισία Βλαχικῆς, τῆς Βουγαρικῆς, καὶ τῆς Ἀλβανικῆς...* “Βουλγάρικα” Дидаскалии представляет весьма важный материал для характеристики юго-западной Македонии во второй половине XVIII в.»⁹.

Из этого следует, что Селищев употребляет понятие «Македония» и производное от него прилагательное «македонский» как географические и региональные, конкретизирующие область, исследуемую как часть болгарской языковой территории. В дальнейшем в описании конкретные языковые особенности системно сопоставляются с особенностями болгарского языка.

Следуя классическим образцам изучения языковых памятников, А.М. Селищев делает критический обзор предыдущих исследований «Четырехязычного словаря». Его труд настолько детальный и обстоятельный, что проф. Й. Заимов по праву определяет его как «основы болгарской диалектологии», отмечая в издании «Очерков...» (1981): «И действительно, до сегодняшнего дня не существовало в болгарской диалектологии столь углубленного анализа такой обширной диалектной области»¹⁰.

Помимо исключительно углубленного и подробного характера исследования, его важной чертой, которая и в настоящий момент в болгарской диалектологии считается абсолютно необходимой, выступает сопоставительный анализ явления из конкретного языкового региона с остальной частью языковой территории. Можно, в частности, привести примеры из труда, которые подтверждают это, например, в отношении заимствований из турецкого языка: «В болгарском говоре Дидаскалии отражаются элементы двух звуковых вариантов этого заимствованного слова: турец. *хендек* и *хандак*. В одних болгарских говорах отражается *hendek*, в других *handak*, в третьих сочетание с элементами того и другого варианта»¹¹.

Крайне подробными и точными являются наблюдения А.М. Селищевой за историческими звуковыми изменениями, отраженными в тексте. Он пишет: «По судьбе *ъ, *ь Βουλγάρικα принадлежит Македонии... В корне *вм. ъ* развилось *о* почти во всех говорах Македонии, кроме северной полосы *ея* и в соседних с Македонией юго-западных говорах Болгарии...»¹². Эти сведения точно отражают юго-западный ареал первичной вокализа-

⁹ Селищев А.М. Очерки по македонской диалектологии. С. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же. С. 23.

ции старослав. $\text{ъ} > \text{o}$, которая объединяет часть диалектов географической области Македонии в единый континуум с диалектами Болгарии. Это явление отражено на карте № 1 Обобщающего тома Болгарского диалектологического атласа (далее — БДА. ОТ. — *Прим. Л. А.-В.*)¹³. Дальнейший детальный анализ рефлексов старослав. ъ в книге Селищева, как и на картах БДА. ОТ, показывает, что это — фонетическое явление, которое развивалось в исследуемой области, но имеет неравномерный характер распространения на территории болгарского языкового ареала. В некоторых позициях оно доходит даже до Черного моря (см. БДА. ОТ, карта № 3). Рефлексы старослав. ъ перед гуттуральным k в последнем закрытом слоге в словах типа *пѣтъкъ*, *пѣсъкъ* < старослав. *пѣтъкъкъ*, *пѣсъкъкъ*.

В работе Л. Милетича, изданной впервые в 1903 г. в Вене на немецком языке, была опубликована карта восточных болгарских говоров. На ней показана граница между *-о* и *-ѣт* диалектами, в которой отражены рефлексы старослав. ъ в членной морфеме артикля в северо-восточных болгарских говорах — диалектах таких районов, как Шумен, Преслав, Омуртаг, Провадия и Нови пазар. По мысли Л. Милетича, «самый подходящий языковой признак, по которому с легкостью можно отличить исконных жителей Дунайской равнины от разных пришельцев со Стара планины или Фракии, это определенная, то есть артиклевая форма существительных м. р. ед. ч. на *-ѣ* под ударением <...> или даже чистым *у* в безударной позиции, напр. *носѣ*, *моствѣ*...»¹⁴. В исследовании Л. Милетича есть отдельная глава под заголовком «О-диалект (северо-восточный диалект)»¹⁵. Здесь следует напомнить, что это именно та область, в которой в период раннего Средневековья существовала Преславская книжная школа старославянского языка, то место, где болгарский царь Борис встретил изгнанных из Великой Моравии учеников Кирилла и Мефодия, чтобы затем отправить их в разные уголки болгарских земель, включая Македонию. В своем исследовании Селищев также отмечает, что говоры, где вместо суффиксального *-ѣ* употребляется гласная *о*, занимают значительно более обширную территорию, чем та, где ъ перешел в *о* в корневом слоге. Важно и то, что он говорит о наличии суффикса *-ок* в ранних среднеболгарских памятниках с различной диалектной окраской¹⁶. Не ускользает от его внимания и то, что переход $\text{ъ} > \text{o}$ в членной морфеме артикля м. р. ед. ч. тоже имеет разный ареал распространения. Он прослеживает распространение членной морфемы артикля *-от* (*-о*) в пограничных юго-западных говорах географической области Македонии (Преспанская, Охридская обл.) в направлении Крушево, Кичево, Порече,

¹³ Български диалектен атлас. Обобщаващ том I-III: Фонетика. Акцентология. Лексика / отв. ред. Ив. Кочев. София: ИК «Труд», 2001.

¹⁴ Милетич Л. Източно-българските говори. София: Издателство на Българската академия на науките, 1989 (1903). С. 23-24.

¹⁵ Там же. С. 23, 51-98.

¹⁶ Селищев А.М. Очерки по македонской диалектологии. С. 23 и сл.

Добра, Тетово, ее распространение на юг (Воденская, Кукушская и Солунская обл.), а также в Западной Болгарии (область между реками Искыр и Огоста)¹⁷. Принимая во внимание широкий ареал перехода $\text{ь} > \text{o}$ в северо-восточных болгарских говорах, которые описывает проф. Л. Милетич, нетрудно понять, почему в рецензии на работу Селищева он пишет: «Мы должны быть особенно признательны профессору А.М. Селищеву за его серьезный труд, который посвящен македонским наречиям и с помощью которого сделан значительный шаг вперед к тому, чтобы создать системную западно-болгарскую диалектологию на более широкой основе...»¹⁸. Детальное описание рефлексов ера в конечном слоге подтверждает тезис, выдвинутый самим Селищевым: «Процессы, пережитые говорами Македонии, были свойственны и говорам Болгарии, всем или некоторым из них, чаще всего говорам юго-западной Болгарии»¹⁹.

Таким же образом подробно описаны и рефлексы заднего носового гласного, при этом не только основной, характерный для данной области вариант, но и другие, редкие варианты: например, рефлекс ь в слове *кътник*, рефлекс y в *кукъа* и др.²⁰ Это полностью соответствует и моим наблюдениям об отсутствии единства в рефлексах носового гласного в конечном слоге в диалектах географической области Македонии.

Исключительно подробно в этом труде описаны и сочетания **tʁt(l)t*, **tʁ(l)t*. И здесь снова читаем, что «в ее болгарском говоре (Дидаскалии) сочетание находилось между согласных»²¹.

Факты, которые анализирует А.М. Селищев в болгарском тексте «Дидаскалии», использует и неоднократно цитирует акад. Ст. Младенов в «Истории болгарского языка», впервые вышедшей на немецком языке в Берлине и Лейпциге в 1929 г. Эта книга, как и работы Селищева, сопровождается лингвистической картой²².

Труды А.М. Селищева освещаются и в «Истории болгарского языка» Б. Цонева, где он указывает их в качестве новых источников данных о болгарских диалектах²³. В Т. I «Истории...» цитируется издание «Фольклорные и диалектологические материалы по Македонии» А.М. Селищева²⁴, из которого использован языковой материал для части III «Староболгарский и

¹⁷ Селищев А.М. Очерки по македонской диалектологии. С. 27–28 и сл.

¹⁸ Милетич Л. А.М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии. Т. I. Казань, 1918, 8, 284 // Македонски преглед. 1925. Год. 1. Кн. 4. С. 95.

¹⁹ Там же.

²⁰ Селищев А.М. Очерки по македонската диалектология. С. 38 и сл.

²¹ Там же. С. 63.

²² Младенов Ст. История на българския език. Превод и редакция на проф. Ив. Дуриданов от немското издание през 1929. София: Издателство на Българската академия на науките, 1979. С. 50.

²³ Цонев Б. История на българския език. София: Наука и изкуство, 1984. Т. I: Фототипно издание от изд. от 1940. С. 463, 465, 466.

²⁴ Селищев А.М. Фольклорные и диалектологические материалы по Македонии (1924–1927) // Slavia. 1928. Т. 7. Вып. 3. С. 704–709.

новоболгарский язык». Здесь Б. Цонев приводит исторические и филологические доказательства неразрывной связи между современным болгарским и старославянским языками (ср. слова из Охридской области: старослав. *тоуль*, *тулище*, *тулешник*, *тулина* и др.)²⁵.

В Т. II «Истории болгарского языка» Б. Цонев приводит болгарские слова в албанском языке, проанализированные А.М. Селищевым в работе «Славянское население в Албании» (1931)²⁶. Первая глава книги называется «Юго-западная граница болгарской языковой области в настоящее время»²⁷. В ней проф. Селищев объективно очерчивает границы, в которых существуют поселения с болгарским населением. Эта книга содержит много информации об истории, географии, социальном устройстве, топонимике Албании. В ней представлен обзор слов славянского происхождения в албанском языке, описан также и долгий процесс албанизации славянского населения в регионе. Так, к традиционным задачам исследования в диалектологическом и историческом аспектах прибавляется вопрос изучения двуязычия. Сделаны основные выводы из наблюдений за взаимным влиянием языков. По этому поводу Селищев пишет: «В Пологе во многих албано-славянских селах в обиходе албанская и славянская речь. В болгарскую речь проникают отдельные слова, хотя они и не получают широкого распространения. Нет албанских слов, вошедших в общий оборот у славян Полога. В славянской фонетике Полога следов албанских не обнаруживается»²⁸. Непосредственно после этого описываются редкие диалектные особенности в с. Радожда (область Струги), о чем Селищев пишет следующее: «В болгарском говоре одного из окраинных теперь сел, в Радожде, на западной стороне Охридского озера, вместо вторичного гласного ъ (из ж и в других случаях) находится гласный *ä*... Базу *ä* представляет собою образование “глухого” гласного и в албанских говорах Эльбасанского района. Полагаем, что западно-охридское *ä* появилось под албанским воздействием»²⁹. Влияние албанского языка он допускает и в рефлексе *o* вм. *ъ* < ж в дебрском, костурском и преспанском говорах.

В главе V «Черты славянской речи в Албании» Селищев убедительно заявляет: «Славяне, поселившиеся в южной и средней Албании, представляли в своей речи *шч* или *шт*’ вместо **tj* (**kt*’), *ждж* или *жд*’ вм. **dj*. Это — результат давнего процесса, пережитого сообща со славянами Македонии, Фракии и Мизии»³⁰. Здесь же Селищев пишет и о наличии групп болгарского населения в Призренской области и области Средска жупа.

²⁵ Цонев Б. История на българския език. С. 88.

²⁶ Там же. С. 192.

²⁷ Селищев А.М. Славянското население в Албания. Фототипно издание. София: Наука и изкуство, 1981; Селищев А.М. Славянское население в Албании. (С иллюстрациями в тексте и картой Албании). София: Македонский научный институт, 1931. С. 1-3.

²⁸ Там же. С. 94-95.

²⁹ Там же. С. 95.

³⁰ Там же. С. 277.

В труде «Славянское население в Албании» Селищев описывает и болгарское население в Северной Албании: «От Горы пограничная линия направляется на сев.-восток, через Шар-планину <...> к Скопской Черной Горе. <...> Славянскими являются в настоящее время следующие ближайшие к Призрену села: Врбичане, Новоселяне (Шар-планинский срез), Селце (Севце), Врбештица, Яжинце, Штрпце, Беревце, Готовуша (Сириничская жупа), Средска, Живиняне (Средская жупа; другие села этой жупы являются или смешанными или совсем албано-магометанскими: Речане, Негрегоште)»³¹. По мнению Селищева, традиция именовать себя «болгарами» сохранялась у населения этого региона до XVIII в. Я имела возможность лично убедиться в существовании Болгаричей (Бугаричей), как их описывает Селищев, и в наши дни³². Его сведения — одно из многочисленных доказательств того, что болгары в Призренской области не являются новыми переселенцами. Кроме ряда особенностей, которые доказывают болгарский характер говоров этого края, само название села Раховец, демонстрирующее переход *ь > е* в суффиксе, также служит подтверждением характерной для болгарского языка черты, о которой писал в своих исследованиях Селищев. В данном труде, как и на карте, приложенной к нему, ученый предоставляет данные и о старинных городах Первого болгарского царства, среди которых, например, Леш³³.

Аккуратен и категоричен Селищев в своем определении этнической принадлежности населения в книге «Полог и его болгарское население»³⁴. Она содержит ряд исторических и лингвистических сведений о данной области. В первую очередь Селищев указывает документы, подтверждающие связь Северо-Восточной Македонии с болгарским государством еще со времен хана Пресияна. Во времена его правления (836–852) в границах болгарского государства находился соседний с Призренской областью район Полог, расположенный в Северозападной Македонии³⁵. О времени позднего Средневековья Селищев говорит следующее: «В 1189–1190 г. он воевал в области Болгарии (*grandi labore et bello in Bulgaria*): он разорил византийские города от Сардики до Призрена <...> Но через год эти области опять перешли к Византии. Стефан Неманя вынужден был отойти за Мораву. В начале XIII в., при болгарском царе Калояне (1197–1207), области

³¹ Селищев А.М. Славянското население в Албания. С. 3.

³² Антонова Л. Говорът на българите в Раховец, Призренско. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2021.

³³ См. на карте «Славянская топографическая номенклатура Албании» Алесслио (Леш), севернее Драча (на карте Албании — Лежа) в: Селищев А.М. Славянское население в Албании.

³⁴ Селищев А.М. «Полог и его болгарское население». Исторические, этнографские и диалектологические очерки северозападной Македонии (с этнографической картой Полога). София: Македонский научный институт, 1929. (Фототипное издание: София: Наука и искусство, 1981).

³⁵ Там же. С. 74.

от Софии и до границ Фессалии, с городами Призреном, Охридом, Бером вошли в состав Болгарии»³⁶. Ученый описывает и связь между диалектами Призренской области и Полога, указывая те пути, по которым осуществлялись непосредственные контакты и коммуникация в этом районе. С одной стороны, они свидетельствуют о развитом сельском хозяйстве у местных жителей. С другой, объясняют основную причину, вследствие которой сохранилось болгарское самосознание на данной территории — активные связи в области сельского хозяйства, благодаря чему язык сохранил свою естественную целостность. Можно обобщить, что среди трудов иностранных ученых исследования А.М. Селищева о болгарях в Косово, как и о связи между диалектами Призренской области и Полога, представляют собой огромную ценность³⁷.

Очень важными для болгарской исторической лингвистической науки являются и другие отмеченные Селищевым факты: в период возрождения в Призренской области издавались книги, имевшие прямое отношение к болгарским национальным идеям. Среди них следует упомянуть «Зеркало» К. Пейчиновича, напечатанное на «препростѣйшымъ не книжнымъ языкомъ Болгарскимъ долниѣ Мѹсїи», изданное «иждивениемъ» призренского священника Косте Стошича, «въ БѢдинѣ градѣ» в 1816 г.³⁸

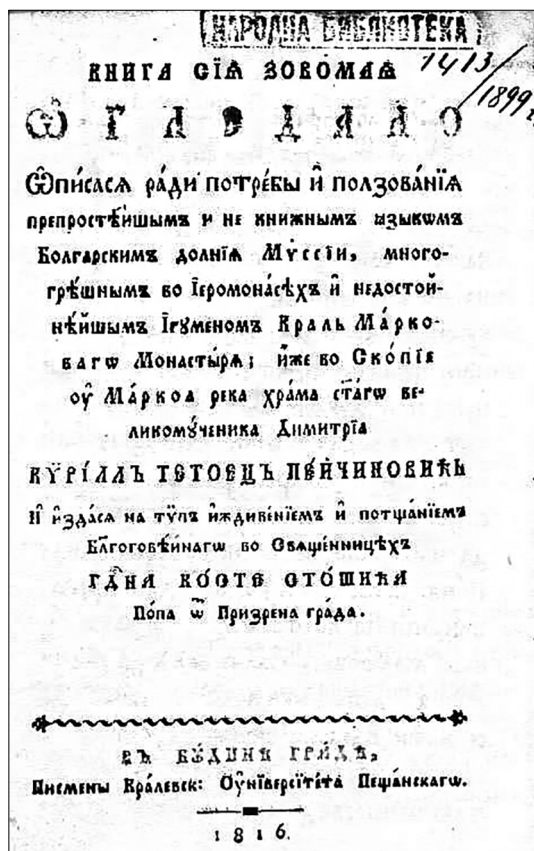
В исследованиях многих иностранных ученых особенности говоров Восточной Сербии (Поморавие, Северная Македония, Северо-Восточное Косово) описаны как «балканославянский ареал». М. Сл. Младенов — один из ярких представителей болгарской диалектологии и болгарского языкознания более позднего времени — с опорой на труды А.М. Селищева отмечает, что так называемый «балканославянский ареал» определяется Селищевым следующим образом: «...славянские группы в Македонии, в южном Поморавье, в Мизии и Фракии одинаково реагировали на иноязычное воздействие, одинаково пользовались иноязычными элементами, одинаково изменяли свой традиционный языковый фонд, одинаково приспособляли его в новых сдвигах языковой системы, в отношениях семантических, морфологических и синтаксических. А эта одинаковость в процессе реагирования на иноязычное воздействие, одинаковость процесса изменения и приспособления своего прежнего, традиционного языкового материала к новым языковым потребностям, которая была также одинакова, — все это ярко демонстрирует общность языковой системы, общность языковых тенденций и культурно-языковых центров и социальных отношений славянских групп в Македонии, в Поморавье, в Мизии, в Фракии, — групп давно известных под именем болгар»³⁹.

³⁶ Селищев А.М. «Полог и его болгарское население». С. 76.

³⁷ Там же. С. 86.

³⁸ Там же. С. 172.

³⁹ Селищев А.М. Македонская диалектология и сербские лингвисты. А. Белич и его последователи // Македонски преглед. 1934. Год. IX. Кн. 2. С. 77.

«Зеркало» Кирила Пейчиновича

Представленный здесь обзор исчерпывает далеко не все труды А.М. Селищева, которые касаются болгаристики и которые стали образцом в болгарской науке. В настоящее время болгарских историков и языковедов иногда обвиняют в неприкрытом национализме и шовинизме, когда они описывают этнический характер населения в географической области Македонии и его язык как болгарский. Однако факты показывают, что они следуют тем документам, исследованиям, выводам, к которым ранее пришли иностранные ученые. Многие из этих ученых являются представителями русской науки, и проф. А.М. Селищев — один из самых ярких из них.

Перевод с болгарского Н.А. Луньковой

Литература

- Антонова Л.* Говорът на българите в Раховец, Призренско. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2021.
- Български диалектен атлас. Обобщаващ том I–III: Фонетика. Акцентология. Лексика / отв. ред. Ив. Кочев. София: ИК «Труд», 2001.
- Григорович В.И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. (С картою окрестностей Охридского и Преспанского озер). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1848. (2-е изд. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°, 1877)
- Дювернуа А.Л.* Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М.: Университетская тип., 1885–1889. Вып. 1–9.
- Милетич Л.* А.М. Селищев. Очерки по македонской диалектологии. Т. I. Казань, 1918, 8, 284 // Македонски преглед. 1925. Год. 1. Кн. 4. С. 95–100.
- Милетич Л.* Източно-българските говори. София: Издателство на Българската академия на науките, 1989 (1903).
- Младенов Ст.* История на българския език. Превод и редакция на проф. Ив. Дуриданов от немското издание през 1929. София: Издателство на Българската академия на науките, 1979.
- Ничев Ал.* «Четириезичният речник» на Данаил. София: Издателство на Българската академия на науките, 1977.
- Първев П.* Създатели и творци на българското езикознание. София: Народна просвета, 1987.
- Селищев А.М.* Славянското население в Албания. Фототипно издание. София: Наука и изкуство, 1981.
- Селищев А.М.* Македонская диалектология и сербские лингвисты. А. Белич и его последователи // Македонски преглед. 1934. Год. IX. Кн. 2. С. 53–88.
- Селищев А.М.* Отчет о занятиях за границей в летнее vacationное время 1914 года. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1915.
- Селищев А.М.* Очерки по македонской диалектологии. Казань: Лито-Типография Т-во «Умидъ», 1918. Т. 1. (Фототипно издание. София: Наука и изкуство, 1981).
- Селищев А. М.* «Полог и его болгарское население». Исторические, этнографические и диалектологические очерки северозападной Македонии (с этнографической картою Полога). София: Македонский научный институт, 1929. (Фототипное издание: София: Наука и изкуство, 1981).
- Селищев А.М.* Славянское население в Албании. (С иллюстрациями в тексте и картою Албании). София: Македонский научный институт, 1931.
- Селищев А.М.* Фольклорные и диалектологические материалы по Македонии (1924–1927) // Slavia. 1928. Т. 7. Вып. 3. С. 704–709.
- Цонев Б.* История на българския език. София: Наука и изкуство, 1984. Т. I: Фототипно издание от изд. от 1940.

References

- Antonova, L., 2021. *Govorut na bulgarite v Rakhovets, Prizrensko* [Dialects of Bulgarians in Rahovets, Prizrensko]. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Diuvernua, A.L., 1885–1889. *Slovar' bolgarskogo iazyka po pamiatnikam narodnoi slovesnosti i proizvedeniiam noveishei pechati* [Dictionary of Bulgarian Language on the Monuments of National Literature and Works of Contemporary Press]. Moscow: Universitetskaia tip. Issue 1–9.
- Grigorovich, V.I., 1848 (1877). *Ocherk puteshestviia po Evropeiskoi Turtsii. (S kartoiu okrestnostei Okhridskogo i Prespanskogo ozer)* [Essay on the Travel on The European Turkey (With the Map of Environs of the Lakes Ohrid and Prespa)]. Kazan: Tipo-litografiia Imperatorskago universiteta. (2-e izd. Moscow: Tip. M.N. Lavrova i K^o).
- Kochev, Iv., ed., 2001. *Bulgarski dialekten atlas* [Bulgarian Dialectological Atlas]. Sofia: IK “Trud”. Summary Volume I–III: *Fonetika. Aktsentologiiia. Leksika* [Phonetics. Accentology. Vocabulary].
- Miletich, L., 1925. A.M. Selishchev. *Ocherki po makedonskoi dialektologii*. T. I. Kazan', 1918, 8, 284 [A.M. Selishchev. Essays on Macedonian Dialectology. Vol. I. Kazan, 1918, 8, 284]. *Makedonski pregled*, 1 (4), pp. 95–100.
- Miletich, L., 1989 (1903). *Iztochno-bulgarskite govori* [East Bulgarian Dialects]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite.
- Mladenov, St., 1929. *Istoriia na bulgarskiia ezik. Prevod i redaktsiia na prof. Iv. Duridanov ot nemskoto izdanie prez 1929* [History of Bulgarian Language. Translation and Editing of prof. Iv. Duridanov of the German Edition of 1929]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite, 1979.
- Nichev, Al., 1977. “*Chetiriezichniiat rechnik*” na Danail [“Four Language Dictionary” of Danail]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademiia na naukite.
- Purvez, P., 1987. *Suzdateli i tvortsi na bulgarskoto ezikoznanie* [Originators and Creators of the Bulgarian Linguistics]. Sofia: Narodna prosveta.
- Selishchev, A.M., 1928. *Fol'klornye i dialektologicheskie materialy po Makedonii (1924–1927)* [Folklore and Dialectological Materials on Macedonia (1924–1927)]. *Slavia*, 7 (3), pp. 704–709.
- Selishchev, A.M., 1934. *Makedonskaia dialektologiiia i serbskie lingvisty. A. Belich i ego posledovateli* [Macedonian Dialectology and Serbian Linguists. A. Belić and His Progeny]. *Makedonski pregled*, IX (2), pp. 53–88.
- Selishchev, A.M., 1915. *Otchet o zaniatiiakh za granitse v letnee vakantsionnoe vremia 1914 goda* [Report on Abroad Studies in Summer Vacation Time of 1914]. Kazan: Tipo-litografiia Imperatorskago universiteta.
- Selishchev, A.M., 1929 (1981). “*Polog i ego bolgarskoe naselenie*”. *Istoricheskie, etnografskie i dialektologicheskie ocherki severozapadnoi Makedonii (s etnograficheskoiu kartoiu Pologa)* [“Polog and Its Bulgarian Population”. Historical, Ethnographic and Dialectological Essays on the Northwestern Macedonia]. Sofia: Makedonskii nauchnyi institut. (Phototype edition: Sofia: Nauka i izkustvo).

-
- Selishchev, A.M., 1931. *Slavianskoe naselenie v Albanii. (S illiustratsiiami v tekste i kartoju Albanii)* [Slavic Population of Albania. (With Illustrations in Text and the Map of Albania)]. Sofia: Makedonskii nauchnyi institute.
- Selishchev, A.M., 1981. *Slavianskoto naselenie v Albanii. Fototipno izdanie* [Slavic Population of Albania. Phototype Edition]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Tsonev, B., 1984. *Istoriia na bulgarskiia ezik* [History of Bulgarian Language]. Sofia: Nauka i izkustvo. Vol. I: *Fototipno izdanie ot izd. ot 1940* [Phototype Edition from the Publication of 1940].

МАКЕДОНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХОДЯЧИХ ПОКОЙНИКАХ С XIX В. ДО НАШИХ ДНЕЙ*

Александра Игоревна Чиварзина

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mss-vah@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Аннотация

Представления о покойниках, которые возвращаются после смерти, известны всем славянским народам. В македонской народной традиции широко распространены вплоть до сегодняшнего дня поверья о вампирах. Настоящая статья имеет целью познакомить русского читателя с языком и сюжетами быличек о ходячих покойниках, записанных некогда Марко К. Цепенковым, выдающимся собирателем македонского фольклора XIX в. Для сравнения дается материал из сборника быличек о вампирах под редакцией Л. Спиrowsкой и Т. Вражиновского, изданного в конце XX в., а также записи современных балканистов, уделявших внимание этой проблематике в македонском языке и культуре. Собственные полевые материалы XXI в. также приводятся в исследовании. На примере сопоставления сходных сюжетов можно проследить динамику развития представлений о ходячих покойниках на македонской культурно-языковой территории. За два прошедших века основные мотивы, отраженные в быличках, практически не меняются. Среди наиболее распространенных остаются шум и беспорядок, производимый по ночам, чревоугодие и любовь к танцам, сексуальная связь с женщиной, охотники на вампиров. Глобализация и информатизация общества не способствовала исчезновению подобных представлений из жизни современных сел. Сохраняется не только вера в покойников, возвращающихся после смерти, но и практика их изгнания из мира живых. Новые технологии и медицина были органично встроены в существующую мифологическую среду и далее подкрепляют архаические представления о причинах появления и способах борьбы с вампирами.

Ключевые слова

Похоронно-поминальная обрядность, Северная Македония, культурная традиция, диалектная лексика, вампир, ходячий покойник

Статья поступила в редакцию 07 августа 2022 г.

Цитирование: *Чиварзина А.И.* Македонские представления о ходячих покойниках с XIX в. до наших дней // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2022. Т. 17. № 3–4. С. 141–159. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.08>

* Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>) (руководитель — гл.н.с. ИСл РАН А.А. Плотникова).

MACEDONIAN REPRESENTATIONS OF THE WALKING DEAD FROM THE NINETEENTH CENTURY TO THE PRESENT DAY

Alexandra I. Chivarzina

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: mss-vah@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Abstract

Ideas about the dead who return after death are known to all Slavic peoples. In the Macedonian folk tradition, these beliefs are still widespread today. The most well-known are the ones about the vampires. This article aims to acquaint the reader with the language and plots of the household stories and tales (bylichkas) of dead men walking, once recorded by Marko Cepenkov, an outstanding collector of Macedonian folklore in the 19th century. For comparison, material is given from a collection of epic stories about vampires edited by L. Spirovska and T. Vražinovski, which was published at the end of the 20th century. Research by modern Balkan researchers who paid attention to this issue within the Macedonian language and culture is also examined in the article. Twenty-first century field materials collected by the author are also included in this study. One can trace the dynamics of the development of the representations of the walking dead in the Macedonian cultural and linguistic territory. Over the past two centuries, the main motifs reflected in bylichkas have not changed. Among the most common are the noise and mess made at night, gluttony and dancing, sexual contact with a woman, vampire hunters, and so on. Globalisation and informatization did not cause the disappearance of such ideas from the life of modern villages. Not only is the belief in the walking dead preserved, but also the practice of exorcism. New technologies and medicines have been naturally introduced into the existing mythological environment and further reinforce the archaic representations of both the causes and ways of dealing with vampires.

Keywords

Funeral and memorial rites, North Macedonia, cultural tradition, dialect vocabulary, vampire, walking dead

Received 07 August 2022

How to cite: Chivarzina, A.I., 2022. Makedonskie predstavleniia o khodiachikh pokoinikakh s XIX veka do nashikh dnei [Macedonian representations about the walking dead from the 19th century up today]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 141–159. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.08>

Согласно общебалканским мифологическим представлениям, вампир — это покойник, который по ночам покидает могилу и возвращается к семье и к своим односельчанам¹. Для быличек о вампирах характерны мотивы о производимом шуме, беспорядке, который неупокоенный дух устраивает в доме и во дворе, о замученной скотине, которую якобы седлает вампир. По македонской народной традиции, смертельная опасность заключается в том, что вампиры душат человека, наваливаясь на него и задавливая в постели². Среди записей можно встретить и истории о помощи покойного своей семье: неупокоенный дух может доить корову, пасти скот, добывать продукты питания для родных³. Вампиры нарушают границу между миром мертвых и живых⁴, поэтому даже деятельность, окрашенная заботой о семье, воспринимается негативно и от такого духа стараются избавиться.

Вампирами могут становиться как мужчины, так и женщины, вне зависимости от возраста. Однако в записанных быличках не встречается упоминания детей, те после неправильной смерти превращаются в других духов (в македонской народной традиции такие мифологические персонажи называются *нави*⁵). Считается, что вампирами люди могут стать по разным причинам. В первой группе находятся те, кто выбрали эту судьбу, условно говоря, по собственной инициативе. Это самоубийцы, колдуны и ведьмы, преступники и другие большие грешники, согласно народной морали. Во второй группе находятся люди, которые становятся вампирами случайно ввиду нарушения каких-либо запретов родственниками и односельчанами во время похорон, долго болевшие перед смертью, роженицы, умершие до сорокового дня после родов⁶: «Божана е свапирена, е бог да ја прости, така леунка жена беше, леунка умре, не пејана од поп. Она е» [Божана стала вампиром, помилуй Бог, она была роженицей, ее не отпел священник. Она самая]⁷.

¹ Левкиевская Е.Е. Вампир // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 283–286; Она же. Покойник «Заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 118–124.

² Вражиновский Т. Народна митологија на Македонците. Скопје: Матица македонска; Прилеп: Институт за старословенска култура, 1998. Књ. 1. С. 220; Огненовски Т. Хумористичните и стравотните постапки на ‘живите’ и ‘неживите’ вампири во демирхисарските села // Македонски фолклор. 1986. № 37. С. 173.

³ Подробный разбор подобных сюжетов в работе: Плотникова А. А. Фольклорный текст-абсурд в южнославянском селе XX века // Абсурд и вокруг: сборник статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 397–411.

⁴ См. подробнее: Вражиновски Т., Вроцлавски К. Оној и овој свет во некои современи македонски и полски митски преданија // Македонски фолклор. 1986. № 37. С. 29–37.

⁵ Вражиновский Т. Народна митологија на Македонците... С. 214.

⁶ Там же. С. 224.

⁷ Вампирите во македонските верувања и преданија / подг. Л. Спировска, Т. Вражиновский. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 1988. С. 47.

Среди строго соблюдаемых предписаний во время похорон встречается завешивание зеркал, чтобы душа не увидела своего отражения и не осталась в доме. Зеркальная поверхность экрана телевизора также должна быть закрыта. Современные исследователи фиксируют, что запрещается включать и смотреть телевизор до 40 дней после смерти. По признаку вещания и передачи информации, в синонимический ряд с телевизором попадает и радио, которое подлежит быть также занавешенным и выключенным до конца дней поминовения⁸. Перепрыгнувшее гроб животное издавна считается одной из причин превращения в вампира. Поэтому покойника обязательно стерегут, чтобы не только не перепрыгнула кошка («Не чини мачка да рипне» [Нельзя, чтобы кошка перепрыгнула]⁹), не перелетела курица, но и не передали что-либо через гроб¹⁰. Известны запреты оборачиваться, возвращаясь с кладбища, и безутешно тосковать, чтобы не вернуть тем самым покойника. Вампирами могут стать люди, которые не исполнили просьбу, своего обещания или предназначения в жизни, например, если у них не было детей, если они оставили в нищете свою семью¹¹. Вампирами возвращаются умершие на чужбине¹².

Вампир в народных представлениях — это дух, призрак, тем не менее связь с телом является одной из его ключевых черт. Считается, что в течение 40 дней после смерти вампир обрастает плотью и может вновь вернуться как член общества, заниматься хозяйством, жить с женой. Именно поэтому все меры по уничтожению ходячего покойника направлены на нанесение урона его телу. В качестве превентивной меры покойнику прокалывают пупок, подрезают пятки и сухожилия, связывают конечности, клином пробивают голову или сердце у трупа, откапывают и сжигают труп¹³.

Общей лексемой для наименования этого мифологического персонажа в македонском литературном языке является *вампир*. В диалектах возможны и другие наименования в зависимости от второстепенных характеристик и функций ходячего покойника. Если отобразить на карте все известные способы наименования вампира в македонских диалектах,

⁸ Вражиновский Т. Народна митологија на Македонците... С. 221-222.

⁹ Соб. зап. 2022 г. с. Цапари (район Битолы, Северная Македония).

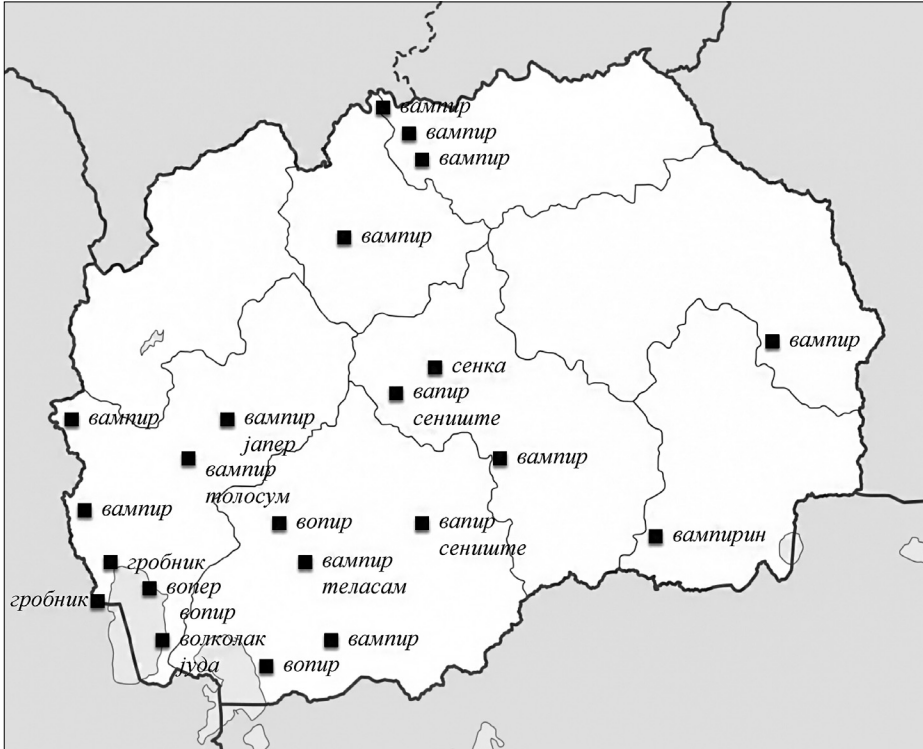
¹⁰ Плотникова А.А. Карпато-балканский диалектный ландшафт — новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой: сборник статей / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Б. и., 2008. С. 20-21.

¹¹ Вампирите во македонските верувања и преданија... С.7; Ср. славянские представления подобного типа: Седакова О.А. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л.Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 54–56; Толстая С.М. Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2000. С. 63–64; и мн. др.

¹² Вражиновский Т. Народна митологија на Македонците... С. 221-222.

¹³ Там же. С. 222.

можно увидеть, что именно *вампир* является гиперонимом по отношению к остальным вариантам, поскольку встречается наряду с ними (см. карту). Материал для карты взят из монографии А.А. Плотниковой (2004)¹⁴, из МДАБЯ (2004), карта была также дополнена собственными материалами из этнолингвистических экспедиций в регионы Куманова (2018 г.), Дебара (2020 г.) и в села округа Битолы (2022 г.).

Карта распределения лексем со значением 'ходячий покойник'
по македонским диалектам

Этимология слова *вампир* остается до сих пор дискуссионным вопросом. Подробно она была разобрана в труде У. Дуковой. Исследовательница приводит несколько возможных этимологий. По одной из версий, это славизм (праслав. **opirь*, **opuryь*, **upirь*). Существует также тюркская версия происхождения данной лексемы, которая в качестве источника славянского слова предлагает тур. *obyr* 'вампир', с.-тур. *ubyr* 'ведьма, колдунья'.

¹⁴ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 634–645; Малый диалектологический атлас славянских языков. Серия лексическая / гл. ред. А.Н. Соболев. Мюнхен: Biblion Verlag München, 2004. Т. 1: Лексика духовной культуры. С. 342.

Тем не менее именно славянские формы стали источником заимствований в соседние балканские языки: к ст.-слав. *vъpirь* возводят н.-греч. βόμπιρας, алб. *vampir*, *dhampir*, диал. алб. *vapir*, а также арум. (через н.-греч.) *vómbir*¹⁵.

Происхождение других вариантов является менее спорным, поскольку прослеживается внутренняя форма, а мотивированность названий до сих пор подкрепляется народными представлениями. Так, на карте македонских диалектов можно увидеть примеры *тенец* (от **těнь* ‘тень’, ср. рус. диал. *тень* ‘тень, душа усопшего, призрак’), *сенка*, *сениште* (от **sěнь* ‘тень’; ряд исследователей допускает контаминацию **těнь* и **sěнь*)¹⁶, *гробник* (от мак. *гроб* ‘могила’)¹⁷. Фонетические варианты, родственные макед. *волколак* (от **vľkь* ‘волк’ и **dlaka* ‘звериная шкура’)¹⁸, встречаются в значении ‘вампир’ в западной части Южной Славии¹⁹. В дебарском крае слово *толосум* (н.-греч. τέλεσµά ‘жертва, плата’ < τέλέω ‘платить’ или от тур. *tilsim* ‘талисман; чары’ < араб. مس لظ *tilasm* ‘талисман; заклинание’)²⁰ используется в качестве синонима к *вампир* для обозначения призрака умершего человека: «Си одам накај дома, и имаше една женичка онда и вика: Гледај онде еден толосум онде на джаман. Јас не гледам ништо! Па она гледала толосум! И доаѓам овде и викам: Шо е тоа толосум? И се смеат шо си знаат тука луѓево. Викает: вампир» [Иду я себе домой, была там одна женщина и говорит: «Смотри, там *толосум* вон там на окне». Я не вижу ничего! А она якобы увидела *толосум*. Прихожу сюда и спрашиваю: «Что такое *толосум*?» И засмеялись те, которые знают тут. Говорят: «Вампир»]²¹. Лексемы от этого корня в значении ‘вампир’ встречаются также в районе Битолы (с. Дихово), на сербско-болгарском пограничье и в селах на востоке Болгарии²².

В македонском языке фиксируются и феминативы, предназначенные для ходячих покойниц. Наиболее распространенная форма — *вампирка*. Однако полным синонимом часто выступает и лексема *вештерка*, основное значение которой ‘ведьма’²³. В Гевгелии фиксируется лексема *јуда* по отно-

¹⁵ Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015. С. 153–155; Çabej E. Studime etimologjike në fushë të shqipëse. Tiranë: Akad. e Shkencave e R Sh. Inst. i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1996. V. 5. F. 10.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. С. 602.

¹⁷ Дукова У. Наименования демонов... С. 136, 138.

¹⁸ Там же. С. 89.

¹⁹ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география... С. 212–217, 634–645; данный славянский корень используется также для обозначения «ходячего покойника» в греческой народной традиции, см.: Климова К.А. Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / отв. ред. Б.В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. Вып. 1. С. 274–275.

²⁰ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география... С. 236–237.

²¹ Соб. зап. 2020 г. с. Лазарополе (район Дебара, Северная Македония).

²² Плотникова А.А. Этнолингвистическая география... С. 640–641, 644, 678–684.

²³ Цепенков М.К. Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. Кн. 5. С. 258; Тренчовска С. Демонолошките битија во македонските волшебни при-

шению к женщинам, которые по ночам покидают тело, чтобы пить кровь младенцев и отбирать молоко у скота²⁴. *Јуда* зафиксирована и среди картографированных лексем в с. Пештани (см. карту) в значении ‘окостеневший вампир’²⁵. Корреляция лексем *вампирка* / *вештерка*, а также значения лексем *јуда* в разных диалектах свидетельствуют о зависимости генезиса и рода деятельности при жизни.

Основным глаголом, отвечающим за действие превращения в вампира, является закрепленный в литературном языке *се повампире*, менее частотен глагол с другой приставкой *се свампире*. Оба могут свободно использоваться в переносном значении ‘воскреснуть’. Есть и иные синонимы, встречающиеся в диалектах: *се вампираса*, *се свапире*, *се овампире*, *стане вампир*, *се сведене*, *се наживи*, *се укусти*, *се укувчи*, *се појатири*, *лумпује*²⁶.

Мифологические представления о ходячих покойниках на территории Македонии известны в основном благодаря записям Марко К. Цепенкова (07.11.1829–29.12.1920), выдающегося собирателя фольклора XIX в. В течение сорока лет М. Цепенков записывал этнографический и фольклорный материал из разных районов Македонии: Прилепа, Битола, Скопья, Штипа, Велеса и Дебара. Богатый корпус текстов, отражающий особенности одного говора, в частности прилепского, родного для М. Цепенкова, послужил выбору диалектной основы будущего литературного языка. Быличка «За вампирите», фрагменты которой приводятся ниже, была выбрана ввиду того, что она включает сразу несколько отдельных мотивов, иллюстрирующих основные представления о вампирах, бытовавших в народе в XIX в. Мифологические тексты, записанные М. Цепенковым в других городах и селах Македонии, в общих чертах повторяют сюжеты, зафиксированные в приводимом рассказе. Орфография и пунктуация сохраняется по изданию 1989 г.²⁷

«<...> Арно ама мнозина во тоа време умрени мажи се свапируаа, и жени стари баби што знаеја во животта си да бајат и да врзуаат младоженци се чинеа вештици и одеа по куките ноќе, кајшто имаше мали дечиња во крошни, та им испивале крвта и умирале» [В былые времена многие из умерших мужчин становились вампирами, а также старые пожилые женщины, которые в жизни занимались знахарством и наводили порчу

казни // Акт. Бр. 33 / 34. С. 11. URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4a73026303d4e.pdf> (дата обращения: 05.08.2022); *Вражиновский Т.* Народна митологија на Македонците... С. 221–222.

²⁴ *Тановић С.* Српски народни обичаји у Бевђелијској Кази. Београд-Земун: Графички завод «Макарије», 1927. С. 309.

²⁵ Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая. Т. 1. С. 342. Сбор этнолингвистического материала в с. Пештани осуществлен А.А. Плотниковой (1999 г.).

²⁶ Вампирите во македонските верувања и преданија... С. 23–26, 36, 39, 73, 78, 81, 84.

²⁷ *Цепенков М.К.* Македонски народни приказни. С. 213–217.

на младоженов, они были ведьмами и ходили по ночам к домам, чтобы вредить младенцам, они пили их кровь, отчего те умирали].

«Никола Трајков Кртот кога умре, се свапири и одеше по комшијте ноќе да праит триста пакоси: камење врлање по куќите, со грутки плитари врлаше во пенцерињата, му гасел виделото, и откоа ќе ѝ заплашеше луѓето арно, ќе си легнеа, и ќе се покриеја под покров од пусти страв. Така и јас се криев под покров и ноќе без мајка ми не излегуав понадвор од пусти страв што имав навечер, кога да ми кажуаше мајка ми, за вапирот Кртот што напраил онаа вечер и другата и треќата» [Никола Трајков-Крот умер, превратился в вампира и ходил по соседям и всячески вредил: бросал камни в дома, комья глины бросал в окна, тушил свет, и когда напугаются люди очень, тогда ложились, под одеяло забирались от проклятого страха. Так и я боялся и укрывался с одеялом по ночам и без мамы на улицу не выходил от страха, который нападал на меня по вечерам, когда мама рассказывала мне, что вампир Крот сделал ночью и вчера, и позавчера].

«— Мори мајко — и велев — ами ако доит Кртот (вапирот) ова маало, кај нас, што ќе прааме ние после? — Немој страв, а чедо — ми велеше — оти не можит преку река да поминит и да се пренесит некако на некој тоар, у нас не му држит да влезит од песо што го имаме, чунки ет со четири очи» [— Мамочка, а если Крот придет в наш район, к нам, что мы будем делать тогда? — Не бойся, малыш. Он не может перейти через реку, а если переберется с каким-нибудь грузом, то к нам он не сможет войти, потому что у нас пес. А у него четыре глаза (на лбу два белых пятна, похожих на глаза)].

«<...> Кај што имаше нешто добиток, ќе му го вјааше вапирот и ќе го довјаал вапирот коњо или магарето, ќе го најделе стопаните жива вода сторено. Тоа го одаваа, чунки вапирот бил многу тежок, до триста ока имал: ако снага немал, ама му тежела снагата од вапирот, исто како од некое сениште» [Если у кого был скот, то он на нем ездил и гонял его по дворам. Если коня или осла гонял вампир, то хозяева его находили в пене. Он его отдавливал, потому что вампир очень тяжелый, до 300 окк (\approx 300 кг), плоти не было, но у него вампирская плоть, как у привидения].

«Од многу жени се прикажуаше оти вапирот кога и налегнуал, голема тежина усетуале во постелата, дури му идело да пукнат: арно туку беа му научиле марифето, тики и се куртулисуале побрго со едно велеше: “во имја Оца и Сина и светаго Духа, амин”, и веднаш се праел вапирот дев од чоекот што го наклапушил» [Многие женщины рассказывали, что, когда вампир ложился на них, они чувствовали большую тяжесть, им казалось, что он их сейчас раздавит. Но хорошо, что они научились кое-чему, только так и избавлялись от него одной фразой: во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. И сразу же вампир улетучивался от человека, на которого налегал].

«<...> Никола вапирот многу додеваше во негоото маало и голем страв претргавме во тоа време од пусти вапири, од сеништа, дервиши и вештици; арно ама на секоја болес има и лек: имаше во тоа време луѓе вапирци, што и тепаа вапирите, имаше дружи што знаеја да одвратат вапирите од тоа маало во друго со бајачки и кушачки. Да од тоа нешто малку имавме од вапири куртулија; оту ако немаше таквие луѓе, Господ да ни беше на помош, сите прилепчани ќе нè издавеа» [Никола-вампир очень досаждал в своем районе, и мы очень страдали в то время от проклятых вампиров, от привидений, оборотней и ведьм. Но, слава Богу, на каждую болезнь есть свое лекарство: в те времена были и люди охотники на вампиров, которые убивали вампиров, а также много других средств, чтобы отвести вампира от одного района и перевести его в другой магией и приглашением на еду. Так что какое-то избавление у нас было от вампиров, а не было бы их, допустил бы Бог, так всех бы нас, прилепчанцев, попередавили бы всех].

«<...> Друг еден вапир се свапирил во куќите од Ангеле Џамбазот. <...> За тој вапир беше го натерале владиката да пеит параклис во куќата: од четириесет куќи по комшии четириесет кандила да горат четириесет вечери, ама со маслото од домаќинот кај што се свапирил вапирот. На четириесетте дни владиката пошол во саботен ден на гробот, та ти го нашле умрениот отечен колку еден тапан и со устата зината како некоја пештера, очите крвјосани асли како од вапир. Сполај му на владиката, зел крстената вода и спружил патерицата прао во устата од вапирот и полека-лека, по патерица ја турил водата во устата од вапирот и, сполај му на Бога, за чудо големо, туку веднаш се опуштил умрениот, од кај што беше отечен како тапан, спадна и се стори како некоја штица. Од тој саат гоа го снемало вапирот и се сторил невиден бис(т)» [<...> Другой вампир появился в домах Ангеле Джамбаза. <...> Для того вампира упростили владыку, чтобы тот провел молебен в доме. В 40 домах соседей 40 лампад кадило 40 дней на масле хозяина, в доме которого появился вампир. На 40 день пошел владыка на могилу к вампиру в субботу, освятил воду, и нашли умершего отекшим как барабан и с открытым ртом, как пещерой какой, а глаза кровавые, как у вампира. Благослови Бог владыку, он взял освященную воду и налил ему прямо в рот. И благословен Бог, чудо случилось, сразу же умерший сдулся, а был-то отекшим, как барабан, а сразу стал тонким, как палочка. И с того часа пропал вампир]. «А пак Ангеле Џамбазот ни кажуаше оти од пеењето од владиката не се сотрел вапирот, чунки по два дни откако го откопале пак му дошол дома кај него и уште поголем пакос му праел, чунки бил налутен многу од крстената вода» [Хотя Ангеле Джамбаза нам говорил, что от моления владыки вампир-то не пропал, а через два дня вернулся и еще больше натворил ему бед, потому что очень разозлился на святую воду]. «Најпосле чарето беа му го нашле со отепување. Не знам колку пари беа го цениле Курта вапирцијата за до го

отепат» [А потом нашли средство его убить. Уж не знаю, сколько дали денег *вампирджи* (охотнику на вампиров) Курте, чтобы тот его убил].

«<...> Еве како и тепаше Курто вапирите. Во куката кај што имаше умрен и свапирен чоек, ќе се пазареше за пари што ќе го сторea каил и ќе му нарачаше на домаќинот да заколат една црна кокошка; крвта од кокошката да му ја даат нему за да праит со неа нокта вапирцилак (да можит да го видит вапирот), а месото од кокошката да го напраит манца за вечерта и една убаа погача. Курто ќе појдеше да вечерат у домаќинот кај што ет вапирот, ќе го натераше домаќинот да поканит и троа гости и тапани или гајди да имат. Откоа ќе вечераа, Курто ќе земеше пушката в раце, а гостите ќе и натераше да се ватат едно оро, ќе удреа чалгијте да свират и луѓето ќе се разиграат, санки свадба ет, оти беше било непендек за вапир, многу кеф имал да игра на тапани. Тогај Курто со пушката в раце ќе се стрчаше вамо-тамо, гоа го гледат вапиро и ќе намеруаше со пушката на вапирот за да го убиет. Откоа ќе му се здодеит на Курта трчаеќи, ќе намереше со пушката и ќе го удрит гоа вапирот и ќе го пуштеше домаќинот да видит дали го отепал. Кога ќе појдеше домаќино со сите гости да видат, ете ти го отепан, и се пивтосала крвта од вапирот, чунки немал снага, тој бил дув нечис и затоа влегуал низ малечката дупка, кај што сакат. И кога ќе го отепаше Курто — саде крвта ќе му останеше, а дуот нечис прав и пепел ќе се стореше» [Вот так убивал вампиров Курто. В доме, где был вампир, он торговался, договаривался о цене, и как договорятся, он заказывал хозяину заколоть черную курицу, чтобы кровь курицы отдал ему, чтобы ночью он сделал из нее средство *вапирджилак* (чтобы видеть вампира), а из мяса курицы сделать кушание для ужина и красивую погачу. Курто приходил вечером к хозяину, где был вампир, и просил хозяина приглашать и немного гостей и музыкантов. После ужина Курто брал ружье, а гостей просил танцевать оро, и бить в барабаны и танцевать, и люди танцевали как будто на свадьбе, потому что очень нравилось это вампиру, любил танцевать под барабаны. И тогда Курто с ружьем в руках бегал туда и сюда, как будто видел вампира, и пытался из ружья его убить. Как надоест Курто бегать, так он прицелится и выстрелит по вампиру. И говорит хозяину пойти и проверить, убил ли вампира. И пойдет хозяин и все гости посмотреть, убили ли его. И разбрызгана кровь вампира, хотя не было у него плоти, а был он нечистым духом и поэтому мог проникать через любую самую маленькую щель, а когда убьет его Курто — только кровь остается, а дух нечистый превращается в прах и пепел].

«Гробоите од вапирите имале една дупка, што си оделе во сабота во гробот да си лежат, чунки непендек било ете вапир во сабота не одел по куките да праит зулум» [В могилах вампиров была дыра, через которую они проникали по субботам в могилу, чтобы лежать, потому что считалось, что вампир по субботам не ходил по домам делать зло].

«<...> Курто вапирцијата кога и тепаше вапирите, еднипати ќе се вател гуша за гуша и ќе се бореше со вапирот, да ја ќе го кутнеше вапирот Курто, ја вапирот ќе кутнеше Курта. Еве како беше кутканицата: ако паднеше Курто на плеки, ќе му израчаше на луѓето брго да го креваат, оти вапирот го кутнал и можит да го удаит, ако го налегнит; а пак ако паднеше Курто ничкум (на гради, на лице), тогај го кутнал Курто вапирот и не требаше да го креваат Курта одземи, чунки вапирот ет паднат под Курта» [<...> Курто *вампирдџија* кога убивал вампиров, еднажды схватился в рукопашную и боролся с вампиром. То он вампира бьет, то вампир Курто бьет. Вот такой был рукопашный бой: если упадет на спину Курто, то кричит людям, чтобы быстро его подняли, потому что это означало, что вампир его повалил и сейчас начнет душить, если ляжет сверху. А если упадет Курто лицом вниз на руки — тогда он завалил вампира и не надо поднимать Курто, потому что вампир под ним].

«Курто вапирцијата бил зачат од свапирен татко, чунки откога умрел татко му, се свапирил и секоја вечер си идел дома у Куртоата мајка, како коа бил жив и му носел од сите убайње дома и туку си останала тешка за Курта. Откоа останала тешка, кажала на комшиите оти од мажа је, бидејќи свапирен, останала тешка. Маалците, откога се научија здраво од Куртоа мајка, му пошле во еден саботен ден на гробот и, кога го откопале, беа го нашле кај си дежел внатре. Брго, брго запалија еден огон и зовреа еден котел вода, та беа го попариле вапирот» [Курто *вампирдџија* был зачат от вампира-отца. Потому что когда умер отец и стал вампиром, каждый вечер он приходил домой к матери Курто, как будто был жив, и носил подарки ей, и так она забеременела. А как забеременела, рассказала соседям, что это от мужа-вампира. Соседи из района все поняли и пошли в субботу на могилу и его откопали, и нашли его, как он лежит. Быстро-быстро разожгли огонь и закипятили котел воды, и ошпарили вампира].

Аналогичные сюжеты встречаются в записях XX в. Примеры, приведенные ниже, взяты из сборника Л. Спировской и Т. Вражиновского²⁸: Сюжет о рождении ребенка *вампирдџии* от союза женщины с вампиром встречается в нескольких современных быличках: «<...> Имало вампирциии. Тие се создавале од умрен маж или жена а сведенета крвта од мажо како умрен и баеѓи да идел како жив и жената да останала во положение и да родела таа то како дете мало и тоа се наречуело вампирција човек. И тие вампири шо се појавувале — другите сведените така од крв од умрени луѓе или од како било — само они могле да ѝ видат повеќе од коа ќе заспијат шо напаѓало луѓето во куќите и они могле да ѝ видат и да ѝ отепуат со пушка. Тие вампирциите а исто човек, тој веќе е возраста од човек, ќе земел пушка кај шо се поплачуат луѓето ќе дојди тука, ќе се заплаче луѓето-спијат, тој ќе се хаплате и тоа ќе почне да напаѓа од греди, од кошеве, од некаде кај

²⁸ Вампирите во македонските верувања и преданија... С. 24-26, 37-38.

е скиено ќе излегло нешто: ту големо, ту мало. Овај, вампирџијата, ќе го вишол и ќе врлел со пушката и само ќе сторело еднаш «ква» и тамо кај шо ќе сторело и кај шо ќе паднело во куќата ќе го нашле само како крв, ништо друго тело не се знае» [Были и охотники на вампиров. Они рождались от умершего мужчины или женщины, а вампирская кровь от мужа. Как умрет, как будто бы приходил как живой к жене, и женщина оставалась в положении и рожала ребенка маленького, и его называли *вампирџија*. И те вампиры, что появлялись — а другие, полученные от крови умерших людей или как там было, — только они могли их видеть лучше всего, когда люди ложились спать дома, и что на них нападало, и они могли это видеть и убивать выстрелом. Эти *вампирџии* и человек, в зрелом возрасте, брал ружье, и где страдали люди, туда приходил, получит деньги от людей — те спят, а он спрячется, и как начнет нападать с балок, из углов, и откуда все skinет, выйдет нечто: либо большое, либо маленькое. И этот *вампирџија* выйдет и выстрелит из ружья, и только слышно будет «ква» и там, где все произошло и где все попадало в доме, найдут только что-то наподобие крови, ничего более]. («Вампири и вампирџии», с. Полчиште).

«Ваперот Трајтан Кузманоски одел кај некоја вдовица. Вдовицата останала трудна. Таа родила сина. Синот се викал ваперов син. Само тој можел да го убие ваперов, само тој вигал вапери. Кога Трајтан влагал во гробот, тогај вапеовиот син го видел и го убил. Туку паднало само крвјачиште. <...> Ваперо Трајтан удаил некое дете во пеленчина како спиеело детево, го нагазил и така го удајл. Ваперот Трајтан се криел и меѓу рогојте од волојте!» [Вампир Трајтан Кузманоски ходил к одной вдове. Вдова забеременела. Родила сына. Сына называли сыном вампира. Только он мог убить вампира, только он видел вампира. Когда Трајтан возвращался в могилу, тот сын вампира его увидел и его убил. Тогда разлилось кровищи. <...> Вампир Трајтан задушил одного ребенка, пока тот спал в кровати, лег на него и так задушил]. («Вампирот Трајтан», с. Прилеп).

Исследователи отмечают, что помимо «мертвых» вампиров население устрашали еще и мошенники, которые, переодеваясь в вампиров, обворывали по ночам и пугали людей. Необразованному населению часто не просто было распознать обман. В статье Т. Огненовского приводится следующее воспоминание, которое свидетельствует о разных методах работы «охотников на вампиров»:

«<...> Во с. Лесково починал еден пристар човек. Како што беше редот се собрале селаните, го пресрекле во поновото и поздравото облекло, што се вели за сетнина. До полноќ беше го чувале жени и мажи и се напивале за “богдапрости”. Едно време умрениот се исправил до половина и се загледал во собраните. Присутните, од став, почнале да се прибираат кон вратата за да побегнат. Тие што не можеле да избегаат се здрвиле одстав и застанале до вратата. “Абре луѓе, изустил покојниот, многу неубаво било да

си умрен”. Откога постоил така, загледан во нив, прашал: “Кај е Илијојца да ме истажи, како што знај таа”. “Ами, ами, тука беше и си ојде дома, не знајме кај е?!” изустил Трајан Шнајдерот. “Де бре ти Трајане што си се здрвел така, не ќе ти јадам баму белата, се исплаши од умрен чоек?” “Ами ко си умрен што станваш!” “Ами ме стегаат опинциве, зато, ела одврзи ми и, та пак ја ќе сијода од кај што су дошол!” Другите му присвикале на Трајана да оди да му ги одврзи опинциве за пак да умри Јонче така го викаа, ама тој завалијата се пресмалил од страв. “Одврзи си сам, нели си жив!” “Море, ја не ти ни жив ни умрен!” “Да не вапероса море чоек?” процедил Трајан. А тој викнал “Ами таков се напрајв”. И тогај пристигнал Танаско Кузмановски вампирцијата и едно влегување в куќа се растропал со едно стапиште, по вратите, а на умрениот му привикал на цел глас: “Кај е бре тој ваперосаниот! Дај да вида ја!” и го оптегачил по главата. Кутри Јонче повеќе не станал. Никој досега не научи: дали човекот беше умрен и престорен во вампир или уште колкаше душа во него» [*<...>* В с. Лесково умер один пожилой человек. По обычаю, собрались односельчане, переодели в новую и нарядную одежду, смертное. До полуночи сторожили его женщины и мужчины и пили за упокой души. Вдруг покойник выпрямился и посмотрел на собравшихся. Люди от страха стали пятиться к двери, чтобы убежать. «Ох, люди, сказал покойный, очень неприятно быть мертвым». Как посидел так, вглядываясь в них, спросил: «А где же Илийојца, чтобы оплакать меня так, как она умеет» «А, а, тут была и ушла к себе, не знаем, где она», пролепетал Трајан-Портной. «Эй, Трајан, что ты так застыл, не съем я тебя, тряпка белая, испугался мертвого человека?» «А коли ты умер, что же ты встаешь!» «А мне жмет обувь, поэтому иди сюда, развяжи, и я смогу снова уйти туда, откуда пришел!» Другие стали звать Трајана, чтобы он подошел и развязал обувь, чтобы Йонче снова мог умереть, но тот бедняга сжался весь от страха: «Сам развяжи, ты же ожил!» «Эй, я тебе и не жив, и не мертв!» «Эй, неужели ты стал вампиром?» процедил Трајан. А тот крикнул: «Вот именно им». И тогда пришел Танаско Кузмановски, охотник на вампиров, и вошел в дом просто выломав двери огромным посохом, а покойнику крикнул во весь голос: «И где этот восставший вампир? Дайте-ка мне посмотреть на него!» и огрел его по голове. Бедный Йонче больше не встал. Так до сих пор никто и не знает, был ли человек мертв и превратился в вампира или все-таки душа еще теплилась в нем]²⁹.

Пристрастие вампиров к свадьбам, танцам и веселой музыке отмечено не только у М. Цепенкова, но проследживается и в современных быличках: *<...>* «Засвириле гајди, се собрале сите на оро. Собираеќи се сите на оро, тргнале на танец а оваа ја нема. Женава ја нема да дојде, вампиркава. Чека, чека, чека, свири, играј, свири, играј, чека... Чекаа ја нема да дојде! Туку,

²⁹ *Огненовски Т. Хумористичните и стравотните... С. 176.*

еве ја некој пат дошла. Дошла, се ванала на оро. <...> Излега таја и зела шамиче да игра. — Ете ‘а, рекол, сега заигра, да не се плашите сега. Немој да се плашите, заигра сега! Колку заигрува таа и тој со пушката ја отепал. Колку еден котел перачен пифтија се истурила тука. И после пари пифтијата. Вода ќе вријат, со вода ќе го парат местото, оти живувело па. Ќе се пари седум дена. Седум дена ќе се пари, туа на местото ќе вријат на вечер зоври котел, на утро зоври котел, денеска није, утре друг, трек. Со ред седум дена» [<...> Заиграли на гайдах, все собралис на оро. Собравшис на оро, все пустилис танцевать, а этой все нет. Женщины-то и нет, вампирки-то. Ждут, ждут, ждут, играй, танцуй, играй, танцуй, жди. Уж думали, что не придет. Но вдруг пришла. Пришла и пустилась танцевать. <...> Вышла она и взяла платочек, чтобы танцевать. — Вон она, — говорит, — сейчас затанцевала, не бойтесь теперь. Не пугайтесь, затанцевала! Как только она затанцевала, он ружьем ее и убил. Целый большой котел студенистой крови вылилось. И потом это студенистое попарили кипятком. Воду кипятят, водой обдают место, потому что оно там было еще живым. И обдавали кипятком еще 7 дней. 7 дней обдают кипятком, на то место льют вечером котел кипятка, утром котел китятка, днем нет, завтра, на третий день. И подряд 7 дней]. («Вампирката во село Бистрица», с. Бистрица).

«<...> Коле Вампирот се приказа во цело село. Е се шо прават виа селаните? Соберват коли, панагур, тапани, сурли. Е се шо му качија, сендуко му го качија. Е дојде владиката од Лерин. Го откопаја у сабота. У сабота тој не шета. Го откопале у сабота и го клашле у колата сосе сендук и го лажат сеа: “Ќе ојме на фиљан место, тамо има јадејне, тамо има пијејне, тамо има све, не чекат со свирки, со тапани, со свадби, со работи не чекат”. И вие отишле. Оди, оди, застани. <...> И тамо сетне со пушка го отепале и со варена вода го натуриле и тогај се истурила крвта од него. И така тој... Ама ко шо е, мршата стое, очите црвени, ноктите црвени, нокти токаи порастеле црвени алски, очите алски црвени, лицето угу крв с’то црвено, мршата цела црвена» [Коле вампир појављался по всему селу. И что будут делать те жители? Собрали телеги, ярмарку, барабаны, трубы. И все его загрузили, его гроб загрузили. Пришел священник из Лерина. Выкопали его в субботу. В субботу он не ходил. Выкопали его в субботу и положили в телегу прямо в гробу и стали его обманывать: «Пойдем на такое-то место, там есть еда, там есть питье, там есть все, нас ждут с музыкой, с барабанами, со свадьбами, с подарками ждут». И они ушли. Шли, шли, остановились. <...> И там нацелились ружьем и его убили и кипятком ошпарили, и тогда вылилась из него кровь. И он такой... Но что это, тело осталось, глаза красные, ногти красные, ногти выросли страшные красные, глаза страшные красные, лицо кровавое все красное, тело все красное]. («Коле вампирот», с. Сетина)³⁰.

³⁰ Вампирите во македонските верувања и преданија... С. 41 .

Этнолингвистические экспедиции в регионы Македонии свидетельствуют о сохранении основных представлений о вампирах вплоть до современности. Например, в записях А.А. Плотниковой³¹ 1999 г. фиксируется, что знахарки знают заговоры, чтобы выпроводить вампира за пределы жилого пространства людей, в лес и горы. В данной области также известны поверья об охотниках на вампиров, которые хитростью могут обмануть и убить такого восставшего покойника.

В собственных экспедициях автора были записаны современные поверья о вампирах, повторяющие вышеприведенные сюжеты. В с. Долно-Койнаре Павлина Петрушеска (1939 г.р.) поделилась воспоминанием из детства о том, что у соседей жил вампир. Он скидывал посуду с полок, навел беспорядок в доме и в хлеву. Чтобы избавиться от незваного духа, необходимо проткнуть его острым предметом, отчего тот сдуется и на его месте образуется студенистая масса³².

Мирьяна Мишевска (1965 г. р.) из с. Цапари делилась семейным преданием: «Јас имам слушнато од мојата мајка, се сакале љубовникот на бабата моја, на мајка ми мајка и тој покојниот. И од многу преголема љубов... тие не се зеле, го зел дедо ми, шо беше во брак. Баба ми беше 11 години постара од дедо ми. И ми имаше мамо кажвано, ко ќе идела од кооперација, од продавница, по неа, по неа одел тој. Демек то сенка. Може тоа сенка, ама по неа ја прател до дома, дур да си ојт» [Я слышала от своей мамы, что любили друг друга молодой человек и моя бабушка, мама моей мамы и этот покойный. И от огромной любви... а они не поженились, ее взяла мой дедушка, с которым она была в браке. Бабушка была на 11 лет старше дедушки. И мама мне рассказывала, что, когда та шла из кооператива, из магазина, следом за ней, следом за ней он шел. Как будто тень. Может, это и тень была, но он провожал ее до дома, пока не дойдет]. Ее муж, Митко Мишевски (1963 г. р.), вспомнил, как они в детстве боялись недавно умершего дяди, который якобы скреб стены дома по ночам: «Има кажвано дедо Митко кога починал цела ноќ така да греба. До 40 дена така да греба» [Говорили, что когда умер дед Митко, он целую ночь скребся. До 40 дней скребся]³³.

Информаторы также повсеместно упоминают, что исчезновение вампиров связано с использованием современной медицины, предполагающей лечение уколами³⁴: «<...> Е имало вампири немало ни инъекции, немало

³¹ Плотникова А.А. Этнолингвистические материалы из с. Теово в Македонии (область Велеса, регион Азот) // Исследования по славянской диалектологии. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. Вып. 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики / отв. ред. Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова. С. 192–227.

³² Соб. зап. 2018 г. с. Долно-Койнаре (Куманово, Северная Македония).

³³ Соб. зап. 2022 г. с. Цапари (район Битола, Северная Македония).

³⁴ Соб. зап. 2018 г. с. Долно-Койнаре, с. Стрезовце (район Куманова, Северная Македония).

да се лекујат ништо, е по това имало вампири. А сега со инјекцииве кај можат да живејат вампириве?» [Эх, были вампиры, не было уколов, не лечили ничего, и поэтому были вампиры. А сейчас все с уколами, откуда взяться этим вампирам?]³⁵.

Таким образом, приведенное небольшое сопоставление поверий, записанных в разные исторические периоды, демонстрирует устойчивость основных мотивов, распространенных в Македонии. И этими мотивами остаются: произведение беспорядка и шума по ночам; субботний покой; чревоугодие; страсть к танцам и посещению свадеб; сожителство с женщиной; ребенок, рожденный от такого союза, может видеть и убивать вампиров; нанесение урона телу покойного для предотвращения его «хождения»; кровь, которая остается после убийства вампира.

Сквозь века сохраняется не только вера в ходячих покойников, возвращающихся после смерти, но и практика их изгнания из мира живых. Нам представляется любопытным тот факт, что исчезновение этого явления из жизни современных сел основывается не на отсутствии веры в духов, но на эффективности традиционного средства борьбы с вампирами — повреждения целостности тела умершего. Если некогда это было надрезание сухожилий и протыкание иглой пупка, то теперь считается, что эти процедуры заменены медицинским вмешательством, что превентивно избавляет от опасности появления вампира. Преобладание мифологического сознания среди сельского населения Македонии даже в эпоху глобализации и новейших технологий свидетельствует о ценности полевых исследований на этой территории, фиксирующих архаические представления и традиции.

Литература

- Вампирите во македонските верувања и преданија / подг. Л. Спировска, Т. Вражиновски. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 1988.
- Вражиновски Т.* Народна митологија на Македонците. Скопје: Матица македонска; Прилеп: Институт за старословенска култура, 1998. Кн. 1.
- Вражиновски Т., Вроцлавски К.* Оној и овој свет во некои современи македонски и полски митски преданија // Македонски фолклор. 1986. № 37. С. 29–37.
- Дукова У.* Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015.
- Климова К.А.* Вурдалак в народной культуре современной Греции // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. / отв. ред. Б.В. Носов. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. Вып. 1. С. 274–287.
- Левкиевская Е.Е.* Вампир // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 283–286.

³⁵ Вампирите во македонските верувања и преданија... С. 35.

- Левкиевская Е.Е.* Покойник «Заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 118–124.
- Малый диалектологический атлас балканских языков. Серия лексическая / гл. ред. А.Н. Соболев. Мюнхен: Biblion Verlag München, 2004. Т. 1: Лексика духовной культуры.
- Огеновски Т.* Хумористичните и стравотните постапки на ‘живите’ и ‘неживите’ вампири во демирхисарските села // Македонски фолклор. 1986. № 37. С. 173–190.
- Плотникова А.А.* Карпато-балканский диалектный ландшафт — новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой: сборник статей / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Б. и., 2008. С. 10–25.
- Плотникова А.А.* Фольклорный текст-абсурд в южнославянском селе XX века // Абсурд и вокруг: сборник статей / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 397–411.
- Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Седакова О.А.* Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Л.Г. Невская. М.: Наука, 1990. С. 54–63.
- Тановић С.* Српски народни обичаји у Ђевђелијској Кази. Београд–Земун: Графички завод «Макарије», 1927.
- Толстая С.М.* Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2000. С. 52–95.
- Тренчовска С.* Демонолошките битија во македонските волшебни приказни // Акт. 2009. Бр. 33 / 34. URL: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4a73026303d4e.pdf> (дата обращения: 05.08.2022).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.
- Цепенков М.К.* Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. Кн. 5.
- Çabej E.* Studime etimologjike në fushë të shqipës. Tiranë: Akad. e Shkencave e R Sh. Inst. i Gjuhësisë dhe i Letërsisë, 1996. V. 5.

References

- Сепенков, М.К., 1989. *Makedonski narodni prikazni* [Macedonian Folk Tales]. Скопје: Makedonska kniga. Book 5.
- Çabej, E., 1996. *Studime etimologjike në fushë të shqipës*. Tirana: Akademia e Shkencave e R Sh. Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë. Vol. 5.
- Dukova, U., 2015. *Naimenovaniia demonov v bolgarskom iazyke* [Names of Demons in the Bulgarian Language]. Moscow: Indrik.

- Fasmer, M., 1987. *Etimologičeskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress. Vol. 3.
- Klimova, K.A., 2003. Vurdalak v narodnoi kul'ture sovremennoi Gretsii [Vurdalak in the Folk Culture of Modern Greece]. In: B.V. Nosov, ed., 2003. *Problemy slavianovedeniia v trudakh molodykh uchenykh* [Problems of Slavic Studies in the Works of Young Scientists]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. Issue 1, pp. 274–287.
- Levkievskaja, E.E., 1995. Vampir [Vampire]. In: N.I. Tolstoi, ed., 1995. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 1, pp. 283–286.
- Levkievskaja, E.E., 2009. Pokoinik “Zalozhnyi” [Walking Dead]. In: N.I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvističeskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 118–124.
- Oggenovski, T., 1986. Humorističnite i stravotnite postapki na ‘živite’ i ‘neživite’ vampiri vo demirhisarskite sela [Humorous and Terrifying Treatments of ‘Living’ and ‘Dead’ Vampires in the Villages of Demirhisar]. *Makedonski folklor*, 37, pp. 173–190.
- Plotnikova, A.A., 2004. *Etnolingvističeskaja geografija Iuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic Geography of South Slavia]. Moscow: Indrik.
- Plotnikova, A.A., 2004. Fol'klorni tekst-absurd v iuzhnoslavianskom sele XX veka [Folklore Text-Absurdity in the South Slavic Village of the Twentieth Century]. In: O. Burenina, ed., 2004. *Absurd i vokrug: sbornik statei* [Around the Absurd: Collection of Articles]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, pp.397–411.
- Plotnikova, A.A., 2008. Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft — novye perspektivy: iazyk i kul'tura vo vzaimodeistvii [Carpatho-Balkan Dialect Landscape — New Perspectives: Language and Culture in Interaction]. In: A.A. Plotnikova, ed., 2008. *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft: Iazyk i kul'tura. Pamiati Galiny Petrovny Klepikovoi: sbornik statei* [Carpathian-Balkan Dialect Landscape: Language and Culture. In Memory of Galina Petrovna Klepikova: Collection of Articles]. Moscow: s. n., pp. 10–25.
- Sedakova, O.A., 1990. Tema “doli” v pogrebal'nom obriade (vostočno- i iuzhnoslavianskii material) [The Theme of “Share” in the Funeral Rite (East and South Slavic Material)]. In: Viach. Vs. Ivanov, L.G. Nevskaja, eds, 1990. *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury: Pogrebal'nyi obriad* [Researches in the field of Balto-Slavic Spiritual Culture: A Funeral Rite]. Moscow: Nauka, pp. 54–63.
- Sobolev, A.N., ed., 2004. *Malyi dialektologičeskii atlas balkanskikh iazykov. Seriya leksičeskaja*. [Small Dialectological Atlas of the Balkan Languages. Lexical Series]. Munich: Biblion Verlag München. Vol. 1: *Leksika dukhovnoi kul'tury* [Vocabulary of Spiritual Culture].
- Spirovska, L., Vražinovskii, T., 1988. *Vampirite vo makedonskite veruvanja i predanija* [Vampires in Macedonian Beliefs and Tales]. Skopje: Institut za folklor “Marko Cepenkov”.
- Tanović, S., 1927. *Srpski narodni običaji u Djevdjelijskoj Kazi* [Serbian folk customs in Djevdjelska Kaza]. Beograd–Zemun: Grafički zavod “Makarije”.

- Tolstaya, S.M., 2000. Slavijskije mifologičeskie predstavlenija o dushe [Slavic Mythological Notions About the Soul]. In: S.M. Tolstaia, ed., 2000. *Slavijskij i balkanski fol'klor. Narodnaia demonologija* [Slavic and Balkan Folklore. Popular Demonology]. Moscow: Indrik, pp. 52–95.
- Trenčovska, S., 2009. *Demonološkite bitija vo makedonskite volšebni prikazni* [Demonological Creatures in Macedonian Fairy Tales]. *Akt*, 33/34. Available at: <http://www.rastko.rs/cms/files/books/4a73026303d4e.pdf> (Accessed: 05.08.2022).
- Vražinovskii, T., 1998. *Narodna mitologija na Makedoncite* [Folk Mythology of the Macedonians]. Skopje: Matica makedonska; Prilep: Institut za staroslovenska kultura. Vol. 1.
- Vražinovski, T., Wrocławski, K., 1986. Onoj i ovoj svet vo nekoj sovremeni makedonski i polski mitski predanija [This and Next World in Some Modern Macedonian and Polish Mythical Tales]. *Makedonski folklor*, 37, pp. 29–37.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОНТИЙСКИХ ГРЕКОВ Г. СОЧИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2022 Г.)

Ксения Анатольевна Климова

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра византийской и новогреческой
филологии Филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова;
научный сотрудник,
Центр славистических исследований,
Институт славяноведения РАН.
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1,
1-й корпус гуманитарных факультетов,
Филологический факультет,
Москва, 119991, Россия;
Ленинский проспект, 32 А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Инна Олеговна Никитина

Аспирант,
факультет антропологии
Европейского университета
в Санкт-Петербурге.
Почтовый адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1, А,
Санкт-Петербург, 191187, Россия
Электронный адрес: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Аннотация

Статья посвящена анализу материалов этнолингвистической экспедиции к понтийским грекам городского округа Сочи, проходившей 15–25 июля 2022 г. В населенных пунктах Красная Поляна, Лазаревское, Адлер, г. Сочи (центр), Лесное и Галицино по сей день сохраняются понтийский диалект греческого языка и характерные элементы традиционной понтийской культуры. Греческое население в этом регионе появилось во второй половине XIX в. Первые поселенцы бежали от притеснений в Российскую империю из Османской. Об этих событиях и о заселении поселков до сих пор сохраняется историческая память. Понтийская похоронно-поминальная обрядность проявляет структурное сходство с восточнославянской и общегреческой. В области обрядовой лексики понтийского языка отмечаются как схожие с греческими, так и отличные от них лексемы (например, понтийский глагол *монáзо* — ‘устраивать бдение над покойным’). Ряд элементов обряда (таких как разбрасывание цветов за похоронной процессией, раздача подарков на похоронах) был заимствован понтийцами от восточнославянских соседей. Особый интерес представляет использование предметов, связанных с покойным, в магических ритуалах. И в восточнославянской, и в понтийской традиции веревки, которыми связывали руки покойного, используют в лечебных целях и во вредоносной магии. Выделяются также особые понтийские похоронные традиции, например специальный способ украшения поминального блюда кукья. Также отмечаются изменения, которые претерпела обрядность в советское время, такие как увеличение роли ритуальных специалистов и обычай читать по покойному Псалтырь на дому.

Ключевые слова

Греки России, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, понтийский диалект греческого языка, похоронно-поминальный обряд

Статья поступила в редакцию 2 ноября 2022 г.

Цитирование: *Климова К.А., Никитина И.О.* Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 160–178. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09>

FUNERAL AND MEMORIAL RITES OF PONTIC GREEKS OF SOCHI (BASED ON 2022 FIELD MATERIALS)

Ksenia A. Klimova

Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Department of Byzantine
and Modern Greek Studies,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University;
Researcher,
Center for Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Postal address: Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Inna O. Nikitina

Ph.D. student,
Department of Anthropology,
European University at St. Petersburg
Postal address: Gagarinskaya str., 6/1A,
St. Petersburg, 191187, Russia
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Abstract

This article analyses the material collected during an ethnolinguistic expedition to the Pontic Greeks of Sochi, which took place from the 15th to 25th of July, 2022. In the settlements of Krasnaya Polyana, Lazarevskoye, Adler, Sochi (center), Lesnoye, and Galitsino, the Pontic dialect of the Greek language and the characteristic elements of traditional Pontic culture are preserved to this day. The Greek population arrived in this region in the second half of the nineteenth century. The first settlers fled from the Ottoman Empire to Russia and historical memory of these events is still preserved. The Pontic funeral and memorial rites are structurally similar to the East Slavic and Greek ones. Some Pontic death-related lexemes are similar to Greek, while others differ (for example, the Pontic verb *monázo* ‘to keep vigil over a dead body’). A number of ritual elements (such as throwing flowers behind a funeral procession or distributing gifts at a funeral) were borrowed by the Pontians from their Eastern Slavic neighbours. Of particular interest is the use of objects associated with the deceased in magical rituals. One Pontic funeral tradition is the special way of decorating the funeral dish (*kukía*). The article also describes the changes in funeral rituals during the Soviet era, such as the increased role of ritual specialists and the custom of reading the Psalms for the deceased at home.

Keywords

Traditional Greek culture, ethnolinguistics, Pontic Greeks, Pontic dialect of the Greek language, funeral and memorial rites

Received 2 November 2022.

How to cite: Klimova, K. A., Nikitina, I. O., 2022. Pokhoronno-pominal’nyi obriad pontiiskikh grekov g. Sochi (po polevym materialam 2022 g.) [Funeral and memorial rites of Pontic Greeks of Sochi (based on field materials of 2022)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 160–178. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09>

С 15-го по 25 июля 2022 г. проходила этнолингвистическая экспедиция, целью которой было исследование традиционной культуры понтийских греков города Сочи и окрестностей¹. Экспедиция в составе К.А. Климовой и И.О. Никитиной провела обследование сел и городских округов Красная Поляна, Лазаревское, Адлер, г. Сочи (центр), Лесное и Галицино. Был опрошен 41 информант в возрасте от 31 до 99 лет, записано 36 часов аудио- и видеоматериалов. Сведения по традиционной культуре греков региона собирались по вопроснику А.А. Плотниковой, предполагающему этнолингвистическое изучение балканских и балканославянских традиций². Основной акцент в экспедиции был сделан на изучение похоронно-поминальной обрядности понтийских греков, для чего дополнительно использовался и вопросник, специально подготовленный авторами по похоронно-поминальному обрядовому комплексу греков-понтийцев. Он был составлен таким образом, чтобы зафиксировать как традиционную, деревенскую, составляющую обрядности, так и ее изменения в советское и постсоветское время.

Греческое население региона представлено субэтнической группой понтийцев (эндоэтноним *ромéи* ‘римляне’³) — выходцев с побережья Черного моря, преимущественно из исторических областей Трабзона (греч. название — *Τραπεζούντα* ‘Трапезунд’), Самсуна в Малой Азии. Во второй половине XIX в. они бежали от притеснений турок из Османской империи в Российскую, принеся с собой язык (понтийский диалект греческого языка) и традиционную культуру. Сначала переселенцы попадали в Ставропольский край, а оттуда уже приходили в изучаемые нами села⁴. Нарративы о заселении этих мест сейчас хорошо воспроизводятся информантами. Так, например, рассказывают, что Красная Поляна получила свое название от красных листьев папоротника, который увидели разведчики-греки Федор Фанайлов и Мурат Ксандинов, впервые придя на эти земли в 1878 г.⁵

¹ Подробнее про экспедицию см. статью: Климова К.А., Никитина И.О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06.

² Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.

³ Таким же самоназванием пользовались жители Византийской империи. Подробнее о проблематике этого термина см.: Bonarek J. Ромеи — только жители империи или народность *in statu nascendi*? // *Orientalia Christiana Cracoviensia*, 2012. № 4. S. 59–75. <https://doi.org/10.15633/ochc.1035>

⁴ Подробнее см.: Χασιώτης Ι. Κ. (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997. Σ. 103, 118.

⁵ Также мы не можем не упомянуть другой нарратив о происхождении названия села. Согласно ему, Красная Поляна называется так по причине множества пролитой в этом месте крови черкесов — именно там завершилась Кавказская война. Черкесская диаспора выступала против проведения Олимпиады-2014 в Сочи и Красной Поляне как в местах массовых убийств. См. например URL: <https://www.svoboda.org/a/426976.html> (дата обращения: 13.08.2022).

Согласно рассказам местных жителей, малоазийские греки специально разыскивали эти земли, поскольку получили сведения от оставшихся в Турции родственников о том, что черкесы оставили прекрасные богатые земли с ухоженными полями и фруктовыми садами, с горными реками, полными рыбы, и лесами, полными дичи, где-то в районе реки Мзымты за перевалом Псеашхо. После обнаружения этих земель греками в Красную Поляну во главе с Фанайловым и Ксантиновым переселяется изначально 36 семей, к которым впоследствии присоединяются и другие соотечественники. Многие информанты отмечали, что особенности природного ландшафта в районе Сочи были близки тем, которые переселенцы оставили на родных территориях южного побережья Черного моря, что сыграло немаловажную роль в выборе этого места как конечного пункта переселения.

Из материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи⁶ мы узнаем, что в 1897 г. в Сочинском округе греческая диаспора составляла 15,5 % населения (2092 человека из 13 519) и была третьей по численности⁷ после армянской (28,5 %) и русской (28,5 %) ⁸. Национальный состав Черноморской губернии⁹ в 1900 г. содержит сведения о 5583 греках¹⁰. Таким образом, в конце XIX — первой четверти XX в. греческое присутствие в регионе было значительным. Ситуация изменилась после 1937 г., в период сталинских репрессий и депортаций¹¹. Тогда понтийское население значительно сократилось, а с распадом Советского Союза началась массовая эмиграция в Грецию. На сегодняшний день в Сочи и окрестностях проживает, по разным данным, 3000–5000 понтийских греков¹², в то время как все население округа превышает полмиллиона человек.

Сохранение традиционной культуры греков СССР в XX в. было осложнено историческим контекстом: гонениями на церковь, запретом на проявле-

⁶ Материалы переписи представлены в Музее истории города-курорта Сочи.

⁷ В списке населенных пунктов Сочинского района за 1922 г. находим упоминания о следующих селах с преобладающим греческим населением: Калинин хутор, Верино, Высокое, Липники, Молдовский хутор, Левашево, Юревичи, Красная Поляна, Кукурету, Лесное, Монастырь, Краевско Греч., Раздольное. Информация по: *Халайчев С.С.* Красная Поляна. Время, События, Люди. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2022. С. 67–72. Среди приведенных топонимов мы видим и названия мест, обследованных в ходе нашей экспедиции.

⁸ Отметим, что «русские» в этой переписи включают в себя «великоросов», «малоросов» и «белоросов».

⁹ Эта административно-территориальная единица Российской империи занимала территорию по берегу Черного моря приблизительно от Новороссийска до Сочи.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Подробнее о репрессиях против греков СССР см.: *Джуха И.Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетей, 2006. Отметим также, что после смерти Сталина часть семей вернулась из Центральной Азии обратно на Кубань, часть осела в местах депортации.

¹² 3492 человек по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Сочи (дата обращения: 13.08.2022).

ния религиозности и этничности, репрессиями, принудительным выселением, закрытием греческих школ после 1937 г. Тем не менее в ходе экспедиции был записан обширный материал по обрядам жизненного и календарного циклов. В этой статье мы приводим этнолингвистическое описание похоронно-поминального обряда понтийских греков, составленное на основе собранных нами полевых материалов из окрестностей Сочи. Рассказы наших информантов о похоронах касаются по большей части разных временных отрезков XX в. Мы не задаемся целью произвести историческую реконструкцию похоронно-поминального обряда, который был принесен в конце XIX в. понтийцами из Трапезунда, — скорее, нас интересуют различные элементы обрядности, бытовавшие в советское время. В наши цели также не входило картографирование традиции¹³, поэтому мы приводим описание всех обрядовых практик, информацию о которых удалось собрать, понимая, что реальный обряд в разных селах и в разное время представлял собой определенную контаминацию описанных нами элементов.

В статье рассматривается понтийский похоронный обряд в сопоставлении как с греческим обрядом, так и с соседними восточнославянскими¹⁴. Следует отметить, что формы похоронно-поминальной обрядности, бытующие в Греции, проявляют сходство с различными славянскими инвариантами. Общность существует как на уровне религиозных обрядовых действий, так и в отношении более архаичного пласта народных верований¹⁵. Следовательно, для понтийских похорон как частного случая общегреческой традиции славянское влияние обнаруживается в самый поздний период, при переселении на территории в окрестностях Сочи.

К своей будущей кончине пожилые или больные люди начинали готовиться заранее. Подготовка к смерти характерна и для восточнославян-

¹³ Наша экспедиция охватила не так много близлежащих населенных пунктов, а различий в обрядности мы практически не зафиксировали.

¹⁴ Из переписей и из рассказов информантов мы понимаем, что понтийцев в исследуемом регионе окружали не только русские, но и украинцы и белорусы.

¹⁵ Приводя в статье сведения о греческом похоронно-поминальном обряде, мы опираемся в основном на полевые материалы архива кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ и, в частности, на работы: *Никитина И.О.* Похоронно-поминальный обряд в современной Греции: этнолингвистический анализ: магистерская работа. М., 2022; *Там же.* Трансформация похоронного обряда в городских реалиях современной Греции // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. С. 221–232; *Бакаева А.В.* Этнолингвистический анализ греческого похоронного обряда на балканском фоне: магистерская работа. М., 2018. Эти данные подкрепляются сведениями из работ других исследователей: *Danforth L.M.* The death rituals of rural Greece. Princeton: Princeton University Press, 1982; *Κυριακίδης Σ.Π.* Ελληνική Λαογραφία. Μέρος Α'. Μνημεία του λόγου. Αθήνα: Δημοσιεύματα του Λαογραφικού αρχείου αρ. 3, 1922; *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии / отв. ред. Г.П. Клепикова, А.А. Плотнокова. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7. С. 152–181.

ской¹⁶, и для греческой традиций. Обычно подготовка заключалась в откладывании одежды, обуви и савана (*сáванон*¹⁷) для погребения. Сейчас саваны приобретаются в специализированных магазинах, раньше для этой цели могли использовать простой отрез белой ткани, тюля. Обычно от савана отрывали длинные полосы ткани, или ленты, чтобы связать мертвому руки и ноги при положении во гроб. Непосредственно перед погребением эти ленты развязывали — информанты говорили, что потом надо оставлять их в гробу, но также вспоминали, что некоторые люди могли забирать эти ленты с собой, чтобы использовать впоследствии для лечения болезней или *испуга*. *Испугом* в этом случае называли сложное психологическое состояние человека, при котором он либо пребывает в длительном депрессивном состоянии, либо постоянно плачет и сильно тоскует по умершему родственнику. Считалось, что если подышать дымом от подожженных лент с покойника, можно вылечить этот недуг. Были зафиксированы представления о том, что дымом от подожженных лент окуривали со всех сторон дом, чтобы защитить его от неприятностей. Также рассказывали, что на веревках можно было делать *нехорошие дела, колдовать*, а в доме их обязательно прятали от детей. Магическая сила покойницких «пут» встречается и у восточных славян: лентами, веревками, нитями, взятыми от мертвого, в целях лечения перевязывали больное место как у людей, так и у животных¹⁸. Использовались они и во вредоносной магии¹⁹.

Некоторые люди также уже при жизни изготавливали себе гроб и хранили его на чердаке. Вспоминая сейчас об этой практике, информанты подчеркивают, что если так и делали, то только по личному желанию человека²⁰. Могли откладывать и деньги на похороны — объясняется это

¹⁶ См. этнографические материалы из станиц Кубани: Кузнецова И.А. Оценочные суждения в нарративах об умирании // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / сост. и науч. ред. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 149.

¹⁷ Все понтийские лексемы записаны кириллическим алфавитом с использованием следующих специальных графем: *θ* для обозначения глухого зубного щелевого согласного, *δ* для звонкого зубного щелевого, *γ* для звонкого велярного спиранта (фрикативного «г»). Выбор кириллицы для транскрипции обусловлен тем, что для греков Советского Союза и постсоветского пространства не характерно использование греческого алфавита.

¹⁸ Плотникова А.А. Покойницкие предметы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 125.

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ Практика прижизненной подготовки гроба является, скорее, восточнославянским заимствованием. Из этнографических материалов мы узнаем, что она была распространена, в частности, на Кубани, см.: Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // История, этнография, фольклор Кубани. Ростов-на-Дону: ООО «Печатная лавка», 2020. Том V: Отрадненский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. С. 207. В Греции, насколько нам известно, такого обычая не фиксируется, тем

тем, что жили бедно и хотели не обременять родственников лишними расходами. Говорили, что перед смертью человек начинает видеть своих умерших родственников, общаться с ними. Для описания предсмертного состояния в понтийском диалекте используется глагол *психомашу́* ‘он / она находится в предсмертном состоянии’: «*Психомашу́*. То есть он уже в бреду и в предсмертии»²¹. Буквально лексема переводится как ‘сражаться за душу’, в форме *ψυχομαχώ* [psihomahó] ‘находиться в предсмертном состоянии’ глагол фиксируется в Греции. Там эта лексема связывается с представлением о том, что в момент смерти душа отделяется от тела и ее забирает либо Архангел Михаил, либо Харос — персонификация смерти. В исследуемом регионе было зафиксировано единичное свидетельство о такой функции Архангела Михаила²². Однако на старом каменном надгробии 1902 г. на кладбище села Лесное обнаружено изображение, предположительно Архангела Михаила, с мечом в руке. В исследованных селах не было зафиксировано подробных представлений о загробной жизни, об аде и рае. Возможно, представления об этой составляющей похоронно-поминальной обрядности были утрачены в советский период. Нам удалось записать лишь лексемы: ад по-понтийски называли *ádis* или *κόλασι*²³, *рай* — *παράδισος*²⁴. Загробный мир называли *άλλος κόσμος* ‘другой мир’. Также могли говорить, что душа отправляется *сон урано́* ‘на небо’.

Для обозначения умершего используются понтийские лексемы *αποθемένος*, *αποθαμένος* ‘умерший’ и *λίμ(η)σανο* ‘тело’, аналогичные греческим *αποθαιμένος* [arothaménos] (чаще в форме *πεθαμένος* [rethaménos] ‘умерший’) и *λείψανο* [lípsano] ‘останки, мощи, тело’. Про относительно давно умершего человека понтийцы говорят *(э)схоремένος* ‘покойный’ (ж. р. *(э)схоремέν-δза*), дословно ‘прощенный’. Лексема связана с фразой, которую принято говорить на поминках про умершего: *ο θεός να σιγхорά τον* ‘пусть Господь его простит’. Схожая лексема и формульная поминальная фраза используется и в Греции (*σχωρεμένος* [shoreménos]; *Θεός σχωρέσ' τον* [theós shorés' ton] ‘да простит Господь его грехи’).

Когда в доме кто-то умирал, чтобы сообщить об этом всему селу, калитку во двор оставляли открытой²⁵, иногда возле двери выставляли крышку гроба или крест. Информанты отмечали, что открытая калитка всегда говорила о смерти в доме, по другим поводам ее не могли оставлять не-

более что во многих сельских регионах гробы вообще не использовались для захоронения.

²¹ М., род. в 1945 г., Лесное. Записано в Лесном.

²² Ж., род. 1934 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне.

²³ Для обозначения ада в новогреческом используется древнегреческое слово *Адης* [ádis] ‘ад’. Как синоним на территории самой Греции употребляется лексема *κόλαση* [kólasi] ‘ад’, образованная от древнегреческого глагола *κολάζω* [kolázo] ‘наказывать’.

²⁴ Аналогично греческому *παράδεισος* [parádisos].

²⁵ Также называли еще одну мотивировку этого действия — облегчение ухода души.

закрытой. В станицах Кубани было принято таким же образом извещать о покойном, с тем добавлением, что на калитку еще вешали полотенце²⁶. Понтийские греки хоронили по православному обычаю строго на третий день (если он не выпадал на понедельник, в таком случае тело оставляли еще на одну ночь). Все время до похорон умерший находился в доме, куда приходили проститься соседи и родственники. Отметим, что в Греции день погребения в традиционной культуре зависит от локальной традиции и не всегда похороны совершаются именно на третий день²⁷. В Красной Поляне и сейчас стараются хоронить только через три дня, оставлять тело в доме и проводить его подготовку там же, стараясь минимизировать время нахождения умершего в морге.

К периоду нахождения тела в доме относится ряд ритуалов прощания и подготовки умершего к погребению. Так, тело необходимо омыть и переодеть в заранее подготовленную одежду²⁸ и саван. Был зафиксирован обычай хоронить незамужнюю девушку в свадебном платье, общий для всех славян²⁹ и греков³⁰. Подготовкой тела обычно занимались специально приглашенные женщины из села, но говорили и о том, что мужчин иногда обмывали мужчины. Некоторые люди еще при жизни могли решать, кто будет их обмывать, и просить об этом определенного человека. Воду после покойника выливали под дерево — на такое место, куда не может наступить человек. В дом, где находился покойник, не впускали кошек и других животных, так как это расценивалось дурной приметой, влекущей за собой еще одну смерть.

Важно отметить, что во всех исследованных селах в период с 1930-х по 1990-е гг. не было постоянно действующей церкви и священника³¹. От-

²⁶ Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. С. 208.

²⁷ Например, на Крите старались похоронить тело в среднем через 24–36 часов, обязательно было лишь чтобы покойный одну ночь провел дома (по полевым данным экспедиции авторов статьи в с. Палеохора (Крит) в 2020 г.).

²⁸ Покойного также либо обували, либо при положении в гроб оставляли ботинки в ногах. Обычай снимать обувь с покойного перед погребением и оставлять ее в гробу рядом с ним известен как в Греции, так и среди понтийцев Кавказа. См.: Бондарь Н.И. Материалы к похоронно-поминальной обрядности греков Северного Кавказа // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14) / сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2009. С. 161–169.

²⁹ Виноградова Л.Н. Похороны-свадьба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 225–228.

³⁰ Полевые материалы с о-ва Крит (2020 г.), села Колиндрос (2018 г.).

³¹ Храм Георгия Победоносца в Лесном не был разрушен, и в советское время понтийцы со всех соседних сел собирались там на престольный праздник (6 мая): сами открывали храм, молились, устраивали трапезу. Подробнее о храме см.: Анастасиади Г.И. Сильные верой. О храме во имя великомученика Георгия Победоносца в селе Лесном. Ростов-на-Дону: Печатный двор, 2018.

певания, по воспоминаниям наших информантов, в этот период не проводились вообще³², вероятно, не в последнюю очередь из-за удаленности действующих церквей от деревень Красная Поляна, Лесное и Галицино: это горные села, транспортная доступность которых была очень низкой. На дом священников приглашали только для соборования³³. Тем не менее в похоронном обряде сохранялась религиозная составляющая. А.Д. Соколова отмечает важность ритуальных специалистов в поддержании религиозных традиций и похоронной обрядности у русских в советский период³⁴. Такими ритуальными специалистами были *читалки* — женщины, которых приглашают читать Псалтырь над покойным. «Профессия» *читалки* была распространена у православных и на Кубани³⁵. У понтийцев в исследованном регионе православные обычаи погребения тоже сохранялись посредством «знающих людей». Как правило это были пожилые люди (преимущественно женщины³⁶), особо набожные или из священнических родов, у них дома хранились и передавались святыне книги на греческом языке. В случае смерти кого-либо в селе их приглашали *читать* над покойным Псалтырь, а также для помощи в организации похорон (варить кутью, готовить поминальный стол и т. п.). Многие из наших информантов вспоминали, что их бабушки всегда ходили *читать*. Говорили, что таких людей было несколько на одну деревню, до сих пор их вспоминают по именам. В православной традиции существует запрет на отпевание самоубийц, также их не принято хоронить в черте кладбища. Наши информанты говорили, что самоубийство — это, конечно, тяжкий грех, но таких людей все равно хоронили на кладбище. Некоторые упоминали, что по самоубийцам не *читали*.

Можно отметить гендерное разделение обязанностей на похоронах: женщины чаще отвечали за чтение молитв, подготовку тела, приготовление и раздачу поминальной пищи, уборку дома после выноса покойного,

³² Другие религиозные обряды (венчание и крещение) тем не менее проводились в присутствии священника. Распространена была практика ездить венчаться или крестить ребенка в Гагры — в местной церкви не велись метрические книги, и это расценивалось как более безопасный способ провести обряд и не попасть под подозрения. Крещение могло проводиться и подпольно, в таком случае священника приглашали ночью домой. Отпевание, таким образом, замещалось чтением Псалтыри.

³³ Информанты вспоминали, что некоторые устраивали заочное отпевание в храме по не отпетым в советское время родственникам уже в 1990-е гг.

³⁴ Соколова А.Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области): дис. <...> канд. ист. наук. М., 2013. С. 130.

³⁵ Кузнецова И.А. Читалки в современной сельской общине: статус, функции, вариативность практик // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2003 год. Дикаревские чтения (10): материалы краевой науч. конф., Краснодар, 19–20 июня 2004 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 137–146.

³⁶ В Красной Поляне вспоминали, что *читал* и мужчина. Аналогичные воспоминания фиксируются у восточнославянского населения Кубани. Там же. С. 137.

а мужчины готовили крест, гроб, могилу, отвечали за действия на кладбище, транспортировку тела. В Красной Поляне и сейчас есть мужчина, который исполняет роль ритуального специалиста, и к нему обращаются, чтобы организовать похороны традиционным образом. Всем, кто помогал на похоронах, было принято дарить подарки. Обычно это были новые белые полотенца, женщинам могли дарить еще платки, мыло, чулки. Многие пожилые люди покупали полотенца на подарки еще при жизни. Полотенце играет важную роль в похоронном обряде восточных славян³⁷ (традиция, в том числе, была известна и на Кубани³⁸), тогда как в современной Греции обычай дарить подарки на похоронах отсутствует.

Информанты вспоминают, что раньше существовал обычай оплакивать покойника³⁹. Такие плачи назывались *мирологія* (букв. ‘слова судьбы’), аналогично греческому *μυρολόγια* [mirolóγια]. В этих причитаниях обычно пели о том, какие дела недоделал покойный, каких родственников оставил в горе. Говорили, что исполнялись они только женщинами⁴⁰, не обязательно родственницами покойного. Деньги плакальщицам не платили, могли дарить такие же подарки за помощь, как и остальным помощникам в организации ритуала.

Гроб (*касѣла*) изготовлял плотник или просто мужчины из села, если плотника не было. Делали его по мерке: замеряли тело обычным сантиметром или рулеткой, некоторые вспоминают и про палочку. Говорили, что снаружи гроб обтягивали черной тканью, если человек умер уже в возрасте, если же умерший был молод — красной, а внутри всегда обтягивали белым. В этнографических материалах с Кубани мы находим сведения о том, что выбор цвета обивки в зависимости от возраста умершего был характерен для последней четверти XX в., при этом для молодых использовалась голубая ткань, для пожилых — черная, а для детей — розовая⁴¹. На фото с похорон в Красной Поляне 1924 г., показанном нам информантами, гроб не обит. Если в гробу оставалось много лишнего места, это расценивалось как дурная примета — значит, покойник заберет с собой еще кого-то. Некоторые информанты сообщали, что в это пустое место могли засыпать землю с могилы. Также записан обычай отвозить землю из двора умершего

³⁷ Седякова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. С. 203–204.

³⁸ Традиция была известна и на Кубани, см.: Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. С. 209.

³⁹ Про причитания вспоминают, даже воспроизводят какие-то формульные фразы из текстов плачей на понтийском, но говорят, что это было очень давно. Традиция причитаний начинает частично отмирать и в Греции с конца XX в. Исследованию похоронных плачей на греческом материале посвящена работа: Alexiou M. The Ritual Lament in Greek Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.

⁴⁰ Про них говорили *ати мирологја* ‘она причитает над покойным’, специального термина не зафиксировано.

⁴¹ Кузнецова И.А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды. С. 211.

в церковь для освящения⁴². Потом эту освященную землю могли бросать на гроб или набивать ею подушечку, которую подкладывали умершему под голову в гробу. Также упоминали о подушке, набитой опилками. В гроб могли класть какие-то вещи: деньги, расческу, сигареты, носовой платок, четки и т. п. Часто спорили о том, забирают ли с собой нательный крестик с покойного или оставляют на нем в гробу.

Люди приходили проститься к умершему в дом со свечами. Гроб ставили на табуретки в центр комнаты, вокруг него стояли стулья (на них сидели те, кто оставался с покойным на ночь). Рядом был столик, на который ставили тарелочку для денег⁴³ (иногда деньги клали прямо в гроб), туда же клали свечи. Одна информантка вспоминала, что свечи приносили в салфетке, которую потом сминали и бросали под гроб⁴⁴. Вероятно, помещение салфетки под гроб связывается с общей тенденцией локализовать пространство смерти в доме в определенном месте⁴⁵. Также прослеживается связь с тем, что при необходимости уборки в доме при нахождении в нем покойного, мусор заматался под гроб⁴⁶. Все время, пока покойник находится дома, около него должна была гореть свечка и *канділка* ‘лампада’. С телом постоянно должен был кто-то находиться. В понтийском для обозначения этого действия употреблялся глагол *монáзо* ‘устраивать бдение над покойным’⁴⁷. Мы уже упоминали, над умершим читали псалмы — в отсутствие священника и церкви этот ритуал был особенно важен для обеспечения правильного перехода в иной мир. В Красной Поляне зафиксировано представление о том, что в селе умирают по трое: «Полянцы уходят по трое всегда. Если первый покойник после продолжительного времени, значит, обязательно будут второй и третий»⁴⁸.

Гроб несли мужчины на плечах от дома до кладбища, по дороге останавливались на перекрестках и три раза его приподнимали и опускали. Также могли останавливаться по дороге или перед воротами кладбища, чтобы под поднятым гробом три раза прошли родственники. Такой ритуал был

⁴² Одна информантка (Ж., род. в 1960 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне) вспомнила, что делала так в 1985 г., землю и соль отвозили в церковь в Сочи (она была действующей при СССР). Соль потом использовали для приготовления поминальных блюд.

⁴³ В Отраденском районе Кубани тарелку ставили в ноги усопшего. Там же. С. 210.

⁴⁴ Ж., род. в 1964 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне.

⁴⁵ Что характерно для обрядности восточных славян, см.: Андрушина М.А. Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект: украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции: дис. <...> канд. филол. наук. М., 2015. С. 49.

⁴⁶ Там же. С. 58, 199.

⁴⁷ Бдение над покойным — характерный элемент как восточнославянского, так и греческого похоронного обряда. В греческом используется термин *αγρυπνία* [аγῤῖπνία] ‘бдение’.

⁴⁸ Ж., род. в 1964 г., Красная Поляна. Записано в Красной Поляне.

призван излечивать от болезней (покойный *забирает все с собой*) или же предупреждать заболевание от сильного переживания, спровоцированного смертью близкого родственника, то есть от *испуга*. Также говорили, что это делали, чтобы покойный не приснился и чтобы не бояться мертвого. Многие обрядовые действия у восточных славян, направленные на контакт с «покойническими предметами», совершаются с такими же мотивировками. Например, родственники садятся на скамью или кровать, где лежал умерший, чтобы тот не приснился, или лечат *испуг*, обегая эту скамью или проползая под ней трижды⁴⁹.

Процессия выглядела следующим образом: впереди несли крест (на него привязывали полотенце), за ним крышку гроба, затем сам гроб⁵⁰. Иногда отдельно после креста несли фотографию. Говорили, что никто не должен идти впереди креста. По пути шествия перед гробом разбрасывали цветы. Значительно реже упоминались еловые ветки, разбрасывание которых более характерно для восточнославянской погребальной обрядности⁵¹. Дорога из еловых веток обладает двойственной символикой: с одной стороны, она указывает мертвому путь до дома, а с другой, наоборот, запрещает ему возвращаться (еловые ветки колючие, и он не сможет по ним пройти)⁵². В случае, когда еловые ветки замещаются цветами, вторая мотивировка теряется. Действительно, наши информанты упоминали только о том, что таким образом душа может найти дорогу домой. Говорили, что на эти цветы нельзя наступать. Этот элемент обряда представляет собой явное восточнославянское заимствование, так как в Греции такая традиция отсутствует. Интересно отметить, что в Красной Поляне вспоминали, что иногда на похороны приглашался духовой оркестр. Вероятно, эта практика относится к позднему периоду СССР.

Могила в понтийском обозначалась лексемой *тафин*, а кладбище — *тафия* ‘могилы’. Дно могильной ямы могли устилать еловыми ветками, чтобы покойному было мягко. Говорили о том, что могилу не должны были выкапывать родственники. Тем, кто выкапывал могилу, дарили полотенце, угощали их обедом. Гроб в могилу опускали на веревках или полотенцах. Полотенца оставляли в могиле, веревки обычно забирали. Перед тем как могилу закопать, на гроб бросали три горсти земли все присутствующие.

Пока процессия шла на кладбище, в доме оставался кто-то из соседей и помогал вымыть дом после покойника. Это нужно было делать сразу же, как выносили гроб, и воду вылить в то же место, что и ту, которой мыли

⁴⁹ Плотникова А.А. Покойнические предметы. С. 125.

⁵⁰ Гроб всегда несли на руках мужчины, подарочные полотенца им повязывали на плечо. Однако в Лесном вспоминали, что после войны, когда в селе не было мужчин, гроб могли везти и на телеге.

⁵¹ Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. С. 97–99.

⁵² Там же. С. 96–98.

покойного. После похорон проводили поминальный обед дома у родственников. Главным ритуальным блюдом у понтийцев является *кукiя*, *кокiя* ‘кутья’⁵³. Говорили, что в день похорон делали две кутьи — одну раздавали на кладбище, а другую ставили на поминальный стол дома. Готовят ее из сваренной пшеницы, в которую добавляют орехи, изюм, иногда печенье. На приготовление кутьи приглашали соседок: вспоминали, что бабушки могли даже обидеться, если их не позвали. Готовилась она всю ночь: пшеницу сначала перебирали, затем она долго разваривалась, и наконец ее надо было просушить. Готовую пшеницу выкладывают на тарелку, посыпают сахаром и украшают сверху изображением из драже, изюма или колотых орехов⁵⁴. У понтийского поминального блюда должно быть особое символическое украшение в зависимости от дня поминок. У *кукiи*, которую готовят на день похорон, крест делают с расходящимся книзу основанием (крест-гольгофа), при поминках на девятый день закрывается одна створка, а на сороковой — уже обе. Это призвано символизировать переход души в иной мир. Изображение креста как бы разделяет блюдо на четыре части, в каждой из которых пишут по букве: И, Х, Н⁵⁵ и первая буква имени умершего. Уже украшенную кутью, выложенную на тарелку, называют *тинур*.

Помимо *кукiи* на поминальный стол готовили традиционные понтийские блюда *ширван* и *сирон*. *Ширван* — первое блюдо, которое изготавливается на основе мацони с добавлением крупно помолотой кукурузной крупы (или перловки) и травы *тiмберон* ‘чабер’. *Сирон* готовится следующим образом: раскатывают тонкие лавашы, сворачивают их в трубочку и нарезают. Сначала их запаривают кипятком, а потом заливают подливой из сметаны, чеснока и лука. Говорили, что поминальная трапеза в доме в день похорон должна быть скромной, но зачастую стол накрывали слишком богато, *как на свадьбу*. Упоминали наши информанты о том, что на поминки принято было есть только ложкой, вилки и ножи не использовались. На поминках должна была быть только *хулярi файн* (дословно «еда, которую едят ложкой») или суп, первое блюдо. В греческой традиции такого запрета не существует. Если поминки выпадали на дни поста, то пища была постная. На поминки мясо не готовили, но запрета на его употребление в течение какого-то периода после похорон зафиксировано не было. В некоторых регионах Греции такой запрет мог существовать: например, на Крите мясо не ели 40 дней после похорон⁵⁶.

⁵³ На русском языке для наименования кутьи информанты преимущественно использовали фонетический вариант *кутя*.

⁵⁴ Интересно отметить, что в последние годы украшения для кутьи привозят из Греции (серебряные драже), где существует своя традиция декорирования ритуального блюда.

⁵⁵ От фразы «Иисус Христос Ника́» (греч. *Ἰησοῦς Χριστός Νικά* ‘Иисус Христос побеждает’). Буквы могут использоваться как кириллические (И, Х, Н), так и греческие (Ι, Χ, Ν).

⁵⁶ Полевые материалы авторов статьи 2020 г. из сел Палеохора, Канданос (Крит).

Помимо поминок⁵⁷ в день похорон (на третий день), их справляли на девятый (*са энэа* ‘на девять дней’), на сороковой (*са серáнда* (*сирáнда*) ‘на сорок дней’) и на год (*со хронéо(н)* ‘на год’) после смерти. Также некоторые информанты из Красной Поляны упоминали то, что на следующее утро после похорон родственники ходили завтракать на могилу. У православных придается особое значение первым сорока дням после смерти. Наши информанты говорили, что душа (*психи́, псиши́, пши*) остается в доме три дня до похорон: «Пока душа не уйдет, нельзя тело выносить»⁵⁸. На земле она остается сорок дней после смерти, поэтому весь этот срок в доме каждый день зажигали по свече и читали молитву. Душе также оставляли стакан с водой и кусок хлеба, обычно рядом с кроватью умершего. Первые сорок дней держали строгий траур (*лiтин*) по покойному. Про человека в трауре говорили *лiтин кратi* (‘он / она держит траур’). Траур выражался в том, что родственники одевались в черное, мужчины не брили бороду. Еще пока тело находится в доме, занавешивали зеркала, телевизор. Не разрешалось веселье и музыка. Если умирал близкий родственник, черное носили год и более. Важным отличием понтийской обрядности от современной новогреческой является отсутствие в ней традиции вторичного погребения.

На могилу сразу после похорон устанавливают деревянный крест (его изготавливают вместе с гробом). По прошествии года его принято заменять на памятник, при этом старый крест не уничтожают, а оставляют рядом, у могилы. Наша экспедиция также исследовала понтийские кладбища в Красной Поляне, Лазаревском и Лесном. Все они сейчас смешанные, погребения понтийцев обычно размещены компактно в одной из частей кладбища. В Красной Поляне существовало старое греческое кладбище, но оно не сохранилось. В настоящее время подавляющее большинство памятников на этих кладбищах относится к советскому и постсоветскому периодам⁵⁹. В советское время устанавливали цементные памятники, но не всегда — деревянный крест могли заменить металлическим. На могилах делали оградки, в основном железные. Чаще всего за одной оградкой оказывается несколько захоронений одной семьи. Интересно отметить, что зачастую на понтийских захоронениях одной семьи крест или памятник установлен в разных сторонах. Информанты объясняют это тем, что вопрос об установке креста в голову или в ноги часто вызывал споры. Помимо нескольких старых надгробий XX в., на исследованных кладбищах крайне мало эпитафий на греческом языке. В советское время надписи на памят-

⁵⁷ Поминки назывались понтийской лексемой *псальма́*, отличной от греческой *та мнiмóсiна* [ta mnimósina]. На русском языке информантами употребляются варианты *пóминки* и *помiнки*.

⁵⁸ М., род. в 1953 г., Казахстан. Записано в Лазаревском.

⁵⁹ Однако на кладбищах села Лесное и заброшенного села Юревичи сохранилось несколько старых, еще дореволюционных каменных надгробий из песчаника, характерных для понтийской традиции. Эпитафии на них сделаны на греческом языке.

никах выполнялись только на русском; несколько эпитафий на греческом появилось уже после распада СССР, когда многие местные жители уезжали в Грецию и оформляли своим родственникам надгробия по греческим образцам. При этом сами памятники изготавливались уже в окрестностях Сочи, о чем свидетельствуют немногочисленные орфографические недочеты, например проставление ударений над текстом эпитафии, напечатанном заглавными буквами⁶⁰.

Проанализировав полевой материал, мы можем сделать выводы о том, что с одной стороны, похоронно-поминальная обрядность понтийских греков в исследованном регионе имеет ряд специфических черт, характерных для греческой традиции в целом. Связь понтийского обряда с греческим выражается и через лексику. С другой стороны, тесное соседство с восточнославянскими народами оставило свой след в обрядности. Как следствие у понтийцев фиксируются такие обрядовые действия и представления, которые характерны для восточных славян, но не встречаются у греков. Понтийская культура в регионе дает обширный материал для изучения и сопоставления, перспективным нам представляется дальнейшее изучение славянского влияния на обрядность жизненного цикла у понтийцев.

Литература

- Агапкина Т.А.* Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019.
- Анастасиади Г.И.* Сильные верой. О храме во имя великомученика Георгия Победоносца в селе Лесном. Ростов-на-Дону: Печатный двор, 2018.
- Андрюнина М.А.* Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект: украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции: дис. <...> канд. филол. наук. М., 2015.
- Бакаева А.В.* Этнолингвистический анализ греческого похоронного обряда на балканском фоне: магистерская работа. М., 2018.
- Бондарь Н.И.* Материалы к похоронно-поминальной обрядности греков Северного Кавказа // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2007 год. Дикаревские чтения (14) / сост., науч. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО «Экоинвест», 2009. С. 161–169.
- Виноградова Л.Н.* Похороны-свадьба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 225–228.
- Джуха И.Г.* Греческая операция: История репрессий против греков в СССР. М.: Алетей, 2006.
- Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии /

⁶⁰ По правилам орфографии греческого языка, при написании всего текста заглавными буквами ударения на письме не проставляются (в отличие от случаев, когда текст пишется в обычном регистре).

- отв. ред. Г.П. Клепикова, А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. Вып. 7. С. 152–181.
- Климова К.А., Никитина И.О.* Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 249–260. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06.
- Кузнецова И.А.* Читалки в современной сельской общине: статус, функции, вариативность практик // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 2003 год. Дикаревские чтения (10): материалы краевой науч. конф., Краснодар, 19–20 июня 2004 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенов. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2004. С. 137–146.
- Кузнецова И.А.* Оценочные суждения в нарративах об умирании // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / сост. и науч. ред. Н.И. Бондарь, В.В. Воронин. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 146–154.
- Кузнецова И.А.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды // История, этнография, фольклор Кубани. Том V. Отрадненский район (материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции) / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Ростов-на-Дону: ООО «Печатная лавка», 2020. С. 207–214.
- Никитина И.О.* Похоронно-поминальный обряд в современной Греции: этнолингвистический анализ: магистерская работа. М., 2022.
- Никитина И.О.* Трансформация похоронного обряда в городских реалиях современной Греции // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. С. 221–232.
- Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.
- Плотникова А.А.* Покойницкие предметы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 124–127.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.
- Соколова А.Д.* Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв. (на материалах Владимирской области): дис. <...> канд. ист. наук. М., 2013.
- Халайчев С.С.* Красная Поляна. Время, События, Люди. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2022.
- Alexiou M.* The Ritual Lament in Greek Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Bonarek J.* Ромеи — только жители империи или народность in statu nascendi? // Orientalia Christiana Cracoviensia. 2012. № 4. S. 59–75. <https://doi.org/10.15633/ochc.1035>
- Danforth L.M.* The death rituals of rural Greece. Princeton: Princeton University Press, 1982.
- Χασιώτης Ι.Κ.* (επιμέλεια). Οι Έλληνες της Ρωσίας και της Σοβιετικής Ένωσης. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 1997.
- Κοριακίδης Σ.Π.* Ελληνική Λαογραφία. Μέρος Α'. Μνημεία του λόγου. Αθήνα: Δημοσιεύματα του Λαογραφικού αρχείου αρ. 3, 1922.

References

- Agapkina, T.A., 2019. *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays]. Moscow: Indrik.
- Alexiou, M., 1974. *The Ritual Lament in Greek Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Anastasiadi, G.I., 2018. *Sil'nye veroi. O khrame vo imia velikomuchenika Georgiia Pobedonositsa v sele Lesnom* [Strong in faith. About the Church of St. George the Victorious in Lesnoye Village]. Rostov-on-Don: Pechatny Dom.
- Andriunina, M.A., 2015. *Simvolika prostranstva v slavianskoi pokhoronno-pominal'noi obriadnosti: etnolingvisticheskii aspekt: ukrainskaia, belorusskaia, zapadnorusskaia i pol'skaia traditsii* [Symbolism of Space in Slavic Funeral and Memorial Rituals: an Ethnolinguistic Aspect (Ukrainian, Belarusian, Western Russian and Polish Traditions)]. Dis. <...> kand. filol. nauk. Institute of Slavic Studies.
- Bakaeva, A.V., 2018. *Etnolingvisticheskii analiz grecheskogo pokhoronnogo obriada na balkanskom fone* [Ethnolinguistic Analysis of the Greek Funeral Rite on the Balkan Background]: magisterskaia rabota. Lomonosov Moscow State University.
- Bonarek, J., 2012. Romei — tol'ko zhiteli imperii ili narodnost' in statu nascendi? [Romaioi — Only Inhabitants of the Empire or Nationality In Statu Nascendi?]. *Orientalia Christiana Cracoviensia*, 4, pp. 59–75. <https://doi.org/10.15633/ochc.1035>
- Bondar', N.I., 2009. Materialy k pokhoronno-pominal'noi obriadnosti grekov Severnogo Kavkaza [Materials on the Funeral and Memorial Rites of the Greeks of the North Caucasus]. In: M.V. Sementsov, ed., 2009. *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniï etnicheskikh kul'tur Kubani za 2007 god. Dikarevskie chteniia (14)* [Results of the Folklore and Ethnographic Studies on the Ethnic Cultures of Kuban Region in 2007. Dikarev Readings (14)]. Krasnodar: OOO «Ekoinvest», pp. 161–169.
- Chasiotis, I.K., 1997. *Oi Ellines tis Rosias kai tis Sovietikis Enosis* [Greeks of Russia and Soviet Union]. Thessaloniki: University Studio Press, 1997.
- Danforth, L.M., 1982. *The death rituals of rural Greece*. Princeton: Princeton University Press.
- Dzhukha, I.G., 2006. *Grecheskaia operatsiia: Istoriia repressii protiv grekov v SSSR* [Greek Operation: History of Repressions Against the Greeks in the USSR]. Moscow: Aleteia.
- Khalaihev, S.S., 2022. *Krasnaia Poliana. Vremia, Sobytiia, Liudi* [Krasnaya Polyana. Time, Events, People]. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom.
- Klimova, K.A., Nikitina, I. O., 2022. Traditsionnaia kul'tura i iazyk “russskikh grekov” g. Sochi: obzor etnolingvisticheskoi ekspeditsii [Traditional Culture and Language of the “Russian Greeks” in Sochi: Review of an Ethnolinguistic Expedition]. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 249–260.
- Kuznetsova, I.A., 2004. Chitalki v sovremennoi sel'skoi obshchine: status, funktsii, variativnost' praktik [Chitalki in the Modern Rural Community: Status, Functions, Variability of Practices]. In: M.V. Sementsov, ed., 2004. *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniï etnicheskikh kul'tur Kubani za 2003 god. Dikarevskie chteniia*

- nii* (10): *materialy kraevoi nauch. konf., Krasnodar, 19–20 iunია 2004 g.* [Results of the Folklore and Ethnographic Studies on the Ethnic Cultures of Kuban Region in 2003. Dikarev Readings (10): Materials of the Regional Scientific Conference, Krasnodar, 19–20 June 2004] Krasnodar: OOO RITs “Mir Kubani”, pp. 137–146.
- Kuznetsova, I.A., 2005. Otsenochnye suzhdeniia v narrativakh ob umiranii [Value judgments in narratives about dying]. In: N. I. Bondar’, V. V. Voronin, eds, 2005. *Itogi polevykh fol’klorno-etnograficheskikh issledovaniĭ na Kubani: proshloe i sovremennost’* [Results of the Field Folklore and Ethnographic Studies in Kuban Region: the Past and the Present]. Krasnodar: Izd-vo “Kuban’kino”, pp. 146–154.
- Kuznetsova, I.A., 2020. Pokhoronno-pominal’nye obychai i obriady [Funeral and Memorial Rites]. In: N.I. Bondar’, A.I. Zudin, eds, 2020. *Istoriia, etnografiia, fol’klor Kubani* [History, Ethnography, Folklore of Kuban Region]. Rostov-on-Don: OOO “Pechatnaia lavka”. Vol. V: *Otradnenskii raion (materialy Kubanskoĭ fol’klorno-etnograficheskoi ekspeditsii)* [Otradnenskii District (Materials of the Kuban Folklore and Ethnographic Expedition)], pp. 207–214.
- Kyriakidis, S.P., 1922. *Elliniki Laografia* [Greek Folklore]. Athens: Dimosievmata tou Laografikou archeiou ar. 3. Vol. 1: *Mnimeia tou logou* [Verbal Monuments].
- Nikitina, I.O., 2021. Transformatsiia pokhoronnogo obriada v gorodskikh realiiakh sovremennoi Gretsii [Transformation of the funeral rite in the urban realities of modern Greece]. In: S.A. Oreshin, P.A. Serin, eds, 2021. *Al’manakh Konferentsii molodykh uchenykh Instituta etnologii i antropologii RAN* [Almanac of the Conference of Young Scientists of the Institute of Ethnology and Anthropology of RAS]. Moscow: IEA RAN. Vol. 1, pp. 221–232.
- Nikitina, I.O., 2022. *Pokhoronno-pominal’nyi obriad v sovremennoi Gretsii: etnolingvisticheskii analiz* [Funeral and Memorial Rites in Modern Greece: An Ethnolinguistic Analysis]. Magisterskaia rabota. Lomonosov Moscow State University.
- Plotnikova, A.A., 2009. Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkanoslavianskogo areala [Materials for Ethnolinguistic Investigation of the Balkan-Slavic Area]. Moscow: Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences.
- Plotnikova, A.A., 2009. Pokoinitskie predmety [Mortuary items]. In: N.I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar’ v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 124–127.
- Sedakova, O.A., 2004. *Poetika obriada. Pogrebal’naia obriadnost’ vostochnykh i iuzhnykh slavian* [The Poetics of Rituals. Funeral Rituals of the Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.
- Sokolova, A.D., 2013. Transformatsii pokhoronnoi obriadnosti u russkikh v XIX–XXI vv. (na materialakh Vladimirskaĭ oblasti) [Transformations of Funeral Rites Among Russians in the 19th–20th Centuries (on the Materials from the Vladimir Region)]. Dis. <...> kand. ist. nauk. Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences.
- Vinogradova, L.N., 2009. Pokhorony-svad’ba [Ritual of wedding-funeral]. In: N.I. Tolstoi, ed., 2009. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar’ v 5 tomakh* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4, pp. 225–228.

Zaikovskaia, T., Zaikovskii, V., 2001. Etnolingvistiicheskie materialy iz Severnoi Gretsii (s. Eratira, okrug Kozani) [Ethnolinguistic materials from Northern Greece (village of Eratira, Kozani district)]. In: G.P. Klepikova, A.A. Plotnikova, eds, 2001. *Issledovaniia po slavianskoii dialektologii* [The Studies of Slavic Dialectology]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN. Issue 7, pp. 152–181.

«КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ Я ХОТЕЛ УЙТИ ПОДАЛЬШЕ ОТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ». ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЛИПАТОВА В ФОРМЕ ИНТЕРВЬЮ*

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Александр Владимирович Липатов (род. 1937), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, академик Польской академии наук и искусств, член президиума Всемирной ассоциации полонистов. В 1957 г. А.В. Липатов поступил на филологический факультет МГУ, проучившись год, был рекомендован к продолжению учебы на факультете полонистики Варшавского университета, который окончил в 1962 г. со степенью магистра. После окончания аспирантуры МГУ он пришел в 1965 г. в Институт славяноведения, с которым связана вся его дальнейшая творческая жизнь. А.В. Липатов — полонист широкого профиля, в круг его научных интересов входят ключевые проблемы литературы, культуры, истории Польши, русско-польских литературных, культурных, общественных связей, взаимного восприятия русских и поляков. Особую известность получили его работы о польской литературе в эпохи барокко и Просвещения, в которых литературный процесс ставится в контекст широкого круга проблем истории шляхетской демократии Речи Посполитой. Не ограничиваясь полонистикой, А.В. Липатов занимался также проблемами теории литературы, социологии литературы, межславянских связей. Научную и редакторскую деятельность профессор А.В. Липатов на протяжении нескольких десятилетий сочетал с преподавательской — в РГГУ и польских университетах (в Торуни, Кракове и др.). А.В. Липатов рассказывает о своем детстве во время войны и в первые послевоенные годы, юности, учебе в Варшавском университете, работе в Институте славяноведения, о своих многочисленных поездках в Польшу в разные годы.

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, история польской литературы, новейшая история Польши, русско-польские связи, развитие гуманитарных наук в Польше

Статья поступила в редакцию 6 октября 2022 г.

Цитирование: *Липатов А.В.* «Как исследователь я хотел уйти подальше от современной политики». Воспоминания А.В. Липатова в форме интервью // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 179–239. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.10>

* Беседовали и подготовили текст к публикации А. Стыкалин и В. Федорова. Беседы состоялись летом 2022 г.

“AS A RESEARCHER I WANTED TO GET AWAY FROM THE CONTEMPORARY POLITICS” ALEXANDER V. LIPATOV’S MEMOIRS IN INTERVIEW FORM

Abstract

At the request of the editors of the journal “The Slavic World in the Third Millennium”, Alexander Vladimirovich Lipatov (born 1937), Doctor of Philology, leading researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, academician of the Polish Academy of Sciences and Arts, and member of the Presidium of the World Association of Polonists, describes his life and path in science. In 1957, Lipatov entered the Faculty of Philology of Moscow State University, but after studying for a year, he was recommended to continue his studies at the Faculty of Polish Studies at Warsaw University, from which he graduated in 1962 with a doctoral degree. After completing his postgraduate studies at Moscow State University, in 1965 he came to the Institute of Slavic Studies, with which the rest of his creative life was connected. Lipatov is a Polonist with a wide range of interests: his scientific interests include the key problems of the literature, culture, and history of Poland; Russian-Polish literary, cultural, and social relations; and the mutual perception of Russians and Poles. His works on Polish literature of the Baroque and Enlightenment eras, in which the literary process is placed in the context of a wide range of problems in the history of the gentry democracy of the Commonwealth, gained particular fame. Not limited to Polonist studies, Lipatov also dealt with problems of literary theory, the sociology of literature, and inter-Slavic relations. The research and editorial activities of Professor A. V. Lipatov for several decades were combined with teaching at the Russian State Humanitarian University and Polish universities (Torun, Krakow, etc.). Lipatov discusses his childhood during the war and the first post-war years, his youth, his studies at Warsaw University, his work at the Institute of Slavic Studies, and his numerous trips to Poland over many years.

Keywords

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, history of Polish literature, recent history of Poland, Russian-Polish relations, development of the humanities in Poland

Received 6 October 2022.

How to cite: Lipatov, A.V., 2022. “Kak issledovatel’ ia khotel uiti podal’she ot sovremennoi politiki”. Vospominaniia A.V. Lipatova v forme interv’iu [“As a Researcher I Wanted to Get Away from the Contemporary Politics” A.V. Lipatov’s Memoirs in the Form of Interview]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 179–239. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.10>

А.С. Стыкалин. *Итак, Александр Владимирович, вы родились летом 1937 г. на Украине...*

А.В. Липатов. В Украине.

А. С. *В Украине, да. Тогда этот город назывался Днепропетровск.*

А. Л. Ну, если верить паспорту, я родился действительно в Днепропетровске, а в реальности в Запорожье. Но оформили все это в соседнем Днепропетровске, там были родители прописаны.

А. С. *А кто были ваши родители?*

А. Л. Журналисты.

А. С. *Сохранились какие-то воспоминания от раннего детства? Все-таки вам было 4 года, когда началась война. Что-то помните?*

А. Л. Помню.

А. С. *Оккупацию?*

А. Л. Нет, слава Богу, в оккупации я не оказался, мы с родителями уехали последним поездом, товарняком. Как нам говорили — последним для гражданских лиц.

А. С. *Это, наверно, был июль 41-го. Вскоре после начала войны...*

А. Л. Да. Думаю, что нам просто посчастливилось. Нас тогда уже бомбили. Хорошо помню — голубое небо в Запорожье, и ни одного нашего самолета, немцы спокойно делали все, что хотели. Выбирали цели и бросали бомбы — там, где им было нужно. Вот это я очень хорошо помню. Помню, как меня не могли затащить в бомбоубежище — потому что меня интересовало, когда и куда они бросали бомбы. Помню и другое: мы взяли с собой какие-то вещи, и когда мы добрались до станции, нам сказали — только один чемодан можно брать с собой. И вот товарняк тронулся, и весь перрон был уставлен вещами.

А. С. *А какая-то паника была? Много народу, большой город... Что-то осталось в памяти?*

А. Л. Этого я не помню. Помню другое — как 22 июня мы возвращались с матерью от кого-то. Было довольно рано. И все люди собирались кучками у приемников. Ваше поколение уже не застало: были приемники на уличных столбах. И я все спрашивал у родителей — а что, а как?

А. С. *Ну да, что происходит...*

А. Л. А люди шикали. И мы пошли, мать тогда так и не поняла, в чем дело. И только когда мы добрались до дома, дедушка с бабушкой сказали: война. А когда мы уезжали поездом из города, перед нами ехал... некоторые вещи до сих пор не могу спокойно вспоминать... Я видел то, что дети не должны видеть. Перед нами разбомбили поезд с детьми, ехали дети из детских садилов, без родителей. А был приказ — не знаю, насколько

он глупый — поезд должен был останавливаться, и все выходили в степь, в голые украинские степи. Ну все и вышли. И их всех скосили пулеметом. Мы это видели. А мы чудом спаслись, потому что наш машинист, умный мужик — он не подчинился этому приказу. Прежде чем сбросить бомбу, самолет должен сделать круг и зайти с тыла. И вот когда он уже заходит с тыла, то видит цель и бросает бомбы. А перед этим останавливается. А по эшелону передали — не выходить, никому не выходить. И вот когда уже самолет заходил с тыла, поезд на бешеной скорости мчался вперед. И бомбы рвались черт знает где. Самолеты не могли нацелиться на нас. И вот мы доехали до какой-то станции, видел, как люди бросились... Помню, там были какие-то цветочки. Я видел то, что не должен был видеть. Все было залито кровью. И позже я тоже видел всякие ужасы войны. Поэтому у меня на старости лет уже нет каких-то тормозов. Тогда я многого не понимал. А с возрастом стал переживать. Я понял, что мы чудом остались живы благодаря этому машинисту.

А. С. И куда вы с родителями прибыли в эвакуацию?

А. Л. Есть за Астраханью степь. Неживая природа.

А. С. Прямо в голом поле где-то?

А. Л. Нет, там озеро Баскунчак, огромное соляное озеро. Которое описывал еще Дюма. Степь, как в Украине. И где-то почти на горизонте единственная гора. Не скалистая. Весной степь цветет, становится голубовато-серой, обычно там только полынь растет, а там росли тюльпаны. Я был сопляк, не мог, а все старшие ребята сами забирались на гору и приносили тюльпаны. Желтые, красные и белые. Дикие. И с тех пор тюльпаны — мои любимые цветы. Гора называлась Богдо, я много лет спустя прочитал, как все это описывал Дюма, видевший нечто похожее. Почему нас эвакуировали именно туда? Помог по своей линии мой дедушка, он был шахтер, горняк. Станция, где мы жили, называлась Баскунчак Нижний, а был еще Верхний Баскунчак, три-четыре километра от нас, рядышком, это громадная узловая станция, через которую все шло в Сталинград. Это же близко. Сорок второй год. Ужас, что там творилось, сколько наших ребят погибло. У меня до сих пор сохранилась ленточка. Один моряк мне подарил. Мать работала в госпитале в школе, а мест не хватало. И распределяли всех по домам. Помню, был рядом с нами один морячок, который и подарил мне эту ленточку. Помню еще, как людей привозили хоронить к нам. Молодые ребята. Этот ужас остался в памяти на всю жизнь.

А. С. Вы были совсем маленький, но слышали, что говорили родители. Про Сталинградскую битву. Там же шли бои какие!

А. Л. В моей памяти Сталинградская битва — это трупы и кровь в нашем поселке. Ни у кого не было уверенности, не знали, что еще может случиться. Представьте, Баскунчак был соляным озером общесоюзного

значения. Бомбы рвались и совсем рядом с нами. Как правило, ночью. Может быть, немцы путали какие-то объекты, должны были бомбить что-то другое, а бомбы падали к нам, рядом с нашим поселком. Слава Богу, тоже как-то пережили. Утром после бомбежек ребята, что постарше, рвались туда, куда падали бомбы, и всё уже знали. Мне запомнились еще и парашюты, их приносили ребята, срезали. Красивый голубой цвет.

Наверху, наверно, не было уверенности, не пойдут ли немцы дальше. И нас эвакуировали глубже. На Урал. Недалеко от Березников, на берегу Камы. Это тоже было связано с работой дедушки.

А. С. Пермский край.

А. Л. Я помню свои впечатления после Украины и после Баскунчака. Леса, дивные леса и река Кама. Добротные деревянные бревенчатые дома, на сваях. А мы сначала не поняли, почему на сваях — а вот, весна придет, нам говорят, увидите. Весной река Кама все это заливала. И это была настоящая Венеция. Люди в поселке плавали на лодках друг к другу. А все дома были на сваях. Помню гостеприимство местных, а мы были не единственными эвакуированными, там были люди и из других частей СССР. Я впервые там увидел людей более смуглых. Они отличались от тех, что я видел раньше — от русских, украинцев. Это не были славяне. Мне объясняли потом, что там были люди из Молдавии, много евреев было, с юга России.

А. С. И сколько времени были в эвакуации? Когда вернулись домой?

А. Л. О, это был очень долгий путь. Отец был на фронте, естественно, мать в госпитале работала. Хорошо помню еще, как нас перевезли в город Астрахань. Дедушку назад в Украину не могли вернуть, там еще шли бои. Его направили преподавать в техникуме соляной промышленности, эвакуированном из Ленинграда в Астрахань — ведь оттуда Баскунчак был недалеко. Большой город, мы жили в татарском районе, и первые впечатления — напротив нашего дома мечеть. И вот рано утром татары пели свои молитвы вместе с восходом солнца. А дети, с которыми я там общался, — в основном это были татарские дети. Я был поражен, как они переходили с языка на язык. Между собой и с родителями они общались на своем родном языке. А когда оставались с нами, переходили на чистейший русский. Я даже не почувствовал акцента.

Но запомнилось и другое. К матери пришли люди. Четыре-пять человек, взрослые. Оборванные, но веселые, шутят. Местные не шутили, жизнь была очень трудная, полуголодная. И говорили эти люди как-то не так, как-то странно, с сильным акцентом. Когда они уже ушли, я спросил мать, почему они говорят так, как маленькие дети, которые еще только учатся говорить. А это были взрослые, ровесники матери. Такова была моя первая встреча с поляками. Наверное, эвакуированными в 1939 году. Русский язык освоили только на бытовом уровне. А мне казалось: говорят как дети, подбирают слова.

Вообще было много ярких впечатлений — как я познавал Россию. Вот Россия уральская. Другие условия, обычаи, другая культура, другая кухня. Кстати, такого голода на Каме я не помню, потому что там была «картойя», как они говорили, своя картошка, и они пекли шанги — лепешки из картофеля, заворачивали — и в печь. И вот они, гостеприимные люди, нас, бедных, изголодавшихся эвакуированных, угощали этими шангами. Для меня это был как шоколад, который я много-много лет спустя впервые увидел и попробовал. Такое запоминается на всю жизнь. Конечно, ужас войны и туда доходил. По утрам периодически дикий нечеловеческий рев, крик, не знаю, как это можно назвать. И я спрашивал мать, что это такое? Похоронка пришла.

А. С. Похоронки приходили очень долго, на тех, кто погиб под Берлином, приходили, когда война уже закончилась.

А. Л. Вот так мы жили, и так я познавал Россию, многонациональную, поликультурную. В Астрахани мы жили в двухэтажном домике, помню двор и еще какую-то пристройку. Студенты жили там же, где были «аудитории», большие комнаты, где проходили занятия. И таким образом я познакомился с этими студентами, которые были разных национальностей, и они играли со мной, мальчонкой, я был любопытный, как все дети, и был там не единственный ребенок. Так что я через этих ребят познал людей разных национальностей с разных концов России, из разной социальной среды, что очень важно. Я с детства воспринимал свою страну как поликультурную. И воспитывался с уважением к любой национальности и религии. Знаете ведь, какая антицерковная пропаганда велась. А мои дореволюционной выучки дедушка с бабушкой учили — веру нужно уважать. Можешь сам не верить, но уважай. И у меня с ранних лет сложилось уважительное отношение и к христианам, и к мусульманам. Вот наступил период, когда вновь открывались церкви. 1943 год. На моих глазах открывали церкви в Астрахани. Я, как сейчас, помню: недалеко от нас была большая церковь в византийском стиле. И появились священники в своих одеяниях. И все детишки местные знали, подбегали — здравствуйте, батюшка! Для меня это была абсолютная новость. Конечно, из Запорожья я уезжал совсем сопляком, мало что помнил, а на Каме, где мы жили, не было никакой церкви, а если когда-то и была, то ее, конечно, закрыли. А тут вдруг батюшка, уважение детей к нему. Православная культура сохранилась. Интересно, что мусульманскую мечеть открыли раньше.

А. С. Кстати, меня удивило, что в Астрахани в 1943 г. была разрешена действующая мечеть.

А. Л. Может, была и не одна. Но та была напротив моего дома. И это было для меня столкновением с новой культурой. Я видел разные праздники, видел, как по утрам в мечеть шли мужчины с мальчиками, с ковриками под мышкой; женщины тоже шли, но отдельно, в другое время. Я стал по-

нимать, что есть различие между религиями, видел привязанность в детском возрасте к другой религии. Я еще православия не знал. И вот мое первое столкновение с православием произошло в Астрахани, потому что там недалеко от нас была вот эта византийская церковь, в которой вновь начались службы. И помню Пасху. Тогда я и узнал, что есть такой праздник. А ведь Библия долгое время была фактически под запретом. И я многое стал узнавать благодаря моей бабушке, она мне рассказывала то, что знала сама, давала элементарные сведения из Ветхого и Нового Завета. Помню, там была соседская девчонка двенадцатилетняя, которая тоже была просвещена родителями, вот она собрала нас, соплячков, и повела в церковь. Это было мое первое посещение церкви. Еще неосознанно. Я помню, как я прикладывался к иконе, целуя, потому что все, и дети, и эта девчонка делали то же самое. Помню эти первые распятия, иконы. Вот такими были мое первое посещение, приобщение к православной культуре. А война продолжалась...

И вот после прорыва блокады ленинградский техникум решено было вернуть в Ленинград, был специальный эшелон. Студенты, которые пока не подлежали призыву в силу возраста, допризывники. Дедушка был штатным преподавателем и поехал с техникумом. И мы с мамой — отец на фронте. Помню товарные вагоны, совсем не помню пассажирских, сплошь и на станциях только товарные, люди в товарных поездах. Одно из ярких впечатлений: на какой-то станции напротив нас остановился товарный поезд, говорили, что с заключенными, и вот из зарешеченного окошка без стекол на меня смотрит женщина совершенно необыкновенной красоты. Насколько я мог тогда еще разобраться в женской красоте.

Помню еще, в другом поезде везли платформы с койками, складными койками, прямо с завода, видимо. И вот цыгане, а я впервые тогда цыган увидел, залезли и начали сгружать эти койки. Я не понял, в чем дело, позвал мать, дедушку. Что они делают? Поезд стоит, а эти черные, черноволосые люди, оглядываясь... Они воруют! И на весь вагон подняли крик, шум. И я кричал. Прибежали солдаты, комендантские, но цыгане уже убежали. А мне все говорят — ты получишь орден, спас койки для наших солдат! И я очень долго ждал, когда до меня наконец доберется орден за то, что я спас койки для наших солдат. И так мы доехали до Ленинграда.

Но я хочу вспомнить еще одну сцену из астраханской жизни. Мы жили на берегу канала, протянутого от Волги. Я вышел со двора, зима, холодный ветер. И вот вижу — идет колонна солдат, я издали увидел, что у них другой цвет шинели, не наши серые, а какие-то болотные. Чем ближе они приближались, тем отчетливее я видел — худющие, сгорбленные, истощенные. Немцы. А по бокам колонны два наших солдата с винтовками, я помню уже по студенческим годам — это были винтовки Мосина с трехгранным штыком. И вот солдат, который шел ближе ко мне, у него все лицо было исковеркано, голова немножко набок, то есть, видимо, он уже не годился

для строевой службы. А это был, как я уже сказал, татарский район Астрахани, и на некотором расстоянии от нашей улицы был татарский базар. И вот по этой улице к Татарке шли наши русские люди, русские женщины, их было довольно много, они несли то, что могли продать — домашний квас и что-то еще. И вот они этих страшных немцев бросились угощать, а солдат их отбросил. Вот это русская черта. Немыслимо! Я помню, когда мы ехали из Запорожья, какой был первый мой сон, страшный сон, когда мы чудом уцелели. Мне приснился немецкий летчик, который сажает самолет. Поезд стоит, а он входит в наш вагон и начинает зверствовать. Совсем не детский сон. И вдруг вот это. Вот эти русские женщины и русское православное отношение к страшным врагам. А война-то еще шла, и пропаганда была какая... Тут для меня был урок — вот эти русские женщины, сколько они пережили. Их разгонял прикладом солдат с искаженным лицом, видимо, пережил фронт. Буквально отбрасывал их, потому что у него к немцам было свое отношение. А они тем не менее возвращались и снова... бежали назад и опять. Помню те жалкие улыбки голодных немцев, которые брали от наших женщин эти приношения — квас там, какие-то мелочи съедобные. Это был урок для меня, урок русскости и урок нормального отношения к людям разных национальностей, которое есть в Евангелии — помните послание апостола Павла?

А. С. При том, что Библию вы могли изучить только гораздо позже. Взрослым, глубоко зрелым человеком.

А. Л. Конечно. Библию на русском языке я смог обрести лишь через десятилетия. А тогда — со слов бабушки. Но важен также опыт. Непосредственное соприкосновение с детьми и их родителями разных национальностей, начиная с Астрахани, где у меня был непосредственный контакт с татарами.

Хочу еще что-то сказать о своем дедушке. Кстати, он был в Германии, видел ее своими глазами.

А. С. В Веймарской?

А. Л. Нет, задолго до революции. Совсем юнцом он участвовал в событиях 1905 г. Он из Донбасса. На склоне лет он мне рассказывал: мы никаких Лениных, Сталиных, большевиков не знали вообще. Были эсеры, конституционные демократы, кто-то еще. Там, где он участвовал в событиях, наверное, была какая-то совместная революционная организация, где были люди разных партий. Потом все это, конечно, раздавили войска. Все горняки, шахтеры знали, что полиция собирает сведения о том, кто был на баррикадах. Есть списки, по которым людей должны были арестовывать. И в этих списках был мой дедушка. Арестовали, конечно, многих, кто попался еще во время восстания. Он рассказывал: мы не знали, как все это было организовано, но тех, кого должны были арестовать, какими-то путями отправляли небольшими группами, по два-три человека, за границу,

по поддельным документам. Через Польшу. Я запомнил, он говорил: меня и еще одного довели до станции Сарны. Я потом интересовался у поляков, что это за станция была и где она.

А. С. Ровненская область теперешней Украины. Это близко к тогдашней австрийской границе.

А. Л. Я знаю только со слов деда. В те годы на границе Российской и Германской империй было нечто похожее на то, что мы видели в позднее советское время — приграничная торговля. Местные крестьяне, с обеих сторон, могли получить документы, позволявшие заезжать в другую страну, торговать там. И вот какой-то крестьянин, белорус или русский, не имеет значения, их вез, а сверху сено, невероятное количество сена, то есть они лежали на самом дне телеги под сеном, и так он их в этих Сарнах или где-то еще перевез на немецкую сторону. И вот он около года там жил, причем получил какие-то партийные деньги, минимум средств, которые давали эмигрантам, чтоб продержались какое-то время в немецком городишке. Те, кто был рядом с ним тогда, были, конечно, много старше его, он сопляк среди них. Кругом чужие. И вот он вспоминал потом, какая невероятная тоска по родине его охватила. А как возвращались. Опять-таки — это Россия. Родители пошли к полицмейстеру, в Донбассе. Когда мне было 16 лет и я получил паспорт, этот город назывался Сталино.

А. С. Теперешний Донецк. А в то время Юзовка.

А. Л. Да, а изначально Хьюзовка. Потому что организовал это поселение англичанин Хьюз, и первые шахты были — его. И вот родители дедушки пошли к этому юзовскому полицмейстеру. Причем им заранее было известно, какая сумма нужна. Полицмейстер выписывал заграничные паспорта. Можно было получить такой паспорт на имя дедушки и переслать нормальной почтой за границу. И дедушка, таким образом, мог легально, с паспортом вернуться.

Дедушка был человек необыкновенно сильный, физически крепкий, бабушка мне рассказывала, что к нему, мальчишке, пристали как-то двое пьяных шахтеров на какой-то праздник, и он их избил. Наверно, не случайно попал и на баррикады. А шахты были для него своей стихией с самых юных лет.

Хочу сказать здесь о том, что теперь называется социальный лифт. Дедушка был из простой семьи, так же, как и бабушка. И вот благодаря своему уму, настойчивости, тому, что есть у человека от Бога и от родителей, он сдает экзамены, проходит все конкурсы в Горное училище в Александровске, это теперешнее Запорожье. По советским временам это можно приравнять к техникуму. Но благодаря своим способностям он стал, как у нас сейчас говорят, делать карьеру, пусть не сразу. Несмотря на свое социальное происхождение и при отсутствии инженерного диплома он стал со временем работать на инженерной должности во французско-бельгийской компании.

Дедушка и бабушка часто вспоминали старый Донбасс. Там была масса иностранцев. Позже, в советское время большевики проредили Донбасс с точки зрения национальной. Исчезли, например, все китайцы. В некоторых городах и шахтерских поселках были бедные китайские пригороды. Так называемый Шанхай, там была нищета. Исчезли при советской власти болгары, греки, ближе к войне — немцы. Среди них было немало специалистов в компании, где работал дедушка. Так что это была такая, можно сказать, международная компания. Были и поляки — из Царства Польского, из русской части Польши. Я потом этим специально интересовался. Они приезжали в Донбасс на заработки, потому что там не было никаких ограничений, а в польских землях были русские чиновники, они чинили всяческие препятствия, чтобы поляки не дай Боже не занимали какие-то посты и вообще делали карьеру. Поэтому масса поляков училась в русских университетах, они делали в России карьеру и хорошо зарабатывали. Не буду уже перечислять, сколько их вошло в нашу живопись, архитектуру, научную жизнь и так далее. Были, конечно, там на шахтах и русские, и украинцы. Но я помню, как дедушка и бабушка всю жизнь вспоминали про свою крепкую дружбу с двумя поляками, работавшими в той компании.

А. С. Все это, наверно, как-то повлияло на ваш будущий интерес к Польше.

А. Л. Наверно, это как-то все наслаивается. И вот произошла война, которую в Польше никогда не называют польско-русской и даже редко польско-советской, ее называют польско-большевистской. С большевиками воевали, а не с русскими.

А. С. 1920 год.

А. Л. В конце концов Советская Россия подписала Рижский договор с Польшей.

А. С. В 1921 году.

А. Л. И вот поляки, жившие на территории вскоре образованного Советского Союза, получили возможность возвращаться на родину. И друзья моего дедушки уехали, естественно. Все понимали, с обеих сторон, что корреспонденция может чем-то грозить. И так оборвались связи. Если бы я знал, как сложится моя дальнейшая судьба... И знал хотя бы их фамилии. Тогда я мог бы кого-то поискать. Мои бабушка и дедушка до конца жизни вспоминали этих своих друзей, этих двух поляков.

А. С. И вот конец войны. Вы с дедушкой, с мамой приезжаете в Ленинград.

А. Л. Для меня приезд в этот город стал потрясением. Война еще не кончилась. Зима 1944–1945 года. Но как преподаватель в техникуме дедушка чувствовал себя не на своем месте, привык работать на шахтах, любил горное дело. И вот в конце 1946 года он получает предложение

от горного треста. Война закончилась, страну надо восстанавливать. И вот в Новгородской области, близко от Ленинграда, открыли бурый уголь и начали разрабатывать. С нищеты. Донбасс разрушен. Все начиналось заново. И мы поехали, как говорят у шахтеров, не на добычу, а на добычу бурого угля. Поехали в эту Новгородскую область, это был небольшой районный город Боровичи. Местные его называли Боровичи, приезжие Боровичи. Как в Белоруссии, там еще сохранились такие старые русские названия. Вы знаете, что такое, условно говоря, так называемый 101-й километр — от Москвы или от Ленинграда. Туда ссылали и в царские времена, и в советские.

А. С. Причем часто именно политических ссылали.

А. Л. Как правило, политических. Поэтому город был, условно выражаясь, интеллигентский, там была масса интеллигенции. И старой, а даже если и советской, то это были люди, воспитанные старой интеллигенцией, следующие поколения. А сколько было сослано после ленинградского 1934 года!

А. С. Убийства Кирова.

А. Л. Да. Так что там был интеллигентский язык. У нас в школе...

А. С. Про школу мы еще не говорили, Александр Владимирович, вы ведь в школе стали учиться в эвакуации еще, в Астрахани?

А. Л. В Астрахани. Но из-за того, что мы переезжали, я пропускал. В общем, я пошел второй раз в первый класс. И я помню дивный русский язык, интеллигентский русский язык, именно в петербургском варианте, не в московском, с которым я позже столкнулся, а в петербургском. И даже интонация была совсем другая.

А. С. А 9 мая 1945 года помните? Какие-то впечатления остались, ну вот война закончилась. Взрослые, может, как-то реагировали. Да и вы уже были постарше все-таки, 8 лет.

А. Л. Дедушка пошел по городу со мной пройтись, посмотреть, как все это выглядело теперь. Снимали чехлы с Исаакия, с Адмиралтейства. И мы просто смотрели, как выглядит город 9 мая. И помню еще другое. Несколько недель или месяцев спустя там был процесс преступников, немецких преступников, которых приговорили к повешению. И по городу пошел слух, что их будут вешать на площади около Зимнего.

А. С. Дворцовая. Правда, тогда она по-другому называлась.

А. Л. Я и мои сверстники, а нам по 8–9 лет было тогда, мы уже самостоятельно колесили по огромному городу. Не было тогда, как сейчас, чтобы над нами тряслись. И мы Бог знает куда заходили, заезжали. И вот такой слух. И мы несколько раз туда заезжали, никаких виселиц там не было, но народ всё толпится.

А. С. Ждали.

А. Л. Да, а мы ждали нетерпеливо. Мы возвращались к себе и снова ехали туда, и только потом в «Вечернем Ленинграде», была такая газета, было сообщение с описанием того, как их вздернули. Но мы, сопляки, этого не видели, и слава Богу.

А. С. *Это было в другом месте.*

А. Л. Нет, там все было!¹ Просто не объявлялось заранее. Может, и хорошо, что мы этого не видели. Помню только, что однажды должен был открыться и открылся Музей обороны Ленинграда, который потом, после знаменитого «ленинградского дела»...

А. С. *Закрыли.*

А. Л. Кузнецова расстреляли, помните, да?

А. С. *А. Кузнецова, Н. Вознесенского. 1949–1950 годы. Вся ленинградская партийная верхушка была устранена, и в Москве люди, с ними связанные².*

А. Л. И вот мы с бабушкой сразу, конечно, поехали посмотреть Музей обороны Ленинграда. Это было старое какое-то, дореволюционное здание, громадина, не знаю, что там было до этого и до революции.

А. С. *Так называемый Соляной городок на Фонтанке. Много чего было.*

А. Л. Во всяком случае, мы туда прошли. Стоял американский бомбардировщик внутри. Представляете, какие это пространства были? Танки стояли, свои и трофейные. Но прежде чем туда войти, надо было пробираться, там все было уставлено — подвозили технику, трофейную и нашу. Музей был открыт, но не заполнен. Я помню этот разговор моей бабушки с немцем. Бабушка моя из знаменитого села Хортица. Запорожье, казачество. И там, как она рассказывала, было две Хортицы. Кроме украинской была в паре километров еще немецкая.

А. С. *Немецкие колонисты жили там.*

А. Л. Меннониты, со времен Екатерины. Была такая протестантская секта, переселившаяся в Российскую империю. Причем в той колонии даже консул был немецкий до Первой мировой войны. Товары все были из Германии, немецкие лавки. Немецкий патер вел занятия в школе.

А. С. *И поэтому бабушка знала немецкий.*

¹ Судебный процесс, о котором идет речь, состоялся в конце декабря 1945-го — начале января 1946 г. в Выборгском дворце культуры в Ленинграде. Восемь человек, приговоренных к высшей мере наказания, были повешены на одной из площадей Выборгской стороны.

² Согласно одной из версий, бытующих в отечественной историографии, фабрикация «ленинградского дела» явилась следствием соперничества двух группировок в окружении Сталина — группы во главе с Л. Берией и Г. Маленковым и «ленинградской группы» А. Жданова, Н. Вознесенского и А. Кузнецова. Смерть Жданова в августе 1948 г. ослабила позиции «ленинградской группы», чем воспользовались их конкуренты при нанесении удара.

А. Л. Неплохо знала. Более просвещенные русские и украинцы отдавали своих детей в немецкую школу: пусть учатся, осваивают язык, обычаи, заводят знакомства. Это вполне разрешалось. И бабушка там освоила немецкий язык. Правда, потом, когда она позже столкнулась в жизни с немцами, она поняла, что в Хортице у меннонитов был своеобразный немецкий язык, не канонический, близок к голландскому. В немецких землях вообще большие региональные языковые различия. И вот мы пришли в музей обороны Ленинграда, и бабушка заговорила с пленным немцем, который работал там грузчиком, а немцев специально привезли туда — смотрите вот. Немцы разгружали, потом завозили всю эту трофейную технику в музей. И я помню, бабушка говорит — интеллигентное лицо, поэтому я подошла к нему. Я тогда не понимал, что такое интеллигентное лицо. Ну немец и немец.

А. С. *И она разговорилась с ним.*

А. Л. Да. Мол, ожидали ли вы, чем все это кончится для вас. И зачем вы сюда пришли. Говорила спокойно. И у него был интеллигентский ответ — мы надеялись на короткую память русского человека.

А. С. *Интересный ответ.*

А. Л. Вот. Я не случайно вспомнил наших баб, которые отдавали всё немцам, хотя наш солдат их прикладом за это бил. Потом мы уехали в этот дивный город Боровичи. Опять-таки там была масса людей разных национальностей. Сосланные. Особенно много было поляков. Я уже осознавал к тому времени Россию, причем воспринимал людей и моих друзей не по национальному признаку. Я помню, что в Боровичах не было антисемитизма, так называемого бытового, столь распространенного в России и в Украине, особенно Западной. Ну, о Западной мы не говорим, я ее хуже знаю.

А. С. *Это интересно, вот мы провели беседу с Л.Я. Гибианским, он человек вашего поколения, учился в московской школе, и вспоминал, как даже там проявлялся антисемитизм поздних сталинских лет.*

А. Л. В Москве да, тем более в то время. Бывало в крупных городах. Но в Боровичах я этого не видел. Интеллигентский городок. Помню, еще в Боровичах — мы отличали полек. Мы, сопляки, считали их самыми красивыми девчонками. Вот это я помню до сих пор, и я тоже был влюблен в одну польку. И еще у них экзотические для нас имена были — Данута, Божена, такие нетипичные для русского уха имена.

Мой опыт с ранних лет учил меня нетерпимости к любого рода ксенофобии. Несколько лет назад на конференции с участием поляков в РГГУ я общался с одной молодой якуткой. Закройте глаза — у нее язык русской интеллигентки. Я говорю не просто о богатстве языка, но о самом произношении. Я не удержался, спросил: откуда? Она — нам же ссыльные пре-

подавали. И тут же о своем больном начала говорить, так что у меня до сих пор стыд. Перед началом конференции выходит из метро «Университет», надо было куда-то пройти, плохо ориентируется, спрашивает встречного мужчину, а он покрыл ее матом по поводу ее, извините, морды и всего прочего, специфически якутского. И это рядом с метро «Университет»! Это на самом деле вопрос об отношении к другим нациям в России, которая хочет сохранить себя, при том, что она страна многонациональная. А что касается Боровичей, там только воробьев местные почему-то называли «жидами», пардон за это слово. Не было слова «воробей», жид и жид. Особенно среди простых людей это было. Но расскажу и о другом. Мы, ребята, возвращались как-то гурьбой после занятий в школе, идем через палисадник, за которым типичная деревянная оградка, смотрим — там «красный обоз»³ остановился. Недалеко приемный пункт был. Мешки заштопанные, крестьяне в старых шинелях, в ватниках, лошаденки худые, еще дождь морсит, они ждут, пока подойдет их очередь. Потом эти же крестьяне приезжали за хлебом.

А. С. Сильный голод был в 1946–1947 гг. А Голодомор в Украине в начале 30-х годов ваши родные когда-то вспоминали?

А. Л. Это тесно связано еще с вопросом национальной памяти. Кто-то вспоминает об этом, а кто-то нет. Вот мы вернулись в Украину. Не в Запорожье, туда мы больше не возвращались. Приехали в Донбасс. Мне тогда было 14 лет. 1951 год. И школу я кончал в Донбассе. Я в те годы подружился с молодой девчонкой, «щира» украинка. А там была и русская школа, в этом небольшом шахтерском поселке, и украинская, всё по правилам, хотя наш поселок был совсем маленький, можно было минут за 10–15 пройти, и в эти школы приходили дети не столько из поселка, сколько из близлежащих деревень. А радиус — повсюду украинские деревни. В те времена там еще сохранялся быт, язык, культура, нравы — традиционные украинские. И вот нужно было выбирать: кто хотел, ходил в украинскую школу, кто хотел — в русскую. Это не значит, что все украинцы ходили только в украинскую школу. Вот эта моя симпатия ходила в украинскую школу, она была очень умная девочка, ей было лет 17–18, постарше меня. Помню, что много времени проводили вместе. Сидели до глубокой ночи, до первых звезд, на скамеечке у ее дома. У нее был великолепный русский язык, такая интеллигентная девчонка была. И в определенный момент она мне говорит — знаешь, Сашка, давай я буду говорить по-украински, а ты по-русски, ты ж по-украински понимаешь. А к тому времени я ж недавно только приехал, я не знал еще украинский.

А. С. Ну, Донбасс — там наверно больше по-русски говорят.

³ Обоз для сдачи крестьянами хлеба по твердым ценам на государственные ссыпные пункты.

А. Л. Нет, не надо, там был суржик. Там русские украинизировались довольно быстро. А украинцы русифицировались, и был суржик. И она великолепно говорила без акцента по-русски, интеллигентная семья все-таки была, местные. Причем мать — простая селянка была, украинская крестьянка, красивая статная женщина, а я чувствовал, что нравлюсь ей больше других ухажеров дочери. А отец окончил институт или техникум, но он был ИТР — инженерно-технический работник. И при том, что у нее был изумительный русский язык, она ходила в украинскую школу. Не будем набрасывать на те времена нынешние представления о русофобии и шовинизме. Этого тогда не было в Донбассе. Донбасс — это, с одной стороны, шахты, а с другой, благодатная земля. И мы, дети, трудились на колхозных полях, в основном осенью, когда собирался урожай. А деревни-то были чисто украинские с сохранением украинской культуры. И вот она мне говорит — давай, ты уже понимаешь по-украински все. Она ведь внутренне, прежде чем сказать по-русски, переводила себя, свои мысли с украинского языка на русский. Вот так и продолжался этот наш украинско-русский диалог. Это было изумительно. И вот в определенный момент она начала мне что-то рассказывать. А ведь мы помним, какое было время: дети могли по глупости своей передать вслух, что они слышали от родителей, а что за это грозило в те времена, можете себе представить. Отсюда и то двоемыслие в Советском Союзе, о котором пишут сейчас ученые. И вот эта умная девчонка стала рассказывать мне о том, как возникла ее семья как раз в те годы. Знала со слов родителей. Говорила, как люди (а среди них была и ее мать) пытались выбраться из деревни, окруженной красноармейцами, и матери это удалось. И она добралась до того поселка, где они потом жили. А те, кто работал на производстве, как мой дедушка, они имели особые пункты снабжения, там Голодомора не было, среди рабочих его не было. Это уничтожалось украинское село, уничтожалось крестьянство таким образом.

А. С. *Вы считаете, что именно украинское крестьянство уничтожалось целенаправленно?*

А. Л. Не я считаю, об этом уже много написано.

А. С. *Идет дискуссия...*

А. Л. Какая дискуссия? Документы есть! Сам Никита [Хрущев] в своих воспоминаниях пишет — у меня руки по локоть в крови.

А. С. *Это так, но он об этом пишет не применительно к Голодомору, поскольку в тот конкретный период он вообще работал главным образом в Москве. Он говорит о временах, когда в бытность партийным секретарем (и в Москве, и в Украине) подписывал расстрельные списки. Я говорю тут не о том, что Голодомора в Украине не было, а о том, что в начале 1930-х, после такой коллективизации, люди умирали от голода и в Поволжье, и на Северном Кавказе — среди казачества, и в Казахстане, всюду.*

А. Л. Да, но почему говорят об украинском Голодоморе? В Украине он же воспринимался как все, что пришло извне, было принесено властью, которая пришла извне. Армия была русскоязычная, отсюда такое отношение к России. Хотя те же русские наверняка пропустили бы эту девчонку, как пропустили ее мать. И много таких было. Я видел в свое время потрясающий документальный фильм. Украинцы же ведь наводнили русские города — те, которые прорвались. Опухшие, ужас! Это все документировалось, не знаю, по линии КГБ ли, но это документировалось.

А. С. *Справки для Сталина писали, для Политбюро и так далее. Давали информацию.*

А. Л. Вот фильм, основанный на кинохронике. А сколько осталось литературных свидетельств! Так вот что мне говорила та девчонка. Мать пробралась, дошла до поселка, встретила отца, они полюбили друг друга и так возникла их семья. Я что-то знал уже о том времени, родители мне что-то говорили, сами многое пережили, были свидетелями всего этого. Но я уже был просвещен, и хорошо, что я себя сдержал. Такое, если она узнает, то пусть только от родителей должна знать. И дело тут не в том, что я из России недавно приехал и вообще мой родной язык русский. Такие вещи даже детям родители боялись рассказывать. Из опасений. Но кому-то рассказывали. Тому, кого знали, кто соответствующим образом был воспитан, кому верили, вот как эта девчонка мне. Были случаи, когда не боялись, что дитя проговорится. Вот это то, что могу сказать о Голодоморе. Я сказал уже о красном обозе; есть вещи, которые запоминаются на всю жизнь. Были социалистические романы, которые в то время в школе проходили, о селе, которое поднималось после войны. Но я-то видел этот красный обоз. И видел, как потом эти же крестьяне приходили за хлебом в город, потому что все было по карточкам. А по карточкам — это тоже голод, второй голод, который я пережил. Я пережил два голода. Голод военный, настоящий. И послевоенный. И помню, как отменили карточки, а они ведь в какой-то степени обеспечивали этот минимум, так называемый прожиточный минимум. Это я тоже помню. Холодно, голодно, ветер пронизывающий, мы идем с матерью по улице. Карточек уже нет, повезет — купишь, не повезет — нет. И до сих пор помню очередь перед магазином продовольственным за хлебом. И мы становимся в эту длиннющую очередь. И с этой очередью доходим с матерью уже до середины зала. Появляется директор магазина, а у нас надежда какая-то, мы уже внутри магазина, уже видим, как продавщица хлеб нарежает, взвешивает, это была норма, не сколько хочешь берешь, а норма на человека, и я вижу, как это режут, слюнки у меня текут. И тут он объявляет громогласно — хлеб кончается. То, что осталось, — только для членов партии. Вот это я запомнил. Вот это «равенство». Это уже не «пиво только для членов профсоюза» в «12 стульях».

Так вот, возвращаясь к антисемитизму. В Боровичах среди нас был такой мальчонка, еврей, такой маленький, ярко выраженный. И хотя, как я

сказал, антисемитизма у нас не было, а жидами называли только воробьев, но было нечто другое. Я невысок, наше поколение было менее высоким, чем последующие. Но в своем классе я был одним из самых высоких, физкультурой занимался, был спортивным и сильным парнем. Умел драться, постоять за себя. И я принадлежал к такой как бы аристократии внутри нашего класса. И вот мы о чем-то спорим, не помню, о чем, и этот мальчонка, Давид, до сих пор помню, имя было экзотическое для нас, вдруг встрял и что-то вставил свое, что не совпадало с мнением того, который держал речь, вот среди этой нашей «аристократии». И тот ему бросил — а ты, жи-денек, молчи. А мы были как раз у этого обоза, там сидел старый человек в серой залатанной шинели, худющий, и он: вот ты сказал на мальчика вот так, а у вас иконы в доме есть? А это город был еще дореволюционный, из русских бревен, частные дома бревенчатые, избы, и мы там снимали комнату в одном из таких домов. И всюду были иконы. Но иконы — это старшее поколение, я помню, что в доме видел иконы, не в Ленинграде, а именно там, в Боровичах. — «Ну есть, — говорит, — ну и что». — «А родители ходят в церковь?» — «Нет». Понятно, это ведь поколение первых комсомольцев. — «А дедушка с бабушкой ходят?» — «Ходят». — «Так вот, на иконах-то вы видите Мать Божью? Так она была еврейкой. А Иисус Христос, раз он ее сын, был евреем». Не знаю, кто был этот человек. Может, батюшка деревенский, простой крестьянский священник. А может быть, он был выслан, может, был городским и более просвещенным, но там я это впервые услышал. И ребята задумались — а как это, икона с евреем. Вот это я помню, это была для меня первая лекция такого необычного явления, как простонародный филосемитизм. Так что Россия — страна очень разнообразная была и есть. Кстати, на шахтах в Боровичах работали даже корейцы, привозили гастарбайтеров из Северной Кореи. Хотя об этом запрещалось говорить и писать.

А. С. А почему ваша семья решила переехать в Донбасс?

А. Л. Эти шахты бурого угля вообще мало производительны, это малокалорийный уголь. Думаю, что дедушке было неинтересно там работать. Помню, он сам говорил, что в перспективе эти шахты закроют. И вот тогда мы вернулись в Донбасс. Дедушка нашел какие-то знакомства, связи, и мы переехали.

А. С. 5 марта 1953 года умер Сталин. Вы были старшеклассником. Что-то помните?

А. Л. Это я помню. Так вот дедушка с бабушкой из Боровичей поехали на свою историческую родину в Донбасс, а мать с вернувшимся после войны отцом работали в городе Дзауджикау, потом это был Орджоникидзе, а уже после перестройки вернули старое царское название Владикавказ, хотя оно резало ухо осетинам. Я жил там недолго. Как-то не прижился с родителями и вернулся к бабушке с дедушкой в их шахтерский поселок.

Но смерть Сталина помню. Действительно, было впечатление, что умер Бог. Помню, как сейчас, что рано утром мы еще лежали, отец лежал, я лежал еще в постели, а мать встала раньше всех. И услышала по радио.

А. С. Хотя надо сказать, что перед этим «Правда» изо дня в день сообщала, что он тяжело болен. То есть в принципе ничего неожиданного не было.

А. Л. Это так. Но я помню, мать заплакала, когда услышала по радио рано утром. Конечно, она была человеком своего поколения. Во что-то она верила, во что-то нет, но...

А. С. Люди не знали, что будет дальше...

А. Л. Там все было смешано. С одной стороны, она кончала советскую школу, там, в Украине, в Горловке, дедушка работал тогда на шахте, так что она видела, как по-настоящему люди живут. Так что там была какая-то смесь. К тому же война — она очень укрепила наше чувство патриотизма, привязанности к родине, очень. У меня это до сих пор. Кстати, вот «дети войны» (то есть мое поколение) иначе относятся ко многому. Вспоминаю, когда призывали в армию, мне 18 лет, и я уже был острижен наголо и был номер эшелона, куда я должен был идти с повесткой. И вдруг в самый последний момент приходит открыточка, что я остаюсь до особого распоряжения. А в это время как раз дедушка с бабушкой выходили на пенсию и собирались ехать к моим родителям на постоянное место жительства, а родители жили тогда в Крыму, в Симферополе, работали в газете. И я помню — еду из своего поселка в райцентр, Артемовск, Бахмут сейчас называется. Там речка, называется Бахмутка. А Артемовском назвали в честь революционера позже, а сейчас прежнее название — Бахмут. И вот я еду в военкомат, до сих пор помню военкома — полковник Репин, я его прошу: возьмите меня в армию, переезжаем в Симферополь, лишние траты и билеты, а там ведь все равно призвуют. А он мне: ну пойми, парень, парубок, он говорил так по-украински, пойми, мы план уже выполнили.

А. С. Уже начались хрущевские реформы по сокращению численности вооруженных сил. Лишних не призывали.

А. Л. Возможно. 1955 год. Мы приезжаем в Симферополь, школу перед этим кончил в Донбассе, хочу сразу же устроиться на завод. Подумал: попробую просто познать жизнь, мои университеты. Не берут, говорят: мы тебя сегодня возьмем, а завтра тебя в армию призвуют. Тогда наше отношение к армии было другим, да и сама армия была другой. Тогда я прошу мать, а она ушлая была как журналистка: пойди к коменданту, поговори, чтобы меня взяли.

А. С. Вот я впервые слышу, чтобы кто-то упрашивал, чтобы его взяли в армию.

А. Л. Потому что вы — другое поколение. Я помню, вот в этих Боровичах был парень старше нас немножко, худющий, слабый. И вот он соорудил

дил себе турник, стал заниматься самостоятельно физкультурой, старался есть побольше, а что было тогда — только черный хлеб, картошка своя, с огорода. Чтоб как-то мускулы нарастить, боялся, что его в армию не возьмут. Другая психология была у ребят, переживших войну. У многих отцы не просто воевали, но не вернулись. В моей школе мало у кого были отцы, а в основном погибли. И было такое понятие — безотцовщина. Боже, как я жалею наших учительниц, потому что мы там такое выделявали, ведь отцов у большинства не было, отсюда и соответствующее поведение ребят. Нравы, обычаи и все прочее, мы были неуправляемы.

Короче, мать пошла и вернулась с тем же, с чем я вернулся от полковника Репина. Они тоже выполнили план. И, может, мне это пошло на пользу. С точки зрения познания жизни. Я поступил на авторемонтный завод, освоил специальность, рабочую среду я знал и раньше, по Донбассу. Как и крестьянскую среду. Мое поколение не знало слова «репетитор». По-моему, тогда этого не было и в Москве. Были другие представления. И другое воспитание — официальное, школьное, советское. Раз знаю больше — должен помогать. Я помню, ходил по селам, близлежащим, четыре-пять километров, и помогал своим однокашникам — русский язык и литература. И немецкий. У меня все очень легко шло. За этим стояли и воспитание, и интеллигентские Боровичи, и Ленинград. Я увлекался и историей. Массу книг читал, в том числе изданных до революции. Провинциальные библиотеки обладали богатейшим собранием дореволюционных изданий. Почему? — конфисковывали частные библиотеки. Я массу интересных вещей читал. И не в смысле антисоветских, просто иная интерпретация. То есть дореволюционные историки давали свою интерпретацию известных нам из школьных учебников событий. С точки зрения тогдашней веры, идеологии, как хотите. Конкретный пример. Беру в руки книгу, учебник для более старших классов. Там большой портрет Шамиля⁴ на всю страницу. И соответствующая интерпретация Шамиля и его движения. А для меня Шамиль и его время — это была прежде всего наша классическая литература: Толстой, Пушкин, Лермонтов. А я ведь недолго учился и в Северной Осетии, в нашем классе там было мало русских. Были осетины, грузины, ребята других народов. Горцы. Я был в их среде. Знал их отношение к Шамилю. К этому свободолюбивому движению. Мне разъясняли их обычаи. Я знал биографию Шамиля. Он был уважаем российскими властями, его сын окончил кадетский корпус...

А. С. Официальное отношение в СССР к Шамилю при Сталине менялось. Сначала он подавался властями и обслуживавшими их историками как герой, а через некоторое время как враг империи и британский либо турецкий шпион.

⁴ Шамиль (1797–1871) — предводитель кавказских горцев, лидер северокавказского национально-освободительного сопротивления, в 1834 г. признанный имамом Северокавказского имамата — теократического государства, в котором объединил горцев Западного Дагестана и Чечни. Национальный герой народов Северного Кавказа.

А. Л. Я к этому как раз подхожу. Беру через некоторое время в руки новый учебник, хочу что-то освежить в памяти. Листаю-листаю, портрета Шамиля нет и где-то кратко говорится, что он был турецкий агент. Изменились не просто оценки, а вся интерпретация. Тогда я понял, что историком становиться не хочу. Позже в этом решении укрепился. Тогдашний учебник истории для 10 класса. Ни больше ни меньше, академик Панкратова⁵. Я помню тот учебник до сих пор. И там написано, что такого-то дня в 1794 году Суворов взял восточную часть Варшавы⁶. Ну поставь ты эту точку! Нет — «и очень гуманно обошелся с жителями Праги». Это часть Варшавы.

А. С. Да, я понял, о какой Праге речь.

А. Л. А я еще в 4–5 классах читал в библиотеке дореволюционное издание для взрослых. Прошу библиотечаршу дать мне что-то о Суворове, и она дает. Помню до сих пор эту книгу. Твердая коленкоровая обложка голубого цвета с золотом. Откуда? Реквизировали частные библиотеки, а там была масса шикарных книг. Я прочитал эту монографию о Суворове, генералиссимусе, графе Рымникском, сопляком, хотя это был чуждый для меня стиль, никаких сказок. Но конкретное интересное изложение всех этих событий. И там было прямо написано, как он брал Прагу. Для меня это было еще одно раздвоение сознания. Уже тогда я знал о Костюшко, знал от родителей еще, а они, видимо, от этих поляков, друзей деда, про культ Костюшко. И знал что-то про советский культ его — революционер и борец за свободу, североамериканский генерал. Светоч в общем-то. И вот они с Суворовым оказываются по разные стороны. Вы ведь помните, что именно во время войны начинается реабилитация и прославление Суворова.

А. С. Орден Суворова ввели.

А. Л. И орден Кутузова. Более того, суворовские училища. Меня мать хотела отдать, кстати, в суворовское училище. Жизнь была бедная, а они там были...

А. С. На неплохом довольствии.

А. Л. И вот эта дореволюционная монография о Суворове. А Суворов и Кутузов для нас были светочи. Я до сих пор помню, как к нам в пионерлагерь приезжал какой-то деятель, музыкант что ли, военный. И у него рядом уже с советскими медалями, орденами был Георгиевский Крест. Уже можно было, ведь за боевые заслуги. И он мне объяснял, за что получил царский крест. И вот читаю про «пражскую резню» и про то, как один мой герой разбивает в пух и прах и берет в плен другого моего героя. Того, кто сражался за свободу. Костюшко. А против него Суворов. Два героя, и тот, и

⁵ Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) была влиятельным официальным историком в 1950-е годы. Академик АН СССР. Член ЦК КПСС в 1952–1957 гг. Главный редактор журнала «Вопросы истории» (1953–1957).

⁶ Речь идет о событиях польского восстания 1794 г. во главе с Тадеушем Костюшко.

другой мне близки. И то, и то я понимаю. Там слава России. А нас воспитывали в таком патриотическом духе, что вполне естественно. Тем более после такой войны. И другой герой, который хотел свободы для своей родины. И вот тут начинается вот эта трещина. С одной стороны, идеальный образ литературы, а с другой стороны — жизнь совсем не такая. И этот неоднозначный мой герой... Детское военное поколение...

Все это пошло и дальше. Отсюда и мое желание увидеть все своими глазами. А я многое уже видел в детстве. Мы жили в небольших городках. Я был близок к жизни, к простым людям. Я видел, как жили на самом деле и что думали; вот вспоминаю, как собралась компания простых людей, подвыпили, и слышу: «самые лучшие люди сейчас в лагерях и тюрьмах». А мы-то там под столами крутились. Мне восемь-девять лет было. И я спрашиваю бабушку, дедушку — а почему? А почему самые лучшие? А наша библиотека во время этих пертурбаций военных погибла, большая интеллигентская библиотека, и вот она как бы воссоздавалась заново теперь, в послевоенные времена. Помню, бабушка как раз купила, до сих пор храню, собрание сочинений Некрасова. И там эта знаменитая «Железная дорога», помните, да? И там было — дедушка говорит: «А по бокам-то всё косточки русские, Сашенька, знаешь ли ты?». Это была другая Россия. А из учебников истории знаем о том, что первая железная дорога была построена в России. А как оно было? И бабушка в таких случаях, а это был не единственный случай, когда люди вот так проговаривались о том, что творится, всегда говорила: «вырастешь, Саша, узнаешь». Короче говоря, я хотел как-то все по-своему упорядочить в голове: а какова настоящая жизнь? Стал прозревать. С каким интересом читал трилогию Горького. И фильм был замечательный Марка Донского, который, как я узнал потом, сыграл немалую роль в становлении итальянского неореализма⁷. Почему после школы я пошел работать на завод, а потом в районную газету? Хотел узнать жизнь. На заводе увидел рабочий класс. А потом и крестьянство.

Еще в школе в Донбассе я стал писать в районную газету. А потом и в Крыму. Статьи, стихи. Пришел в газету: дайте задание. Написал, потом еще раз. Им понравилось, как я пишу. Со временем взяли в штат. Ведь мало было профессиональных журналистов, журналистика как специализация факультетов только начиналась, а в основном в газетах, тем более районных, сидели люди, которые ранее работали по партийной линии или в типографиях. Не все владели пером. И вот я ездил по колхозам, совхозам, добирался попутками, через горы, писал для газеты. Глубинка, сёла, причем многие были насильно переселены в Крым. Татар выселили в конце войны⁸, а кем заселять? Пустота. И он тогда был полупустой. Когда я

⁷ Трилогия М. Горького «Детство», «В людях» и «Мои университеты» была экранизирована кинорежиссером М.С. Донским (1901–1981) в 1938–1940 гг.

⁸ Депортация из Крыма коренного крымско-татарского населения (главным образом в Узбекистан) была проведена органами НКВД в мае 1944 г. Официально она обосно-

пешком добирался через горы в какой-то там колхоз, совхоз как журналист уже, я проходил через эти пустые деревни. И возникал вопрос: почему они пустые? Ваше поколение уже не знает писателя П. Павленко.

А. С. В Крыму, кстати говоря, жил как раз после войны.

А. Л. Лауреат Сталинской премии был. За повесть «Счастье»⁹. Про то, как русские уже переселенцы осваивали Крым, неизвестный для них виноградник, нужно опять было сажать виноград, ухаживать. И как они там с лопатами наперевес, как с ружьями, шли, в таком воинском стиле — это мне запомнилось. Ими руководил, естественно, бывший фронтовик. А почему они там оказались, в книге не говорилось. А у меня возникал вопрос, у сопляка. Я не мог тогда дать на него ответа. Спустя много лет, оказавшись снова в тех местах, выяснял, что и как, почему.

Вернусь к Суворову. Я тогда прочитал, еще мальчишкой, «Дон Жуана» Байрона. Перевод был полный, в том числе и фрагменты, не вошедшие в поэму. И вот там было описание того, как Суворов брал Измаил¹⁰, со всеми этими прелестями, идущими со времен Средневековья. Это было на слуху всей Западной Европы. Это старый средневековый обычай. Я вам отдаю город на три дня, берите, он ваш.

А. С. Что хотите, то и делайте: воруйте, грабьте.

А. Л. И вот у Байрона живописные воспоминания. Но читая Байрона, я вспоминал эту монографию русских ученых, которые точно все это описали со всеми прелестями. Точку не поставили, в отличие от Панкратовой. Но дали соответствующую информацию и интерпретацию — да, это делалось ради интересов России. Они не врал. После этого я понял — никогда я в истории не пойду. После этих ранних детских впечатлений, стимулирующих мышление.

А. С. Некоторые люди вашей генерации, когда связанное со Сталиным стало приоткрываться, смотрели чуть иначе: мы знаем, как нам врал. А теперь мы хотим разобраться, а что было в реальности. Было и так. Но давайте поговорим о том, как вы решили поступить на филфак МГУ.

А. Л. Был 1957 год. Из Симферополя в Москву ехал автобусом, проблемы были с железнодорожными билетами в летнее время. Приезжаю, вижу: колоссальный конкурс — насколько я помню, 28 человек на место. Мечта у меня была поступить на романо-германское отделение, меня интересовали немецкая философия и немецкая литература. В школе у меня был неплохой немецкий язык, но потом большой перерыв, языком я не занимался, было не до этого, и поэтому я в конце концов решил сдать на русское

вывалась фактами участия крымских татар в коллаборационистских формированиях, сотрудничестве с оккупационными германскими властями.

⁹ Роман П.А. Павленко (1899–1951) «Счастье» был опубликован в 1947 г.

¹⁰ В 1790 г. во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

отделение — родной язык, любимая литература. И помню, что было пять экзаменов, из них у меня было две четверки. Это граница — могу пройти, могу не пройти. Приезжаю со Стромынки, где жили и абитуриенты, на Моховую — там тогда был филфак. Уже был вывешен список принятых на русское отделение, читаю — меня там нет... Особо разочарован я не был, что ж: возвращаюсь, теперь уже точно иду в армию. А к этому времени в военкомате обо мне вспомнили, собирались призвать, даже мать вызывали, когда я уже был в Москве, угрожали. К армии я был готов. Начал думать уже об обратной дороге. И машинально читаю дальше, а дальше — классическое отделение, латынь, греческий и прочие прелести, романо-германское я даже читать не стал. И в самом конце славянское отделение, и там вдруг увидел свою фамилию. Смешанные чувства. Я не был темным парнишкой, отнюдь. Но я, во-первых, не знал, что существует славянское отделение, а во-вторых, славянское у меня ассоциировалось почему-то с изучением древнеславянского языка и всех прочих вот этих прелестей древних языковых. Вот думаю пойти в деканат: что это? Без меня меня женили. Но узнаю, что в тот же день будет встреча абитуриентов с профессорско-преподавательским составом. В Коммунистической аудитории.

А. С. Там журфак сейчас.

А. Л. И вот, сидим мы, рабы Божьи, в этом громадном зале, и выступают преподаватели отдельных кафедр, и в самом конце, конечно же, представитель славянского отделения. Рассказывает — оказывается, это современные славянские страны, языки, культуры, литературы. И набирают каждый год на то или иное славянское направление. И в этом году — на польское. Я говорил уже о своих более ранних встречах с поляками. И кстати, когда мы вернулись в Донбасс, среди моих знакомых, соседей было много украинцев, но были и люди польского происхождения. Были и те, кто уже и языка польского не знал, но упорно писал пятый пункт — «поляк». Ведь Украина, даже Восточная, это территория, исторически тесно связанная с Польшей. Я задумался, стал вспоминать все, что знаю про Польшу. А я упомянул уже, что в Крыму успел поработать в районной газете. И вот, как было заведено еще со сталинских времен, пришла моя очередь сидеть всю ночь в типографии перед сдачей газеты в печать и вычитывать все, что было набрано: нет ли ошибок. Уже не ручной набор был, телетайпы, работали хорошенькие девчоночки. Мне не было скучно. И вот ночь на праздник 1-е мая, как сейчас помню. Отоспался потом дома, прихожу к обеду на работу, как положено. Редактор, милый человек — а он очень ценил меня, тогда еще совсем соплика, за владение пером (а он был непрофессиональный журналист), и причем совсем без зависти — заводит меня, своего любимчика, в кабинет, смотрит на меня внимательно и с какой-то настороженностью. Дает газету, тыкает пальцем — читай. А там вместо передовой статьи были первомайские лозунги — это все рассылалось из центра, из Москвы, что нужно было печатать на праздники. Читаю. Там должно

было быть: «Да здравствует нерушимая дружба между народами СССР и ПНР». А что там было? «НАрушимая дружба». Слава Богу, это уже времена хрущевские. Я сижу — рубашка навывпуск, модные узенькие брючки, современный парень. И я ему говорю — Павел Иванович, какой идиот это читает вообще, то есть никакого раскаяния у меня, но и у него злобы нет. Повторяю — другие времена. И он мне — ты знаешь, я тоже так думал, но мне позвонил второй секретарь райкома партии... А каждая газета — это же был орган райкома или, еще выше, обкома партии.

А. С. Я сам в студенческие годы, занимаясь попутно журналистикой, попал в похожую историю. Я был мальчиком на побегушках в газете «Известия» и однажды заметил дурацкую опечатку: вместо ЧССР набрали СССР. Исправили уже перед самой распечаткой номера. Хвалили меня. Это был год, когда у власти был Андропов, 1983-й.

А. Л. Короче, он мне только сказал: в следующий раз будь внимательнее. К чему я об этом вспомнил? Опять история, связанная с Польшей. И вот я поначалу хотел идти бунтовать, почему это вдруг меня перевели на славянское отделение, хотя я на русское подавал. Но услышал про Польшу — сижу и думаю. Я был начитанный парень. Это не значит, что пропадал только за книгами, нет. Нормальный был, драчливый, спортивный, любил все эти пионерские лагеря, походы и все прочее. То есть был компанейским парнем. Но очень много читал. И русскую классику, и зарубежную, в переводах. И однажды моя бабушка, из простой семьи, интеллигентка в первом поколении, из тех, кто сами себя сделали интеллигентами, увидела, что я читаю, и говорит мне: нельзя считать себя русским интеллигентом, если ты не прочел Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича. То есть это был своего рода канон чтения русской интеллигенции. И вот после этого я прочел всю эту польскую классику в переводе. Об отношении к Костюшко я уже говорил.

Короче, я подумал: что ж, мне это тоже интересно, буду заниматься Польшей, а одновременно ходить на те занятия, которые меня интересуют, а меня интересовала тогда и античная литература, и философия. Потом уже узнал — хотя польский язык был с первого курса, но литература, история только с третьего. Единая программа была для всех студентов славянских групп, независимо от языка. А кроме того, у нас была двойная специализация. Нас готовили и как русистов. А потому — история русского языка, фонетика русского языка и т. д.

Эпоха десталинизации. По общественным наукам новых учебников не было. Старые, сталинских времен. Но были новые курсы. Политэкономия. Нам преподавала моя землячка, из Украины, доцент Бондаренко. Красивая женщина, полна энтузиазма. Она нас гоняла так, как будто мы экономисты, а не филологи и вообще люди иного мышления. Учили политэкономия по источникам — «Капитал» Маркса. Хотя сопляки, первый курс. Я хотел заниматься не политэкономией, а тем, что мне было дей-

ствительно интересно. В том числе философией. А на другое ходил время от времени. Или вообще не ходил. Были и тройки, и двойки. Я был на плохом счету. А порядки еще сталинские. Заседания кафедры чуть не каждую неделю. Вызывали не раз, прорабатывали. Не помню, кто руководил тогда кафедрой.

А. С. Кажется, С.Б. Бернштейн¹¹.

А. Л. Знаю хорошо, что полонистикой руководила Елена Захаровна Цыбенко¹². А вы ведь знаете, что славистика в 1930-е годы была у нас уничтожена.

А. С. «Дело славистов» начала 1930-х¹³. И ленинградский академический институт славяноведения был в 1934 году закрыт.

А. Л. А потом власти опомнились и поняли, что слависты нужны. В 1943 году в МГУ стали изучать языки, вводить предметы. Преподавателей не было. Мало кто остался, в основном они были сосланы. Поэтому преподавали эмигранты, часто просто поляки, но они не имели специального научного образования, скажем так. И вот Елена Захаровна попала молоденькой девушкой, стала изучать Польшу, преподавать. Это был очень порядочный человек, но человек своего времени. И вот меня вызвали на кафедру, песочат. А у меня была уже психология сложившегося, взрослого человека, я зарабатывал на себя, причем в журналистике гонорары у меня были даже больше, чем зарплата, я подвижный, много бегал, писал, публиковался. Хотел всегда узнать — а как оно было на самом деле. И я не стоял таким поникшим, кающимся. И говорю: вот меня взяли на славянское отделение, в польскую группу. А где тут польская литература, где польская история? Я не пью, не гуляю, хотя на это есть время. Стал говорить, что вот на такие-то занятия приходится ходить самому факультативно, потому что в программе отделения их нет. А я ведь сидел в библиотеке. Хотел и философию освоить по книгам с надписью «только для научных библиотек». И литературоведение хотел узнать не на тогдашнем советском уровне. Я уже знал о Веселовском¹⁴, который был предан проклятию, творец

¹¹ Кафедру славянской филологии в это время возглавлял известный филолог-славист и балканист Самуил Борисович Бернштейн (1911–1997).

¹² Елена Захаровна Цыбенко (1923–2011) преподавала польскую литературу на филфаке МГУ с 1948 г. С 1972 г. профессор. Доктор филологических наук (1969).

¹³ Сфабрикованное в 1933–1934 гг. уголовное дело по обвинению в «контрреволюционной деятельности» против большого числа представителей гуманитарной интеллигенции Москвы и Ленинграда. Среди привлеченных по этому делу были выдающиеся ученые (историки, филологи, археологи, этнографы, искусствоведы) М.Н. Сперанский, В.Н. Перетц, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев, Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов, Г.А. Бонч-Осмоловский, П.Д. Барановский и др. Судьба их в дальнейшем сложилась по-разному. Организатор дела чекист Г. Люшков в 1938 г. бежал в Японию.

¹⁴ Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) — русский литературовед с мировым именем, один из основоположников сравнительно-исторического литературоведения.

исторической поэтики. И русских формалистов¹⁵ читал. Эти книги не были запрещены, они были вне программы, их не рекомендовали, но они были доступны в научной библиотеке. Конечно, я был не единственный, кто всем этим интересовался. Были ребята... И в том числе из молодых преподавателей. И вот слушают меня преподаватели. Среднее поколение, они особенно меня критиковали. Но после моих ответных обвинений это была уже какая-то взаимная экзекуция. И сидел старец, удивительно похожий на Толстого. И он всегда с такой симпатией на меня смотрел, и ни разу не выступил против меня. И я спросил потом в общежитии ребят постарше с этой же кафедры, кто это? Ну как же, это Илья Ильич! Внук!¹⁶

А. С. И.И. Толстой, отец Н.И. Толстого¹⁷. Он вернулся после войны из Югославии и преподавал на кафедре сербохорватский язык. У него многие наши югослависты учились. И потом вспоминали его добрым словом. И говорили о его влиянии.

А. Л. И вот как-то после очередной чистки мозгов он меня поймал, решил поговорить: откуда я, чем занимаюсь, что мне интересно. Видит: парень думающий, ершистый, который действительно хочет что-то знать. Но и Елена Захаровна ко мне относилась с симпатией. Возможно, это именно ее инициатива была взять меня в польскую группу — посмотрела мое личное дело, газетные публикации, которые были к нему приложены. А кроме того, там в основном девчонки были, а ей хотелось, чтоб в польской группе были и парни. Не в том дело, что я ей понравился, она знала, что я еще и занимался. И вот был у меня с ней откровенный разговор: хочу читать, изучать польскую литературу, но ведь нет ее сейчас в программе.

А. С. Не говоря уже о польской литературе XX-го века, которую вообще мало кто знал у нас.

А. Л. И вот я как-то откровенно сказал ей: Елена Захаровна, я уже внутренне для себя решил. Кончаю первый курс и перехожу на историю искусств, которая меня очень интересовала. Вообще у меня была мечта — я хотел учиться на архитектора, но в той глубинке, где я учился, не было ни черчения, ни нормальных уроков рисования. А без этого поступить было невозможно. Она всполошилась, стала переубеждать меня. И принесла мне список польской литературы для чтения. И научной литературы.

¹⁵ Речь идет о представителях «формальной школы», очень заметного явления в отечественном литературоведении, связанного с деятельностью Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), существовавшего в 1916–1925 гг. С ОПОЯЗОМ были связаны В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов, Р.О. Якобсон, Е.Д. Поливанов, Л.Я. Гинзбург, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский и др.

¹⁶ Илья Ильич Толстой (1897–1970), внук Л.Н. Толстого. Из морских офицеров. После гражданской войны — в эмиграции, главным образом в Югославии. После окончания Второй мировой войны семьи И.И. Толстого и его брата В.И. Толстого получили возможность вернуться на родину. Доцент филфака МГУ, филолог-югославист.

¹⁷ Толстой Никита Ильич (1923–1996) — лингвист-славист и фольклорист, глава научной школы. Академик АН СССР (1987), затем РАН.

Для третьего курса. Чтобы я уже начал читать, изучать. Она стремилась меня остановить. Я все стал честно осваивать. Делился с ней мнениями в частных беседах. Она что-то объясняла. Из программы третьего курса. И вот вернусь к разговору с Толстым в коридоре. Возможно, он мной заинтересовался потому, что я был для него нетипичный советский студент. Он вернулся из-за границы, привык к людям более свободно мыслящим, иным. Чем я еще мог заинтересовать этого старца, внука Толстого? Но я могу лишь догадываться.

А. С. Он был в то время не так уж стар, 60 лет.

А. Л. В моих тогдашних глазах старый. Наши встречи стали регулярными. В каких-то «окнах» для него. Он рассказывал много интересного. А я впитывал все это. У него была дивная русская речь, интеллигентская, дореволюционная. С интонациями специфическими. Он служил в знаменитом корпусе Капшеля¹⁸. Помните в фильме «Чапаев» сцену психической атаки? Это каппелевцы были. А меня интересовала военная история, как это было на самом деле. И он рассказывал действительно, как это было на самом деле. А не так, как писали в учебниках А.М. Панкратовой про Суворова, якобы гуманно обошедшегося с жителями восставшей Варшавы.

А. С. Ему было что вспомнить.

А. Л. Как с каппелевцами ушел в Манчжурию. Из Китая — в США. Там, кто хотел — оставался, а кто хотел — выбирал Европу. И он выбрал Югославию, потому что ближе к России.

А. С. Славянская страна...

А. Л. Православная Сербия! Он был очень православным, как и Никита Ильич, с которым я позднее много общался. Илья Ильич рассказывал и про русских в Югославии. До 1927 года и сами большевики называли произошедшее в октябре 1917-го переворотом, а не Великой Октябрьской революцией. Ведь многие не верили, что это долго продлится. И в эмиграции тоже только через десять лет советской власти поняли, что это надолго. И вера окончательно исчезла. А он с этой верой оставался в Югославии, и это было продолжение интеллигентской дореволюционной России, русской культуры, что очень важно, мышления, ментальности. Общение с ним многое давало. Открытый человек. Интеллигентный в старом понимании, еще дореволюционном, а не советском, когда в личном листке по учету кадров даже человек с неполным средним образованием мог писать, что он интеллигент, ведь у других не было и семилетки. Очень удачно Солженицын назвал советскую интеллигенцию «образованщиной». Великолечно! Кстати, и в польском языке нашли очень удачный аналог этого слова, когда переводили Солженицына. Тут нашли перевод, но в польский обиход,

¹⁸ Генерал В.О. Каппель (1883–1920) командовал Первым Волжским корпусом в армии Колчака, за которым закрепилось название «Каппелевский».

в польскую речь вошли и некоторые русизмы прямо в русском оригинале, без перевода. «Молчать, собаки!» или «Руки по швам!». Их использовали без перевода в Польше в адрес оппонентов в ходе каких-то дискуссий в польском Сейме постсоветских времен некоторые представители, скажем так, отнюдь не интеллигентского течения. Это проявление той специфической культуры, которая не только у нас, но и в Польше оставила свой след.

А. С. XX съезд в феврале 1956 года вы застали еще в Крыму. Помните реакцию в обществе на то, что Хрущев сказал о Сталине? Было дано распоряжение ознакомить с содержанием доклада о культе личности широкий круг людей на собраниях по всей стране.

А. Л. Были, были собрания. Я помню, это был шок. Шок! Потому что, с одной стороны, многое знал и видел, как живут люди. А с другой стороны, действовало внушение — и война, а в ней роль Сталина. Одно с другим механически сочеталось. Так что и для меня тоже был шок. Я помню, мы жили на Стромынке, первый курс, и там показывали старые фильмы, в том числе «Ленин в Октябре»¹⁹, и преобладающая часть зала аплодировала, когда на экране появлялся Сталин, потом всё это вырезали. Так что это была проблема моего поколения. Выход из сталинизма, а многие этого так и не преодолели.

А. С. Те, у кого родители были репрессированы, воспринимали, наверное, по-другому.

А. Л. У каждого свое. Познание реальной жизни влияло на мышление. Как мне бабушка говорила: «вырастешь, Саша, узнаешь». И я постепенно узнавал. Не только из литературы.

А. С. Возвращались люди из лагерей, это началось еще до XX-го съезда. Вы могли кого-то встречать.

А. Л. Я хочу вспомнить детство, оно у меня ассоциируется с типичным старым русским городом Боровичи, районным центром. Я говорил уже про деревянные избы, рубленые дома, участки, спасавшие людей от голода — картошка, капуста, свекла. Соседский дом. Муж погиб на войне. Девчонка моя ровесница, малообщительная. А мать ее общалась через забор с моей бабушкой, дедушкой. И к ним прописался инженер, которого выпустили, это еще было до 1953-го года. Выпускали и тогда некоторых. И Д.Ф. Марков²⁰ был среди них, наш будущий директор. Так вот, инженер. Худенький, через него все будто просвечивается. Серый цвет лица, какой-то потухший. А я тогда еще не понимал, что такое интеллигентное лицо, позже стал ассоциировать это с дореволюционными интеллигентами. Ему дали какую-то работу. Может, взяли его только за то, что он закончил до революции не-

¹⁹ Фильм режиссера М. Ромма (1937) с Б. Щукиным в главной роли.

²⁰ Литературовед-славист академик АН СССР (с 1984 г.) Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) был директором Института славяноведения и балканистики АН СССР в 1969–1987 гг. Прошел через репрессии в Харькове в 1937–1938 гг.

мецкий горный институт. Он в Германии учился. И он помогал девчонке, моей ровеснице, с немецким языком. И вот — через забор, бабушка копается в огороде, а я слышу ее разговор с матерью той девчонки: взяли опять. Ну кому он был нужен, потухший человек, былинка. Но помню и другое. Донбасс. 1955 год. Возвращались из заключения те, кто сотрудничал с гитлеровцами. Помню здоровенного парня, про таких говорят: бугай. С могучей шеей. Был полицаем. Таких показывали в кино. И вдруг возвращается. Со временем стали возвращаться и политические. Все эти впечатления наслаивались, существовал какой-то параллелизм. Официальное мышление, литературные впечатления и реальная жизнь. В Москве все это ощущалось не так и не в такой степени, а там, где я жил, можно было увидеть больше. Ближе к народной жизни, больше нужды, еще сохранялась простонародная русская культура. Отсюда и большее внутреннее раздвоение — между официальным и реальным. Вы «Кубанские казаки»²¹ смотрели?

А. С. *Сказка. А вы видели реальность и могли сравнить со сказкой.*

А. Л. Все это как раз было связано с постепенным, очень трудным и долгим преодолением того, что наслоилось и довлело в связи со сталинизмом. Это была проблема моего поколения. 1953-й год. Донбасс. Я помню, в школе над доской висел портрет Берии, а потом, когда его ликвидировали, нам сказали, чтобы в учебниках то ли литературы, то ли истории замалевали чернилами цитаты из Берии. Так что на глазах у нас исчезали лица и герои. И все это заставляло задуматься. И вот беседы с Ильей Ильичем этому помогали. В Крыму, когда я работал еще в газете и собирался в Москву, критиковали группировку — Молотов, Каганович...

А. С. *Июньский пленум 1957 года. Внутривнутрипартийная борьба Хрущева со своими политическими противниками. А до этого были события в Польше, в Венгрии 1956 года. Особенно после венгерских событий были молодежные кружки в МГУ, искали «правильный марксизм», хотели более демократического социализма. Было так называемое дело Краснопевцева²², 1957 год. Арестовали группу аспирантов и старшекурсников. Правда, это было за год до поступления, но что-то помните? Это обсуждалось в студенческой среде на Стромьнке?*

А. Л. Естественно. Я даже знал одного по общежитию, который был чуть старше, с исторического факультета, проходил по этому делу Краснопевцева, но его выпустили. Тоже такой потухший парень. Мне говорили: будь с ним осторожен, не болтай лишнего. Его же не просто так выпустили. В общежитии все это обсуждалось. А порядки были не либеральные, хотя Сталина уже не было. Деканом на филфаке был Р.М. Самарин. Он начал

²¹ Фильм режиссера И. Пырьева (1949).

²² Лев Николаевич Краснопевцев (1930–2021) — историк, диссидент, глава подпольного кружка независимых марксистов (1956–1957). Политзаключенный (1957–1967). После освобождения работал на заводе, с 1985 г. занимался историко-музейными проектами.

делать карьеру после 1937-го года и продолжал в те времена, когда я уже учился. А уровень культуры! Он гонялся за девчонками с нашего курса, как я сейчас помню, которые приходили в брюках. Там курилка была на лестничной площадке на моем этаже, мы там кучковались, а он их и оттуда выуживал. Они прятались, говорили: заслоните меня. Господи, Боже мой...

А. С. Как будто других проблем не было у декана.

А. Л. Такая атмосфера проецировалась на жизнь факультета.

А. С. При том, что были разные профессора.

А. Л. Я сказал об Илье Ильиче. Елена Захаровна была верующей коммунисткой, но это был порядочный человек. Порядочные люди были везде. Вот мой редактор — пожалуйста, вот этот пример: «нарушимая дружба с народом ПНР», ему звонит секретарь райкома, он ничего, он со мной вместе усмехается, говорит только — будь осторожен.

А. С. Вы на славянском отделении изучали польский язык. А интерес был к происходящему в Польше? 1956 год, Гомулка²³, еще пару лет назад находившийся под арестом, приходит к власти. Польский Октябрь, поляки требуют более независимого от Москвы социализма, тысячи людей на улицах. Это все как-то обсуждалось?

А. Л. Вы же понимаете, что это факультет в основном женский, по-моему, таковым он и остается традиционно. В группе я был единственный парень. Не могу сказать, что моих девчонок это сильно интересовало. Но помню, что в журнале «Польша», который выходил на русском языке, был подробный отчет о съезде Союза польских писателей. А там звучали мнения, однозначно не совпадающие с тем, что у нас писалось о сталинизме и современной культурной политике. Я помню: взял и был ошеломлен, когда прочел, а имена большинства современных польских писателей, которые там были упомянуты, мне были ранее неизвестны, у нас их не переводили. И потом я хотел еще раз запечатлеть это в памяти, запомнить имена и эти смелые выступления. А мне всё говорили — журнал на руках, он на руках, и я понял, что журнал этот, видимо, убрали в спецхран.

А. С. Некоторые ребята вашего года рождения, призванные в армию, попали в Венгрию и стали там осенью 1956-го свидетелями бурных событий.

А. Л. Я тогда жил в шахтерском поселке. Венгерские события как-то прошли мимо меня и моего поколения, в моем кругу не обсуждались. Помню только... был популярен джаз Лаци Олаха, и я помню, как были разговоры о том, что они в Венгрию не могут вернуться. А вообще у нас мало что было известно о тех событиях.

²³ Владислав Гомулка (*Władysław Gomułka*) (1905–1982) — деятель польского коммунистического движения. В 1943–1948 гг. лидер Польской рабочей партии, обвинен в «правонационалистическом уклонизме», в 1951–1954 гг. находился под арестом. Вернулся к власти на волне общественного подъема 1956 г. В 1956–1970 гг. первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

А. С. Как показывает «дело Краснопевцева» и некоторые другие аналогичные дела, венгерские события не совсем прошли мимо нашей студенческой молодежи. Был ряд случаев в Москве и Ленинграде, когда людей сажали за распространение листовок в защиту венгров. А вот начавшееся в 1955 году сближение с Югославией, с режимом Тито, который волею Сталина был отлучен от коммунистического движения. Все-таки вы учились на славянской кафедре. Это как-то обсуждалось? Несколько лет в советских газетах Тито называли не иначе как «цепной пес империализма». И вдруг все в одночасье изменилось: «дорогой товарищ Тито — ты теперь нам друг и брат».

А. Л. Это все я помню очень хорошо. Еще в Крыму. Входит в трамвай какой-то джентльмен, потасканный, полурванный, с красным носом и громогласно: «Дорогой товарищ Тито, ты нам снова друг и брат, рассказал нам все Никита, ты ни в чем не виноват! Товарищи, подайте на укрепление югославско-советской дружбы».

А. С. Примерно так оно и было.

А. Л. Великолепно! А самого Тито я помню, когда еще сопляком был, в продовольственном магазине в нашем, еще в Боровичах, плакат — такая большая карикатура была, как разные подонки цепляются за дядю Сэма. И среди них был, конечно же, и Тито, который цеплялся за этого дядю Сэма.

А. С. Это начало антиюгославской кампании. 1948-й год. И последующие годы.

А. Л. А потом вдруг все изменилось. Этот пьянчужка, сразу, сразу.

А. С. Хотя на самом деле отношения с Югославией были неровные. Летом 1956 года Тито к нам приезжал, его с почетом приняли, но потом, после венгерских событий, с ним снова осложнились отношения. Его снова начали ругать. Конечно, послабее, чем раньше. Уже не «цепной пес», конечно, был товарищ Тито, а обыкновенный ревизионист.

А. Л. Но мне запомнилось конкретно именно вот это. Сначала — враг Советского Союза, подонок, цепляющийся за дядю Сэма, и потом вот этот пьянчужка, который на фоне новых, только что вышедших публикаций призывает с Тито брататься. Русский народ откликнулся. Но на филфаке среди девчонок мы это всё не слишком-то обсуждали, по правде говоря. В отличие, видимо, от историков.

А. С. Вообще, как показывают и документы, и воспоминания, 1956 год в студенческой среде МГУ был довольно бурным, много обсуждений. Но венгерские события напугали нашу власть. В декабре 1956-го принимается партийное постановление «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». И более частное: «Об очищении вузов от нездоровых элементов». И вот после этого берутся и за Краснопевцева и всю компанию, и за многих других.

А. Л. Я поступил уже в 1957 году, но помню: когда эта моя землячка в Коммунистической аудитории провозглашала превосходство социалистической экономики, то аудитория смеялась громко, заглушая ее. Так что все это было. Конечно, многие вели себя тихо. Но ведь среди нас были люди, которые прошли армию. Они больше понимали... И провинциалы, которые видели, как по-настоящему живет Россия, Советский Союз.

А. С. *Видели разницу между пропагандой и реальями.*

А. Л. Конечно.

А. С. *Давайте теперь поговорим о том, почему и как вас направили продолжать обучение в Польше.*

А. Л. Широчайший коридор на Моховой, по которому можно на велосипеде ездить, я бегу в 8 или в 8:30 — начало первой лекции. И упираюсь в чей-то живот, грудь, поднимаю глаза — Илья Ильич, а он высоченный был, действительно гвардеец. Приблизительно такого же роста, как Никита Ильич. Я среднего роста, поднимаю глаза, он так ласково улыбается — вы, конечно, спешите. — Ну, естественно, Илья Ильич, в 8 начало. — И, конечно же, на свои занятия, — подчеркивает: свои, не наши, курсовые. — Извините (прекрасный русский язык звучит), я вас задержу буквально на мгновение. Вчера состоялось заседание профессуры нашего факультета, и на основании подписанного соглашения с Польшей поляки присылают своих студентов, а мы должны выделить своих. Единственный человек, которого я вижу, — это вы. Ну вы же понимаете... с вашим посещением занятий, с вашими двойками, тройками мне трудно вас рекомендовать. Так что подумайте!.. Я и подумал. Почему не получить все из первых рук там. А не здесь, в соответствующей политической, идеологической реинтерпретации. Увидеть своими глазами страну, ее культуру, изучить их историю, понять, что там происходит.

А. С. *И решили исправить плохие отметки.*

А. Л. Как бы вам сказать. Больше значение имеет устремленность, особенно в те годы. Я помню это все свежо и непосредственно. Конец семестра, первого семестра. Я начинаю все сдавать на пятерки. Ну, память, естественно, и стремление. Чтобы дать аргументы Илье Ильичу.

А. С. *Все-таки он за вас поручился, вы не должны были подвести его.*

А. Л. Я помню до сих пор целые очереди перед каждым экзаменом или зачетом, пускали там по одному-два человека. Очереди, когда я сдавал. То есть мне иногда не хотели ставить... Но я на все вопросы отвечал. Ну не могли засадить и всё. Они упрямые, но и я упрямый. До сих пор помню, я сдаю один из самых нелюбимых моих предметов — Введение в языкознание. Нечистый или наоборот очень чистый, черт или ангел, надоумил меня прочесть примечания, какое-то правило или закономерность, совсем маргинальную, я прочел и запомнил, я запоминал все, как фотоаппарат.

И очень милая, приятная дама как раз принимала этот экзамен, которая тоже имела на меня зуб, она не была злой, просто очень редко меня видела. А тут я на все отвечаю. И в конце, а меня спрашивали до 40–45 минут, поэтому толпы собирались каждый раз за дверью, — она мне задала вопрос, связанный с этим примечанием. Когда я ей ответил слово в слово, что там было написано, она рассмеялась. И поставила мне пятерку с чистой совестью. И со смехом. Это было очень знаменательно. Вот так! Жаловались на него, нигде его нет, двойки, тройки, а тут пятерка.

А. С. И в результате вы оказались в числе тех, кто получил возможность поехать учиться дальше в Польшу.

А. Л. Числа не было, я был единственный. 1958 год. После первого курса. Помню, меня таскали по разным комиссиям. Партбюро факультета. Со мной пошла Елена Захаровна. Она партийная, возглавляла парторганизацию кафедры. А люди там сидели недоброжелательные ко мне. Особенно Н.М. Шанский, он потом стал достаточно известным специалистом по современному русскому языку, так он терпеть меня не мог, а я его. На занятиях я действительно редко попадался ему на глаза. Но его вообще студенты не любили. Он был упорен в своей нелюбви ко мне. Другие же меня просто не знали. Меня попросили выйти. Через некоторое время зазвали. Вопрос был решен положительно.

А. С. И так поехали в Польшу.

А. Л. Еще полгода учусь, получаю повышенную стипендию. Это имело для меня большое значение. Ведь я принципиально не принимал никакой помощи от родителей, от бабушки с дедушкой тем более, у которых душа болела — как он там. 220 рублей, что ли, обычная стипендия в то время была. А то вдруг сразу 360 или 380. По тем временам это были деньги. Так что даже в этом отношении я почувствовал некоторое облегчение. И вот приезжаю в Польшу. Во-первых, вообще первый раз за границей...

А. С. Совсем другая страна, другой мир, конечно.

А. Л. А кроме того — там все бурлит. Особенно в студенческой среде, в молодежной.

А. С. Все эти «клубы Кривого колеса»²⁴.

А. Л. Вы это знаете как историк. А для меня это живое. Признаюсь, поначалу было очень трудно. С одной стороны, нормальные ребята вокруг. Общение более или менее оживленное. Я был нормальным парнем, ходил на танцы. Но ведь ты из другой страны, ты чужой, а кроме того, во мне еще

²⁴ Варшавский клуб реформаторски настроенной интеллигенции. Существовал в 1955–1962 гг. Запрещен решением властей в условиях начавшегося внутривнутриполитического ужесточения. Сыграл большую роль в зарождении и формировании политической оппозиции в ПНР. См.: Волобуев В.В. «Клуб кривого колеса» в общественно-культурной жизни Польши // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е — 60-е гг. XX в. М., 2011. С. 724–743.

было что-то, связанное с этим внутренним раздвоением, о котором я сказал и благодаря которому я, кстати говоря, стал глубже понимать русскую литературу. У Пушкина есть изумительное высказывание о том, что я могу, конечно, презирать мое отечество с головы до пят, но мне неприятно, когда об этом говорит иностранец. Это понятно психологически. У меня было такое же состояние. Мне тоже было неприятно, когда говорили много плохого о моей стране. Пусть справедливо.

А. С. Польский язык вы начали учить еще в Москве. Но одно дело учить язык дома, и другое — живое общение с носителями этого языка.

А. Л. Фактически я изучал язык в университете только один год. А я не человек, который приспособлен что-то заучивать, тем более что-то зубрить. Это касалось и языка. У меня была удивительная преподавательница польского языка на первом курсе, и она знала этот мой живой ум... Адель Соломоновна Посвянская. Она сама была из Восточной Польши, той, что вошла в состав СССР в 1939 году. Я помню, как мы работали. Спрашивает: как «полотенце» по-польски, такие обычные слова, но я не знаю. — Хорошо, а как по-польски «рука»? — Ну, ręka (ренка). — «Полотенце» от «руки»? — «Рушник». — А у поляков? Подобное происхождение. — Ręcznik (ренчник), — это я уже говорю, я ей так отвечаю. Зная украинский к тому времени, я приучал себя учить польский через украинский, но не зубрил ничего. И поэтому, когда я приехал, я сразу стал конспектировать лекции, ни в коем случае не переводя себя, только на польском. И часто у меня получалось, что транскрипция у меня была польско-украинская, пока все не устаканилось. Но через польский. А тут в Польше живой язык, постоянное общение. Я овладел языком быстро. Я не единственный, конечно, был студент, приехавший в это время из СССР. Были и из других вузов. И старались кучковаться вместе. Я же сразу попросил, чтобы меня поселили с поляками.

А. С. Расскажите о Варшавском университете того времени. Насколько я знаю, в польских университетах в эпоху коммунизма удалось сохранить некоторую автономию, работала старая профессура, не все были удалены.

А. Л. Разница с Советским Союзом, конечно, была. Сколько лет у нас прошло начиная с 1917 года и как вбивалось все? Сколько людей мы потеряли за эти десятилетия... В Польше было иначе. Преследования коммунистами оппонентов и прочие прелести начались с 1946 года, а в отношении гуманитарных наук, литературы, искусства, вот это вот насаждение примитивного соцреализма только с 1949-го, когда на советский манер стали перестраивать всю систему культуры. Но это длилось не более пяти лет. Старых профессоров поначалу удалили. Их не ставили к стенке, как у нас, даже почти не арестовывали, они печатались даже в отдельных научных изданиях, но они не имели права работать в системе высшего образования,

их не допускали общаться с молодежью. А книги их, собственно говоря, и не запрещались, когда сами профессора не могли преподавать. Книги были доступны, их можно было читать в университетских библиотеках. У нас такого не было. А потом старых профессоров вернули. Я попал в Варшавский университет в удивительное, прекрасное время, когда туда возвращались старые профессора. И это было время расцвета Варшавского университета. И не только Варшавского, но и других. Старая культура была жива.

А. С. *Какой была программа на филфаке Варшавского университета?*

А. Л. Первой книгой, которую я побежал искать, была *Quo vadis* — «Камо грядеши», произведение первого польского лауреата Нобелевской премии Г. Сенкевича, которое я знал вот, как Библию, тоже по рассказам бабушки. Ее выдавливали из советских библиотек в периоды антирелигиозных кампаний. Не просто помещали в спецхраны, ее издания даже уничтожали в провинциальных библиотеках. Но в 1957 году она была уже в открытом доступе в библиотеке Горького в МГУ. Я сразу же записался на нее. Но не получил.

А. С. *Много желающих было с ней ознакомиться. А ведь переизданий в советское время не было.*

А. Л. И вот я купил дешевое двухтомное издание. Помню, что там были примечания для современных читателей, для учеников. Там ведь масса понятий и терминов, связанных со временами античности и распространения христианства в первые века нашей эры, что мне тоже очень помогало в понимании. Я помню, что я приходил где-то в четыре часа в общежитие, отдыхал после занятий. Я ложился, рядом на одеяле лежал словарь польско-русский, и в руках книга. И я вначале чуть ли не на каждой странице лез в словарь, и меня внутренне это страшно раздражало, потому что я нарушал цельность восприятия. Но тем не менее я лез. И вдруг я помню, где-то к середине второго тома я откладываю книгу, на перерыв, чтобы что-то выпить, съесть, и вдруг смотрю — я ни разу не открывал словарь.

А. С. *Все поняли без словаря.*

А. Л. Вот так вот. Вживую. Это был *Quo vadis*. Единственное в жизни, что я зазубрил — это таблица умножения. Всё. Мне важно было что-то понять, схватить, а дальше я уже психологически не мог зубрить. Забегу немного вперед. Когда мне по окончании университета предложили в Москве поступать в аспирантуру и был экзамен по польской литературе, я начал готовиться и чувствовал, что плаваю. Привык к польскому языку, уже и думал по-польски, русский почти не слышал, только когда в посольство ходил. А тут получается какой-то дикий корявый русский язык с польскими словами вперемешку. И я попросил комиссию во главе с Еленой Захаровной разрешить мне перейти на польский. Экзаменаторы все знали польский — в большей или меньшей степени. Мне разрешили. И это была песня.

Нам давали в университете такие, как я это называл, «простыни». На нескольких листах список художественной литературы, которую мы должны были прочитать. Это была в основном второстепенная литература, не классика, которую поляки знали еще по школе, по гимназии. Но это была та литература, без которой классики бы не было. Я все это прочел, и даже больше этой простыни. Поляки иногда даже смеялись. Когда экзамены, зачеты, спрашивали содержание, а некоторые студенты не знали, им говорили — иди к Липатову, он расскажет. Когда я приехал, мне предложили пойти на первый курс, ведь разница в программах большая. Но это не соответствовало моей психологии. Возвращаться назад? Я пошел на второй курс, но досадал, что было нужно, по программе первого. Помню еще, как изучали философию.

А. С. *В Польше и в это время работали крупные философы.*

А. Л. Сейчас вы скажете: Колаковский²⁵.

А. С. *Я имел в виду не только марксистов. Но был и Колаковский, крупный неортодоксальный марксист, считавшийся у нас ревизионистом.*

А. Л. Колаковский читал нам лекции. Конечно, и в российской традиции марксизм не сводился только к Ленину и большевизму. Был Плеханов, который вовремя умер в 1918-м. Он клял и гонял Владимира Ильича еще в эмиграции: какой тот марксист. Но кстати, у нас в советское время иногда даже и К. Каутского переводили, издавали, я видел дешевые издания его книг и в Донбассе. И Розу Люксембург издавали. Мне запомнилась ее фраза: «Зверь хлебнул крови, и теперь он не остановится». Это она по поводу Октябрьской революции и гражданской войны, которую вызвала Октябрьская революция.

А. С. *Ну ее можно было издавать уже потому, что она воспринималась как жертва контрреволюции. Ее ведь убили в 1919 году.*

А. Л. Но я хочу сказать не о ней и не о Колаковском, а о том, как воспринимался в Польше марксизм-ленинизм, идущий из Советского Союза. Вот экзамен по философии. Коридорчик, несколько дверей. Ребята думают: ну Липатов приехал из России, он, конечно, предпочтет марксизм сдавать. Ему это легче. Конечно, легче. Но я-то ведь интересовался не только этим. Но и Средневековьем, и христианской философией, теологией, многим другим. Изучал это по польским книгам. Вот трехтомник Татаркевича²⁶ по истории философии, запрещенный в период сталинизма, до сих пор храню.

²⁵ Лешек Колаковский (*Leszek Kołakowski*) (1927–2009) — польский философ, неортодоксальный марксист. После эмиграции из страны в 1968 г. поддерживал связи (особенно в 1980-е годы) с польской оппозицией, а после 1989 г. активно участвовал в общественной жизни Польши.

²⁶ Владислав Татаркевич (*Władysław Tatarkiewicz*) (1886–1980) — польский философ и историк философии, видный представитель европейски известной львовско-варшавской школы в логическом позитивизме.

А. С. В Польше могли уже тогда читать в библиотеке книги, к которым у нас не было доступа.

А. Л. Не только в библиотеках. Я ходил на занятия, лекции Татаркевича. Я изучал это и шел сдавать, что — ждете, что не сумею? Что знаю только марксистов? Нет, отбарабаню на экзамене и это. Выхожу с экзамена, ребята: ну что? Провалился? По-польски это «obłac». Я говорю — пять! Зауважали. Как и некоторые преподаватели — я стал для них своего рода экспонатом, что я вот это знаю и этим интересуюсь. Наверно, многое идет от домашнего воспитания, от того, что во мне изначально было привито уважение к другим нациям, культурам, религиям.

А. С. Да, а ведь вы попали в католическую страну. Окунулись совсем в другой мир. Костелы.

А. Л. Вопрос опять же в уважении к другой вере, другой культуре. Ты с этим не согласен, у тебя другие представления, но уважай. Постарайся понять их взгляд на мир, на человеческие отношения. Даже если ты вообще не воцерковленный. Это касается не только веры. Вы помните, с чего мы начали? Вы сказали «на Украине», а я вас поправил — «в Украине», вот в этом проявилось мое уважение. Хотя в самой Украине было и «в», и «на». Я помню первое стихотворение, которое я прочел на украинском языке, вы себе представить не можете, это был 4 или 5 класс. Заигрывала власть с Украиной после войны или нет, не знаю. Но в учебнике, который назывался «Родная речь» — вы это уже не застали, это был учебник по литературе и языку одновременно — и вот там было помещено стихотворение Шевченко на украинском языке. «Заповіт» — «Завещание».

*Як умру, то поховайте
Мене на могилі
Серед степу широкого
На Вкраїні милій...*

То есть и в украинской традиции в принципе допустимо «на». В свое время, когда у нас, при всех трениях, были нормальные отношения с Украиной, я разговорился на эту тему с украинскими коллегами. На конференции по барокко. А ведь наше барокко пришло из украинских земель. Мне объяснили: «в» надо говорить, когда речь идет о конкретном городе, государстве. А «на» — это вообще пространство с неопределенными границами. Я согласился, стал себя сам поправлять и приучать, и в меня это вошло. Если речь идет о государстве — то только «в Украине». Я обычно не слушаю политические речи, но как-то, еще до 2014 года, включаю радио и там наш российский лидер говорит «в Украине», видимо, есть какие-то правила дипломатии, которых надо было тогда придерживаться. Поэтому я вас тогда поправил, исходя из моего уважения к другой культуре.

А. С. Я помню первый свой приезд в Польшу, уже в 1990-е. Одно из моих воспоминаний: в костелах в будние дни увидел столько людей, сколько, например, в Венгрии видел в выходные дни.

А. Л. Польша очень разная. Не надо забывать о том, что там есть и светское мышление. Со времен Просвещения, по крайней мере. Но католичество как массовое явление — безусловно. Дети даже при социалистическом режиме ходили на уроки Закона Божьего.

А. С. *Вы посвятили себя польской литературе и культуре и поэтому, конечно, всегда понимали значение католицизма для поляков и их культуры.*

А. Л. Без католичества невозможно адекватно понять польскую культуру в широком смысле этого слова и в том числе классическую литературу, ее героев, понять их способ мышления, их этику — что было за кадром, что подразумевалось само собой писателем, который это создавал. Поэтому католичество для меня всегда было частью познания культуры, ментальности, истории иначе мыслящего другого народа. Я пытался изучить глубже католический мир, общался и с ксендзами, стремясь выслушать и понять. Уважение к религиозному воззрению было всегда, независимо от того, что я думал, во что я верю и не верю. И это мне помогало, помогало адекватному восприятию этой культуры.

Среди моих соседей в студенческом общежитии был, я помню, и коммунист — довольно вредный и двуличный, я с ним поссорился. И католик, с которым я тесно общался до конца. Он молился каждый раз перед сном. А меня будто и не было в комнате. Я ему никак не мешал.

Вообще же я человек общительный и окунулся в эту среду. Мы не только просиживали часы в библиотеках. Я любил ходить в походы. У меня были друзья и подружки из других университетов Польши, с которыми я познакомился во время походов.

А. С. *Насколько польские ребята были с вами откровенны, рассказывали что-то о Катыни?*²⁷

А. Л. О Катыни я узнал уже в студенческие годы. Ведь многое было известно из отчетов делегации Международного Красного Креста, посетившей Катынь во время немецкой оккупации. Эта информация была доступна многим в Польше. Были списки погребенных. Это у нас не знали о Катыни, а в Польше кто хотел знать, тот мог узнать многое. Даже в художественной литературе что-то иногда проскальзывало, можно было догадаться, что что-то было не так, как подает официальная версия. А тем более из общения со свидетелями событий. Я общался с одной дамой, участницей Варшавского восстания²⁸, многое узнал от нее. Помню, как я пришел к ней в гости

²⁷ Имеется в виду Катынский расстрел, массовые убийства польских граждан, в основном пленных офицеров польской армии, осуществленные весной 1940 года. Расстрелы производились по решению специальной «тройки» НКВД СССР в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. Согласно обнародованным архивным документам, всего было расстреляно 21 857 человек.

²⁸ Приведшее к большим человеческим жертвам восстание против нацистской Германии в Варшаве с 1 августа по 2 октября 1944 г., организованное командованием Армии Крайовой, подчиненной польскому правительству в эмиграции (в Лондо-

с другим человеком, и ее просто прорвало. Говорила обо всем, что знала. А ее отец погиб в Катюны — об этом я узнал уже позже. Помню свою реакцию студенческих лет. Я обмолвился в одном из разговоров с поляками: «Может быть, это действительно сделали наши. Хотя мне хотелось бы, чтобы это сделали немцы». — «А почему ты говоришь: наши?». — «Так я же ведь из этой страны». Хорошо, что тогда никто не доложил, что советский студент себе позволяет. А этот разговор надолго запомнился не только мне, но и моим друзьям.

А. С. О Катюны ваши польские молодые друзья могли узнать от родителей, от старших. А познаньские волнения²⁹ были совсем свежи в памяти. Конец июня 1956 года. Более 70 человек погибло. Настоящий расстрел. Обсуждалось это?

А. Л. Польские газеты у нас в СССР свободно распространялись уже в то время. Но вот те номера, где содержалась более подробная информация о познаньских волнениях, до наших киосков не доходили, удерживались. Но поляки-то всё знали. Тем более это же не наши просторы.

А. С. Да, а потом вы всю Польшу объездили в конце концов, имели знакомых в разных городах. Короче, люди всё знали. И не боялись в разговорах поднимать эти проблемы?

А. Л. Нет, более того, на официальных встречах советской и польской молодежи, куда через посольство мобилизовывали и нас, советских студентов, учившихся в Польше, чувствовалось, что люди всё знают.

А. С. С кем-то из ребят, с которыми вместе учились, продолжали и позже общаться, бывая в Польше?

А. Л. Конечно!

А. С. Кто-то из них себя проявил потом? Стал известным ученым?

А. Л. Такие были скорее среди тех, с кем я познакомился, бывая в Польше позже, уже начинающим советским ученым. Надо иметь в виду, что и в социалистической Польше существовало сито для новых поколений интеллигенции. Не всех талантливых ребят, окончивших университеты, брали потом преподавать. Предпочитали брать людей, проверенных в плане лояльности. Как и у нас, конечно.

А. С. Ваша дипломная работа в Варшавском университете ведь была посвящена польской литературе XVIII века?

не). Целью организаторов восстания было перехватить инициативу в освобождении Польши у Красной Армии. Вопрос о том, могли ли соединения Красной армии оказать поддержку Варшавскому восстанию, остается предметом дискуссий в научной литературе.

²⁹ 28 июня 1956 г. в польском городе Познань массовая демонстрация рабочих, выступивших прежде всего за улучшение условий труда, вылилась в серьезные беспорядки, подавленные с помощью войск. Более 70 человек погибли, более 300 получили ранения.

А. Л. Да, я хотел уйти подальше от современной политики.

А. С. *А кто был научный руководитель?*

А. Л. Здзислав Либера, очень известный профессор, он занимался Просвещением³⁰. Я познакомился с ним уже в первый год. В Польше занятия в университетах начинаются с 1 октября. Я приехал с некоторым опозданием на занятия, заблудился, не знал еще Варшаву. Я сказал уже, что меня взяли на второй курс. Пришел на лекции по истории польской литературы, других в тот день не было. Их читал Либера, я так при нем и остался.

К концу моего пребывания в Польше началось уже некоторое закручивание гаек. Но все-таки там параллельно официозу существовало то, что мы сейчас называем либеральным мышлением. Но вообще ситуация была непростой. Одновременно снова стали поднимать голову националисты, они себя называли союзниками коммунистов, защищали режим, но мышление у них было националистическое. Литературу рубежа XIX–XX веков и весь XX век у нас вел профессор Якубовский³¹. Замечательный лектор, он начинал еще до войны, в 1920-е годы, более того, литература довоенная — это была его современность. Так что он ее великолепно знал. А я ходил на все лекции по разным векам и иногда опять-таки забегал вперед, опережал программу, читал и слушал то, что мне интересно. И вот где-то на 3–4-м курсе решил, что буду писать диплом по современности (ну, все-таки молодой парень), о наших шестидесятниках — ну, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, вся эта плеяда — с некоторыми из них я позже познакомился.

А. С. *А вы, живя в Польше, следили за тем, что у нас происходит, конечно.*

А. Л. Ну, естественно. А потом это была литература моего времени, поэзия моего времени, моих как бы воззрений. Так что моим любимым поэтом был тогда Вознесенский. Ранний Вознесенский, «Треугольная груша» и т.д., он ведь архитектор и у него архитектурное мышление, в чем-то близкое мне. И я помню, на одной из конференций подхожу к Якубовскому, а он меня уже знал, потому что я всегда ходил на его лекции. И я говорю, пане професоже, я хотел бы с вами посоветоваться, вот у меня такая мысль писать магистерскую по сравнительной характеристике современной польской и русской поэзии и мышления нового поколения в двух странах. Он так посмотрел на меня с удивлением — ЧТООО??? И тут я понял, почему он так отреагировал. Профессор, державший как раз в своих

³⁰ Здзислав Либера (*Zdzisław Libera*) (1913–1998) — польский литературовед, историк польской литературы, профессор Варшавского университета. Участник Варшавского восстания 1944 г.

³¹ Ян Зыгмунт Якубовский (*Jan Zygmunt Jakubowski*) (1909–1975) — польский литературовед, литературный критик, журнальный редактор. Профессор Варшавского университета, в 1968–1974 гг. возглавлял институт полонистики Варшавского университета. Во время Второй мировой войны работал в подпольной системе образования в 1940–1942 гг. В 1942–1945 гг. узник концлагерей в Освенциме и Бухенвальде.

руках XX-й век. Дело катится к закручиванию гаек в обеих странах. Меня об этом предупреждали нормально мыслящие поляки. И я понял, что если даже здесь, в Варшавском университете, где преобладает совсем иное отношение к новому литературному поколению, пусть не всеми разделяемое, если даже здесь существуют такие опасения — то за это лучше не браться. Может сложиться так, что я не смогу написать то, что я думаю о современной польской литературе и современной советской. Я понял уже тогда, что лучше уходить от современности, которая, как маятник, колеблется, а XVIII век — устоявшийся, политики на него не обращают внимания ни здесь, ни там. И буду спокойно заниматься XVIII веком. И я до конца ходил к своему, а он стал моим, профессору, Здзиславу Либере, его отличало великолепное знание польской литературы XVIII — начала XIX веков, но также и социологии литературы, а социология у нас была вообще в загоне. Кстати, Питирима Сорокина³², нашего знаменитого соотечественника, который эмигрировал на так называемом «Философском пароходе», я впервые прочитал там как раз, в Польше. Он переводился на польский.

А. С. В 1922 году был этот самый «Философский пароход». Ровно сто лет назад. А в 1960-е Питирим Сорокин был еще в здравии. Он очень долго прожил, работал в американском университете.

А. Л. Более того, стал зеркалом англоязычной философии, сейчас его с английского переводят, у нас массово издают. Так что социологией я тоже там стал заниматься, на дополнительные лекции ходил именно по социологии.

А. С. Польская социология была очень развитой и в те годы.

А. Л. Конечно. Короче, я понял, что лучше мне оставаться свободно мыслящим, внутренне свободно мыслящим человеком, когда никто в меня ничего не впикивает и сверху не набрасывает на меня определенные сетки мышления. И я ходил до конца к Либере, он читал курс и социологии литературы тоже. Среди других ярких профессоров была Янина Кульчицкая-Салони³³, которая восторгалась моим польским языком, а я восторгался ее русским, потому что она начала со мной уже в частной беседе разговаривать по-русски, а она говорила по-русски как русская. Она говорит, ничего удивительного, я родилась в Санкт-Петербурге. Это было старое положе-

³² Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) — русский и американский социолог и культуролог, один из основоположников теорий социальной стратификации и социальной мобильности. В юности участник революционного движения в России (эсер). В 1922 г. выслан из Советской России. Профессор Гарвардского университета. В последние годы жизни президент Американской социологической ассоциации.

³³ Янина Кульчицкая-Салони (*Kulczycka-Saloni Janina*) (1912–1998) — польский литературовед. Профессор Варшавского университета. Автор многих работ по истории польской литературы второй половины XIX в., в том числе монографии «*Zycie Literackie Warszawy w latach 1864–1892*». Почетный доктор Московского университета с 1977 г.

ние, которому я обязан своими знаниями. XIX век, позитивизм и вот это позитивистское мышление, свойственное тому, что у нас называется критическим реализмом в литературе. Потом из моих светлых воспоминаний — это Зофья Шмыдтова, которая принимала у меня также экзамен магистерский, она занималась поэзией «Молодого века» — это наш Серебряный век³⁴. Старая польская интеллигенция. Для меня это были самые светлые мэтры польской литературы. А по философии — Колаковский. Я сказал уже, что ходил на его лекции. И я помню лекцию про молодого Маркса. Это была заключительная лекция его курса в аудитории Максимум, самой большой аудитории. Приходили все, из города приходили, не только студенты университета, и когда он окончил, зал встал, ему аплодировали. Так встречали Колаковского, который стал всемирно известным философом. И светочем в моем восприятии.

А. С. *А если спросить вас о русских учителях?*

А. Л. Я уже сказал о влиянии Ильи Ильича, благодаря которому я узнал, что такое глубокое интеллигентское мышление. А после моего возвращения из Польши Андрей Николаевич Робинсон³⁵ помог мне глубже постичь средневековую русскую литературу и культуру в ее взаимосвязях с польской. Я много общался с ним в ходе работы над польскими разделами для «Истории всемирной литературы». Назову еще Александра Ивановича Рогова³⁶, которого вы могли знать.

А. С. *Я знал его.*

А. Л. А опосредованно моими мэтрами были А.Н. Веселовский, русские формалисты, Д.С. Лихачев, М.М. Бахтин. Веселовский и русская формальная школа имели огромное значение для мирового литературоведения. И если у нас все это было одно время вычеркнуто, то за рубежом, включая Польшу, эта традиция продолжалась и развивалась.

А. С. *Посольство советское насколько контролировало наших студентов?*

А. Л. Атмосфера была достаточно свободная. Иногда приглашали студентов в клуб советского посольства.

³⁴ Зофья Ванда Шмыдтова, урожденная Гонсиоровска (*Zofia Wanda Szmydtowa z domu Gąsiorowska*) (1893–1977) — польский историк и литературовед. Родилась в Санкт-Петербурге, в 1901 г. семья переехала в Варшаву. Профессор Варшавского университета. В годы Второй мировой войны также преподавала в подпольной системе образования, существовавшей в Варшаве в годы немецкой оккупации.

³⁵ Андрей Николаевич Робинсон (1917–1993) — крупный специалист по средневековой русской литературе, доктор филологических наук. Многие годы возглавлял сектор в Институте мировой литературы АН СССР.

³⁶ Александр Иванович Рогов (1935–1996) — историк, автор многих работ по истории русской культуры в Средние века, ее международных связей (в том числе русско-польских культурных связей). Главный редактор журнала «Славяноведение» в 1992–1996 гг.

А. С. А какая-то политпропаганда велась?

А. Л. Со стороны посольства особой политпропаганды не было. Мы, советские студенты, ходили в клуб на просмотр советских фильмов, и в этом же клубе показывали современные польские фильмы.

А. С. Это был период подъема польского кино.

А. Л. Конечно.

А. С. Вы учились в Польше четыре года, с 1958-го по 1962 год?

А. Л. Вы хорошо считаете.

А. С. Интересное время для Польши. И в литературе, и в кино, и в гуманитарных науках.

А. Л. Да, а потом ситуация стала несколько меняться. Я уже упомянул о подъеме национализма. Были организации националистического толка, чью продукцию издавали государственные издательства. Вы слышали, наверное, про ПАКС? Его предводителем был Юзеф Пясецкий³⁷. О нем много говорили в моем кругу. Печать в Польше была в то время более свободной, чем у нас. И вот я вижу в одном из государственных журналов — Пясецкий с повязкой со свастикой. То есть он был довоенным польским фашистом. И вот довоенный польский фашист, шовинист пристроился к польским коммунистическим властям³⁸. Вот, кстати, по поводу специфики ПАКСа и этих националистических организаций один человек из посольства нас инструктировал. Я упомянул здесь профессора Якубовского. Он тоже скатился в национализм, был близок к националистическому крылу ПОРП. И вел свою специфическую линию в университете. Меня там уже, конечно, в то время не было, я уже упорхнул в родную страну. Позже в честь него была названа одна зала, аудитория в Варшавском университете, что уже говорит о влиянии этого человека. А после 1989 года перестала в честь него называться. Сейчас я уже забыл, кто претендовал из националистов на место Гомулки, но его приструнили из Москвы, и после этого националисты в ПОРП уже отошли на второй план, перестали играть такую видную роль.

А. С. Это был Мечислав Мочар³⁹. С ним связаны гонения 1968 года на евреев. В результате которых страну покинули многие интеллектуалы,

³⁷ Правильно: Болеслав Пясецкий (*Boleslaw Piasecki*) (1915–1979). Происходил из старинного шляхетского рода. В 1947 г. основал и долгие годы возглавлял организацию мирян-католиков ПАКС, которая использовалась коммунистами для снижения влияния католической церкви в Польше. Был депутатом сейма, а в 1970-е годы членом Госсовета ПНР.

³⁸ Вместе с тем Пясецкий был активным участником польского антигитлеровского подполья в составе Армии Крайовой. Согласно распространенной в Польше версии, склонился к активному сотрудничеству с коммунистами после ареста органами НКВД осенью 1944 г. (по сути, был завербован).

³⁹ Мечислав Мочар (*Mieczysław Moczar*) (1913–1986) был в 1964–1968 гг. министром внутренних дел ПНР, а в 1968–1971 гг. секретарем ЦК ПОРП, курировавшим карательные органы. Член Политбюро ЦК ПОРП в 1970–1971 и 1980–1981 гг. В 1960-е годы возглавлял в руководстве ПОРП так называемую фракцию «партизан», отличавшуюся националистической и антисемитской направленностью.

включая Колаковского. А всего, по некоторым данным, уехало до 20 тысяч евреев.

А. Л. В межвоенной Польше был, как вы знаете, поощряемый сверху антисемитизм — и особенно после смерти Пилсудского. Дело доходило до того, что студентов-евреев Варшавского университета одно время сажали на отдельных скамьях в аудитории, не вместе с поляками — одно из уродливых проявлений этой политики «оздоровления нации» (санации). Но это не распространялось на элитную профессуру. И во время моей учебы тоже. Но позже это уже было.

А. С. Уехав в 1962 году из Польши, вы в следующий раз попали туда уже аспирантом?

А. Л. Нет, аспирантом как раз не ездил. Приехал уже тогда, когда по окончании аспирантуры меня взяли в 1966-м в Институт славяноведения. Мы работали над двухтомной «Историей польской литературы». Она вышла в 1968–1969 годах.

А. С. Решили сразу поступать в аспирантуру?

А. Л. Поначалу в своих мыслях я не готовил себя к научной деятельности. Я думал, что снова вернусь в журналистику, это что-то такое более живое. Но я настолько проникся вот этой культурой, историей, менталитетом соседней нации, что эта привязанность стала уже как бы частью меня самого.

А. С. Вы окончили Варшавский университет. К вам был у нас интерес как к филологу-полонисту.

А. Л. Так что меня сманили. Через Елену Захаровну, которая, кстати, видела, что я пишу совсем не в духе нашей методологии, по-другому. И мыслю иначе. И не была поначалу уверена, что моя диссертация пройдет. С другой стороны, понимала, что в Варшавском университете я получил не только широту знаний, но и самостоятельность мышления. Так что мне будет легче осваивать то, к чему и в нашей науке уже подошли. Елена Захаровна дала мне карт-бланш, не вторгалась, я свободно писал свою работу. Помню ее наставления как педагога: трактуйте как хотите, Саша, но защищаться будете сами.

А. С. О чем была ваша кандидатская диссертация?

А. Л. О возникновении польского просветительского романа.

А. С. Как прошла защита?

А. Л. Н.И. Кравцова⁴⁰ вы уже, наверное, не застали. Он тоже прошел через гонения. Был выслан, кажется, в Воронеж во время репрессий против славистов. Он вспомнил свою молодость, а он был старейшим тогда на ка-

⁴⁰ Николай Иванович Кравцов (1906–1980) — литературовед и фольклорист. Югославист. Профессор МГУ. Работал также в Институте славяноведения АН СССР. В 1934–1938 гг. отбывал пятилетний лагерный срок по «делу славистов».

федре, и он так горячо защищал меня с позиций старой нашей славистики, и я ему многим обязан, потому что против него уже не могли пойти.

А. С. *А как сложилось, что вы пришли в Институт славяноведения?*

А. Л. Началась работа над «Историей польской литературы» и нужен был раздел по Просвещению. А знания о польской литературе не уходили у нас глубже начала XIX века. По XVIII веку и более ранним не было специалистов. Польскую литературу более раннюю плохо знали, и могло сложиться впечатление, что ее и не было. Но в «Истории польской литературы» хотели как можно больше всего охватить и стали поглядывать на XVIII век, которым никто не занимался. Е.З. Цыбенко предложила меня. Я сделал. Обсуждение в отделе. Я с энтузиазмом все изложил, и некоторые старшие товарищи хотели несколько приструнить сосунка. Елена Захаровна это ожидала, снова говорит: что ж, защищайтесь. Выступали, в общем, все положительно, но с резкой критикой отдельных положений, отдельных утверждений. Но они не знали этих текстов, а я знал их, читал. И я так отвечал исходя из текстов, а не просто абстрактных методологических построений, они это адекватно восприняли, улыбались и, более того, в конце концов одобрили. Им понравилось. И вот после этого они взяли меня, когда я еще был аспирантом. И потом я написал еще ряд глав. Всего пять глав я написал для этого труда. Одна из них — по Ц. Норвиду⁴¹. Это младший современник Мицкевича, опередил свое время, не был понят, его стали только в начале XX века открывать. В редколлегии захотели, чтобы в «Истории польской литературы» на русском языке была глава, посвященная Норvidу. Без этого было уже нельзя. Ко мне подходит Илья Соломонович Миллер⁴². Он был историк, но при этом великолепно знал литературу, культуру Польши. Вообще широко мыслящий человек. К тому же он был единственным доктором наук в редколлегии «Истории польской литературы», хотя он был доктором исторических наук, а не филологических. Он подошел ко мне: мы подумали на редколлегии и решили, что вы единственный у нас человек, кто может написать о Норvide: вы учились в Польше, знаете отношение к нему там. Никаких указаний, как писать, не было. Доверие к молодому ученому. Норvida я знал только в пределах польской университетской программы. Я им все это объяснил. Я прекрасно понимал, что я единственный человек, который может это написать, в силу своего образования, исходя из знания польских трактовок. Я молодой, но был уже своим в коллективе, написал ряд разделов. Сказал: постараюсь. Но поставил два условия. Во-первых, я сам должен одобрить то, что написал. Если сам решу, что глава слабая — не представлю ее на обсуждение.

⁴¹ Циприан Камил Норвид (*Cyprian Kamil Norwid*) (1821–1883) — один из крупных польских поэтов XIX в. Большую часть жизни провел в изгнании.

⁴² Илья Соломонович Миллер (1919–1978) — ведущий отечественный историк-пололист, долгие годы возглавлял в Институте славяноведения и балканистики АН СССР сектор, занимавшийся проблемами новой истории Средней Европы.

Второе — если у меня не получится, то не писать мне, что я не выполнил план. Тогда с этим было строже. И кроме того, если они одобряют — просил послать мою главу в Польшу, показать польским литературоведам. Они согласились. Из Польши пришел очень положительный отзыв от серьезных ученых из академического института литературных исследований. Глава о Норвиде сыграла в моей научной карьере большую роль, она оказалась моей визитной карточкой для поляков, они увидели, кто я, как я пишу, что могу. И когда в 1969 году впервые надолго приехал в этот институт, они принимали меня как своего, хотя там были люди намного старше меня, участники Варшавского восстания.

А надо сказать, что в московских библиотеках даже не было собрания сочинений Норвида на польском языке. Я читал его во время поездки в Вильнюс. А в Польше не было еще ни одной монографии о нем, сами поляки обсуждали его место в польской литературе, были дискуссии. А теперь он ставится у них в один ряд с Мицкевичем.

О поездке в Вильнюс хочу сказать особо. Это был 1967 год. Когда я включился в нашу институтскую тематику, мне предложили поработать и в советских архивах, там, где имеются польские фонды — это Львов и Вильнюс. Я выбрал Вильнюс. Я знал о сильном украинском национализме во Львове, причем я ведь собирался заниматься там Польшей, будучи русским. А вы понимаете, что в их восприятии это два противоположных полюса — Россия и Польша. Приезжает русский человек, да еще собирает материал о Польше, с чего бы это. Я приехал в Литву, где нас тоже не очень любили, как вы знаете. Помню, как одна немолодая дама в шляпке даже не повернула голову, когда я спросил ее, где находится гостиница, где я должен был поселиться. И позже приходилось сталкиваться в Литве с таким отношением к русским.

А. С. 1940 год был у многих еще в памяти, как у поляков 1939 год и все, что происходило во время войны.

А. Л. Сначала и со стороны литовских коллег испытал к себе некоторую настороженность, но потом, ближе познакомившись со мной, устроили полуофициальную встречу, и я нашел там общий язык с литовскими коллегами, отношение было более дружеским. Почему? Во-первых, я очень любил литовские фильмы того времени («Никто не хотел умирать» и т.д.), это феномен в кино, как и польская школа кино, возникшая в конце 50-х гг. А во-вторых, я увидел там научное мышление, стоящее вне идеологии. Им было интересно, как у нас воспринимают Речь Посполитую XVI–XVII веков, какие существуют оценки. Они следили за нашими публикациями, задавали мне вопросы.

Признаюсь, что было время, когда я даже подумывал уйти из Института, ведь меня поначалу зачислили на ставку научно-технического сотрудника, материально я не выдерживал, подрабатывал, подумывал вернуться в журналистику. Но эти главы для «Истории польской литературы», ко-

торые были одобрены, получили хороший отзыв, убедили меня остаться. Для меня всегда были важны профессиональные отношения в коллективе. И И.С. Миллер, и Б.Ф. Стахеев⁴³ относились ко мне уже как к своему, как к специалисту, несмотря на мою молодость. Хотя они участники войны, люди другого поколения. Все это было важно для меня. И все мои последующие работы были написаны человеком внутренне свободным, я никогда не писал того, во что не верю. Я не стыжусь ни одной своей статьи.

А. С. Таким образом, вы приехали в Польшу в длительную командировку в 1969-м. О событиях 1968 года что-то узнали? Ведь и в Варшавском университете, вашей alma mater, были студенческие волнения весной 1968-го — довольно бурные. Национальный театр. Постановка «Дзядов» Мицкевича. Потом сняли. Молодежь недовольна.

А. Л. Я многое знал обо всем этом от свидетелей тех событий. Там не обходилось и без провокаций. Я был тогда в Польше более полугода. Некоторые мои новые приятели в знак протеста перешли в Институт литературных исследований из университета после тех событий.

А. С. Часть профессоров эмигрировала в 1968 г.

А. Л. Гонения были по пятому пункту.

А. С. Израиль как раз победил арабов в «шестидневной войне» 1967 года. Это сильно подстегнуло польских антисемитов при власти.

А. Л. Ну да, это была целая такая волна, многие уехали... Просто не могли работать в Польше. Мы уже говорили о националистическом крыле в ПОРП. Но потом это улеглось и ограничения касались только прямых оппонентов социализма. Все же другие имели возможность нормально работать. Атмосфера в этом смысле была гораздо либеральнее, чем тогда у нас. Форма в литературе и искусстве для польских властей не имела значения.

Когда я был в Польше долго в 1969 году, о тех, кто уехал, говорили в высшей степени уважительно люди, с которыми я общался. Коллеги были со мной довольно откровенны. Так что ситуация в этом смысле была непростой. Начали даже возвращать некоторых студентов, которых выгнали в 1968-м — отправили на военную службу или просто исключили. Я знал одного из таких студентов, которого восстановили и разрешили закончить университет. Во власти иногда понимали, что перегнули палку.

А. С. Рабочие волнения в декабре 1970-го в Гданьске. Расстрел демонстрации, жертвы, после чего Гомулка был вынужден уйти. Поляки позже рассказывали вам что-то об этом?

А. Л. Мы говорили, конечно, и об этом. Это тоже элемент польской ментальности. Когда не хватает чего-то, к чему привыкли — быстро проявляются протестные настроения.

⁴³ Стахеев Борис Федорович (1924–1993) — литературовед-полонист, крупный исследователь польского романтизма.

А. С. У вас складывалось впечатление, что в обществе накапливается разочарование и может снова рвануть?

В. Федорова. Вот в этой же связи у меня тоже вопрос: что произошло с польским обществом в 1970-е? Я могу судить прежде всего по литературе и кино. Там начинают сниматься дико депрессивные фильмы.

А. Л. Это отражало реальную жизнь тогдашней Польши. И по кино видно, как люди жили. Все эти социальные проблемы... А главное — отсутствие перспектив. Важно заметить: это понимала не только интеллигенция. У меня в Польше были широкие связи вплоть до деревни. Мои старые друзья студенческих времен приглашали меня, я бывал и в польской глубинке. Видел все социальные слои. Кто-то преуспевал, занимаясь частным предпринимательством. Во мне видели человека нормально мыслящего, а не какого-то советского идеолога, охотно общались со мной, делились впечатлениями. Так что главное — отсутствие перспектив для всех слоев населения.

Я помню Польшу конца 1970-х годов, канун событий 1980 года. Как-то еду в трамвае, а там вклеена листовка и написано от руки что-то полудетским почерком, то есть это ученики школы писали. Мне говорили, что даже школьники выпускали свои подпольные издания и распространяли свои листовки. То есть это все было распространено в Польше не только повсеместно, но даже вот до такой степени: вовлекались и подростки. Власти не верили никому уже. Слежка. После встречи с другом возвращаюсь как-то после 12 ночи немного навеселе к себе в гостиницу ZNP (*Związek Nauczycielstwa Polskiego*), где я жил. Трамваи уже не ходили, пешком, вниз к Висле. И вот ходили тройками. Каждый шаг буквально — либо переодетые, либо в мундирах, но тройками, милиционеры. Я помню это, мне надо было забежать во двор, выхожу — уже стоит, ждет меня: Документы!

А. С. Ха! Молодцы! Знали свои обязанности.

А. Л. «Что вы здесь делаете?» — «А вы что, не видели?» Показываю свой молоткасто-серпастый. Ведет меня — вижу, в проеме стоит милицкий ГАЗик, а наверху у него еще пеленгатор. Думаю — сейчас упакуют меня в этот ГАЗик и повезут. Выходит офицер, тот передает ему паспорт. Спрашивают у меня еще *karta pobytu*, то есть гостиничную регистрацию. Я ее обычно и не таскал повсюду с собой, а тут случайно оказалась. Лишь после этого отпустили, хотя до гостиницы была буквально пара шагов. То есть боялись даже наших советских людей — судя по тому, что их проверяли. Я уже потом здесь в Москве узнал, что была, оказывается, подписана договоренность: мы следили за поляками, которые здесь, а они следили за нашими. Возможно, они подумали, что я зашел в подворотню для того, чтобы наклеить там какую-то листовку.

А. С. Скорее всего. У вас наверно много было знакомых из университетско-академической среды, которые проявляли политическую актив-

ность в событиях 1980–1981 годов? Кого-то даже, может быть, интернировали после введения военного положения после 13-го декабря 81 года.

А. Л. В числе активных был даже Стефан Жулкевский⁴⁴. Это был коммунист старой закалки, марксист. Критик, редактор газет, одно время даже был министром культуры⁴⁵. То есть не будет преувеличением его даже партийным деятелем назвать. Много старше меня, конечно. Преподавал и в университете, когда я там учился. Работал и в Институте литературных исследований. Приезжал нередко в Советский Союз.

А. С. *Насколько я знаю, с В.А. Хоревым⁴⁶ много общался, который что-то писал про него.*

А. Л. Но когда начались события, он вышел на демонстрацию вместе со студентами и защищал их от полиции, когда их били палками. Его, естественно, тоже загребли, потом, конечно, выпустили. Были среди моих знакомых те, кто сидел по политическим делам. Позже власти постепенно стали смягчать репрессии.

А. С. *Нельзя было не считаться с настроениями. Численность независимого профсоюза «Солидарность» достигла в 1981-м 10 миллионов. Александр Владимирович, вы и учились в Польше, и неоднократно приезжали позже, подолгу жили. Видели, как меняется страна, обстановка в стране. Было ли для вас неожиданным, что так рванет в 1980 году? Такая волна забастовок, ситуация выходит из-под контроля властей.*

А. Л. Действительно, Польша менялась на моих глазах, и не только в политическом плане. Как человек со стороны и приезжающий периодически, я, может быть, даже в большей степени, чем сами поляки, осознавал все эти перемены. Что вполне естественно. Я помню студенческие годы. Как мы предпочитали тогда отдыхать? Путешествовали с рюкзаками. Пешком. Выбирая такие места страны, где было много исторических и архитектурных памятников. Мы все были гуманитарии, понятно, что нас интересовало именно это. Но мы увидели страну. В глубинке в селах увидели и настоящую бедность, могу долго это описывать.

А. С. *Но видели и позже пустые прилавки уже в период чрезвычайного положения.*

А. Л. Это уже финал, об этом еще скажу. Но я видел и как менялась Польша, как строились каменные, кирпичные дома по централизованному плану, в них переселялись люди, могли вести в новых условиях домашнее

⁴⁴ Стефан Жулкевский (*Stefan Żółkiewski*) (1911–1991) — польский литературовед, критик, партийно-государственный функционер.

⁴⁵ Стефан Жулкевский был министром по делам высшего образования в 1956–1959 гг.

⁴⁶ Хорев Виктор Александрович (1932–2012) — ведущий отечественный литературовед-полонист. Доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР, затем Института славяноведения РАН в 1988–2005 гг.

хозяйство. Купить из продуктов можно было все, что угодно. Я видел это изменение крестьянской жизни в лучшую сторону. Еще и потому, что крестьян не загоняли в колхозы, как у нас. Пытались вначале, но люди не пошли, эта программа провалилась, и к ней уже не возвращались. И не отнимали приусадебные участки, как это сделал у нас Хрущев, обещавший, что живущее поколение увидит последнего попа, а к 1980-му году построят коммунизм.

А. С. Хотя как раз именно 1980 год показал, что в Польше-то уж точно никакого коммунизма никогда не будет.

А. Л. Мы это помним.

А. С. Что касается аграрной политики коммунистов в Польше, мы помним, что особая политика была на воссоединенных землях, опустевших, доставшихся от Германии. Там создавались госхозы.

А. Л. Причем вся техника старых юнкерских хозяйств осталась после ухода немцев, не успели вывезти ни при быстром наступлении Красной Армии в 1945-м, ни позже, при массовом выселении немцев в Германию сразу после войны. Мне рассказывали, что даже теплую еду кое-где находили на плитах, немцы не успели всё с собой забрать. На эти земли переселялись поляки с восточных земель, бывшего Великого княжества Литовского.

А. С. Тех, что вошли в состав СССР в 1939 году и остались у СССР по итогам Второй мировой войны.

А. Л. Вы знаете, что там была масса поляков. Эти люди очень много пережили после прихода Красной Армии в сентябре 1939 года. Вспомните фильм Анджея Вайды «Катынь», сцены, как люди бегут на Восток после нападения немцев, еще не зная, что ждет их там на Востоке. Массовые депортации в Сибирь, Казахстан. Впрочем, не только поляков, но всех граждан Польши независимо от национальности. Давали час на сборы, позволяли взять с собой не больше чемодана на человека и переселяли людей на поезде в далекие края. Это особенно коснулось интеллигенции, священнослужителей. Знаю из рассказов тех, кто все это пережил. Люди попали в очень тяжелые условия, многие жили в землянках, которые сами вырыли. При том, что интеллигенция, как мы знаем, мало приспособлена к такого рода работам. Массовая смертность. Хотя крестьяне, туда попадавшие, объединялись в коммуны, чтобы как-то общими усилиями выжить. Моя подруга, полька родом из Львова, которую переселили с родителями в глухую сибирскую деревню, вспоминала, как их выручило то, что взяли швейную машинку — им посоветовал это сделать, кстати, простой русский солдат, пришедший оповестить о депортации. И мать там обшивала всю деревню, им платили продуктами, и они могли на этом жить. Массовые выселения людей с западных земель, вошедших в состав СССР, продолжались и позже. Наша коллега Л.Н. Будагова⁴⁷, которая училась в МГУ

⁴⁷ Будагова Людмила Норайровна (1932–2022) — литературовед-славист, специалист по чешской литературе. Доктор филологических наук. Возглавляла отдел славянских литератур в Институте славяноведения РАН.

в начале 1950-х, вспоминает, как депортировали целую группу студентов-литовцев, присланных учиться в Москву и живших в общежитии на Стромынке. Как? Куда? Никто не знал, люди в одну ночь вдруг исчезли из общежития. Знали лишь, что в самой Литве в то время было неспокойно. Все это нашло отражение и в художественной литературе, и в кино. Вспоминаю еще историю одной знакомой мне польской интеллигентской семьи. Родители одной моей подруги, ровесницы. Причем отец по происхождению был белорус, великолепно знал литературный русский язык. Но это не помогло им избежать депортации. Их вывезли куда-то в Восточную Сибирь, вторая девчонка у них родилась уже там. И вот его арестовывают даже там, в восточносибирской деревне, и отправляют в лагерь. Мать осталась одна с двумя совсем маленькими девчонками. Чем она занималась? А ведь в тех краях свою интеллигенцию репрессировали, выслали вместе с так называемыми «кулаками» и всеми, кого объявляли социально чуждым элементом. Иногда из-за слишком длинного языка, что называется. И вот ее мать, полька, выжила там и выходила девчонок, поскольку как образованная женщина с хорошим знанием русского языка могла работать счетоводом в тепле. Отца же им вернули уже после смерти Сталина. В середине 50-х семья вернулась в Польшу. Русофобии никакой у них не было. Обе девчонки окончили университет по специальности «русская филология». Но они проводили четкую грань между русским и советским, между советской властью с ее чиновниками и русской культурой. Как многие польские интеллигенты. Есть националисты, шовинисты, как и у нас, но это не всеобщее явление. Что касается отношения польской интеллигенции к России, хочу вспомнить вот что. Мы здесь внимательно следили, надо сказать, за польской литературой. Вы помните магазин «Дружба», книги из социалистических стран, польский отдел был там самым представительным. А в Польше я искал советские книги — те, которые трудно было найти здесь. И у поляков был к ним интерес, надо сказать. Был специальный магазин советской книги в Варшаве. Рядом с Саксонским садом. И вот в 1969 году я купил там двухтомник Булгакова — я не мог этого сделать в Москве. Купил, расположился на скамеечке, читаю, идет поляк лет под тридцать, видит по обложке, что это книги не польские. Подходит, увидел, что это, и на польском спрашивает меня, где я это купил. Он думал, что я поляк: откуда там русский в центре Варшавы сидит на скамеечке? Узнал от меня и побежал. И кстати, уже после 1989 года Булгаков, по опросам, выходил в Польше на первое место как самый популярный иностранный писатель. Поэтому, говоря о русофобии в той же Польше, надо помнить, что политическая система — это одно, а культура — другое. И потом, для меня было важно, как именно ко мне относились.

А. С. Но давайте вернемся к разговору о предпосылках событий начала 1980-х.

А. Л. Так вот, мы говорили о жизни крестьян-частников в Польше. Мало того, что их не загоняли в колхозы, в 1960-е, при правлении Гомулки, их стали активно обеспечивать техникой через МТС (машинно-тракторные станции), они были и у нас долгое время, но обслуживали колхозы, а не частника. Частник сохранился и в городе, одно из моих первых впечатлений по приезде в Варшаву в 1950-е годы — множество частных продуктовых магазинчиков, чего не было в то время в СССР. Поэтому у меня двойственное отношение к периоду Народной Польши. Судьбы польского крестьянства сложились в Польше иначе, чем у нас. Большого голода не было даже во время оккупации — немцы с присущей им педантичностью и рациональностью знали, сколько можно взять от крестьянина, чтобы не нарушились поставки продовольствия. Другое дело, что они очень строго контролировали торговлю, стараясь не допустить крестьянской спекуляции. О том, что польские крестьяне обрекались немецкими порядками на германизацию, утрату национальной идентичности, а евреи вообще уничтожались, я сейчас не говорю. Хотя многое помню из рассказов моих польских друзей, переживших войну. Не только из литературы. Помню, сколь сильные были антинемецкие комплексы у людей, переживших эти немецкие порядки (*Ordnung*) — не только зверства, но желание всех поставить в строй. В том числе и у тех стариков, которые учились в немецких школах — в том же Торуне, входившем в германскую Польшу до Первой мировой войны. Так вот при этом массового голода в то время не было. Не было в Польше массового голода и в самые тяжелые годы после войны. Не было и карточной системы в послевоенные годы — в отличие не только от СССР, но и от многих стран. Крестьяне снабжали города продовольствием. Поляки не знали, что такое нехватка продуктов. Не знали благодаря частному сектору. Но ближе к концу 1970-х, к введению военного положения, что-то стало меняться в общественных настроениях — конечно, в связи с проводимой политикой. Ведь решали всё в Москве, а не на местах — имея в виду как Польшу, так и другие страны социалистического содружества. Идеология требовала формирования рабочего класса, в том числе в странах, где на первом плане всегда было сельское хозяйство.

А. С. *Курс на индустриализацию. Строились крупные заводы. В том числе и в Польше — Катовице, Нова-Хута⁴⁸ и т.д.*

А. Л. По сути, шло копирование советской модели развития, при наставлениях из Москвы. Кроме того, Москва диктовала и внешние экономические связи. Производимая в Польше продукция шла в больших объемах в страны Африки, этим странам оказывалась и финансовая помощь. Как, впрочем, и некоторым западным компартиям в рамках мирового коммунистического движения. Все это сказывалось на налогообложении. Это следо-

⁴⁸ В Катовице (Верхняя Силезия) был создан в эпоху коммунизма крупный металлургический комбинат, а другой — в Нова-Хуте, в окрестностях Кракова.

вало бы изучить на архивных документах, уже открытых, но у меня сложилось впечатление, что многие поляки связывали ухудшение с поставками продовольствия с тем, что продукты шли в Советский Союз.

А. С. *Все, конечно, было сложнее.*

А. Л. Я тоже так думаю. Но проблема отношения к СССР и его политике проецировалась на старое, традиционное отношение к русским. Россия и СССР в массовом сознании отождествлялись. Все это накладывало отпечаток на общественное недовольство, которое в полной мере проявилось в начале 1980-х.

А. С. *Резкое падение материального уровня, обострение социальных проблем.*

А. Л. Это было особенно в период военного положения, в начале 1980-х. Знаете, от одной из командировок в этот период я отказался, не поехал в Польшу.

А. С. *А почему? Интересно же быть свидетелем таких исторических событий.*

А. Л. Я ожидал, что введут войска в Польшу. Используют силу, как это было и в ГДР в 1953 году, и в Венгрии в 1956 году, и в Чехословакии в 1968 году. И я считал неудобным быть в это время в Польше. Как будто я в это время приехал в Польшу на танке, вместе с Советской Армией. Как все было? Не просто. Меня вдруг вызывают в военкомат. Когда я учился в Варшавском университете, я не проходил военной подготовки, не мог как иностранец. И тем не менее накануне введения военного положения 13 декабря 1981 года мне приходит вызов. Мобилизационный листок. Это было еще в ноябре.

В. Ф. *А как вы считаете, Ярузельский спас тогда Польшу, введя своими руками военное положение?*

А. Л. Не знаю, это все очень сложно.

А. С. *Это он пытается показать, что он спас. На самом же деле в Москве тогда, слава Богу, хватило ума понять, что не надо применять силовых акций в Польше, это может плохо кончиться. В Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) сохранились записи заседаний с высказываниями Андропова и других. Исследователи это используют⁴⁹.*

А. Л. Так вот, меня вызывали в военкомат, пришел запрос и в Институт, который должен был дать полную информацию обо мне. За дела, связанные с военкоматом, в нашем Институте отвечал хороший коллега В. Зайцев. Через некоторое время он сказал мне, что меня не призовут. В военкомат пришли какие-то указания.

⁴⁹ См., например: Черемушкин П.Г. Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021.

А. С. Вас, наверное, поначалу хотели использовать как переводчика.

А. Л. А что еще? Может быть, в какой-нибудь штаб. У меня ведь не было и нет никакой военной специальности. Но важно иметь в виду, что я был беспартийным, это тоже могло сыграть свою роль. Не каждого и в переводчики возьмут. Короче, всё спустили на тормозах. А через несколько лет, уже в годы горбачевской перестройки, на одной конференции в польском культурном центре я разговорился в кулуарах с одним известным, опытным диссидентом, рассказал ему свою историю и он просветил меня: вы не подходили по своему статусу, и вас в любом случае бы не взяли. Я тоже так думаю: ездить как переводчик с делегациями беспартийного не могли тогда взять. Но возвращаясь к тому, что происходило в Польше... Когда я вспомнил про эти листовки, написанные мальчишками, я понял, что если ввести наши войска, будет мясорубка. Восстали бы все.

А. С. Вот то, что мы имеем сейчас в другой стране. А тогда поняли, что плохо кончится. В Афганистане завязли, не хватало еще и Польши.

А. Л. И военные люди поняли. Маршал Куликов⁵⁰.

А. С. Понимали и в Политбюро. Сохранились записи заседаний. Даже те, кто в 1968 году с пеной у рта призывал вводить войска в Чехословакию, в 1981-м поняли, что с Польшей этот номер не пройдет.

А. Л. Да. А то, что там все рухнуло со временем — это было, как мне кажется, прежде всего результатом того, что рушилось у нас. Что мы не могли поддержать, хотя до сих пор мы поддерживали. А власть имущие там верили, что они держатся на советских штыках.

А. С. Рухнуло потому, что у нас начались изменения, связанные с Горбачевым. Они подтолкнули и изменения в Польше.

А. Л. Когда Горбачев заявил полякам: решайте сами свои проблемы, режим рухнул в считанные дни. Те, кто правил страной, поняли, что Советский Союз уже не будет вводить войска, а в своих войсках они не были уверены.

А. С. Мы плавно перешли к событиям конца 1980-х. После отмены военного положения вы стали регулярно ездить.

А. Л. Меня стали приглашать и лекции читать там. Еще мой дедушка говорил, что этот строй противоестественный, и особенно с точки зрения экономики. Но ощущения, что это все так быстро рухнет, не было даже в середине 1980-х, оно возникло к концу 1980-х.

А. С. Конец 1980-х. В польской экономике большие трудности, одно время даже карточная система. И, конечно, острая политическая борьба. Июнь 1989-го. Первые свободные выборы. Коммунисты оказываются в меньшинстве.

⁵⁰ Маршал Советского Союза Виктор Георгиевич Куликов (1921–2013) был в 1977–1989 гг. главнокомандующим Объединенными вооруженными силами государств-участников Варшавского договора.

А. Л. В сенате их вообще почти не осталось. Об их присутствии в семье в определенном количестве пришлось договариваться.

В. Ф. *И круглый стол конца 1980-х, интересно, что вы думаете об этом. В обществе все это широко обсуждалось.*

А. Л. С каждым годом выходили наружу всё новые проблемы. А обратиться за круглым столом — это тоже было в духе национальной традиции и отражало польский характер ментальности. И опять-таки очень важно, что в Польше не было таких чисток, как у нас. А значит, и такой раздавленности общества. Был сохранен генофонд нации. Это проявилось и в 1980-е. Я хочу сказать, что в Польше было мудрое политическое руководство в то время. Скажу больше, даже в свои студенческие годы, учась в Польше, я обратил внимание на более высокий культурный уровень партийных работников в сравнении с Советским Союзом. Это было видно и по тому, как они работают с интеллигенцией, с молодежью, с церковниками. Я думаю, это объясняется тем, что у нас интеллигенция, поддерживавшая партию, была уничтожена в результате сталинских чисток. В Польше все-таки такого рода террор длился недолго, я не говорю о масштабах — масштаб террора надо сопоставлять с масштабом самой страны. Но партия все же сохранила часть своей интеллигенции. А ведь в партию шла интеллигенция. Лозунги социализма были для многих привлекательны.

А. С. *Это все так. Но это если говорить о генерации Гомулки, условно говоря. А при строительстве социализма, видя это разительное противоречие между лозунгами и их воплощением, интеллигенция уже все меньше шла в партию. Наступило разочарование, мы об этом уже говорили. А кто-нибудь из ваших польских друзей был политически активен? В ту или иную сторону?*

А. Л. Я бы сказал: в иную — нет. И вообще, что считать политической активностью... Надо помнить, что я общался с людьми из нормально мыслящих интеллигентских кругов. Это были люди из Академии наук, университетов. Там были люди, принадлежащие разным партиям, политическим силам. А были и те, кто стоял как бы над политикой, над партийностью. Но это были люди, стоящие вне системы действующей власти.

А. С. *Начало 1990-х годов. Советский Союз перестал существовать, но довольно быстро восстановились культурные, научные связи с Польшей, связи с польскими гуманитариями. В том числе на уровне институций.*

А. Л. Да они и не прерывались.

А. С. *Вы много ездили, участвовали с польскими коллегами в совместных проектах, потом, с начала 1990-х, и преподавать стали очень активно, общаться с молодежью. Где вы преподавали?*

А. Л. В Торунь — на родине Коперника. В Варшаве, Кракове. Были и выездные лекции по приглашению в университеты других городов. Помню, как в Лодзи студенты пригласили после лекции на открытие выставки,

посвященной Солженицыну. Преподавать выезжал на семь месяцев, иногда на пять как *visiting professor*.

А. С. *Какие курсы читали? Польская литература и культура эпохи Просвещения? Польско-русские культурные связи?*

А. Л. Да, и даже шире. У меня были циклы лекций — «Россия и Польша: история общая и раздельная». В рамках этой проблематики, исходя из аудитории, ее уровня, я говорил и о политическом устройстве России и Польши — в связи с культурой и национальной ментальностью. Это нашло отражение и в моей книге, которая вышла на польском языке, я и писал ее по-польски: «Россия и Польша: конфронтация и гравитация»⁵¹. То есть я преподавал прежде всего историю. Именно польские историки меня рекомендовали в академики Польской академии наук и искусств в Кракове. Это не официальная академия наук, созданная по образцу нашей, это другая, старая академия, коммунистические власти ее в свое время закрыли, а потом она возродилась, и там совсем другая система. Они внимательно следят, какие книги по гуманитарным наукам имеют хождение и привлекают внимание, в том числе книги иностранных авторов по проблемам Польши. Так вот, меня рекомендовали историки, и только позже к ним присоединились литературоведы. Меня избрали в эту Академию в 2005 году. Что их заинтересовало в моих трудах? История культуры в контексте русско-польских отношений. Культуры в широком смысле слова. И прежде всего, насколько польская культура имела хождение в России, в русских землях, в XVI–XVII веках и в Новое время, оказывала влияние на развитие русской культуры и *vice versa*. Плюс специфика ментальности в каждой из стран. А это было связано и с характером государственной системы — в Польше система была республиканской, шляхетская республика, тогда как у нас самодержавие, разница принципиальная. Меня занимал вопрос: в какой мере эта польская культура, польская государственная традиция проникала в русские земли, что перенималось, а непосредственные связи западных русских земель с польскими существовали со времен династических браков раннего средневековья. Так вот, речь идет о взаимоотношениях русских и поляков во всем их многообразии, о взаимопонимании и взаимонепонимании.

А. С. *Одна из книг, изданных под вашей редакцией, так и называется: «Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание» (2000 год). Я опубликовал в свое время рецензию на нее.*

А. Л. Я организовал междисциплинарную конференцию, которая под таким названием прошла в РГГУ. По истории культуры в широком смысле слова, включая и литературу, и искусство, и проблемы религии и т.д. И вышел сборник, который мы составили вместе с профессором РГГУ

⁵¹ Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja: historia, kultura, literatura, polityka. Toruń: Adam Marszałek, 2003.

И.О. Шайтановым. Вспоминаю в этой связи и встречу видных представителей русской и польской интеллигенции, которая прошла в стенах РГГУ в начале 1990-х. Там была очень интересная, свободная дискуссия.

А. С. *Было несколько таких проектов по истории русско-польских культурных связей, имагологии. Некоторыми руководил В.А. Хорев. В общем, ни один из них не обходился без вашего участия.*

А. Л. Да, без моего участия не обходилось.

А. С. *Это видно и из обширного списка ваших научных трудов. Александр Владимирович, при том, что Польша небольшая по нашим меркам страна, но вы ведь изъездили всю Польшу и видели региональные различия — часть Польши была под Германией, часть под Россией, часть под Австро-Венгрией. Они сохранились до сих пор?*

А. Л. Конечно. А у нас? Есть сибиряки, уральцы и т.д.

А. С. *У нас просторы другие.*

А. Л. Региональные различия в Польше сохранились и в говоре. Масса немецких словечек до сих пор живет. В молодости я мог иногда слышать, как люди старшего поколения в некоторых местах Польши говорят между собой по-немецки. Есть разница в ментальности. Поляки, жившие под немцами, более рациональны. А поляки, чьи предки жили в Царстве Польском, учились в России, — больше похожи на нас, они и сами это признают. Более непосредственные, пьющие и т.д. Различные привычки, традиции.

А. С. *Хотя, с другой стороны, в Польше происходили столь значительные внутренние миграции после войны, переселения на западные земли и т.д., что все могло перемешаться.*

А. Л. И тем не менее различия сохранялись. И сейчас они ощущаются, пусть в меньшей степени. В Кракове, в австрийской части Польши, я видел в ресторане — висит портрет Иосифа II, австрийского императора конца XVIII века. В русской части Польши разве можно себе представить портрет Николая II в ресторане? Вот этот пиетет в отношении Габсбургской империи сохранился — поляки там присутствовали в сенате и т.д.

А. С. *Министром иностранных дел Австро-Венгрии даже был Голуховский⁵², поляки были представлены в имперской элите. У Галиции вообще особый статус был. Она имела автономию.*

А. Л. Там имел самоуправление польский университет, польские гимназии. Так что это была совсем особая часть Польши. Конечно, там жили не только поляки, но и другие славяне тоже — русины, то есть украинцы.

А. С. *Да, но поляки были реально интегрированы в габсбургскую элиту.*

А. Л. В Германской империи, в прусской части Польши не было ничего подобного. Так что к немцам в Польше совсем иное отношение, чем к ав-

⁵² Польский граф Агенор Голуховский (1849–1921) был министром иностранных дел Австро-Венгрии в 1895–1906 гг.

стрийцам. Антинемецкие комплексы передавались из поколения в поколение. Но сейчас они у молодежи ослабевают с вхождением Польши в ЕЭС — тесные экономические связи с Германией, поездки. И даже более старшие поколения в этом плане смягчились.

А. С. Гомулка был выраженным германофобом до конца жизни. Это видно по многим документам. Его даже Москва в этом плане иногда сдерживала, настолько велико у него было недоверие к немцам. Любым.

А. Л. Полякам достаточно было оккупацию пройти, чтобы стать германофобами. Но после 1989 года многое изменилось. Свободный переход границы, поляки ездят на заработки.

А. С. А немцы вкладывают деньги в польские проекты.

А. Л. Когда ксенофобия уходит — это нормально и естественно. Хочу подчеркнуть еще раз в заключение нашей беседы. Шовинизм — любой — мне глубоко чужд. Таково и мое домашнее воспитание, и влияние большой литературы.

Список основных трудов Александра Владимировича Липатова

Монографии

- Возникновение польского просветительского романа: проблемы национального и общеевропейского. М.: Наука, 1974.
- Формирование польского романа и европейская литература: Средневековье, Возрождение, Барокко. М.: Наука, 1977.
- Литература в кругу шляхетской демократии: Позднее Барокко, Просвещение, Предромантизм. М.: Наука, 1993.
- Słowiańszczyzna — Polska — Rosja: studia o literaturze i kulturze. Izabelin: Świat Literacki, 1999.
- Rosja i Polska: konfrontacja i grawitacja: historia, kultura, literatura, polityka. Toruń: Adam Marszałek, 2003.
- Rosja dzisiejsza: między przeszłością a teraźniejszością. Toruń: Adam Marszałek, 2007.

Прочие публикации

- Славянское Просвещение в общеевропейском контексте // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное Возрождение / редкол.: И.А. Богданова, С.В. Никольский, Б.Ф. Стахеев. М.: Наука, 1982. С. 106–121.

- Проблемы общей истории славянских литератур от Средневековья до середины XIX в.: (европейский контекст, типологическая дифференциация и национальная специфика, формирование основ современного развития) // Славянские литературы в процессе становления и развития: От древности до середины XIX в. / отв. ред. А.В. Липатов. М.: Наука, 1987. С. 5–83.
- Начала польской предромантической прозы XVIII в. (Эволюция художественного мышления и внутрижанровые изменения в контексте национального и общеевропейского литературного процесса) // Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы / редкол.: И.И. Калиганов, А.П. Соловьева, Б.Ф. Стахеев. М.: Наука, 1991. С. 58–84.
- Исторический роман: общие закономерности и национальная специфика (русско-польские типологические параллели XVIII – середины XIX века) // Славяноведение. 1993. № 3. С. 19–33.
- Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел-Йозеф Шафарик: (к 200-летию со дня рождения) / отв. ред. Л. Н. Смирнов. М.: Институт славяноведения и балканистики, Научный центр общеславянских исследований (ЦЕСЛАВ), 1995. С. 86–101.
- История европейской литературы и славянские литературные общности (Диалектика национального и универсального) // Славяноведение. 1997. № 1. С. 54–59.
- Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. М.: Индрик, 2000. (*Один из составителей, автор статей «Мицкевич и Пушкин: образ на фоне историографии и историософии» (С. 85–99.), «Россия и Польша: “домашний спор” славян или противостояние менталитетов» (С. 17–29))*).
- От «ублюдка Версальского договора» до «братской страны соцлагеря» (государственное искусство и исторические стереотипы) // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2000. С. 117–133.
- Пушкин и Мицкевич: личная дружба или творческое содружество? (к проблеме литературоведческой мифологии) // А.С. Пушкин и мир славянской культуры: (К 200-летию со дня рождения поэта) / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. С. 112–131.
- Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (государство и гражданское общество) // Россия — Польша: образы и стереотипы в литературе и культуре / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Индрик, 2002. С. 134–155.
- Цивилизационный излом // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2004. С. 22–36.
- Теоретические проблемы общей истории славянских литератур (Цивилизационная общность как диалектическое единство универсального и национального) // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы Всероссийского совещания славистов (Москва, 23–24 октября 2003 г.) / отв. ред. В.К. Волков. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 216–222.
- Универсальное и национальное: двуединство процесса формирования этнических языков и культур в цивилизационном пространстве Европы // Глобали-

- зация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. В двух книгах / отв. ред. Г.П. Нецименко. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 113–139.
- Историческое раздвоение польской культуры: инволюция сарматизма и эволюция европеизма // Творчество Витольда Гомбровича и европейская культура: сборник статей / отв. ред. В.А. Хорев, М.В. Лескинен. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 83–93.
- История и современность: к вопросу о национальных путях возвращения в многонациональную Европу // Поэтический мир славянства. Общие тенденции и творческие индивидуальности / отв. ред. С.В. Никольский. М.: Институт славяноведения РАН, 2006. С. 12–24.
- Европейская цивилизация как дифференцированная целостность: (Запад и славяне) // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 6. С. 14–20. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2007-6-14-20>
- Пушкин и Мицкевич: два типа проекции европеизма // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / отв. ред. В.А. Хорев. М.: Наука, 2007. С. 108–117.
- Россия в глазах славянского мира / отв. ред. А.В. Липатов. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. (*Ответственный редактор, автор раздела «Две проекции национального восприятия: Польша глазами Пушкина — Россия глазами Мицкевича» (С. 79–109)*).
- В кругу вопросов польского понимания России // Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: новые источники, новые взгляды / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 39–54.
- Культуры Руси, России, Украины и Белоруссии в их отношениях с Польшей: от Средневековья до начала XVIII в. (опыт цивилизационного рассмотрения) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 25–67.
- Н.В. Гоголь и славянские литературы / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Индрик, 2012. (*Член редакционной коллегии, автор статьи «Универсальное и национальное (казус Гоголя)» (С. 25–43)*).
- Чеслав Милош: от катастрофизма Второго авангарда к послевоенной «Родной Европе» // Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда. Тезисы научной конференции 13 ноября 2012 г. / редкол.: Л.Н. Будагова, Н.В. Шведова. М.: ИСл РАН, 2012. С. 23–25.
- Специфика польского восприятия высокой русской культуры и казус Лермонтова // М.Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян. Тезисы и материалы международной научной конференции, 5–6 ноября 2013 г. / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: ИСл РАН, 2013. С. 47–53.
- Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А.В. Липатов, Ю.А. Созина. М.: Центр книги Рудомино, 2014. (*Один из редакторов сборника, автор статьи «Историко-цивилизационный фактор инонационального восприятия (на примере польского отношения к русскости)» (С. 50–66)*).
- Российско-польская история: и общая, и разделенная // Россия и Польша. История общая и разобщенная / под ред. Е.И. Пивовара, О.В. Павленко. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 78–90.

- Польша в русском восприятии // Вестник Европы. 2015. Т. XLII–XLIII. С. 313–321.
- Kędy do nas? W poszukiwaniu dróg wzajemnego zrozumienia Polaków i Rosjan // Politeja. 2016. Vol. 12. № 34/2. S. 247–260.
- Идея войны и цивилизационный излом // Вестник Европы. 2016. Т. XLIV–XLV. С. 157–164.
- Rosyjskość i polskość w świetle cywilizacyjnej aksjologii europeizmu // Studia Środkoeuropejskie i Balkanistyczne. 2016. Т. XXIV. S. 7–14. <https://doi.org/10.4467/2543733XSSB.16.001.6243>
- Europeizm: punkt wyjścia w poszukiwaniu porozumienia Polaków i Rosjan // Nauka w Polsce i Rosji. Miejsca wspólne i miejsca różne (obszar humanistyki) / red. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski. Warszawa: Inst. Ruscystyki Univ. Warszawskiego, 2016. S. 95–104.
- Окцидентализм и антиокцидентализм в росийской тождности исторической // Res Gestae. 2016. Vol. 2. S. 5–17.
- Европейская общность: в кругу поисков национального взаимопонимания (Русские и поляки) // Актуальные этнокультурные проблемы современности / отв. ред. Г.П. Нешименко. М.: ЯСК, 2017. С. 169–184.
- Чеслав Милош: от авангарда к классичности // Сражения и связи в программах и практике славянского литературного авангарда / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: ИСл РАН, 2018. С. 201–228.
- Современная славистика и перспективы изучения русско-польской проблематики // Славянский сборник: язык, литература, культура / отв. ред. И.Е. Аманьева, О.А. Остапчук, Е.И. Якушкина. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 362–369.
- Trzy Rosje Mickiewicza // Adam Mickiewicz i Rosjanie / red. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski, Z. Kaźmierczak. Warszawa: Scholar, 2019. S. 17–26.
- Роль России в распространении знаний о славянстве / отв. ред. Ю.А. Созина. М.: Лингвистика, 2019. (*Член редакционной коллегии, автор статьи «Перевод: связующее звено национальных составляющих общеевропейской культуры (К проблематике двуединства универсального и локального)» (С. 24–68)*).
- Культурно-историческая дифференциация славянства и общеевропейские факторы развития славянских литератур // Межславянские культурные связи: результаты и перспективы исследований / отв. ред. Л.Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 19–30. <https://doi.org/10.31168/0452-7>

НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЛАВИСТИКИ В БАШКИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Лариса Айратовна Киселева

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка
и методики его преподавания,
Филологический факультет,
Башкирский государственный университет.
Почтовый адрес: ул. Заки Валиди, 32,
Уфа, 450076, Россия
Электронный адрес: larisakiseleva2015@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4875-6435

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных направлений славистической деятельности лингвистов Башкирского государственного университета: научного, образовательного, культурно-просветительского. В рамках первого направления рассматриваются сравнительно-типологический (в сопоставлении с тюркскими языками) и социолингвистический аспекты, а также описываются результаты лингвогеографического изучения славянских языков (в первую очередь русского). Специфика второго направления раскрывается с опорой на образовательный процесс, предполагающий использование как традиционных, так и новых форм изучения и преподавания зарубежных славянских языков (польского, чешского, болгарского, сербохорватского) в стенах Башкирского государственного университета. Продемонстрирована роль указанных и смежных с ними дисциплин (введение в славянскую филологию, сравнительная грамматика славянских языков) в углублении славистической подготовки студентов-русистов. Уделено внимание связям с образовательными учреждениями славянских стран как важному фактору совершенствования качества преподавания зарубежных славянских языков. Основные параметры третьего — культурно-просветительского — направления славистической деятельности лингвистов Башкирского государственного университета рассматриваются с точки зрения сотрудничества со славянскими национально-культурными центрами Республики Башкортостан, прежде всего Центром польской культуры и просвещения «Возрождение» и Болгарским культурным центром. Продемонстрированы перспективные возможности данного сотрудничества в плане углубленного знакомства студентов с историей и культурой страны изучаемого славянского языка. Показано, что культурно-просветительская работа в области славистики интегрирована в научно-образовательную деятельность и вместе с ней составляет одну из граней единого процесса, нацеленного на максимальное полное освоение студентами знаний о зарубежных славянских языках и воспитание толерантного отношения к ним.

Ключевые слова

Славистика, полонистика, болгаристика, изучение и преподавание славянских языков, межъязыковые и межкультурные связи, славянские национально-культурные центры

Статья поступила в редакцию 11 июля 2022 г.

Цитирование: *Киселева Л.А.* Направления лингвистической славистики в Башкирском государственном университете // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 240–249. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.11>

DIRECTIONS OF LINGUISTIC SLAVISTICS IN BASHKIR STATE UNIVERSITY

Larisa A. Kiseleva

D. Sc., Professor,
Professor of the Department
of the Theory of Language
and Methodology of Its Teaching,
Faculty of Philology,
Bashkir State University,
Postal address: Zaki Validi str., 32,
Ufa, 450076, Russia
E-mail: larisakiseleva2015@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4875-6435

Abstract

This article is devoted to the main directions of the Slavic activities of the linguists of the Bashkir State University, namely scientific, educational, and cultural and elucidative. Within the framework of the scientific direction, comparative typological (in comparison with the Turkic languages) and sociolinguistic aspects are considered, and the results of the linguogeographic study of the Slavic languages (primarily Russian) are described. The specificity of the educational direction is based on the educational process, which involves the use of both traditional and new forms of studying and teaching foreign Slavic languages (Polish, Czech, Bulgarian, and Serbo-Croatian) within the walls of the Bashkir State University. The role of the mentioned and related disciplines (introduction to Slavic philology, comparative grammar of Slavic languages) in deepening the Slavic training of students of Russian studies is demonstrated. Attention is paid to relations with educational institutions in Slavic countries as an important factor in improving the quality of teaching foreign Slavic languages. The main parameters of the third direction — cultural and elucidative — are considered from the point of view of cooperation with the Slavic national cultural centres of the Republic of Bashkortostan, primarily the Polish Culture Centre and Education “Renaissance” and the Bulgarian Cultural Centre. The promising possibilities of this cooperation in terms of in-depth acquaintance of students with the history and culture of the country of the studied Slavic language are demonstrated. It is shown that cultural and elucidative work in the field of Slavic studies is integrated into scientific and educational activities and, combined, constitutes one of the facets of a single process aimed at maximizing student knowledge of foreign Slavic languages and fostering a tolerant attitude towards them.

Keywords

Slavic studies, Polish studies, Bulgarian studies, study and teaching of Slavic languages, interlingual and intercultural relations, Slavic national cultural centers

Received 11 July 2022

How to cite: Kiseleva, L.A., 2022. Napravleniia lingvisticheskoi slavistiki v Bashkirskom gosudarstvennom universitete [Direction of Linguistic Slavistics in Bashkir State University]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 240–249. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.11>

Содержательная сторона славистической деятельности лингвистов Башкирского государственного университета определяется объективными предпосылками, которые исторически сложились еще в середине XX в. С тех пор и по сей день славистическая работа ведется в трех основных направлениях: научном, образовательном и культурно-просветительском. Если иметь в виду первое направление, то славянские языки изучаются с точки зрения их активного контактирования с другими языками региона, что нашло свое отражение в ряде социолингвистических работ, посвященных языковой ситуации в республике, а также в исследованиях, которые нацелены на сопоставительное описание славянских и тюркских языков, различных в генетическом и типологическом отношении¹. Следует отметить также масштабную работу по лингвогеографическому изучению славянских языков и их диалектов, которая ведется в основном на материале русского языка. Можно выделить три главных результата этой работы:

- 1) сбор материала по общероссийской программе «Диалектологический атлас русского языка», начатый еще в 40-е гг. XX в. под руководством доцента А.М. Иорданского. В дальнейшем эта работа была продолжена под руководством профессора (тогда доцента) З.П. Здобновой. В итоге к концу 60-х гг. XX в. был собран диалектный материал, зафиксированный в более чем 150 населенных пунктах;
- 2) сбор материала для «Лингвистического атласа Европы» (было обследовано пять населенных пунктов на территории Башкирии);
- 3) работа по реализации международной научной программы «Общеславянский лингвистический атлас» (обследовано 22 населенных пункта в 11 областях России: Ленинградской, Архангельской, Рязанской, Тамбовской, Калужской, Орловской и др.). Лингвисты Башкирского госуниверситета участвовали также в рабочих совещаниях по составлению карт «Общеславянского лингвистического атласа», в одном из которых, проведенном в 1969 г. в Болгарии, приняла участие проф. З.П. Здобнова. Карты, составленные коллегами, изданы в фонетическом томе указанного атласа в Югославии. Результаты многолетнего труда коллектива кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского госуниверситета по сбору, описанию, лингвогеографическому и лексикографическому представлению ценнейшего языкового материала — русских говоров Башкирии — были целостно отражены в ряде работ: монографии «Судьба русских переселенческих говоров в Башкирии» (З.П. Здоб-

¹ *Ибрагимова В.Л., Калимуллина Л.А.* Славистика в Республике Башкортостан // Современная славистика и научное наследие профессора С.Б. Бернштейна: тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н., проф. С.Б. Бернштейна. 15-17 марта 2011 г., г. Москва / гл. ред. А.Ф. Журавлев, Н. Е. Ананьева. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 7.

нова), двухтомном «Атласе русских говоров Башкирии» (З.П. Здобнова), четырех выпусках «Словаря русских говоров Башкирии» (коллектив авторов под руководством З.П. Здобновой), который был переиздан в академическом издательстве «Гилем»².

Кроме того, следует отметить, что БашГУ неоднократно выступал в качестве соорганизатора крупных научных мероприятий, посвященных славистической проблематике. Это, к примеру, такие международные научно-практические конференции, как «Памяти Шопена. Польская культура: история и современность» (1999), «Польско-российско-башкирские культурные связи: прошлое и современность» (2002 г.), «Полоника: от языка к культуре» (2006); «Россия и Польша. Полоника в этнокультурном пространстве» (2007) и др. Начиная с 2012 г. совместно с Великотырновским университетом им. Святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария) почти ежегодно проводится международная научно-практическая конференция «Славянские этносы, языки и культуры в современном мире». Проблематика, обсуждаемая в рамках конференции, является очень широкой: это история и современность славянских народов, их общественно-политические, культурные и иные связи в прошлом и настоящем; славянские языки в меняющемся мире, в условиях глобализации; социолингвистическая и социокультурная ситуация в славянских государствах, в том числе вопросы языковой политики; системные явления славянских языков и функционирование последних в различных сферах общения; лингвокультурологические аспекты изучения славянских языков; динамика славянских языковых картин мира и многое другое³. Именно широтой проблематики конференции обусловлено то, что к ней традиционно проявляют большой интерес ученые не только из разных уголков России, но и ряда зарубежных славянских и неславянских стран (Болгарии, Польши, Словакии, Белоруссии, Украины, Ирана, Китая, Казахстана и т. д.).

Если иметь в виду второй — образовательный — аспект славистики, то в Башкирском госуниверситете он реализуется в курсах современного русского языка, истории русского языка, русской диалектологии, старославянского языка, введения в славянскую филологию, а также в плане практического изучения зарубежных славянских языков. Это направление возникло в начале 60-х гг. XX в. и имело в основном характер распространения славистических знаний. Главная заслуга в создании и раз-

² *Ибрагимова В.Л., Калимуллина Л.А.* Славистика в Республике Башкортостан. С. 8.

³ Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию славистики в Республике Башкортостан (г. Уфа, 25 сентября 2020 г.) / отв. ред. В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020; Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения д-ра филол. наук проф. Леонида Михайловича Васильева (г. Уфа, 23 сентября 2021 г.) / отв. ред. В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.

витии славистики в стенах Башкирского государственного университета и республике в целом принадлежит почетному академику Академии наук Республики Башкортостан, заслуженному деятелю науки БАССР, доктору филологических наук, профессору Л.М. Васильеву. Так, польский язык преподается на русском отделении филологического факультета БашГУ с 1959 г. Сначала он изучался в режиме славистического кружка под руководством Л.М. Васильева, однако уже в следующем году был введен в учебные планы, другие же славянские языки (болгарский, чешский, сербохорватский) продолжали изучаться в формате кружковой работы. Постепенно эти языки также вошли в образовательное пространство, и студенты получили возможность выбора языка. Кроме того, в эти же годы в учебный план подготовки русистов были введены специальные курсы и семинары, разрабатывалась тематика исследовательских работ по сравнительно-исторической и сопоставительной славистике. Были созданы и реализованы в соответствующих лекционных курсах и учебных пособиях концепции важнейших для славистического образования учебных дисциплин введения в славянскую филологию и сравнительной грамматики славянских языков, подготовлен спецкурс по сравнительно-исторической лексикологии славянских языков. С введением дисциплины «Сравнительная грамматика славянских языков», которая также разрабатывалась и читалась Л.М. Васильевым, позднее — Ю.П. Чумаковой, В.Л. Ибрагимовой, Л.А. Киселевой, академическая славистика получила некое целостное завершение⁴. Создавалась соответствующая учебно-методическая база: приобретались учебники по практическим курсам славянских языков, научная литература, словари, формировался фонд периодической литературы. Включение зарубежных славянских языков в учебные планы одновременно с другим курсом — введением в славянскую филологию — имело целью расширение исторического цикла лингвистических дисциплин и углубление славистической подготовки студентов-русистов. В эти годы на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания воспитывались кадры, способные включиться в практическую и научную славистику. Все преподаватели проходили повышение квалификации в образовательных учреждениях славянских стран (Варшавский и Краковский Ягеллонский университеты, Люблинский университет, Софийский и Великотырновский университеты и некоторые другие).

Следует подчеркнуть, что до последнего времени по числу преподаваемых для студентов-русистов зарубежных славянских языков (польский, болгарский, чешский, сербохорватский) БашГУ занимал одно из ведущих мест среди классических университетов России. Кроме того, на протяжении многих лет существовала практика изучения второго славянского

⁴ *Ибрагимова В.Л., Киселева Л.А.* История славистики Башкортостана // *Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции...* С. 4.

языка студентами, которые проходили специализацию на лингвистических кафедрах. В настоящее время на филологическом факультете преподаются два языка: польский и болгарский. Ежегодно проводятся вечера славянских языков и культур, приуроченные к празднованию Международного дня славянской письменности и культуры, на которых студенты выступают с литературно-музыкальными композициями, собственными переводами поэтических произведений славянских поэтов и т.д. Одновременно с этим студентами ведется исследовательская работа, связанная с изучением широкого круга славистических проблем, результаты которой представляются на научно-практических конференциях разного уровня, а также оформляются в виде учебных семинарских докладов, курсовых и выпускных квалификационных работ. Лингвистическая славистика как одно из направлений учебной и научной работы университета нашла отражение и статусное закрепление в том, что в 1973 году на филологическом факультете была создана кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, которую возглавил профессор Леонид Михайлович Васильев. Важно подчеркнуть также, что с течением времени славистика вышла за пределы Башкирского государственного университета. Так, польский и болгарский языки изучаются в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы, в разное время они преподавались в Бирском педагогическом институте (ныне филиал БашГУ), в Нефтекамском филиале БашГУ, в Академии ВЭГУ.

Хотелось бы отметить и тот факт, что в последние годы налаживаются активные связи с образовательными учреждениями славянских стран. Так, в 2002 г. был подписан Договор о сотрудничестве между Башкирским государственным университетом и Великотырновским университетом им. святых Кирилла и Мефодия (Республика Болгария), в рамках которого осуществляется академический обмен преподавателями и студентами, реализуются совместные научные проекты. На протяжении этих двадцати лет с образовательными и культурными целями в нашей республике побывали несколько преподавателей Великотырновского университета. Они ведут практический курс современного болгарского языка, читают спецкурсы по современной болгаристике, сравнительно-исторической и сопоставительной славистике, знакомят студентов с историей, литературой и культурой Болгарии.

Если иметь в виду третье направление славистической деятельности, то преподаватели и студенты филологического факультета БашГУ активно сотрудничают со славянскими культурно-просветительскими центрами. В 90-е гг. XX в. в Республике Башкортостан было создано несколько таких центров (русский, украинский, белорусский), в которых ведется практическое изучение языка, истории, культуры славянских народов, а также творческая и научная работа. Так, в марте 1998 г. по инициативе Правительства Республики Башкортостан был созван Собор русских Башкортостана. Ак-

тивно действует Международный Аксаковский фонд, историко-культурные центры «Надеждино» в Белебеевском районе, «Никольский храм» в Краснокамском районе и т. д.

Что касается украинского языка, то в январе 1990 г. основано Товарищество почитателей украинской культуры «Кобзарь», которое на первом съезде украинцев в 1992 г. было преобразовано в одноименный Республиканский национально-культурный центр. Кроме того, в республике действует историко-культурный центр «Золотоношка», около 20 фольклорных ансамблей, базовая библиотека по обслуживанию украинского населения в с. Загородный Стерлитамакского района и т. д., функционирует 9 школ с украинским языком обучения⁵. В 1993 г. была открыта республиканская базовая школа с изучением украинского языка, литературы и истории Украины, при которой создана воскресная украинская школа имени Т. Г. Шевченко.

С 1996 г. ведет активную работу национально-культурный центр белорусов «Сябры», впоследствии переименованный в «Спадчына» («Наследие»), в с. Балтика Иглинского района функционирует белорусский историко-культурный центр, базовая библиотека по обслуживанию белорусского населения. В с. Балтика и д. Пушкинское Иглинского района организованы фольклорные ансамбли, в школах ведется преподавание белорусского языка⁶. Кроме того, до недавнего времени украинский и белорусский языки преподавались в Уфимском филиале Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова.

В создании Центра польской культуры и просвещения Республики Башкортостан «Возрождение» самое активное участие приняли преподаватели филологического факультета БашГУ — профессора Л.М. Васильев, Ю.П. Чумакова, В.Л. Ибрагимова. В рамках этой работы лингвисты университета участвуют в подготовке кадров учителей польского языка для Национальной польской воскресной школы имени уроженца республики А.П. Пенькевича и классов с изучением польского языка в лицее № 21, в проведении многих культурно-просветительских мероприятий (например, Дней культуры Республики Польша в Башкортостане, которые посвящаются юбилеям выдающихся поляков, а также знаменательным событиям Польши). В сотрудничестве с Центром польской культуры и просвещения «Возрождение» и Польской национальной воскресной школой им. А.П. Пенькевича университет подготовил и издал несколько поэтических сборников любительских переводов на русский язык стихотворе-

⁵ Киселева Л.А. Славянские языки в коммуникативном пространстве Республики Башкортостан // Социокультурные, этнические и языковые процессы на евразийском пространстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (13-14 декабря 2019 года) / под общ. ред. Р.Х. Лукмановой. Уфа: Инеш, 2019. С. 34.

⁶ Белорусы [Электронный ресурс]. URL: <http://bashenc.online/ru/articles/82004/> (дата обращения: 08.07.2022).

ний известных польских поэтов, выполненных в разные годы студентами и выпускниками, преподавателями университета, например: «Прелюдия: с польского на русский» (1997), «Польское слово» (2006 г.) «Войны уж больше — никогда!» (2015 г.). Кроме того, в 2007 г. подготовлен и издан поэтический сборник под названием «Диалог славянских поэтов», в котором представлены оригинальные и переводные тексты на восьми славянских языках.

В настоящее время ведется активное сотрудничество с региональной общественной организацией «Дружба народов Башкортостан — Болгария», которая была создана в октябре 2009 года в г. Уфе, и Болгарским культурным центром. В октябре 2020 г. в Уфе было открыто единственное в нашей стране Почетное консульство Республики Болгария. Результатом этого сотрудничества является совместная организация множества мероприятий культурно-просветительского и образовательного характера, в том числе международной акции «Лента дружбы», Международного конкурса детского и юношеского литературно-художественного творчества «Славянские братушки» и т. д. Кроме того, в последние годы традиционным стало проведение в столице республики международных акций «Польский диктант» и «Болгарский диктант», в которых принимают участие не только школьники и студенты, изучающие данные языки, но и все, кто интересуется историей и культурой славянских народов.

Научно-исследовательские, культурно-просветительские, методические и иные аспекты славистики освещаются в монографиях, статьях, докладах и выступлениях на конференциях и семинарах, в докторских и кандидатских диссертациях, а также в десятках выпускных квалификационных работ студентов и магистрантов, выполняемых на кафедре теории языка и методики его преподавания Башкирского госуниверситета. Так, изучаются гнезда родственных слов, семантика лексических групп и фразеология на славянском фоне, межъязычная омонимия на материале родственных славянских и индоевропейских языков, лингвистические аспекты перевода с русского языка на другой славянский и наоборот и др.

Заслуги ученых Башкортостана в области распространения славистических знаний, пропаганды славянских языков и культур по достоинству отмечены на самом высоком государственном уровне. Так, многие коллеги имеют награды зарубежных славянских государств: профессор Л.М. Васильев и профессор В.В. Пугачёв награждены медалью «65 лет Победы над фашизмом» Комитета при Президенте Республика Болгария; профессор В.Л. Ибрагимова — медалью Комиссии просвещения Республики Польша за большой вклад в становление и развитие полоники и полонистики Республики Башкортостан, Центра польской культуры и просвещения «Возрождение» РБ, а также за многолетнюю работу по популяризации польского языка и культуры, подготовку преподавательских кадров. Кроме того, Л.Г. Саяхова и А.М. Ямалетдинова награждены медалью А.С. Пушкина.

Таким образом, все перечисленные направления славистической деятельности лингвистов Башкирского госуниверситета успешно интегрированы в единый научно-образовательный процесс, направленный на повышение качества теоретической и практической подготовки студентов-русистов, расширение их кругозора, привитие уважительного отношения к другим языкам и культурам.

Литература

Белорусы [Электронный ресурс]. URL: <http://bashenc.online/ru/articles/82004/> (дата обращения: 08.07.2022).

Ибрагимова В.Л., Калимуллина Л.А. Славистика в Республике Башкортостан // Современная славистика и научное наследие профессора С.Б. Бернштейна: тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д. ф. н., проф. С.Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г., г. Москва / гл. ред. А.Ф. Журавлев, Н.Е. Ананьева. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 7–10.

Киселева Л.А. Славянские языки в коммуникативном пространстве Республики Башкортостан // Социокультурные, этнические и языковые процессы на евразийском пространстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции (13–14 декабря 2019 года) / под общ. ред. Р.Х. Лукмановой. Уфа: Инеш, 2019. С. 30–37.

Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию славистики в Республике Башкортостан (г. Уфа, 25 сентября 2020 г.) / отв. ред. В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020.

Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Леонида Михайловича Васильева (г. Уфа, 23 сентября 2021 г.) / отв. ред. В.Л. Ибрагимова, Л.А. Киселева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.

References

Belorusy [Belarussians] [Online]. Available at: <http://bashenc.online/ru/articles/82004/> (Accessed: 08.07.2022).

Ibragimova, V.L., Kiseleva, L.A., 2011. Slavistika v Respublike Bashkortostan [Slavistics in the Republic of Bashkortostan]. In: A.F. Zhuravlev, N.E. Anan'ieva, eds, 2011. *Sovremennaiia slavistika i nauchnoe nasledie professora S.B. Bernshteina: tezisy докладов Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia vydaiushchegosia otechestvennogo slavista d. f. n., prof. S. B. Bernshteina. 15–17 marta 2011 g., g. Moskva* [Modern Slavic Studies and Academic Heritage of S.B. Bernstein: Theses of Reports of the International Scientific Conference, Devoted to 100th Anniversary of Birth of Prominent Russian Slavonic Scholar D. Sc. in Philology, Prof. S.B. Bernstein. 15–17 of March 2011, Moscow]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 7–10.

- Ibragimova, V.L., Kiseleva, L.A., eds, 2020. *Slavianskie etnosy, iazyki i kul'tury v sovremennom mire: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu slavistiki v Respublike Bashkortostan (g. Ufa, 25 sentiabria 2020 g.)* [Slavic Ethnic Groups, Languages and Cultures in the Modern World: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, devoted to the 60th Anniversary of Slavic Studies in the Republic of Bashkortostan (Ufa, 25 September 2020)]. Ufa: RITs BashGU.
- Ibragimova, V.L., Kiseleva, L.A., eds, 2020. *Slavianskie etnosy, iazyki i kul'tury v sovremennom mire: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 95-letiiu so dnia rozhdeniia d-ra filol. nauk prof. Leonida Mikhailovicha Vasil'eva (g. Ufa, 23 sentiabria 2021 g.)* [Slavic Ethnic Groups, Languages and Cultures in the Modern World: Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, Devoted to 95th Anniversary of Birth of D. Sc. in Philology, Prof. Leonid Mikhailovich Vasil'ev]. Ufa: RITs BashGU.
- Kiseleva, L.A., 2020. Slavianskie iazyki v kommunikativnom prostranstve Respubliki Bashkortostan [Slavic Languages in the Communicative Area of the Republic of Bashkortostan]. In: R. Kh. Lukmanova, ed., 2020. *Sotsiokul'turnye, etnicheskie i iazykovye processy na evraziiskom prostranstve: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (13–14 dekabria 2019 goda)* [Sociocultural, Ethnic and Linguistic Processes on Eurasian Area: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference (13–14 December 2019)]. Ufa: Inesh, pp. 30–37.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПАРОНИМОВ ГРЕЧЕСКИМ СТУДЕНТАМ, ИЗУЧАЮЩИМ БОЛГАРСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ

Камилла Темуровна Юсупова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Афинский национальный университет
им. Каподистрии.
Почтовый адрес: Университетский городок,
Зографу, Афины, 15784, Греция
Электронный адрес: yusupovamilla@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-2247-6969

Аннотация

Статья посвящена актуальному вопросу восприятия и сочетаемости паронимичных рядов у греческих студентов. В Греции существуют три факультета славяноведения: факультет русского языка и литературы и славяноведения Афинского национального университета им. Каподистрии, факультет языков, литературы и культуры причерноморских стран Фракийского университета им. Демокрита в Комотини и факультет балкановедения, славяноведения и востоковедения университета Македонии в Салониках. В этих высших учебных заведениях студенты изучают русский, болгарский и другие славянские языки как иностранные. Среди поступающих студентов есть: греки (не знающие никакого славянского языка), владеющие одним из славянских языков (окончившие школы или другие учебные заведения в своих странах) и билингвы (приехавшие или родившиеся на территории Греции). Целью учебных программ на этих факультетах является не только обучить студентов русскому языку как иностранному, но и дать им полное филологическое образование. Несмотря на то, что существует немалое количество словарей паронимов, ощущается нехватка учебных словарей, методических пособий и электронных ресурсов по болгарскому и русскому языкам для иностранной аудитории. У студентов возникают трудности из-за неправильного понимания, употребления паронимов как в устной, так и в письменной речи русского и болгарского языков на продвинутых уровнях. В статье приводятся примеры паронимов, имеющих близкозвучные семантические соответствия и различия в русском, болгарском и греческом языках. При преподавании иностранного языка следует учитывать языковые и культурологические особенности не только родного языка студентов, но и их знания других языков, чтобы избежать отрицательной интерференции. В заключении даются методические рекомендации в преподавании паронимов.

Ключевые слова

Паронимические пары, словари паронимов, электронные ресурсы, преподавание паронимов, паронимазы, интерференция, трансференция

Статья поступила в редакцию 20 июня 2022 г.

Цитирование: *Юсупова К.Т.* Особенности преподавания паронимов греческим студентам, изучающим болгарский и русский языки // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 250–258. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.12>

FEATURES OF TEACHING PARONYMS TO GREEK STUDENTS STUDYING BULGARIAN AND RUSSIAN

Kamilla T. Yusupova

Ph. D., Research Fellow,
National and Kapodistrian University of Athens.
Postal address: Campus, Zografou,
Athens, 15784, Greece
E-mail: yusupovamilla@hotmail.com
ORCID: 0000-0003-2247-6969

Abstract

The article is devoted to the topical issue of perception and compatibility of paronymic pairs among Greek students. In Greece, there are three departments of Slavic studies: the Department of Russian Language and Literature and Slavic Studies at the National and Kapodistrian University of the Athens, the Department of Languages, Literature and Culture of the Black Sea Countries of the Demokritus University of Thrace in Komotini and at the Department of Balkan Studies, Slavic and Oriental Studies of the University of Macedonia in Thessaloniki. Students study Russian, Bulgarian and other Slavic languages as foreign languages at these universities. Among the incoming students there are: Greeks (who do not know any Slavic language), who speak one of the Slavic languages (graduated from schools or other educational institutions in their countries) and bilinguals (who arrived or were born in Greece). The purpose of the study programs at these faculties is not only to teach students Russian as a foreign language, but also to give them a complete philological education. Despite the fact that there are quite a few dictionaries of paronyms, there is a lack of educational dictionaries, manuals and electronic resources in the Bulgarian and Russian languages for a foreign audience. Students have difficulties due to misunderstanding, the use of paronyms both in oral and written speech of the Russian and Bulgarian languages at advanced levels. Examples of paronyms with close-sounding semantic correspondences and differences in Russian, Bulgarian and Greek are given. When teaching a foreign language, one should take into account the linguistic and cultural characteristics of not only the native language of students, but also their knowledge of other languages in order to avoid interference. At the end of the article, methodological recommendations are given in the teaching of paronyms.

Keywords

Paronymic pairs, dictionaries of paronyms, electronic resources, teaching of paronyms, paronomases, interference, transference

Received 20 June 2022

How to cite: Yusupova, K.T., 2022. Osobnosti prepodavaniia paronimov grecheskim studentam, izuchaiushchim bolgarskii i russkii iazyki [Features of Teaching Paronyms to Greek Students Studying Bulgarian and Russian]. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 250–258. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.12>

В Греции стал наблюдаться повышенный интерес к изучению на продвинутых уровнях русского и болгарского языков. Будущие греческие филологи-слависты помимо этих языков изучают и другие славянские языки, в связи с чем возникает потребность в словарях и в дидактическом материале сопоставительного характера по межъязыковой паронимии, омонимии, синонимии и антонимии.

Исследования сопоставительного характера относительно паронимов и омонимов имеют свою актуальность в языкознании и в преподавании иностранных языков. Не раз поднимались вопросы о создании специальных материалов и учебных словарей паронимов для иностранцев. О.В. Вишнякова¹ занималась этими вопросами и составила учебный словарь «Паронимы современного русского языка», включающий около 1000 пар однокоренных паронимов, предназначенный для изучения русского языка как иностранного на продвинутых уровнях. В свою очередь М.М. Верейтинова² подчеркивает необходимость в составлении учебного словаря паронимов-неологизмов прилагательных для иностранной аудитории. Проблемами паронимии в аспекте русского языка как иностранного занимались А. Токина и С. Чжан³, которые рассмотрели паронимические пары русских прилагательных с эмоциональной окраской. Также при самостоятельном чтении текстов может быть использован «Словарь паронимов русского языка» Г.П. Снетовой и О.Б. Власовой⁴.

В Болгарии Иваном Димовым был разработан электронный образовательный ресурс «Игра на пароними — лексикология»⁵, который может быть весьма полезным в изучении болгарских паронимов, паронимазов, а также синонимов, антонимов и фразеологизмов в игровой форме. Каждая из игр может быть использована без временного ограничения. Студент должен прочитать предложение и выбрать правильный пароним или паронимаз по контексту. Предлагаются два варианта ответа, сопровождающихся кар-

¹ Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: Русский язык, 1984.

² Верейтинова М.М. К вопросу о методической концепции создания учебного словаря паронимов-неологизмов (на материале прилагательных) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 3. С. 103–110; Она же. Лингвометодическое описание актуализированной лексики в целях преподавания русского языка как иностранного: на материале паронимов-прилагательных: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.

³ Токина А.И., Чжан С. Русские паронимы-прилагательные со значением эмоций в аспекте РКИ // XI international scientific and practical conference. International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. New York, USA. March 7–8, 2016. Vol. 3 (13). P. 132–137. URL: <http://scientific-conference.com/images/PDF/2016/13/International-scientific-review-3-13.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

⁴ Снетова Г.П., Власова О.Б. Словарь паронимов русского языка. М.: Мир и образование, 2018.

⁵ Димов И. Игра на пароними — лексикология // Ocenka-BEL.com. Български език и литература [сайт]. 2018. URL: <https://ocenka-bel.com/games/paronimi> (дата обращения: 01.05.2022).

тинками для быстрого запоминания и активизирующих визуальную и семантическую (основанную на содержательном описании понятий и слов, обозначающих понятия) память. Также существует словарь паронимов по болгарскому языку («Речник на близкозвучащите думи / паронимите / в българския език» 1988 года⁶), который может быть использован в обучающих целях.

Существуют три электронных образовательных ресурса, где представлены словари паронимов русского языка: ru-paronym.ru⁷, paronymonline.ru⁸ и slovar-paronimov.slovaronline.com⁹. Также есть приложение для мобильного телефона «Омонимы русского языка», где дается описание паронима и предлагается набор букв, из которых необходимо составить слово. Задания на этом бесплатном тренажере замысловаты даже для носителей языка, по этой причине игровой ресурс может быть использован только на уровне С2.

Лингвисты проявляют интерес не только к сопоставительным работам между русским и европейскими языками, но и между славянскими языками, например: К.Ч. Кусаль «Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия»¹⁰, Е.В. Федорчук «Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках: на материале русского и украинского языков»¹¹ и т. д. Среди сопоставительных исследований русского и болгарского языков можно отметить диссертацию И.Д. Чонгаровой «Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера: на материале русского и болгарского языков»¹². В диссертации рассматриваются межъязыковые омонимы и паронимы в плане синхронии и диахронии.

В этой статье рассматриваются пары паронимов-прилагательных на уровне родственных языков — русского и болгарского, а также греческого, в которых межъязыковые паронимы могут иметь не только структурное и семантическое сходство, но и различие. Приведем в качестве примера паронимическую пару *экономичный* — *экономный* — *экономический*, в которой лексические единицы имеют разную семантику в русском языке, но схожи по звучанию и написанию. В болгарском языке паронимическая

⁶ Василева С. Речник на близкозвучащите думи / паронимите / в българския език. София: Д-р Петър Берон, 1988.

⁷ Словарь паронимов русского языка [сайт]. URL: <https://ru-paronym.ru/> (дата обращения: 24.05.2022).

⁸ Словарь паронимов русского языка [сайт]. URL: <https://paronymonline.ru/> (дата обращения: 10.5.2022).

⁹ Словарь паронимов русского языка [сайт]. URL: <https://slovar-paronimov.slovaronline.com/> (дата обращения: 23.04.2022).

¹⁰ Кусаль К.Ч. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

¹¹ Федорчук Е.В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках: на материале русского и украинского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

¹² Чонгарова И.Д. Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера. На материале русского и болгарского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

пара *икономичен* — *икономически* схожа по написанию, но имеющая разное значение, а в греческом языке лексема *οικονομικός* имеет два значения и не имеет паронимическую пару.

русский	экономичный	экономный	экономический
болгарский	икономичен	икономичен	икономически
греческий	οικονομικός	οικονομικός	οικονομικός

Экономичный ‘дающий возможность сэкономить’, например: рус. *экономичная машина* (болг. *икономична кола*; греч. *οικονομικό αυτοκίνητο*); рус. *экономичный проект* (болг. *икономичен проект*; греч. *οικονομικό έργο*).

Экономный ‘бережливый’, например: рус. *экономная хозяйка* (болг. *икономична домакния*; греч. *οικονομική νοικοκυρά*); рус. *экономное расходование электроэнергии* (болг. *икономично използване на електроенергия*; греч. *οικονομική χρήση ηλεκτρικής ενέργειας*).

Экономический ‘относящийся к экономике’, например: рус. *экономическое развитие* (болг. *икономическо развитие*; греч. *οικονομική ανάπτυξη*); рус. *экономический кризис* (болг. *икономическа криза*; греч. *οικονομική κρίση*).

Лексические единицы в русской паронимической паре *практический* — *практичный* схожи по звучанию и написанию, но имеют различия в семантике. В болгарском языке слова из паронимической пары *практически* — *практичен*, также имеющие два значения и схожи по написанию. В греческом языке лексическая единица *πρακτικός* пишется и произносится одинаково, имеет два лексических значения, но не имеет паронимической пары.

русский	практический	практичный
болгарский	практически	практичен
греческий	πρακτικός	πρακτικός

Практический: 1) ‘относящийся к области практики’, например: рус. *практическая психология* (болг. *практическа психология*; греч. *πρακτική ψυχολογία*); 2) ‘нужный для практики и навыков’, например: рус. *практическое руководство* (болг. *практическо ръководство*; греч. *πρακτικός οδηγός*); 3) ‘относящийся к области реальных потребностей’, например: рус. *практическая помощь* (болг. *практическа помощ*; греч. *πρακτική βοήθεια*).

Практичный: 1) ‘опытный в жизненных делах’, например: рус. *практичный человек* (болг. *практичен човек*; греч. *πρακτικός άνθρωπος*); 2) ‘экономный и выгодный’, например: рус. *практичная обувь* (болг. *практични обувки*; греч. *Αυτά τα παπούτσια είναι πολύ πρακτικά* (не используется *πρακτικά παπούτσια*)).

В русской паронимической паре *демократический* — *демократичный* слова схожи по звучанию, написанию и имеют различия в семантике. В болгарском и греческом языках отсутствует данная паронимическая пара, то есть болг. *демократичен* и греч. *δημοκρατικός* имеют два разных значения.

русский	демократический	демократичный
болгарский	демократичен	демократичен
греческий	δημοκρατικός	δημοκρατικός

Демократический ‘осуществляющий и отражающий демократию’, например: рус. *демократическая федерация* (болг. *демократична федерация*; греч. *δημοκρατική ομοσπονδία*); рус. *демократические права* (болг. *демократични права*; греч. *δημοκρατικά δικαιώματα*).

Демократичный ‘содержащий элементы демократичности и относящийся к народу’, например: рус. *демократичная личность* (болг. *демократична личност*; греч. *δημοκρατική προσωπικότητα*); рус. *демократичное воспитание* (болг. *демократично възпитание*; греч. *δημοκρατική αγωγή*).

В паронимической паре рус. *технический* — *техничный* паронимы также схожи по звучанию, написанию, но имеют различия в семантике. В болгарском языке слова из паронимической пары *технически* — *техничен* схожи по написанию и звучанию, но каждая лексическая единица имеет свою семантику. В греческом языке тоже существует паронимическая пара *τεχνικός* — *τεχνητός*, в которой слова схожи по звучанию, написанию, но каждая лексическая единица имеет свое лексическое значение, не совпадающее с русским и болгарским языками. Греч. *τεχνικός* имеет следующие значения: 1) ‘относящийся к науке и к ее применению’; 2) ‘относящийся к профессиям, связанным с искусством, промышленностью, технологией’; 3) ‘нечто выполненное искусно и с особым мастерством’. Греч. *τεχνητός* означает ‘нечто созданное руками человека искусственно’.

русский	технический	техничный
болгарский	технически	техничен
греческий	τεχνικός / τεχνητός	έμπειρος

Сопоставительные исследования русского, болгарского языков будут способствовать не только изучению этих языков греческими филологами-славистами, но и помогут избежать интерференцию и справляться с возникающими трудностями, среди которых можно выделить следующие: фонетическая близость в лексических парах; похожесть написания слова; понимание значения; лексическая сочетаемость; мнение, что интернационализмы имеют одинаковое значение как в болгарском, русском, так и в грече-

ском языках; употребление терминологических паронимов; неразличение стилевых особенностей паронимов.

Из-за недостаточного количества методических разработок и пособий по употреблению паронимических пар преподаватели как болгарского, так и русского языков как иностранных неизбежно сталкиваются с проблемами преподавания паронимов на продвинутых уровнях. Сущность проблемы относительно паронимов сводится к тому, что в учебниках отсутствуют: таблицы и примеры употребления паронимических пар, анализ и упражнения на сопоставление, наблюдения над лексической сочетаемостью паронимических пар, упражнения на формирование словообразовательных рядов, не дается значение суффиксов (-лив- обозначает действие, состояние, эмоции, например: *пугливый* — *пуганый*; -чив- указывает на способность, склонность что-нибудь делать или проявлять какое-либо свойство, например: *обидный* — *обидчивый* и т. д.). Помимо этого, существует потребность в разработке учебного словаря справочного характера с примерами употребления для иностранной аудитории.

Наряду с вышесказанным необходимо отметить, что преподавая русский язык иностранцам, следует обращать их внимание на отличие паронимов от паронимов. Например, греков затрудняют следующие паронимы в русском языке: *завтра* — *завтрак*, *вход* — *выход*, *стол* — *стул*, *рука* — *ручка* и т. д. В свою очередь, в болгарском языке тоже существуют паронимы, например: *момиче* — *момче*, *красавица* — *красавица*, *закусвам* — *закъснявам* и т. д. Конечно, для людей, владеющих русским или болгарским языком как родным, эти слова не вызывают трудностей, но инофоны путают эти слова в связи со звуковым сходством, поэтому довольно часто можно услышать неправильное употребление слов. Усвоение русской или болгарской лексики вызывает значительные трудности как на начальном, так и на продвинутом этапе владения языками. Тем не менее греческие студенты гораздо быстрее и легче изучают второй родственный или близкородственный славянский язык.

Задача преподавателя — предвидеть и предотвратить ошибки, возникающие вследствие интерференции. Паронимические пары, относящиеся к интернациональной или заимствованной лексике из греческого языка, могут привести греков как к трансференции, так и к интерференции. Во избежание интерференции на занятиях важно подробно объяснять семантику каждой лексической единицы паронимической пары, при этом уделяя особое внимание лексической сочетаемости. Для студентов, владеющих русским языком и изучающих болгарский (или наоборот), можно проводить сопоставительный анализ паронимических пар на уровне словообразования и семантики. Также важно, чтобы у студентов формировались навыки в использовании таких электронных ресурсов, как национальный корпус русского языка, мобильные приложения, электронные словари и др. В Греции существует острая потребность в этноориентированной методике и дидактическом материале для преподавания русского, болгарского и других славянских языков.

Литература

- Василева С. Речник на близкозвучащите думи / паронимите / в българския език. София: Д-р Петър Берон, 1988.
- Вереитинова М.М. К вопросу о методической концепции создания учебного словаря паронимов-неологизмов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 3. С. 103–110.
- Вереитинова М.М. Лингвометодическое описание актуализированной лексики в целях преподавания русского языка как иностранного: на материале паронимов-прилагательных: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011.
- Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: Русский язык, 1984.
- Снетова Г.П., Власова О.Б. Словарь паронимов русского языка. М.: Мир и образование, 2018.
- Димов И. Игра на пароними — лексикология // Ocenka-BEL.com. Български език и литература [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://ocenka-bel.com/games/paronimi> (дата обращения: 01.05.2022).
- Кусаль К.Ч. 2005. Русско-польская межъязыковая омонимия и паронимия: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
- Словарь паронимов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://paronymonline.ru/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Словарь паронимов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar-paronimov.slovaronline.com/> (дата обращения: 23.04.2022).
- Словарь паронимов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-paronym.ru/> (дата обращения: 24.05.2022).
- Токина А.И., Чжан С. Русские паронимы-прилагательные со значением эмоций в аспекте РКИ // XI international scientific and practical conference. International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. New York. USA. March 7–8, 2016. 2016. Vol. 3 (13). P. 132–137. URL: <http://scientific-conference.com/images/PDF/2016/13/International-scientific-review-3-13.pdf> (дата обращения: 11.3.2022).
- Федорчук Е.В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках. На материале русского и украинского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Чонгарова И.Д. Межъязыковые лексические соответствия омонимического характера. На материале русского и болгарского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

References

- Dimov, I., 2018. Igra na paronimi — leksikologija [Paronym game — lexicology]. *Ocenka-BEL.com. Bulgarski ezik i literatura* [Ocenka-BEL.com. Bulgarian Language and Literature]. 2018. Available at: <https://ocenka-bel.com/games/paronimi> (Accessed: 01.05.2022).

- Chongarova, I. D., 1992. *Mezh''iazykovye leksicheskie sootvetstviia omonimicheskogo kharaktera. Na materiale russkogo i bolgarskogo iazykov* [Interlingual Lexical Correspondences of a Homonymous Nature. On the Material of Russian and Bulgarian Languages]. Dis. ... kand. filol. nauk. Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
- Fedorchuk, E.V., 2001. *Mezh''iazykovaia omonimiia i paronimiia v blizkorodstvennykh iazykakh. Na materiale russkogo i ukrainskogo iazykov* [Interlingual Homonymy and Paronymy in Closely Related Languages. On the Material of Russian and Ukrainian Languages]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow Pedagogical State University.
- Kusal', K. Ch., 2005. *Russko-pol'skaia mezh''iazykovaia omonimiia i paronimiia* [Russian-Polish interlingual Homonymy and Paronymy]. Dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg University.
- Paronymonline.ru, 2014–2022. *Slovar' paronimov russkogo iazyka* [Dictionary of Paronyms of Russian Language] [Online]. Available at: <https://paronymonline.ru/> (Accessed: 10.05.2022).
- Ru-paronym.ru. *Slovar' paronimov, 2022. Slovar' paronimov russkogo iazyka* [Dictionary of Paronyms of Russian Language]. Available at: <https://ru-paronym.ru/> (Accessed: 24.45.2022).
- Slovari onlain, 2010–2022. *Slovar' paronimov russkogo iazyka* [Dictionary of Paronyms of Russian Language]. Available at: <https://slovar-paronimov.slovaronline.com/> (Accessed: 23.04.2022).
- Snetova, G. P., Vlasova, O.B., 2018. *Slovar' paronimov russkogo iazyka* [Dictionary of Paronyms of Russian]. Moscow: Mir i obrazovanie.
- Tokina, A.I., Chzhan, S., 2016. Russkie paronimy-prilagatel'nye so znacheniem emotsii v aspekte RKI [Russian paronyms-adjectives with the meaning of emotions in the aspect of Russian as a foreign language]. *XI international scientific and practical conference. International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. New York. USA. March 7–8, 2016*, 3 (13), pp. 132–137. Available at: <http://scientific-conference.com/images/PDF/2016/13/International-scientific-review-3-13.pdf> (Accessed: 11.03.2022).
- Vasileva, S., 1988. *Rechnik na blizkozvuchashnite dumi / paronimite / v bulgarskiia ezik* [Dictionary of Close-Sounding Words / Paronyms / in Bulgarian]. Sofia: D-r Petur Beron.
- Vereitinova, M.M., 2010. K voprosu o metodicheskoi kontseptsii sozdaniia uchebnogo slovaria paronimov-neologizmov [To the Problem of Methodological Concepts of An Academic Dictionary of Paronyms-Neologisms (On Materials of Adjectives)]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages. Methods of Its Teaching*, 3, pp. 103–110.
- Vereitinova, M.M., 2011. *Lingvometodicheskoe opisanie aktualizirovannoi leksiki v tseliakh prepodavaniia russkogo iazyka kak inostrannogo: na materiale paronimov-prilagatel'nykh* [Linguo-Methodical Description of the Actualized Vocabulary for Purposes of Teaching Russian as a Foreign Language: on the basis of paronyms-adjectives]. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Lomonosov Moscow State University.
- Vishniakova, O.V., 1984. *Slovar' paronimov russkogo iazyka* [Dictionary of Paronyms of Russian]. Moscow: Russkii iazyk.

**ЉУШИЋ Р. КНЕЗ МИЛОШ (1783–1860).
ДРЖАВОТВОРНИ ВЛАДАР.**

**НОВИ САД: ПРАВОСЛАВНА РЕЧ, 2021. 923 С.
ISBN 978-86-81648-15-5**

Мирослав Радивојевић

Ph. D., научный сотрудник,
отделение истории,
Философский факультет,
Белградский университет.
Почтовый адрес: ул. Чика Любина, 18–20,
Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: miroslav.radivojevic@f.bg.ac.rs;
mirrad88@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2218-7254

Аннотация

В 2021 г. в свет вышла первая полная биография выдающегося деятеля сербской истории, вождя Второго сербского восстания, правителя Сербского княжества и родоначальника династии Обреновичей князя Милоша. Автором книги стал авторитетный историк, профессор Белградского университета на пенсии, доктор наук Радош Люшич. Глубокое, фундированное исследование восполняет значительный пробел в сербской историографии, так как до недавнего времени не существовало работ, в которых биография второго сербского правителя в Новое время была бы представлена так полно. Помимо известных научной общественности сборников документов, мемуаров, дневников и периодических изданий, при написании книги Радош Люшич активно использовал доселе неопубликованные материалы сербских, русских и австрийских архивов. Стоит также отметить огромный пласт научной литературы, проработанной автором при создании биографии Милоша Обреновича. Монография представляет собой довольно объемное сочинение (923 с.), разделенное на шесть частей: «От пастуха до вождя», «Князь», «Изгнанник и возвращенец», «Имущество», «Изменник» и «Рудничанин». Исследование также снабжено богатым иллюстративным материалом и картами. Впервые в мировой историографии биография сербского князя представлена без значительных пробелов и пропусков. Несомненным достоинством книги является то, что, следуя за жизненными вехами князя Милоша Обреновича, автор не оставлял без внимания происходившие в Сербии события, нравы и социальные нормы той эпохи. Биография князя Милоша представлена без отрыва от исторического контекста. В данном материале аудитории журнала предлагается ознакомиться с краткой рецензией на этот достойный внимания исследователей и интересующихся читателей труд.

Ключевые слова

Князь Милош, биография, Обреновичи, Второе сербское восстание, Княжество Сербия, Радош Люшич

Статья поступила в редакцию 20 июня 2022 г.

Цитирование: *Радивојевић М.* [Рец.] Љушић Р. Кнез Милош (1783–1860). Државотворни владар. Нови Сад: Православна реч, 2021. 923 с. ISBN 978-86-81648-15-5 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 259–263. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.13>

**LJUŠIĆ R. KNEZ MILOŠ (1783–1860).
DRŽAVOTVORNI VLADAR.**

NOVI SAD: PRAVOSLAVNA REČ, 2021. 923 S.
ISBN 978-86-81648-15-5

**[LJUŠIĆ R. PRINCE MILOŠ (1783–1860).
THE STATE-MAKING RULER.**

NOVI SAD: ORTHODOX WORD, 2021. 923 P.]

Miroslav Radivojević

Ph. D., Researcher,
Department of History,
Faculty of Philosophy,
University of Belgrade
Postal address: Čika Ljubina str., 18–20,
Belgrade, 11000, Serbia
E-mail: miroslav.radivojevic@f.bg.ac.rs;
mirrad88@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2218-7254

Abstract

In 2021, the first full biography of an outstanding figure in Serbian history — the leader of the second Serbian uprising, the ruler of the Serbian principality, and the founder of the Obrenović dynasty, Prince Miloš — was published. The author of the book is a respected historian, retired University of Belgrade professor Radosh Ljušić. This deep and grounded research fills a significant gap in Serbian historiography, as there were no studies on this subject until recently. This biography of the second Serbian ruler of the modern period is extremely comprehensive: In addition to the collections of documents, memoirs, diaries, and periodicals well-known to the scientific community, Ljušić actively used previously unpublished materials from Serbian, Russian, and Austrian archives while writing the book. It is also noteworthy that the author studied the huge amount of scientific literature while composing a biography of Miloš Obrenović. The monograph is a fairly voluminous writing (923 pages), divided into six parts: “From shepherd to leader”, “Prince”, “Outcast and returnee”, “Possessions”, “Traitor”, and “Rudnichanin”. The study is also provided with rich illustrative material and maps. For the first time in world history, the biography of a Serbian prince is presented without significant gaps and omissions. The undoubted advantage of this book is that by following the life milestones of Prince Miloš, the author does not ignore the events, customs, and social norms of that era in Serbia. This biography is written without ignoring the historical context. This article offers journal readers a brief review of this work, which is worthy of the attention of researchers and interested readers.

Keywords

Prince Miloš, biography, Obrenović dynasty, Second Serbian Uprising, Principality of Serbia, Radosh Ljušić

Received 20 June 2022.

How to cite: Radivojević, M., 2022. [Rets.] Ljušić R. Knez Miloš (1783–1860). Državotvorni vladar. Novi Sad: Pravoslavna reč, 2021. 923 s. ISBN 978-86-81648-15-5 [Review: Ljušić R. Prince Miloš (1783–1860). The state-making ruler. Novi Sad: Orthodox word, 2021. 923 p.]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 259–263. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.13>

Один из самых авторитетных сербских историков, профессор, доктор наук Радош Люшич, хотя и вышел на пенсию, продолжает свою научную деятельность. Из-под его пера недавно вышла биография вождя Второго сербского восстания, правителя Сербского княжества и родоначальника династии Обреновичей князя Милоша. С выходом этой книги историк осуществил свой давний замысел, представив биографии двух первых правителей Сербии Нового времени. Так, спустя почти тридцать лет после первого издания написанной Р. Люшичем биографии вождя Карагеоргия историография обогатилась исследованием о князе Милоше.

Работа Р. Люшича восполнила значительный пробел, так как ранее не было составлено всеохватывающей биографии Милоша Обреновича. Авторы XIX столетия, среди которых Сима Милутинович Сарайлия, Милан Дж. Миличевич, Вук Стефанович Караджич и Карло Пацек, освещали только определенные сюжеты из жизни князя Милоша или ограничивались краткими биографическими справками. Значительный шаг вперед сделал Михаило Гаврилович, подготовив трехтомное сочинение «Милош Обренович» (1908, 1909, 1912 гг.). Однако работа осталась незаконченной. Автор осветил вопросы внешней политики до 1835 г., а повествование о внутренних делах княжества обрывается 1827 г. Период второго правления князя Милоша стал предметом исследования историка Слободана Йовановича (1923 г.). Среди множества трудов, посвященных личности и деятельности знаменитого сербского правителя, стоит выделить исследование Владимира Стоянчевича «Князь Милош и его эпоха» (1966 г.), которое хоть и не лишено недостатков, но до недавних пор являлось единственной монографией, содержащей сведения обо всех периодах жизни князя Милоша.

Книга Р. Люшича состоит из предисловия, шести частей, разделенных на главы и параграфы, заключения, библиографии, снабжена именованным и географическим указателями, содержит сведения об авторе. Не отрываясь от исторического контекста и уделяя значительное внимание характеристике личности Милоша Обреновича, исследователь представляет всеобъемлющую биографию сербского князя от рождения до кончины, без значительных пробелов. Еще одним достоинством работы является богатый иллюстративный материал и карты, которые визуальнo обогащают повествование.

В качестве источников для монографии Р. Люшич привлек неопубликованные материалы из сербских, русских и австрийских архивов. Кроме того, книга основана на введенных ранее в научный оборот документах, мемуарах, дневниках и периодических изданиях. Также автор проработал огромное количество монографий и статей своих предшественников.

В первой части (с. 36–198), озаглавленной «От пастуха до вождя», речь идет о происхождении, родословной, детстве и молодости Милоша. Здесь Люшич окончательно разрешает сомнения относительно даты рождения бу-

дущего князя, а также погружает читателя во времена, когда бедный пастух и слуга, а затем торговец скотом, обладающий смелостью и находчивостью, проходит путь до воеводы, «главнокомандующего» фронтом у Карагеоргия, чтобы в 1815 г. стать вождем Второго сербского восстания. Автор верно отмечает, что именно эти поколения «воскресли» государство и тем самым начали «строить будущее сербского народа».

В следующей части под заглавием «Князь» (С. 199–530) автор применяет тематико-хронологический подход, отступая от классического изложения событий по хронологическому принципу. Р. Лјушичу удается мастерски осветить многочисленные аспекты публичной и частной жизни Милоша и при этом сделать текст понятным даже для неподготовленного читателя. В этом самом большом разделе книги рассматривается первое правление князя, ознаменованное отменой феодализма в Сербии и визитом к султану в Константинополь (1835 г.), последовавший затем непростой период правления и потеря власти (1839 г.). Как пишет автор, «судьбе было угодно, чтобы из двух создателей сербского государства в Новое время оба стали изгнанниками».

В третьей части монографии «Изгнанник и возвращенец» (С. 531–638) освещается жизнь князя Милоша в эмиграции в Валахии, Вене и Одессе, а также повествуется о его путешествиях по Европе. Особое внимание автор уделяет плану Обреновича по возвращении на сербский престол и его реализации в ходе работы Свято-Андреевской скупщины (1858–1859 гг.). Лјушич констатирует, что мысль о возвращении на родину не оставляла изгнанного князя с того момента, как он ее покинул. В этом же разделе монографии находится и описание кратковременного второго правления Милоша вплоть до его кончины 14 (26) сентября 1860 г. Как и в предыдущих частях, выводы и утверждения автора убедительны и не вызывают сомнений. В последние годы у власти князь «и во внешней, и во внутренней политике разрывался между своими желаниями и невозможностью их осуществления ввиду возраста».

В четвертой части, озаглавленной «Имущество» (С. 639–712), Лјушич дает полный обзор государственной и частной собственности, бывшей в пользовании у Милоша Обреновича. Автор говорит о движимом и недвижимом имуществе, а также описывает повседневную жизнь того времени. Из этого рассказа хорошо видно, каким богатством князь обладал, как оно росло и как князь Милош относился к материальным благам. С оттенком иронии Лјушич констатирует, что его преемникам «было что делить и что разбазаривать».

Следующий раздел «Изменник» (С. 713–764) посвящен бурной личной жизни Милоша Обреновича, семейным делам, ближнему и дальнему кругу родственников. Автор подробно описывает все значимые романы князя и насчитывает одиннадцать известных внебрачных детей, а также девять законнорожденных сыновей и дочерей от княгини Любицы, что делает

Милоша сербским правителем с самым большим количеством потомков. Князь «никогда не выражал раскаяния в своих действиях, как в любви, так и в политике», — заключает Люшич.

В последней, шестой части основного текста, озаглавленной «Рудничанин» (С. 765–860), представлены портрет, черты характера и образ жизни Милоша Обреновича. Люшич уделяет большое внимание знакам отличия, бюстам и картинам, на которых изображался князь, и дает характеристику его деятельности в сербской истории Нового времени. Особое внимание уделяется вопросу о создании и развенчании культа личности «Милоша Великого».

Трудно поспорить с оценкой Р. Люшича, который в заключении называет героя «злодобрым князем Милошем» и характеризует его как «величайшего правителя Сербии Нового времени». Милош Обренович, со всеми его недостатками и достоинствами, несомненно заслужил биографию, основанную на архивных материалах, опубликованных источниках и релевантной литературе. Мы рекомендуем работу Р. Люшича как научному сообществу, так и широкому кругу читателей.

Литература

Љушић Р. Кнез Милош (1783–1860). Државотворни владар. Нови Сад: Православна реч, 2021.

References

Ljušić, R., 2021. *Knez Miloš (1783–1860). Državotvorni vladar* [Prince Miloš (1783–1860). The state-making ruler]. Novi Sad: Pravoslavna reč.

**АГАНСОН О.И. В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ.
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И «БАЛКАНСКИЙ ЛАБИРИНТ»,
1903–1914 ГГ.
СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2022. 362 С.
ISBN 978-5-00165-492-6**

Елена Гавриловна Кострикова

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт Российской истории
Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Дмитрия Ульянова, 19,
Москва, 117292, Россия
Электронный адрес: XIX_iriran@inbox.ru

Аннотация

В рецензии идет речь о книге О.И. Агансон «В поисках равновесия. Великобритания и “балканский лабиринт”, 1903–1914 гг.». Следует отметить, что сильной стороной монографического исследования О.И. Агансон является хорошее знание автором трудов предшественников, в особенности современных британских и американских историков. Научное значение рецензируемой работе придает солидная источниковая база, включающая не только документальные публикации, отечественные и зарубежные, но и архивные материалы (из АВП РИ, ГАРФ, РГВИА), а также мемуарную литературу и прессу. О.И. Агансон предлагает новый подход к проблеме истоков Первой мировой войны, рассматривая внешнюю политику Великобритании через призму ее отношения к проблемам Балканского полуострова. В центре исследования — механизм возникновения глобальных конфликтов, взаимодействие и взаимовлияние регионального и глобального уровней мировой политики с постепенным возрастанием удельного веса малых стран. Автор рецензии не во всем разделяет выводы, к которым приходит О.И. Агансон, но при этом считает, что ее книга является серьезным научным исследованием и вносит существенный вклад в изучение Великой войны. Само по себе наличие различных подходов к решению поднятых О.И. Агансон проблем служит на пользу делу, так как дает стимул к дальнейшим поискам истины.

Ключевые слова

Первая мировая война, Антанта, Тройственный союз, Внешняя политика Великобритании, Внешняя политика России, Боснийский кризис, Балканский союз, Македонский вопрос

Статья поступила в редакцию 4 августа 2022 г.

Цитирование: *Кострикова Е.Г.* [Рец.] Агансон О.И. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 264–282. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.14>

**O.I. AGANSON. V POISKAKH RAVNOVESIIA.
VELIKOBRIANIIA I “BALKANSKII LABIRINT”, 1903–1914 GG.
SPB.: ALETEIIA, 2022. 362 S.
ISBN 978-5-00165-492-6**

**[O.I. AGANSON. IN SEARCH OF BALANCE.
GREAT BRITAIN AND THE “BALKAN LABYRINTH”, 1903–1914.
SAINT PETERSBURG: ALETEIIA, 2022. 362 P.]**

Elena G. Kostrikova

D. Sc., Leading Researcher,
The Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences.
Postal address: Dmitry Ulyanov str., 19,
Moscow, 117292 Russia
E-mail: XIX_iriran@inbox.ru

Abstract

This is a review of the book by O. I. Aganson “In search of Balance. Great Britain and the “Balkan Labyrinth”, 1903–1914”. The strength of this monograph is the author’s excellent knowledge of the works of his predecessors, especially modern British and American historians. The academic significance of the reviewed work results from its solid source base, including not only documentary publications, domestic and foreign, but also archival materials (from AVPRI, GARF, RGVIA), as well as memoirs and the press. Aganson offers a new approach to the causes of the outbreak of the First World War, considering the foreign policy of Great Britain through the prism of its attitude to the problems of the Balkan Peninsula. The research focuses on the mechanism of global conflicts, the interaction and mutual influence of regional and global levels of world politics, and the gradual increase in the share of small countries. This reviewer does not fully share the conclusions that Aganson comes to, but at the same time believes that her book is a serious scientific study and makes a significant contribution to the study of the origins of the First World War. The presence of different approaches to solving the problems raised by Aganson is beneficial to the cause, as it provides an incentive to further search for the truth.

Keywords

The First World War, the Entente, the Triple Alliance, the Foreign Policy of Great Britain, the Foreign Policy of Russia, the Bosnian crisis, the Balkan Union, the Macedonian question.

Received 4 August 2022.

How to cite: Kostrikova, E.G., 2022. [Rets.] O.I. Aganson. V poiskakh ravnovesii. Velikobritaniia i “balkanskii labirint”, 1903–1914 gg. SPB.: Aleteiia, 2022. ISBN 978-5-00165-492-6 [[Review] O.I. Aganson. In search of balance. Great Britain and the “Balkan Labyrinth”, 1903–1914. Saint Petersburg: Aleteiia, 2022.]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 264–282. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.14>

Уже более века прошло со времени начала Первой мировой войны, но до сих пор это событие не оставляет равнодушными не только профессиональных историков, но и многих далеких от науки людей. В связи со столетней датой и у нас, и за рубежом появилось немало исследований, в которых продолжается давний спор о причинах военного столкновения мирового масштаба и о его виновниках.

Ольга Игоревна Агансон предлагает свой взгляд на проблему истоков Первой мировой войны. Внешняя политика Великобритании, одной из самых влиятельных в то время европейских держав, рассматривается через призму ее отношения к проблемам Балканского полуострова. В центре внимания автора — механизм возникновения глобальных конфликтов, взаимодействие и взаимовлияние регионального и глобального уровней мировой политики с постепенным возрастанием удельного веса малых стран: «Пересечение этих двух плоскостей, региональной и общесистемной, представляет собой интереснейшую тему для исследования».

В своем исследовании О.И. Агансон опирается на труды предшественников, акцентируя внимание на работах современных британских и американских историков. Признавая, что такой подход может показаться не вполне сбалансированным, она поясняет, что «эта диспропорциональность проистекает из методологического ракурса работы, а не из-за поверхностного отношения автора к отечественной историографии, высоким достижениям которой можно посвятить отдельное монографическое исследование»¹. Автор книги, безусловно, имеет право на такой подход. Главное, чтобы при этом не была утрачена объективность. Ведь не секрет, что история — наука политическая. Надо отдать справедливость, О.И. Агансон не оставляет без внимания и работы известных отечественных историков: Ю.А. Писарева, К.Б. Виноградова, К.Ф. Шацилло и других. Тем более удивительно, что она ни разу не упомянула труды такого признанного специалиста в области внешней политики России конца XIX — начала XX в., и прежде всего русско-английских отношений, как Анатолий Венедиктович Игнатъев². Не попали в сферу внимания автора и коллективные монографии, подготовленные под его руководством в Центре истории внешней политики России Института российской истории РАН³. А ведь они имеют

¹ Агансон О.И. В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб.: 2022. С. 40.

² Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М.: Соцэкгиз, 1962; Там же. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1986; Там же. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000 и др.

³ История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.). В 5-ти тт. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Международные отношения, 1997. Т. 5; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатъев. М.: Международные отношения, 1999; Очерки истории Министерства иностранных дел России / отв. ред. А.Н. Сахаров. В 3-х тт. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1.

самое прямое отношение к рассматриваемым в книге проблемам и отнюдь не устарели.

Что же касается англоязычной литературы, посвященной истории Первой мировой войны, то она представлена в историографическом обзоре очень основательно. О.И. Агансон дает широкую панораму исследований, указывая на особенности в подходах к проблеме, характерные для каждого из авторов. В связи с продолжающейся дискуссией о причинах и виновниках войны представляется важным такое ее замечание: «В последние годы среди британских и американских историков наблюдается тенденция к некоторому ретушированию остроты международных противоречий накануне Великой войны, неизбежность которой теперь не рассматривается как историческая аксиома». В качестве иллюстрации Ольга Игоревна приводит суждение профессора Гарвардского университета М. Нимберга, сводящееся к тому, что европейцы не желали войны, а нагнетание международной обстановки в период Июльского кризиса и его перерастание в войну являлись классическим образчиком работы «кабинетной дипломатии»⁴.

О.И. Агансон отмечает, что одной из наиболее дискуссионных тем в современной британской и американской историографии является «вклад» России и Австро-Венгрии в развязывание Первой мировой войны: «В случае с российской политикой на Балканах... в историографии нередко превалируют стереотипы и штампы, что во многом обуславливается современной политической конъюнктурой, а также субъективностью оценочных суждений самих авторов». Так, американский историк Ш. Макмикин в книге «Русские истоки Первой мировой войны» представляет Россию главной виновницей, поскольку вся внешняя политика Петербурга была подчинена стремлению овладеть проливами. При этом Ольга Игоревна подчеркивает, что далеко не все современные западные авторы «склонны к такой заведомой подмене понятий и стигматизации ее политики». Например, Д. Рич характеризует позицию русской дипломатии в период Июльского кризиса как оборонительную, считая, что поддержка, оказанная Россией Сербии, носила вынужденный характер⁵. И все же, по мнению О.И. Агансон, «наблюдается устойчивая тенденция перекладывания ответственности за развязывание Первой мировой войны на Сербское королевство. В общем-то это даже не тенденция, а скорее традиция англо-американской историографии...»⁶. В целом и сам историографический обзор, и серьезный анализ трудов зарубежных коллег, который продолжается на разных этапах исследования, следует признать сильной стороной монографии. Тем более, что дискуссия, начавшаяся сто лет назад, и поныне не утратила своей остроты, а актуальность предпринятого автором исследования, таким образом, не вызывает сомнений.

⁴ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 51.

⁵ Там же. С. 55–57.

⁶ Там же. С. 63.

Монография О.И. Агансон базируется на широком круге источников. Основательно изучены фундаментальные публикации документов, вышедшие в разное время в странах-участницах событий: Великобритании, Германии, Франции, Австрии, Болгарии, Сербии, Македонии, Турции. Большое внимание Ольга Игоревна уделила архивным материалам, как отечественным, так и зарубежным. В монографии были использованы интересные и ценные документы внешнеполитического ведомства, хранящиеся в Национальном архиве Великобритании. При этом автор затронула очень важную и интересную тему — процесс принятия решений. Внимательное изучение внутриведомственной переписки, инструкций, а также меморандумов, ежегодных отчетов и аналитических записок позволило О. И. Агансон разобраться в том, как функционировал Форин Оффис в начале XX в. Она отмечает, что модернизация аппарата, осуществленная в 1906 г., повысила качество работы дипломатической службы⁷.

Наряду с британскими архивными материалами в монографии присутствуют ссылки на документы из Архива внешней политики Российской империи (фонды посольств в Лондоне, Вене, Константинополе, миссий в Белграде, Софии и др.); Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военно-исторического архива. О.И. Агансон признает в целом высокий уровень компетентности русских дипломатов, которые «в силу конфессиональной и лингвистической близости с балканскими народами (в первую очередь со славянскими) более тонко чувствовали и понимали, в отличие от своих британских и других западных коллег, национальные программы и внешнеполитические установки местных обществ, а потому их анализ ситуации в регионе отличался большей точностью»⁸.

Значительное внимание уделяет автор личностному фактору, отмечая, что в рассматриваемый период ключевые позиции в британском внешнеполитическом ведомстве заняла плеяда талантливых дипломатов: Э. Грей, Ч. Гардинг и др. Естественно, что среди источников, привлеченных автором, мы видим воспоминания и дневники политиков, дипломатов, военных, общественных деятелей Великобритании и других стран.

В ряду наиболее значительных лиц автор выделяет Артура Никольсона, занимавшего в 1910–1916 гг. пост заместителя главы Форин Оффис. До 1909 г. он был послом в Петербурге и приобрел репутацию убежденного сторонника прорусской ориентации. Его считали одним из главных творцов англо-русской Антанты. Ольга Игоревна уделяет особое внимание этому дипломату, отмечая, что его личная корреспонденция содержала не просто конфиденциальную информацию, но важные оценки и прогнозы относительно развития общемировой ситуации в целом и англо-русского взаимо-

⁷ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 27.

⁸ Там же. С. 30.

действия в частности⁹. От себя заметим, что именно Никольсону принадлежит интересная и, на наш взгляд, близкая к истине, характеристика России: «Я придерживаюсь мнения, что одной из наиболее характерных черт этой единственной в своем роде страны является терпение и молчание, с которым она получает и переносит испытания, которые сломили бы дух многих других рас. Верно, что Россия легко огорчается и так же легко начинает гордиться, но ее весьма трудно привести в полное отчаяние. Она может оплакивать свою судьбу или уноситься в вихре возбуждения, но у нее есть огромная терпеливая решимость, хотя это как бы и не соответствует одно другому»¹⁰.

Важным источником по истории внешней политики Великобритании, в том числе ее балканского направления, является пресса. Автор книги подчеркивает, что политическая система государства допускала относительную самостоятельность этого института. Пресса, если не прямо, то косвенно, имела возможность влиять на определение внешнеполитического курса страны: «Поскольку свобода слова и плюрализм мнений в целом являлись нормой для Великобритании, то в прессе нашли отражение различные оттенки общественной реакции на актуальные международные вопросы и внешнюю политику правящего кабинета». Хотя в британском внешнеполитическом ведомстве не существовало специального подразделения, координировавшего деятельность печати, между чиновниками МИД и представителями прессы существовали постоянные контакты¹¹.

О.И. Агансон выделяет особую роль влиятельной газеты «Таймс», которая за границей воспринималась в качестве полуофициального органа. Отлично поставленная служба зарубежной информации повышала авторитет издания. На корреспондентов газеты распространялись привилегии, подобающие дипломатам. Между сотрудниками британских посольств и представителями «Таймс», работавшими за границей, была достигнута высокая степень взаимодействия¹². Ко всему вышесказанному можно добавить, что когда в российском МИД по инициативе А.П. Извольского была начата реформа, важным элементом которой было установление контактов с прессой, то за образец был взят европейский, прежде всего английский, опыт.

Помимо «Таймс», в монографии используются материалы других изданий — ряда журналов и газет европейских стран, в том числе балканских, а также публицистика.

В начале своего исследования О.И. Агансон считает необходимым определить некоторые методологические ориентиры, обозначая собственный подход к проблеме: «Анализ балканской политики Великобритании бу-

⁹ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 29.

¹⁰ Годовой отчет за 1909 г. английского посла в Петербурге А. Никольсона // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 138. Д. 288/290. Л. 6.

¹¹ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 37.

¹² Там же. С. 38.

дет разворачиваться на трех уровнях: системы международных отношений, региона и внешней политики отдельного государства». При этом она присоединяется к мнению А.С. Манькина, заключающемуся в том, что «Венская модель международных отношений, сложившаяся по итогам Наполеоновских войн, в модифицированной форме просуществовала до 1914 г. Ее структурная организация продолжала оставаться многополярной, а вектор развития по-прежнему определялся характером взаимодействия между великими державами. Несмотря на расширение их пула в связи с вхождением в него объединенных Италии и Германии (вместо Пруссии), не произошло радикального реформатирования системы»¹³. По мнению автора, Тройственный союз и Антанта «сформировались в эпоху, не испытывавшую общеевропейских потрясений, и скорее являли собой новый механизм поддержания баланса сил на континенте вместо отходившего в прошлое “европейского концерта”»¹⁴. Крымская и франко-прусская войны, считает она, не выходили за рамки конфликтов регионального масштаба. Это утверждение не бесспорно, если принять во внимание, кто в них участвовал и насколько значительными были их последствия. По этой причине некоторые современные историки даже называют Крымскую войну «нулевой мировой».

Можно ли говорить о многополярности системы международных отношений вплоть до 1914 г., если на рубеже XIX–XX вв. шло формирование Тройственного союза и Антанты? Причем процесс развивался быстро, и от кризиса к кризису контуры двух военно-политических блоков становились все более определенными. Тем не менее автор утверждает: «В начале XX в. система международных отношений приняла вид структурированной многополярности: функционирование двух военно-политических блоков не исключало наличия нескольких центров силы на международной арене»¹⁵. При этом не вполне ясно, какие именно значительные центры силы имеются в виду.

Еще одно положение, заявленное автором, вызывает сомнения: «“Правила игры”, заложенные на Венском конгрессе 1815 г., продолжали действовать и в начале XX в.: “европейский концерт” и баланс сил оставались базовыми принципами во взаимоотношениях великих держав, стремившихся не допустить масштабного военного конфликта в Европе»¹⁶. Насколько такое утверждение соответствует действительности, показывает сам ход событий, детально изложенный в монографии. Одно дело — декларировать стремление к миру и совсем иное — следовать этому принципу в реальной политике. На это обращает внимание и сама Ольга Игоревна: «Размежева-

¹³ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Там же. С. 20.

¹⁶ Там же.

ние великих держав на военно-политические группировки сопровождалось обострением гонки наземных и морских вооружений и ростом численности армий...»¹⁷

О.И. Агансон пишет: «Что касается европейского равновесия, то оно являлось некоей идеальной моделью, которая опиралась на предшествовавший положительный опыт взаимодействия великих держав и их готовность урегулировать существующие противоречия. Подтверждение тому — в целом “мирный” раздел колониальной периферии европейскими державами, а также довольно успешная практика созыва международных конференций, призванных решать наиболее острые вопросы международной повестки дня»¹⁸. И с этим тезисом автора хочется поспорить. Во-первых, «раздел колониальной периферии европейскими державами», сопровождавшийся войнами и многочисленными человеческими жертвами, трудно назвать мирным. Во-вторых, на Берлинском конгрессе 1878 г., который, по мнению автора, можно принять за образец, был заложен тот «горючий материал», который детонировал спустя 30 лет. Имеется в виду аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, а также вопрос о македонских реформах, который великие державы так и не смогли согласовать. Автор книги далее признает: «Англия в лице Б. Дизраэли и Р. Солсбери, принимавшая непосредственное участие в разработке Берлинского трактата, исходила из того, чтобы свести к минимуму влияние в регионе России, которая оценивалась британским истеблишментом как главный внешнеполитический противник. <...> В Берлинском трактате изначально были заложены противоречия, обусловившие быстрое накопление конфликтного потенциала в подсистеме»¹⁹.

Затем О.И. Агансон переходит к самой главной составляющей балканской проблемы, совершенно справедливо замечая: «Незавершенность процесса национального освобождения балканских народов и отсутствие... четких формулировок относительно обязательств Порты в вопросе проведения реформ в европейских вилайетах являлись источником постоянной политической нестабильности в регионе». В качестве основных параметров кризиса Балканской подсистемы она выделяет следующие аспекты: 1. внутренний кризис Османской империи; 2. непримиримое соперничество балканских государств за европейское «наследство» султана; 3. австро-сербский конфликт; 4. столкновение в регионе интересов великих держав²⁰.

Все, что происходило в начале XX в. на Балканах и Ближнем Востоке, О.И. Агансон вполне обоснованно рассматривает как новую стадию в раз-

¹⁷ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 20.

¹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Там же. С. 24–25.

витии Восточного вопроса, называя центральными событиями восстание 1903 г. в Македонии, Боснийский кризис, Балканские войны и июльский кризис 1914 г. За всеми этими событиями автор видит эрозию многонациональной Османской империи и Австро-Венгрии: «Угасание этих двух буферных империй было сопряжено с перспективой образования вакуума силы в регионе с последующим изменением геополитического рисунка Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока»²¹. Второе направление — исследование модели взаимодействия Великобритании с независимыми балканскими государствами, прежде всего с Болгарией и Сербией. Третий проблемный блок включает методы и механизмы проведения британского влияния в регионе. Четвертая тема, которая проходит через все повествование, — это взаимоотношения Великобритании с другими великими державами в процессе трансформации регионального порядка на Балканах.

Поскольку дальнейшее изложение исходит из этих четырех позиций, необходимо уточнить: а действительно ли положение двух империй, Османской и Австро-Венгерской, было в одинаковой степени критическим? Если первую из них называли «больным человеком», то у второй такой репутации не было. Возможно, двуединая монархия переживала не самые легкие времена, как, впрочем, и другие государства, не исключая Россию, но о близком распаде Австро-Венгрии никто всерьез не говорил. Да и сама автор в конце книги признает это: «Разумеется, Дунайской монархии, в отличие от Османской империи, никто категорических диагнозов не ставил: Австро-Венгрия не являлась неизлечимо “больным человеком Европы”»²².

Первая глава монографии, в которой идет речь о действиях британской дипломатии в условиях политической дестабилизации на Балканах, представляется наиболее интересной. О.И. Агансон констатирует, что британские правящие круги, воспринимавшие Россию в качестве главного стратегического соперника на Востоке, были заинтересованы в сохранении целостности Османской империи. Это в полной мере проявилось в ходе Крымской войны и Восточного кризиса 1875–1878 гг. Лондон выступал против образования независимых государств на национальных окраинах Османской империи, даже если для этого существовали объективные предпосылки. Автор приходит к выводу: «Поддержка Порты и взаимодействие с Австро-Венгрией являлись традиционными инструментами в арсенале британской дипломатии, когда речь шла о противодействии России на Ближнем Востоке»²³.

Однако к концу XIX в. в Европе произошла перегруппировка сил. Политическая и экономическая активность Германии в Турции принесла свои плоды. Автор отмечает «интенсивное экономическое “освоение” Осман-

²¹ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 11.

²² Там же. С. 298.

²³ Там же. С. 69, 73.

ской империи германскими промышленниками и финансистами». Берлин занялся реорганизацией турецкой армии, для чего направил в Константинополь военную миссию генерала К. фон дер Гольца. В этих условиях Австро-Венгрия переориентировалась с Англии на Германию. «Таким образом был нарушен тот хрупкий баланс сил, который существовал на Балканах со времени Берлинского конгресса»²⁴.

О.И. Агансон обращает внимание на большую активность британского общества в обсуждении внешнеполитических проблем. При этом Восточный вопрос являлся одной из самых актуальных тем. Дискуссия шла на страницах газет и журналов, на заседаниях парламента и в частных собраниях. Столь высокий интерес британских общественно-политических кругов к независимым балканским государствам был продиктован вполне прагматическими соображениями. Автор книги выделяет деятельность британских радикалов, которые регулярно посещали Балканский полуостров, контактировали с местной элитой, вмешиваясь в политический процесс. Ольга Игоревна отмечает тактику, избранную представителями МИД в отношении этих деятелей: «В зависимости от собственных интересов Форин Оффис сознательно завышал роль общественного мнения в процессе принятия внешнеполитических решений»²⁵.

Раздел, посвященный Илинденско-Преображенскому восстанию 1903 г., представляет особый интерес. Это событие имело далеко идущие последствия, а потому все документальные свидетельства и факты, приводимые автором, важны для понимания того, что произошло в дальнейшем и в конце концов привело к Первой мировой войне. Ольга Игоревна напоминает, что в начале XX в. македонский вопрос превратился в одну из наиболее острых проблем международных отношений на Балканах: «В Македонии сложилась катастрофическая ситуация: пожар, разгоревшийся в европейских провинциях султана, грозил перекинуться на весь Балканский полуостров»²⁶. Австро-Венгрия и Россия как наиболее заинтересованные державы должны были, по мнению «европейского концерта», предложить меры, которые снизили бы напряженность. Осенью 1903 г. в Мюрцштеге министры А. Голуховский и В.Н. Ламздорф согласовали общие принципы проведения преобразований в балканских вилайетах.

О.И. Агансон прежде всего интересуется то, как Лондон выстраивал свою линию поведения, исходя из обстановки в Балканском регионе и баланса сил на международной арене. Этому вопросу посвящен раздел «Проблема реорганизации политического пространства Европейской Турции: британское видение (1904–1908)». Ольга Игоревна отмечает, что британская дипломатия продемонстрировала гибкий подход к решению стоящих перед

²⁴ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 75–78.

²⁵ Там же. С. 91–92.

²⁶ Там же. С. 106.

ней задач. В отношении Мюрцштегской программы реформ Лондон занял отстраненную позицию, таким образом заранее перекладывая вину за возможную неудачу на Вену и Петербург. Лондон стремился взять на себя роль посредника в треугольнике: великие державы — Османская империя — балканские государства. Все это имело целью упрочить статус Британии как мировой державы, без участия которой не обходилось урегулирование ни одного серьезного международного кризиса²⁷.

В своей балканской политике Форин Оффис делал ставку на Болгарию: «На страницах либеральных изданий княжество выступало как олицетворение прогрессивного балканского государства». Частые поездки политиков-радикалов в регион и их двусмысленные заявления будоражили воображение болгаро-македонских политических деятелей²⁸.

Специальный раздел монографии посвящен дипломатическим отношениям между Великобританией и Сербией в 1903–1906 гг. Автор отмечает, что в Лондоне резко отрицательно отнеслись к государственному перевороту 1903 г., в ходе которого был убит король Александр Обренович, а престол перешел к Петру Карагеоргиевичу. Англия последней из великих держав восстановила дипломатические отношения с Сербским королевством.

О.И. Агансон исходит из того, что в балканской политике Великобритании пересекались три уровня противоречий: европейский, ближневосточный и региональный. Англия, в отличие от России, Австро-Венгрии и Германии, не была заинтересована в сохранении статус-кво на Балканах, да и не считала это возможным. «Отказываясь от поддержки Турции, где год от года укреплялись германские позиции, Британия вставала на путь сближения со своим извечным противником — Россией»²⁹.

Вторая глава монографии называется: «Балканская политика Великобритании в условиях межблокового противостояния (1908–1911)». Такая постановка вопроса, на наш взгляд, противоречит тезису о многополярном мироустройстве, заявленному в начале книги, тем более что сама автор пишет: «...Оформление Тройственной Антанты свидетельствовало о дальнейшей поляризации существовавшей системы международных отношений»³⁰.

Младотурецкая революция 1908 г. внесла коррективы в политику Британии в отношении Порты. Новое правительство возглавил Кямил-паша, известный англофильскими взглядами. В таких условиях британские дипломаты потеряли интерес к проведению македонских реформ, ссылаясь на то, что преобразования в европейских вилайетах произойдут в результате внутреннего развития «обновленной» Турции³¹.

²⁷ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 129, 148.

²⁸ Там же. С. 127.

²⁹ Там же. С. 165–166.

³⁰ Там же. С. 168.

³¹ Там же. С. 176.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. О.И. Агансон рассматривает прежде всего как кризис Балканской подсистемы международных отношений, подчеркивая, что такая постановка проблемы является для нее принципиальной. В обоснование этого подхода приводятся два аргумента. Первый заключается в том, что «непосредственными предпосылками к Боснийскому кризису послужили внутрорегиональные процессы». Имеются в виду провозглашение независимости Болгарии и аннексия Боснии и Герцеговины, осуществленная Австро-Венгрией. Второй состоит в том, что «на примере Боснийского кризиса прослеживается смещение противоречий великих держав на региональный уровень. Конфликт на Балканах приобретал качественно новое измерение, поскольку в нем непосредственно были задействованы местные игроки». Урегулирование Балканского кризиса, по мнению автора, «затруднялось не отсутствием у великих держав склонности к компромиссу друг с другом, а столкновением их интересов с устремлениями балканских акторов»³².

Нам кажется, что предложенная автором конструкция упрощает реальное положение дел. Провести жесткие границы между конфликтом регионального и общеевропейского уровня очень трудно. Ведь в это время в мире шли сложнейшие процессы глобального масштаба, в которые были включены и великие державы, и малые государства. Начало Боснийского кризиса было положено встречей А. Эренталя и А.П. Извольского в Бухлау, в ходе которой представители двух великих держав решали судьбы балканских народов. Изменение режима Черноморских проливов, к чему стремился министр иностранных дел России, затрагивало интересы многих государств и в случае благоприятного решения вопроса меняло соотношение сил в общеевропейском масштабе. Именно поэтому план Извольского и был обречен на неудачу. Аннексия Боснии и Герцеговины только на первый взгляд касалась двух стран: Австрии и Сербии. В исторической перспективе этот шаг приблизил начало Первой мировой войны. То, что Ольга Игоревна называет «устремлениями балканских акторов», в основе своей было объективным стремлением народов к свободе и независимости. Вина за то, что эта борьба растянулась на десятилетия, остается целиком на совести великих держав, не пожелавших по справедливости решить вопрос на Берлинском конгрессе.

Да и сама О.И. Агансон выводит проблему на более высокий уровень: «На данном этапе цель Великобритании заключалась в том, чтобы в условиях межблокового противостояния сохранить влияние Антанты на Балканах, что, естественно, затрагивало отношение Лондона к проблеме ревизии статус-кво в регионе: провозглашению независимости Болгарии и сербскому вопросу»³³.

³² Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 181.

³³ Там же.

Касаясь реакции на аннексию в России, автор книги опирается на суждение Никольсона: «... русская пресса и общественное мнение не считали вопрос о Дарданеллах ключевым: в большей степени их волновала поддержка и защита “славянских интересов” и компенсации для Сербии и Черногории»³⁴. Это тот случай, когда исследователь обратился не к тому источнику. Достаточно раскрыть русские газеты времен Боснийского кризиса, чтобы понять чувства, охватившие публику при первом известии об аннексии. Среди людей, исповедовавших самые разные политические взгляды, доминировало абсолютное неприятие инициативы Извольского, решившегося на сговор с австрийцами. По этой причине и отношение к идее уладить конфликт путем компенсаций было преимущественно отрицательным.

В оценке О.И. Агансон поведения Сербии также ощущается влияние английских источников: «Непредсказуемость политики этого балканского королевства обуславливалась вмешательством такого фактора как национальное самосознание, где присутствовала существенная иррациональная компонента»³⁵. Касаясь действий России, Ольга Игоревна вновь обращается к свидетельству английского посла: «Все это, как констатировал А. Никольсон, мешало России в ее попытках удержать Сербию от опрометчивых шагов: убедить оставить вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины и компенсациях на рассмотрение великих держав». Возникает вопрос: а зачем в таком случае Извольский объезжал европейские столицы? В том-то и дело, что Извольский как раз уповал на международную конференцию, о чем в очередной раз заявил с трибуны Государственной думы 12 декабря 1908 г.

В момент драматической развязки кризиса в марте 1909 г. Россия и Германия оказались на грани войны. Петербург рассчитывал на поддержку союзников по Антанте. Не получив ее, российская дипломатия была вынуждена капитулировать перед германскими ультиматумом. Уклончивую позицию Великобритании признает и сама Ольга Игоревна: «Грей откровенно признался, что не разделяет требований Сербии и Черногории в отношении территориальных приращений. На его взгляд, для них было бы целесообразней не принимать скоропалительных решений, продолжать развивать отношения с Турцией и надеяться на ее усиление при новом режиме»³⁶. Однако этот совет не сработал. 13 апреля 1909 г. в Турции произошел переворот, что в очередной раз изменило соотношение сил в регионе. Берлин восстановил свое влияние в Константинополе, а Англия возвратилась к курсу, которого она придерживалась до младотурецкой революции.

Последствием Боснийского кризиса, по мнению О.И. Агансон, явилась интеграция региона в систему межблокового противостояния великих держав: «Поляризация системы международных отношений задавала направ-

³⁴ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 190.

³⁵ Там же. С. 191.

³⁶ Там же. С. 193.

ление внешнеполитического курса местных игроков, которые связывали реализацию своих целей в регионе с поддержкой той или иной группировки держав или лавированием между ними. Это свидетельствовало о подчинении Балканской системы существовавшей системе международных отношений»³⁷. Можно ли при таком выводе продолжать настаивать на сохранении многополярного мироустройства вплоть до 1914 г.?

В третьей главе О.И. Агансон исследует трансформацию регионального порядка на Балканах в 1912–1914 гг. Детальное рассмотрение русско-английских отношений в связи с созданием Балканского союза безусловно представляет научный интерес. Великобритания в принципе поддержала образование коалиции малых балканских стран. При этом автор отмечает, что «Лондон фактически самоустранился и “переложил” на Петербург все трудности, связанные с созданием Балканского союза»³⁸. Ольга Игоревна подчеркивает: «Сотрудничество с Петербургом в вопросе создания балканской федерации являлось характерной чертой политики Форин Оффис в регионе. Уайтхолл стремился использовать огромное влияние России в славянском мире для выстраивания регионального блока на Балканах»³⁹. С этим тезисом вполне можно согласиться, за одним исключением. Вопрос о возможности создания Балканской федерации был предметом дискуссий в прессе славянских государств и России. Единого мнения не было. Чаще об этом говорили, как об отдаленной перспективе. Во всяком случае Балканский союз, созданный в начале 1912 г., не был федерацией.

О.И. Агансон приходит к выводу: «... Стремление балканских игроков к сближению свидетельствовало о появлении в регионе третьего центра силы, помимо России и Австро-Венгрии. Это отвечало интересам Лондона, поскольку в регионе устанавливалось выгодное для него силовое равновесие: Дунайской монархии противостоял блок балканских государств, который была вынуждена поддерживать Россия, руководствовавшаяся представлениями о своей “великой миссии” на Балканах»⁴⁰. Если допустить, что Балканский союз в самом деле претендовал на роль «третьего центра силы», то это была, скорее всего, лишь попытка — союз просуществовал чуть больше года и был разрушен вследствие дипломатических маневров великих держав.

«Вспыхнувшая в октябре 1912 г. Первая балканская война застала европейские кабинеты в состоянии растерянности». Это замечание автора не вполне соответствует действительности. Дипломатические документы свидетельствуют о том, что великие державы с самого начала видели антитурецкую направленность союза и в меру сил пытались удержать ли-

³⁷ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 219–220.

³⁸ Там же. С. 241.

³⁹ Там же. С. 231, 241.

⁴⁰ Там же. С. 242–243.

деров балканских государств от военного столкновения. Ольга Игоревна отмечает, что Лондон возлагал всю ответственность за балканский кризис на Россию и Австро-Венгрию как на наиболее заинтересованные державы. Она приводит мнение Никольсона, считавшего, что С.Д. Сазонов плохо представлял себе последствия своих действий: «... Поощряя балканские государства к заключению оборонительного союза и частичному разделу Македонии, он поднимал у них дух, с которым впоследствии будет очень сложно совладать»⁴¹. Справедливости ради нужно сказать, что Сазонов сознавал возможность опасного поворота событий, но не в его власти было остановить процессы, которые развивались на Балканах. Российская дипломатия старалась сдерживать Австро-Венгрию, чьи намерения после аннексии Боснии и Герцеговины ни для кого не являлись тайной.

О.И. Агансон замечает, что накануне войны и в самом ее начале Лондон считал, что с мирными инициативами должны выступать Вена и Петербург. «Англичане занимали выжидательную позицию по вопросу коллективных действий держав с целью предотвращения войны на Балканах»⁴².

Следует заметить, что европейские аналитики практически единодушно предсказывали победу Турции. Боеспособность армий балканских государств, за исключением болгарской, оценивалась невысоко. Но все прогнозы были опровергнуты горячим желанием народов Сербии, Черногории, Болгарии и Греции покончить с османским гнетом. В течение месяца вся европейская территория Турции была освобождена, болгарская армия подошла к Константинополю, сербы устремились к Адриатическому побережью, черногорцы осадили Скутари, а греки заняли острова в Эгейском море.

И тут за дело взялся «европейский концерт». Под нажимом великих держав военные действия были остановлены. Ольга Игоревна справедливо заключает: «Триумф балканских союзников и разгром турецкой армии означали крах регионального порядка, базировавшегося на постановлениях Берлинского трактата 1878 г., а также необходимость выработки новых принципов политической организации региона. Вопрос о перекройке карты Балканского полуострова... разрастался до общесистемного уровня, затрагивая интересы великих держав»⁴³.

На конференции послов, открывшейся в декабре 1912 г. в Лондоне под председательством Э. Грея, была решена судьба балканских народов. Сербия не получила выхода в Адриатическое море, Черногория лишилась Скутари, обделена была и Греция. Австрийский проект — Албания — стала форпостом империи Габсбургов на Балканах. Автор книги пишет: «В принципе создание независимой Албании явилось следствием компромиссов

⁴¹ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 248.

⁴² Там же. С. 249.

⁴³ Там же. С. 253.

и договоренностей шести великих держав, которые брали на себя ответственность в определении ее границ и формировании государственных структур»⁴⁴. Получается, что Россия наравне с другими державами несет ответственность за последствия принятого в Лондоне решения. А ведь российская дипломатия честно боролась против того, чтобы балканские государства были лишены плодов своей победы. Общественное мнение в России, проявляя редкое единодушие, добивалось удовлетворения требований стран-победителей. Весной 1913 г. возникла реальная угроза европейской войны. Второй раз после 1909 г. мир был сохранен ценой уступок со стороны России.

Что касается Великобритании, то О.И. Агансон приходит к выводу, что в период балканского кризиса 1912–1913 гг. она выступала в качестве медиатора, стремясь «сохранить за собой функции балансира системы международных отношений, а также продемонстрировать надблоковость своих позиций, что означало отказ от жестких обязательств перед партнерами по Антанте». Это очень важное заключение. Автор предлагает и другое объяснение произошедшему: «Ни в Берлине, ни в Лондоне не собирались ввязываться в общеевропейскую войну из-за локальных споров, которые представляли для них третьестепенное значение»⁴⁵. С этим можно было бы согласиться, если бы «беспощадная воля Европы» в самом деле обеспечила долговременный мир. А ведь произошло обратное. Лондонский мирный договор заложил мину под Балканский союз. Недавние братья по оружию, обделенные при подведении итогов войны, бросились делить Македонию, значительная часть которой по договору должна была отойти к Болгарии. Потребовалось совсем немного времени для того, чтобы на Балканах вспыхнула новая война.

Российская дипломатия и лично Николай II пытались предотвратить новое кровопролитие. Однако Грей отверг идею Сазонова о посредничестве стран Согласия, посоветовав договариваться напрямую с Веной. Во Второй балканской войне Болгария потерпела поражение и лишилась большей части ранее завоеванных территорий. Ольга Игоревна замечает: «Франция и Англия считали оптимальным установившийся на Балканах баланс сил»⁴⁶.

Однако подписанный 28 июля 1913 г. Бухарестский мир способствовал умиротворению на Балканах еще меньше, чем Лондонский договор. Далее события нарастали, как снежный ком. В ноябре 1913 г. Германия направила в Константинополь военную миссию генерала Лимана фон Сандерса с чрезвычайно широкими полномочиями. В России это было воспринято как посягательство на ее безопасность, поскольку зона проливов фактически оказалась под германским военным контролем. О.И. Агансон указывает

⁴⁴ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 264.

⁴⁵ Там же. С. 265.

⁴⁶ Там же. С. 277.

на уклончивую позицию, занятую Британией в этом чувствительном для России вопросе: «В Лондоне <...> не рассматривали германскую акцию как повод для серьезного беспокойства. Британские дипломаты характеризовали страхи русского правительства как неоправданные и преувеличенные»⁴⁷. России пришлось довольствоваться формальным удовлетворением ее претензий — отставкой Лимана фон Сандерса, что по сути ничего не меняло. Как свидетельствует А.В. Игнатъев, «На Ближнем Востоке интересы России и Англии сталкивались прежде всего в вопросе о судьбе Черноморских проливов. <...> Англия все время выступала главным противником не только перехода проливов в руки соперника, но и изменения их режима в интересах России»⁴⁸.

Последний инцидент обострил отношения между Россией и Германией. Полемика, вспыхнувшая весной 1914 г. в прессе обеих стран, достигла такого накала, что осталась в истории как «русско-германская газетная война». В перепалке участвовали английские, французские и австрийские издания. Все это производило впечатление отдаленных раскатов приближающейся грозы.

О.И. Агансон указывает на опасные последствия конфликтов 1912–1913 гг., которые спровоцировали новый виток гонки вооружений и «придали импульс укреплению внутриблоковых связей по военной линии»⁴⁹.

С февраля по июль 1914 г. между Россией и Великобританией шли военно-политические переговоры. Как пишет А.В. Игнатъев, «в Петербурге не теряли надежды в конечном итоге привести дело к союзу». Это должно было оказать сдерживающее влияние на Германию. Однако вскоре выяснилось, что на союз Англия не идет. Заключительным испытанием русско-английского Соглашения послужил международный кризис, приведший к началу мировой войны⁵⁰.

По поводу июльских событий О.И. Агансон пишет: «Обнаруженная Англией склонность сочетать политику укрепления Антанты и “разрядку” напряженности во взаимоотношениях с Германией порождала некоторую неопределенность на международной арене...». В самый драматический момент «Лондон сознательно “отслоил” австро-сербский конфликт от глобального контекста». Ольга Игоревна делает абсолютно верный вывод: «Сводя всю ситуацию к австро-сербскому противостоянию, Лондон стремился избежать ответа на гораздо более серьезный вопрос — о поддержке своих партнеров по Тройственному соглашению и в конечном счете о сохранении Антанты»⁵¹.

⁴⁷ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 293.

⁴⁸ Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. С. 73–74.

⁴⁹ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 309.

⁵⁰ Игнатъев А.В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. С. 193, 200, 218, 219.

⁵¹ Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 317–319.

Прослеживая по британским источникам все изгибы британской политики в последние мирные дни, автор книги приходит к важному заключению: «Позиция Великобритании касательно австро-сербского конфликта <...> трактовалась правительствами Германии и Австро-Венгрии как нежелание Англии быть вовлеченной в общеевропейский конфликт. Неучастие Великобритании в войне значительно повышало шансы Центральных держав на успех в военном противостоянии с франко-русским союзом»⁵². Таким образом, действия Лондона объективно подталкивали Берлин к решающему шагу: «Проводимая Англией политика “умиротворения” Центральных держав на Балканах привела летом 1914 г. к трагическим событиям»⁵³.

Подводя общий итог, следует признать, что книга О.И. Агансон, вносит существенный вклад в изучение истоков Первой мировой войны. Это серьезное научное исследование, основанное на солидном документальном фундаменте. Автор предлагает собственную трактовку системы международных отношений в конце XIX — начале XX вв., проясняет ряд малоизученных вопросов. Книга интересна не только специалистам, но и более широкому кругу читателей, так как предполагает возможность аналогий с современными событиями. Что же касается существования различных подходов к решению поднятых автором проблем, то это, на наш взгляд, может принести только пользу, так как дает стимул к дальнейшим поискам истины. Есть предмет для продолжения дискуссии, которая не закрывается с выходом книги.

Литература

- Агансон О.И.* В поисках равновесия. Великобритания и «балканский лабиринт», 1903–1914 гг. СПб.: Алетейя, 2022.
- Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М.: Соцэкгиз, 1962.
- Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1986.
- Игнатьев А.В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000.
- История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.). В 5-ти тт. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Международные отношения, 1997. Т. 5: Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции).
- Очерки истории Министерства иностранных дел России. В 3-х тт. / ред. И.С. Иванов и др. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1.
- Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М.: Международные отношения, 1999.

⁵² Агансон О.И. В поисках равновесия. С. 323–324.

⁵³ Там же. С. 323, 324, 333.

References

- Aganson, O.I., 2022. *V poiskakh ravnovesiia. Velikobritaniia i “balkanskii labirint”, 1903–1914 gg.* [In Search of balance. Great Britain and the “Balkan Labyrinth”, 1903–1914]. Saint Petersburg: Aleteiia.
- Ignat'ev, A.V., 1962. *Russko-angliiskie otnosheniia nakanune pervoi mirovoi voiny (1908–1914 gg.)* [Russian-English Relations on the Eve of World War I (1908–1914)]. Moscow: Sotsekgiz.
- Ignat'ev, A.V., 1986. *Vneshniaia politika Rossii v 1905–1907 gg.* [Foreign Policy of Russia in 1905–1907] Moscow: Nauka.
- Ignat'ev, A.V., 2000. *Vneshniaia politika Rossii. 1907–1914: Tendentsii. Liudi. Sobytiia* [Foreign Policy of Russia. 1907–1914. Tendencies. Persons. Events]. Moscow: Nauka.
- Ivanov I.S., ed., 2002. *Ocherki istorii Ministerstva inostrannykh del Rossii. V3-kh tt.* [Essays on the History of the Ministry of Foreign Affairs. In 3 vol.]. Moscow: OLMA-PRESS. Vol. 1.
- Nezhinskii, L.N., Ignat'ev, A.V., eds, 1999. *Rossia i Chernomorskie prolivy (XVIII–XX stoletii)* [Russia and the Turkish Straits (XVIII–XX centuries)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Sakharov, A.N., ed., 1997. *Istoriia vneshnei politiki Rossii (konets XV v. — 1917 g.). V 5-ti tt.* [History of the Foreign Policy of Russia (the End of XV century — 1917). In 5 vol.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 5: *Konets XIX — nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soiuzha do Oktiabr'skoi revoliutsii)* [The End of XIX — the Beginning of XXth century (From the Russian-French Alliance to the October Revolution)].

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 24–25 МАЯ 2022 Г.
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»**

Никита Владимирович Евстафьев

Младший научный сотрудник, аспирант,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Аннотация

24–25 мая 2022 г. состоялась очередная конференция молодых ученых, приуроченная ко Дню славянской письменности и культуры. В этот раз конференция проходила в смешанном формате: очно, в Институте славяноведения, и на платформе ZOOM. Как и в прошлые годы, в работе секции «История» принимали участие молодые ученые из самых разных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ростова-на-Дону и Праги (Чехия). В рамках конференции обсуждался широкий круг вопросов истории славянских стран и народов: от позднего Средневековья и раннего Нового времени до начала XXI в. Участники конференции в своих выступлениях затрагивали проблемы имагологии, национальной идентичности, национального возрождения славянских народов, становления их политических, экономических и церковных институтов, а также вопросы развития национальных культур. Разнообразием тем соответствовало и разнообразие источников: в этом качестве различные авторы привлекали к своим исследованиям средневековую литературу, дипломатические и архивные документы, газетные статьи и даже данные сетевых медиа. Подавляющее большинство докладов вызвало у слушателей не только интерес, но и желание поdiskутировать. В обсуждении принимали участие в том числе и сотрудники Института славяноведения РАН, часть из которых выступали в качестве модераторов отдельных подсекций. Таким образом, в этом году, как и прежде, конференция молодых ученых «Славянским мир: общность и многообразие» стала хорошей площадкой для обмена опытом и установления более тесных связей между различными научными учреждениями. Окончательные итоги конференции будут подведены публикацией отдельного сборника тезисов.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, исторические образы, история идей, Первая мировая война, источниковедение, Новейшая история

Статья поступила в редакцию 10 июля 2022 г.

Цитирование: *Евстафьев Н.В.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «История» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 283–289. <https://doi.org/10.31168/2412-6446>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 24–25 MAY 2022.
SECTION “HISTORY”**

Nikita V. Evstafyev

Junior Researcher, Ph. D. student,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Abstract

On May 24th and 25th, 2022, a regular conference of young scientists dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture was held. This time the conference was held in a mixed format: at the Institute of Slavic Studies and on the ZOOM platform. As in previous years, in the history section young scientists from various cities took part: Moscow, St. Petersburg, Kazan, Rostov-on-Don, and Prague (Czech Republic). The conference discussed a wide range of issues related to the history of Slavic countries and peoples: from the Late Middle Ages and early Modern Times to the beginning of the twenty-first century. The conference participants in their speeches touched upon the problems of imagology, national identity, the national revival of the Slavic peoples, the formation of their political, economic, and ecclesiastical institutions, and the development of national cultures. The variety of topics corresponded to the variety of sources: different authors used medieval literature, diplomatic and archival documents, newspaper articles, and even network media data in their research. The vast majority of reports aroused not only the interest of the listeners, but also a desire to discuss the speeches. The scholars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, some of whom acted as moderators of individual subsections, also took part in the discussion. Thus, this year, as before, the young scholars' conference “Slavic world: Community and diversity” was a valuable platform for the exchange of experience and the establishment of closer ties between various scientific institutions. The final results of the conference will be summarised with the publication of a separate collection of abstracts.

Keywords

Conference, young scholars, historical images, history of ideas, World War I, source studies, contemporary history

Received 10 July 2022

How to cite: Evstafyev, N.V., 2022. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie”. Moskva, 24–25 maia 2022 g. Sektsiia “Istoriia” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 24–25 May 2022. Section “History”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 283–289. <https://doi.org/10.31168/2412-6446>

Почти десять лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры конференцией молодых ученых. Вынешний год не стал исключением. 24–25 мая 2022 г. состоялась очередная конференция, ставшая удобной площадкой для молодых исследователей из многих вузов и научных центров нескольких стран, занимающихся разными проблемами изучения славянских народов и государств. Как и в прошлом году, из-за эпидемиологических ограничений историческая секция конференции проходила в смешанном формате: очно и на платформе ZOOM, однако большинство участников лично представили свои доклады в Институте славяноведения.

Заседание исторической секции открыла модератор первой подсекции «Отражение реальности: исторические образы в культурном пространстве Центральной и Юго-Восточной Европы» М.В. Лескинен. Подсекция состояла из трех докладов. Первым выступал Н.В. Евстафьев (Институт славяноведения РАН: ИСл РАН, Москва), который в своем докладе попытался выявить определенные закономерности в изображении стражников темниц (мусульман) в житиях славянских мучеников XVI в. В ходе оживленной дискуссии модератором подсекции М.В. Лескинен было высказано предположение, что те положительные черты, которыми нередко наделен образ стража-мусульманина в славянской агиографии, могут являться отсылкой к Сотнику Лонгину из Священного Предания, который первым среди римских воинов оценил подвиг Христа и перешел в христианство. Следующий доклад, прочитанный А.М. Ланцевой (Институт славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва), был посвящен тому, как в польском музыкальном искусстве XIX в. отражаются образы средневековых правителей, в особенности королевы Ядвиги. Заключительный доклад подсекции, представленный Е.А. Колосковым (СПбГУ, Санкт-Петербург), сопровождался красочной презентацией, подкреплявшей слова докладчика об особенностях изображения «восточного славянства» в фэнтези-сеттинге популярных видеоигр, таких как *Total War: Warhammer III* и *Mount and Blade II*. Этот доклад также вызвал дискуссию, затронувшую, в частности, вопрос о культурных и даже политических целях создателей видеоигр в работе над образами «восточного славянства».

После короткого перерыва модератором А.Р. Лагно была открыта вторая подсекция конференции под названием «Национальная идентичность и этноконфессиональные аспекты истории славянских народов». Первой выступила К.В. Мельчакова (ИСл РАН, Москва). Ее доклад был посвящен вопросу смены веры у православных жительниц Боснии и Герцеговины в 1850-х гг. и тому, какое участие в этом процессе принимали представители местных общин, османские власти и русское консульство, документы которого использовались автором доклада в качестве основного источника. В ходе последовавшего за докладом обсуждения выяснилось, например, что романтическая связь с представителем другой общины была одной

из основных причин перехода славянок Боснии и Герцеговины из православия в иную веру. Второй доклад подсекции был прочитан участником конференции из Чешской республики Д. Перглом (Карлов университет, Прага). Молодой ученый представил результаты своих этнографических исследований, в ходе которых он проводил беседы с белорусскими студентами, стараясь выявить, как они в контексте своей эпизодической автобиографической памяти конструируют национальные нарративы. Докладчик пришел к выводу, что белорусской национальной идентичности достаточно сложно дать точные очертания, ведь она продолжает развиваться. Вопрос формирования белорусской национальной идентичности был затронут и в последнем докладе подсекции. В своем выступлении К.О. Долголаптева (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) отметила, какую важную роль в формировании этой идентичности играют публикации сетевых медиа. Государственные медиа в основном опираются на память о советском прошлом страны, тогда как оппозиционные связывают развитие белорусской нации с историей Великого княжества Литовского. Объединяющей чертой для государственных и оппозиционных СМИ, по мнению докладчика, является нарратив о миролюбии белорусской нации, нацеленной на многовекторное сотрудничество с разными странами.

После перерыва работа конференции продолжилась в подсекции «Первая мировая война: проблема возрождения славянских государств», модератором которой выступила О.В. Хаванова. Первым докладчиком в этой подсекции был Т.В. Гимадеев (Приволжский федеральный университет, Казань), посвятивший свое выступление празднованию «Гусова юбилея» в Праге в 1915 г. в условиях Первой мировой войны. Важнейшим событием юбилейных торжеств стало открытие памятника Яну Гусу на Староместской площади. Несмотря на запрет австрийских властей на массовые празднования, пражане активно собирались около памятника. Празднование юбилея повлияло также на работу чешских историков и общественных деятелей. Докладчику было задано несколько вопросов, вызвавших дискуссию, в частности, о традиции проведения юбилеев в Австро-Венгрии и других европейских странах в XIX — начале XX в. Второй доклад, представленный А.Л. Лейдерман (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), был посвящен евреям Варшавы и городской системе здравоохранения в начале XX в. Основным источником для автора стали материалы газеты «Хайнт» за 1908–1909 гг., в тот период самой популярной газеты на идише. Основным вывод докладчика заключался в том, что в начале XX в. в Варшаве не существовало отдельной еврейской системы здравоохранения, а между евреями и поляками города происходило активное бытовое взаимодействие, в том числе в области медицины. Автором третьего и последнего доклада подсекции выступила А.А. Чибисова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), обратившаяся к вопросу о деятельности Православного церковного совета в межвоенной Польше в 1919–1921 гг. Исследование показало, что Право-

славный церковный совет имел определенное влияние на польское правительство и обладал высоким нравственным авторитетом, однако не желал сотрудничать с властями Польши по вопросу предоставления автокефалии Польской православной церкви, что и определило прекращение деятельности совета уже в 1921 г.

Модератором заключительной в этот день подсекции «Россия и зарубежные славяне: борьба идей» был Г. П. Мельников. Первый докладчик, И.А. Прохоренков (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург), посвятил свое выступление вопросам периодизации польско-литовской литературной пропаганды времен Смуты. Молодой ученый выделил несколько основных периодов в развитии польско-литовской пропаганды: от надежд на унию с Москвой в годы правления Лжедмитрия I до нарастания антимосковских настроений после его гибели, от уверенности в победе польского оружия после успешной осады Смоленска до затухания триумфальных мотивов в результате изгнания поляков из Москвы в 1612 г. Завершил эту подсекцию, а вместе с ней и первый день конференции, доклад А.Ю. Перетяtko (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) о мировоззренческой категории «славянство» в творчестве казачьего историка-любителя В.М. Пудавова. По словам докладчика, В.М. Пудавов был одним из первых историков среди донских казаков, однако позднейшие ученые подвергали серьезной критике его чересчур смелые построения. Исследователь обратил внимание аудитории на то, что для В.М. Пудавова «славянство» выступало не как этническая, а как мировоззренческая категория. Славянство в его представлениях было противопоставлено материалистическому Западу и вело свое происхождение от скифов. Доклад А.Ю. Перетяtko вызвал широкий отклик у аудитории; в ходе обсуждения был сделан, например, вывод о сходстве между идеями В.М. Пудавова и современными представителями так называемой «фолк-истории».

Работа исторической секции продолжилась на следующий день, 25 мая, с открытием подсекции «История Центральной Европы XX в. по материалам периодики и архивов», которую модерировал А.С. Стыкалин. Первый доклад под названием «Прокламация Королевства Польского во время Первой мировой войны в дискурсе немецкой прессы» прочла А.А. Илларионова (Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС, Москва). Автор пришла к выводу о том, что создание марионеточного Королевства Польского на бывших территориях Царства Польского в 1916 г. вызвало серьезный отклик в немецкой прессе, где представители левоцентристского крыла (например, издания Партии католического Центра) выступали за отказ от репрессивной политики Пруссии в отношении национальных меньшинств, а правые газеты, напротив, поддерживали продолжение старого курса, указывая на рост польской угрозы для Германии. Вторым в этой подсекции выступил А.Г. Мирзоян (РГГУ, Москва), посвятивший свой доклад тому, как в различных архив-

ных документах, а также в прессе оценивалось состояние чехословацкой и немецкой армий в 1938 г. Изучив эти документы, молодой ученый заключил, что в представлении современников, в случае нападения, Чехословакия могла дать отпор немецкой армии или хотя бы на некоторое время задержать наступление Вермахта. В ходе последовавшей за докладом дискуссии поднимался, в частности, вопрос о судьбе чехословацких офицеров после немецкой оккупации страны. Завершил подсецию доклад А.В. Кучука (МГИМО, Москва), посвященный тому, как в документах советского посольства в Польской Народной республике отражалось внутреннее положение страны во второй половине 1970-х гг. Исследователь рассказал, что еще до начала активных антиправительственных выступлений в ПНР советским дипломатам было известно о наличии серьезных и даже острых проблем в развитии польской экономики. Невзирая на это, советские представители не вмешивались активно во внутренние дела союзной страны, предпочитая перекалывать ответственность на местных политиков.

Завершающую подсецию конференции, «Югославия и ее страны-наследницы в системе международных отношений XX — начала XXI в.», модерировал Б.С. Новосельцев. Первый доклад Е.П. Катковой (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург), посвященный основным направлениям внешней политики Югославии в 1980-е гг., вызвал широкий отклик и яркую дискуссию, в которой самое активное участие принимал и модератор подсеции Б.С. Новосельцев. В частности, поднимался вопрос о том, можно ли говорить о преодолении некоего идеологического барьера (и о существовании этого барьера) между Югославией и членами европейского сообщества в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда одним из направлений внешней политики Югославии как раз и было сближение с Западом. Заключительным для всей исторической секции конференции стал доклад Д.П. Ерёмкина (Институт Европы РАН, Москва) «Проблема функционирования наднациональной структуры управления Боснии и Герцеговины в контексте интересов России на Балканах на рубеже XX–XXI вв.». В своем выступлении молодой ученый рассказал об участии различных стран в установлении мира на территории Боснии и Герцеговины, а также о стремлении России поддерживать существующий в стране статус-кво (Дейтонские соглашения), который блокирует централизацию БиГ и ее вступление в ЕС и НАТО. Этот доклад также вызвал дискуссию, в частности, о том, правомерно ли называть ЕС и НАТО внешними игроками по отношению к Балканам. Для того чтобы устранить эту неточность, участники обсуждения предложили докладчику более узкий термин «Западные Балканы».

В 2022 г., как и в предшествующие годы, на конференции молодых ученых обсуждался самый широкий круг вопросов истории, политики, экономики и культуры славянских народов и государств от позднего Средневековья до начала XXI в. Научная конференция, приуроченная ко Дню

славянской письменности, остается удобной площадкой для обмена опытом и для оживленной научной дискуссии — большинство докладов в этом году вызвали самый широкий отклик у других участников конференции и сотрудников Института славяноведения РАН. Несомненно, такой высокий интерес как нельзя лучше демонстрирует актуальность поднятых на конференции вопросов и заявленных тем. По итогам конференции будет выпущен сборник тезисов. Сама ежегодная конференция стала уже хорошей традицией, которая способствует установлению более крепких научных связей между учеными-славистами, а также развитию сотрудничества между научными организациями России и других стран.

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 24–25 МАЯ 2022 Г.
СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**

Анна Васильевна Грасько

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Аннотация

В этом году в работе секции «Литературоведение» принимали участие молодые ученые из Москвы и Калининграда. Доклады были распределены по трем тематическим блокам: «Литературные трансформации», «Пространственно-временные парадигмы», «Вопросы жанра и поэтики». В рамках первого тематического блока были представлены доклады, посвященные межславянским литературным связям и трансформациям литературных образов и сюжетов. Были затронуты такие проблемы, как соотношение фольклора и рока в белорусском культурном пространстве, формирование образа маленького человека в словенской и чешской литературе в сопоставлении с русской, трансформация чеховских мотивов в польской абсурдистской драматургии, влияние идеологии на прочтение чешских межвоенных романов о советской жизни. Второй тематический блок объединил доклады с пространственно-временной проблематикой. Пространственно-временные категории многие докладчики соотносили с концептом памяти, уточняя ее свойства и функции в различных художественных текстах. Также была затронута проблема визуализации пейзажа в чешской модернистской пейзажной лирике. В рамках третьего блока обсуждались традиционные вопросы жанра и поэтики, например свойства чешской межвоенной утопии, особенности чешского постмодернистского романа. Отдельное внимание также было уделено нарратологии. Модераторами подсекций выступили сотрудники Института славяноведения РАН, специалисты по славянским литературам. Участники заседаний и модераторы активно вступали в научный диалог, выявляли проблемные вопросы и совместно искали их решение. Кроме докладчиков, которые принимают участие в конференции ежегодно, к конференции в этом году присоединились новые участники, что свидетельствует об актуальности проводимого научного мероприятия.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, славяноведение, литературоведение, славянские литературы

Статья поступила в редакцию 10 июля 2022 г.

Цитирование: *Грасько А.В.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «Литературоведение» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 290–294. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.16>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 24–25 MAY 2022.
SECTION “LITERARY STUDIES”**

Anna. V. Grasko

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: anna-grasko@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7805-9008

Abstract

This year, young scientists from Moscow and Kaliningrad took part in the work of the Literary Studies section. The reports were divided into three thematic blocks: “Literary transformations”, “Spatio-temporal paradigms”, and “Issues of genre and poetics”. As part of the first thematic block, reports on inter-Slavic literary connections and transformations of literary images and plots were presented. Problems touched upon included the correlation of folklore and rock in the Belarusian cultural space, the formation of the image of a little man in Slovenian and Czech literature in comparison with Russian literature, the transformation of the motifs of Chekov in Polish absurdist dramaturgy, and the influence of ideology on the reading of Czech interwar novels about Soviet life. The second thematic block united reports with spatio-temporal issues. Many speakers correlated spatio-temporal categories with the concept of memory, clarifying its properties and functions in various literary texts. The problem of landscape visualization in Czech modernist landscape lyrics was also touched upon. Within the framework of the third block, issues of genre and poetics were discussed, for example the properties of the Czech interwar utopia and the features of the Czech postmodern novel. Special attention was also paid to narratology. The moderators of the subsections were employees of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences and specialists in Slavic literature. Both the participants of the conference and the moderators actively entered into a scientific dialogue, identified problematic issues, and jointly searched for solutions. In addition to the speakers who have regularly taken part in the conference, new participants participated this year, which indicates the ongoing relevance of this event.

Keywords

Conference, young scholars, Slavic studies, literary studies, Slavic literatures

Received 10 July 2022

How to cite: Grasko, A.V., 2022. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie”. Moskva, 24–25 maia 2022 g. Sektsiia “Literaturovedenie” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 24–25 May 2022. Section “Literary studies”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 290–294. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.16>

Литературоведческая секция в этом году была разделена на три тематических блока: «Литературные трансформации», «Пространственно-временные парадигмы», «Вопросы жанра и поэтики». Участники представили двенадцать докладов, разнообразных по проблематике и литературной географии. В качестве модераторов выступили Н.Н. Старикова, С.А. Кожина, А.В. Грасько.

Заседание первой подсекции — «Литературные трансформации» — открыл доклад М.А. Ламм (ИСл РАН, Москва) «Маргинальный фольклор в песне белорусской рок-группы *Dzieciuki* “Частуханы”». В докладе на примере песни известной белорусской рок-группы была продемонстрирована связь белорусского панк-рока с фольклорными мотивами. По мнению докладчика, присутствие фольклора в этом музыкальном жанре связано с мифообразующим характером белорусского рока, который в некотором смысле занимает нишу отсутствующего в белорусской культуре национального эпоса.

В.В. Старкова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Трансформация мотива “маленького человека” в ранних рассказах И. Цанкара (Сборники “Виньетки” и “Книга для легкомысленных людей”)» обратилась к образу «маленького человека» в рассказах словенского классика. По мнению докладчика, образ «маленького человека» во многом заимствуется Цанкаром из русской литературы и связан с двумя типами сюжетов — в одном случае маленький человек не пытается противостоять обществу, ведет себя пассивно (рассказы из первого сборника «Виньетки»), в другом случае он проявляет активность и надеется найти свою дорогу к лучшей жизни и даже обрести счастье (рассказы из сборника «Книга для легкомысленных людей»).

Тему «маленького человека» в славянских литературах продолжил Г.В. Климанов (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), выступивший с докладом «Прага и Москва 1920-х: проблема “маленького человека” в славянском мегаполисе (на материале произведений К. Полачека и М.А. Булгакова)». Анализируя образ «маленького человека» в сопоставительном аспекте, автор делает вывод, что чешская и русская литература по-разному объясняют появление данного социального типа. Так, в рассказах К. Полачека герой становится «маленьким человеком» в результате соприкосновения с отдельными жестокосердными членами общества, тогда как булгаковский герой, скорее, является жертвой безличных бюрократических механизмов.

Р.В. Зиновьева (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград) в докладе «Чеховская традиция в пьесе Славомира Мрожека “Любовь в Крыму”» также обратилась к компаративному методу. Сравнивая пьесу польского абсурдиста С. Мрожека с драмами А.П. Чехова и выявляя узнаваемые чеховские детали и мотивы, докладчик делает вывод, что

автор, с одной стороны, полемизирует с чеховской традицией, обыгрывает ее в духе абсурда, а с другой стороны — наследует настроение «рубежа», смены эпохи.

Завершил первое заседание доклад А.В. Грасько (ИСл РАН, Москва) «Восприятие творчества Иржи Вайля в чешской критике: эволюция и трансформации», в котором была сделана попытка обобщить чешские критические отзывы и высказывания, относящиеся к межвоенному творчеству чешского писателя Иржи Вайля и, в частности, к его романам о советской жизни «Москва — граница», «Деревянная ложка», проследить, как по-разному они трактовались в зависимости от личных убеждений критиков и меняющейся социально-политической ситуации.

Второй тематический блок — «Пространственно-временные парадигмы» — объединил три доклада. Открыл заседание доклад И.А. Либиной (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград) «Образ “реки времени” и проблема историчности в книге Ч. Милоша “Долина Иссы”», посвященный «дешифровке» философского романа польского нобелевского лауреата. По мнению докладчика, Ч. Милош, думая об истории, времени, памяти, полемизирует с древнегреческим философом Гераклитом, с его утверждением о невозможности дважды войти в одну и ту же реку. И.А. Либина подчеркивает, что согласно мысли писателя, у человека всегда есть возможность вернуться в ту или иную точку памяти, как личной, так и исторической, поэтому сам Милош обретает свою точку опоры в перевоплощении в ребенка.

М.В. Смирнова (РГГУ, Москва) представила доклад «Память как структурообразующий принцип в творчестве Милорада Павича (“Хазарский словарь”, “Ящик для письменных принадлежностей”, “Бумажный театр”)), в котором также осмыслиется категория памяти, уже применительно к творчеству постмодерниста М. Павича, делается попытка уточнить роль памяти в выбранных произведениях.

Последний доклад во втором заседании, представленный Л.А. Винокуровой (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), был посвящен чешской поэзии: «Южночешский пейзаж в лирике Антонина Совы (сб. “О моем крае”)). Л.А. Винокурова выявила основные образы и средства выразительности, с помощью которых чешский поэт воспроизводит южночешский пейзаж. Среди ключевых образов были выделены образы водоема, поля и леса, также были отмечены отдельные лексические единицы, позволяющие сделать пейзаж более узнаваемым, а именно: топонимы, гидронимы, зоонимы.

Третье заседание — «Вопросы жанра и поэтики» — началось с доклада А.В. Амелиной (ИСл РАН, Москва) «Жанровые особенности чешской межвоенной (анти)утопической литературы». В своем сообщении А.В. Амелина определила различные формы существования утопического и антиутопического в произведениях чешских писателей и беллетристов межвоенного периода. Жанр положительной утопии, согласно А.В. Амели-

ной, встречается в трех различных формах: один раз в виде классического диалога, являющегося анахронизмом, восходящим к античным диалогам; несколько раз — в виде вставного элемента, принципиально не влияющего на общую жанровую картину произведения; наконец — как способ видения мира в путевых записках коммунистов, посетивших СССР. Также разграничены и виды литературной антиутопии, жанра, более привычного для чешской словесности: антиутопия может быть одной из составляющих романа, демонстрирующего жанровый синкретизм; может сосуществовать с положительной утопией в рамках одного произведения; кроме того, антиутопия появляется в рассказах и поэзии, где в чрезвычайно сжатой и емкой сатирической форме автору удается высмеять разного рода утопические проекты. В конце доклада А.В. Амелина также выделила некоторые специфические черты чешской национальной утопической традиции.

Продолжилось заседание докладом Е.В. Шатко (ИСл РАН, Москва) «Нарратологический анализ текста на примере рассказа М. Павича “Долгое ночное плавание”». В докладе был применен метод анализа текста, разработанный В. Шмидом в труде «Нарратология». В качестве наглядного материала были представлены таблицы, которые позволяют понять механизм и критерии определения нарратора и точки зрения в художественных текстах со сложной структурой.

П.С. Левина (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), обратившись к чешской литературе, представила доклад «“Воспитание девушек в Чехии” Михала Вивега как метароман», в котором обозначила основные свойства метаромана и соотнесла их с предложенным текстом М. Вивега. В результате докладчик приходит к выводу, что роман Вивега может быть воспринят как метароман, «роман о романе», высказывание автора о творческом процессе.

Завершил заседание доклад А.В. Быриной (ИСл РАН, Москва) «Образ “думаемой реальности” в романе Павла Виликовского “Прекрасная машинистка, жестокая герцогиня”». В своем исследовании А.В. Бырина сосредоточила внимание на особом художественном приеме словацкого постмодерниста, который с помощью удвоения сюжетных линий, их наложения пытается показать несовпадение представлений о мире разных персонажей. Таким образом, реальность каждого из них предстает как «думаемая», вариативная.

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 24–25 МАЯ 2022 Г.
СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

Сергей Александрович Борисов

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: borisovsergius@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Аннотация

В этом году в работе секции «Языкознание» принимали участие молодые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Регенсбурга (Германия). Все доклады были распределены по трем тематическим блокам. Первый блок был посвящен связи прошлого и настоящего в современных славянских языках. В докладах затрагивались вопросы лексикологии, морфологии и синтаксиса русского языка в сравнении с другими славянскими языками, были представлены результаты корпусных исследований грамматики современных славянских языков, отдельное внимание было уделено теме полевых социолингвистических исследований в славянских национальных меньшинствах. В рамках второго заседания секции «Языкознание» обсуждались актуальные проблемы этнолингвистики. Обширная география исследований, проводимых молодыми учеными, занимающимися изучением традиционной культуры, включала в себя Саратовскую область России, Сербию, Македонию, Китай. Третий тематический блок докладов был посвящен исследованиям печатных и рукописных памятников славянской письменности, а также текстов на современных славянских языках. Чтобы оценить разнообразие затронутых тем, достаточно упомянуть сообщения, в которых были проанализированы глоссы в памятнике XVII в., предложена классификация древнерусских топонимов, изучены языковые средства выражения национального в польской пьесе начала XX в. Модераторами подсекций выступили сотрудники Института славяноведения РАН, являющиеся специалистами по соответствующему кругу тем. Между молодыми учеными шло активное научное общение, многие выступления сопровождались продолжительными дискуссиями, в которых участвовали не только сами докладчики, но и их старшие коллеги. Некоторые из выступавших принимают участие в конференции ежегодно, другие начинающие ученые представили результаты своих исследований в стенах Института впервые, что лишний раз подтверждает актуальность регулярного проведения научного симпозиума.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, славяноведение, лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, палеославистика

Статья поступила в редакцию 10 июля 2022 г.

Цитирование: *Борисов С.А.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «Языкознание» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 295–299. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.17>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 24–25 MAY 2022.
SECTION “LINGUISTICS”**

Sergej A. Borisov

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: borisovsergius@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Abstract

This year, young scientists from Moscow, St. Petersburg, Smolensk, and Regensburg (Germany) took part in the Linguistics section of the conference. The reports were divided into three thematic blocks. The first block was devoted to the connection between the past and the present in modern Slavic languages. The reports touched upon the issues of lexicology, morphology, and syntax of the Russian language in comparison with other Slavic languages, the results of corpus studies of the grammar of modern Slavic languages, and special attention was paid to sociolinguistic research in Slavic national minorities. During the second session of the “Linguistics” section, topical problems of ethnolinguistics were discussed. The vast geography of the research conducted by young scientists involved in the study of traditional culture included the Saratov region of Russia, Serbia, Macedonia, and China. The third thematic block of reports was devoted to studies of printed and handwritten monuments of Slavic writing, as well as texts in modern Slavic languages. Reports were presented in which the glosses in the monuments of the 17th century were analysed, a classification of ancient Russian toponyms was proposed, and the linguistic means of expressing the national idea in a Polish play of the early 20th century were studied. The moderators of the subsections were employees of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, who are experts in each of the designated topics. Scientific communication took place between young scientists, and many presentations were accompanied by lengthy discussions, in which not only the speakers themselves, but also their senior colleagues participated. Some of the speakers take part in the conference every year, while others presented the results of their research within the walls of the Institute for the first time, which indicates the relevance of this conference.

Keywords

Conference, young scholars, Slavic studies, linguistics, sociolinguistics, ethnolinguistics, paleoslavistics

Received 10 July 2022

How to cite: Borisov, S.A., 2022. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie”. Moskva, 24–25 maia 2022 g. Sektsiia “Iazykoznanie” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 24–25 May 2022. Section “Linguistics”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 17 (3–4), pp. 295–299. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.17>

Доклады молодых ученых, выступивших 24–25 мая 2022 г. в рамках секции «Языкознание», охватывали широкий круг теоретических и прикладных вопросов, относящихся к различным областям лингвистики. Первый тематический блок «Славянские языки в прошлом и настоящем», председателем которого была А.К. Поливанова, открыл доклад Т.В. Шалаевой (ИСл РАН, Москва) «К этимологии русского слова *сачок* ‘лентяй’», в котором автор рассматривала различные варианты происхождения названной лексемы, возводимой, в том числе, к и.-е. **sekʷ-* со значениями ‘преследовать’ и ‘говорить’. Был сделан вывод о том, что значение лексемы *сачок* ‘лентяй’ сформировалось на основе семантики ‘человек, хитростью избегающий работы’, ‘пройдоха’, ‘ловкач’.

Н.П. Иордани (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) в своем докладе «К вопросу о функционировании сослагательного наклонения и инфинитива с частицей *бы* в истории русского языка» представила результаты исследования, проведенного на материале Национального корпуса русского языка. Было установлено, что в старорусском языке инфинитив с частицей *бы* мог быть функциональным дублетом по отношению к формам сослагательного наклонения, выступая, в частности, в побудительном значении.

В центре исследования С.А. Афанасьевой (ИСл РАН, Москва), представленного в докладе «Анализ перфектных конструкций в “Постиллах” Якуба Вуйка и Микалоюса Даукши», находятся конструкции, состоящие из вспомогательного глагола *быть* и действительного или страдательного причастия прошедшего времени, употребляющиеся в польском тексте и литовском переводе «Малой постиллы». Среди отличий, проявившихся в переводе, автор выделила случаи употребления пассивных конструкций со связкой прошедшего времени в литовском тексте на месте конструкций со связкой настоящего времени в польском. Это может быть объяснено тем, что автор литовского перевода в ряде случаев стремился выразить таксисное значение одновременности с действиями, названными другими глаголами в форме прошедшего времени, а также тем, что польский текст в большей степени калькировал латинский оригинал, тогда как в литовском переводе выражалось соответствующее по смыслу время.

Еще одним выступлением, посвященным грамматической проблематике, стал доклад Р.С. Фисуна (Университет Регенсбурга, Германия) на тему «Инвентарь модификаторов и источники грамматикализации составных неопределенных местоимений в славянских языках». Автор представил первые результаты изучения так называемых составных неопределенных местоимений в русском, украинском, польском, чешском и хорватском языках на корпусном материале. Была предложена типология модификаторов таких местоимений.

В завершение первого заседания секции «Языкознание» прозвучало два доклада на социолингвистические темы, первым из которых было сообщение «Языковые иерархии и ассимиляция: из полевых наблюдений в Ка-

шубии» А.Д. Васюкова (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Результаты полевого исследования автора показали, что такие изменения в законодательстве Польши, как признание кашубского языка региональным, недостаточны для борьбы с прогрессирующим языковым сдвигом. Решающее значение для сохранения языка имеет его использование носителями в повседневном общении, в том числе выбор его в качестве языка домашнего общения.

Доклад С.А. Борисова (ИСл РАН, Москва) «Идентификация и самоидентификация через этнонимы в чешских миноритарных сообществах на Балканах» был посвящен зафиксированным в ходе экспедиции к чехам в Хорватию, Боснию и Герцеговину, Сербию и Румынию неофициальным этнонимам, которые функционируют в повседневном общении представителей меньшинства. Особое внимание было уделено этнонимам с корнем *ret-* (серб. / хорв. *retci*, рум. *reți*). Был сделан вывод о том, что как правило, данные этнонимы не являются этнофолизмами (то есть местные чехи не воспринимают эти прозвища как обидные), но служат фактором национальной идентичности.

Второе заседание секции было посвящено вопросам языка традиционной культуры. Модератором этнолингвистической подсекции была М.В. Ясинская. Заседание открыл доклад Чжэн Янтун (ИСл РАН, Москва) «Лексика родильной обрядности в словаре “Речник српскога језика” Матицы Сербской (2011)», в рамках которого автор рассказала о проведенном исследовании сербских лексем, обозначающих беременную женщину, роженицу, младенца, на материале данных словаря, упомянутого в названии доклада. Автор выделила основные семантические свойства данных лексем, а также сделала вывод о том, что большинство из них имеют славянское происхождение, однако встречаются также балканизмы, турцизмы, романизмы.

А.И. Чиварзина (ИСл РАН, Москва) представила доклад «Обозначения пестрого в болгарской народной песне “Че малко ли съм донела”», в котором были проанализированы лексемы, передающие значение ‘пестрый’ в болгарском фольклоре. В результате было установлено, что понятие ‘пестрый’ чаще всего является не только непосредственно цветообозначением, но несет в себе положительную символику в контексте рассмотренной народной песни.

Лю Ху (ИСл РАН, Москва) в своем докладе «Образ сербской ведьмы: есть ли аналоги в китайской провинции Шаньдун?» представил результаты сравнительного исследования такого персонажа, как ведьма (*вештица*, *чињарица*, *мађијушница*), в сербской народной культуре и женских персонажах, которые наделены способностями общаться с духами, в народной культуре китайской провинции Шаньдун. Прямых параллелей провести не удалось, однако автор отметил, что китайская ведьма, предстающая в образе получеловека-полудемона, скорее может соответствовать сербской знахарке, так как основная ее функция — помогать, а не вредить людям.

Этнолингвистический блок докладов завершило выступление Д.Г. Чубуковой (РГГУ, Москва) «Предвестники и знаки смерти в представлениях украинцев Саратовской области». Исследование проводилось на материале интервью с жителями Терсянско-Еланского украинского анклава Саратовской области, записанных в ходе полевых экспедиций 2012–2019 гг. В центре внимания автора оказались приметы и персонажи, которые в традиции данного региона предвещают скорую смерть: непрекращающийся вой собаки ночью, явление покойника во сне, контакт с домовым и др. Был сделан вывод о том, что в анклав сохраняются традиционные славянские представления о предвестниках скорой смерти.

Во второй день конференции состоялось онлайн-заседание подсекции «Взаимодействие языков и культур на материале печатных и рукописных памятников» под председательством А.И. Грищенко. Л.И. Шутова (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) выступила с докладом «Глоссирование как метод критики текста в издании Апокалипсиса 1625 года», в котором представила результаты анализа маргиналий, встречающихся в упомянутом памятнике. Были рассмотрены глоссы-гречизмы, славянские глоссы, поясняющие содержание той или иной лексемы, маркированные регионализмы, глоссы, вносящие грамматические исправления в текст. Автор показала, как на основе анализа маргиналий, встретившихся на страницах данного памятника, можно расширить представление о методах редактуры киевских книжников, о применяемых ими принципах глоссирования.

О.А. Королёва (Смоленский государственный университет) в рамках сообщения «Словообразовательные классификации древнерусских топонимов» представила собственную классификацию исторических топонимов. В ее основе лежит классификация А.М. Селищева, были также учтены исследования Ст. Роспонта, В.А. Никонова, Ю.Ю. Гордовой и других лингвистов. Предложенная автором классификация древнерусских топонимов является словообразовательной, однако в ней учитывается также культурологический аспект.

Завершил секцию «Языкознание» доклад О.С. Румянцевой (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) «Роль именовании Богородицы и Младенца Иисуса в раскрытии художественного замысла пьесы Л. Рыделя “Польский Вифлеем”». Наименования Богородицы и Младенца Иисуса в тексте данной пьесы, созданной в рамках традиции искусства «Молодой Польши», с одной стороны, отличаются лексическим разнообразием, с другой — имеют важные культурные коннотации. Таким образом, например, молитвы, возносимые персонажами пьесы к Богородице, трактуются как мольбы польского народа о независимости, а фигура Ирода соотносится с образами правителей держав, разделивших Польшу.

Научное общение молодых лингвистов, начатое в рамках дискуссий после докладов, продолжилось в неформальной обстановке в коридорах Института славяноведения. Все докладчики остались довольны работой секции и вынесли для себя множество идей для дальнейших исследований.

DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.18

80 ЛЕТ ИНСТИТУТУ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Елена Семёновна Узенёва

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
зам. директора,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lenuzen@mail.ru

Аннотация

Эссе написано по случаю 80-летнего юбилея Института болгарского языка им. проф. Любомира Андрейчина БАН (София), который был создан в 1942 г. для формирования толкового словаря болгарского литературного языка. Статья знакомит читателя с основными вехами становления и развития Института, с направлениями научных исследований, отдельными значимыми трудами. Институт знаменит выдающимися достижениями в области палеославистики, диалектологии, лингвогеографии, грамматики, лексикологии и лексикографии, этимологии, этнолингвистики.

Ключевые слова

Институт болгарского языка БАН, болгарский язык, культура, словари, лингвогеография, этнолингвистика, аксиология, междисциплинарные исследования

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2022 г.

Цитирование: *Узенёва Е.С.* 80 лет Институту болгарского языка Болгарской академии наук // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 300–308. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.18>

80 YEARS OF THE INSTITUTE OF BULGARIAN LANGUAGE OF THE BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES

Elena S. Uzeneva

Ph.D., Leading Researcher,
Deputy Director,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: lenuzen@mail.ru

Abstract

The essay was written on the occasion of the 80th anniversary of the Bulgarian Language Institute. prof. Lyubomir Andreichin BAN (Sofia), which was created in 1942 to form an explanatory dictionary of the Bulgarian literary language. The article acquaints the reader with the main milestones in the formation and development of the Institute, with the areas of scientific research, and individual significant works. The Institute is famous for outstanding achievements in the field of Paleo-Slavistics, Dialectology, Linguogeography, Grammar, Lexicology and Lexicography, Etymology, Ethnolinguistics.

Keywords

Bulgarian Language Institute, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgarian language, Culture, Dictionaries, Linguogeography, Ethnolinguistics, Axiology, interdisciplinary research

Received 30 November 2022.

How to cite: Uzeneva, E.S., 2022. 80 let Institutu bolgarskogo iazyka Bolgarskoi akademii nauk [80 years of the Institute of Bulgarian Language of the Bulgarian Academy of Sciences]. *Slavic World in the Third Millenium*, vol. 17, no. 3–4, pp. 300–308. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.18>

В 2022 году Институт болгарского языка им. Профессора Любомира Андрейчина БАН¹ (София, Болгария) отметил славный юбилей — 80-летие со дня его основания. За прошедшие годы Институт стал известен не только как национальная болгарская институция, прославившаяся своими исследованиями и публикациями, но и как международная организация, участвующая в ряде интернациональных проектов, внесшая весомый вклад в современное языкознание.

Институт знаменит выдающимися трудами в области палеославистики, диалектологии, лингвгеографии, грамматики, лексикологии и лексикографии, этимологии, этнолингвистики и других направлений. Оригинальные идеи Института и высокий профессионализм его сотрудников делают его крайне привлекательным партнером в гуманитарной сфере. Вклад его ученых в развитие современной славистики, балканистики, карпатистики,

¹ Более подробную информацию об Институте болгарского языка БАН см. на сайте: <http://www.ibl.bas.bg>

корпусной лингвистики и изучение старославянского языка и памятников письменности невозможно переоценить.

История Института началась 15 мая 1942 г., когда была создана Служба болгарского словаря. В возникновении такого научного центра большую роль сыграл академик Стоян Романски, чей юбилей, 140 лет со дня рождения, также отмечался в 2022 г. 8 марта. Именно с его работой в качестве секретаря Болгарской академии наук связано создание научно-исследовательской организации — Службы болгарского словаря при Президиуме БАН, которая позднее стала базой для создания первого академического института — Института болгарского языка БАН.

По настоянию академика Ст. Романского и в результате его активной работы, болгарское государство выделило средства, благодаря которым была реализована важнейшая задача общественной гуманитарной организации *Българско книжно дружество*, сформулированная еще при его основании в 1869 г. — составление всеобъемлющего толкового словаря болгарского языка.

В начале XX в. в Болгарии остро не хватало академических толковых словарей национального языка. Многие известные болгарские языковеды, такие как Б. Цонев, А. Тодоров-Балан, Ст. Младенов, предпринимали попытки создания лексикографической комиссии в стране, однако они не увенчались успехом. И только академику Ст. Романскому удалось сформировать группу, которая стала базовой структурой будущего Института. В нее тогда входило всего пять сотрудников, среди них были выдающиеся лингвисты Ст. Стойков, И. Коев, А. Бурмов и др. Вплоть до 1947 года эта группа работала в одной частной квартире в центре Софии, недалеко от Университета св. Кл. Охридского. Там же хранилась и лексикографическая картотека.

Позднее, при реорганизации Болгарской академии наук, был создан Институт болгарского словаря, который был переименован в Институт болгарского языка в 1949 г. и насчитывал уже около двадцати сотрудников. Значимым результатом лексикографической работы научного коллектива стал „Словарь современного болгарского литературного языка в трех томах”².

Толковый словарь болгарского языка продолжает постоянно обогащаться трудами ученых Секции болгарской лексикологии и лексикографии Института болгарского языка БАН, его последняя версия доступна в онлайн формате <https://ibl.bas.bg/rbe/>. Кроме того, за прошедшие годы коллективом ИБЯ БАН были подготовлены к печати и опубликованы различные толковые, этимологические, орфографические и орфоэпические, фразеологические и диалектные словари, словари иностранных слов, неологизмов и другие издания.

В дальнейшем ученые Института продолжили работу в области лексикографии, лексикологии и фразеологии, однако, наряду с ними возникали новые

² Речник на съвременния български книжовен език / ред. кол. Л. Андрейчин и др. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 1954–1959. Т. 1–3.

направления исследований: анализ и публикация памятников письменности, история языка, языковая культура, ономастика, этимология, компаративистика, ареальная лингвистика. В последние десятилетия успешно развиваются этнолингвистика, психоллингвистика и компьютерная лингвистика. Подготовлен и размещен в общем доступе Национальный корпус болгарского языка³.

В настоящее время Институт является ведущим национальным научным центром анализа и описания болгарского языка — его истории и современного состояния, диалектного многообразия и связей с другими языками. Миссия института на современном этапе связана с развитием фундаментальных и прикладных исследований болгарского языка в соответствии с национальными и европейскими приоритетами. Ученые Института ответственны за описание, сохранение и популяризацию болгарского культурного и исторического наследия, использование языковедческой методологии и языковых технологий в сфере образования и обучения болгарскому языку на всех уровнях. Публикуемые Институтом словари и грамматики имеют характер официальных нормативных справочников орфографии и пунктуации. Основными изданиями, регламентирующими правописание в болгарском языке, являются академические орфографические словари, самым новым из которых является «Официален правописен речник» (2012). В 1982–1983 годах была опубликована трехтомная «Грамматика на съвременния български език», а в 2013 г. вышло в свет трехтомное издание „Българска лексикология и фразеология“.

ИБЯ БАН осуществляет разнообразные экспертные услуги, связанные с правильным употреблением болгарского языка, как для учреждений, так и отдельных граждан. Ученые Института участвуют в формировании национальной языковой политики.

В структуре Института насчитывается 10 секций: современного болгарского языка, болгарской лексикологии и лексикографии, терминологии и терминографии, компьютерной лингвистики, истории болгарского языка, болгарской диалектологии и лингвистической географии, болгарской этимологии, ономастики, этнолингвистики, общего и прикладного языкознания. Информационный центр Института готовит ежегодно обновляемую библиографию опубликованных в болгарской периодике научных трудов в области лингвистики. Научный фонд институтской библиотеки насчитывает более 30 000 заглавий.

В Институте собраны и хранятся бесценные архивные данные (в частности, в Секции болгарской диалектологии и лингвистической географии существуют Архивы болгарского диалектного атласа, болгарского диалектного словаря, Европейского лингвистического атласа, Общеславянского

³ Национальный корпус болгарского языка см. на сайте: http://www.ibl.bas.bg/BGNC_bg.htm.

лингвистического атласа, Общекарпатского диалектного атласа; в Секции лексикологии и лексикографии аккумулированы материалы общего и терминологического Архивов, Архива периода болгарского Возрождения, Народного творчества, «живой практики» современного болгарского языка, а также архивы языка знаковых фигур болгарской культуры: Христо Ботева и Любена Каравелова), которые вводятся в научный оборот в процессе выхода в свет различных словарей. Хочется упомянуть необычайно ценный многотомный этимологический словарь «Български етимологичен речник» (София, 1971–2012. Т. 1–8), который содержит очень важную информацию по диалектным вариантам отдельных слов и их семантике. Работу над последними томами продолжает небольшая группа сотрудников ИБЯ БАН во главе с доцентом, д-ром Христиной Дейковой.

Наряду с успешной научно-исследовательской Институт болгарского языка БАН ведет активную издательскую деятельность: кроме монографий, сборников, атласов и словарей, Институт выпускает периодические издания: с 1951 г. журнал «Български език», в период с 1951 г. по 1985 г. выходили «Известия на Института за български език», традицию которых продолжил ежегодник „Българско езиковедие“ (1995–2004). С 2014 г. издание «Известий» было возобновлено. С 1959 г. существует авторитетный научный журнал «Балканско езиковедие», посвященный исследованиям болгарского и балканского языков, а с 1998 г. печатался «Лексикографски преглед».

С Институтом связаны имена выдающихся болгарских лингвистов, в том числе академиков В. Георгиева, Ст. Романского, В. Станкова, член-корр. БАН К. Мирчева, Д. Мирчевой, Ив. Лекова, Т. Бояджиева, Емилии Пернишской, Марии Поповой и др.

Директорами Института в разные годы были академик БАН Стоян Романски (1942–1951), акад. Владимир Георгиев (1951–1957), чл.-кор. Любомир Андрейчин (1957–1975), акад. Валентин Станков (1977–1979), чл.-кор. Дора Иванова-Мирчева (1979–1989), чл.-кор. Тодор Бояджиев (1989–1992). В настоящее время Институт возглавляет профессор Лучия Антонова, ведущий специалист в области лингвистической географии и болгарской диалектологии, руководитель соответствующей секции.

В Институте готовят к изданию не только словари, грамматики, но и атласы болгарских диалектов. За последние годы болгарские диалектологи издали Обобщающий том Болгарского диалектного атласа (2001), где были аккумулированы различные языковые явления разных лингвистических уровней (фонетика, акцентология, лексика). Национальная комиссия Болгарии продолжила работу в Общеславянском лингвистическом атласе, отдельным томом вышли болгарские материалы в ОЛА (2013, 2015). В настоящее время готовится к печати очередной том ОЛА, посвященный терминологии родства, который был подготовлен болгарскими коллегами. Активно ведется сотрудничество и с Европейским лингвистическим атласом.

В 2008 г. увидели свет и болгарские полевые материалы для «Общекарпатского диалектологического атласа», вышедшие в первом выпуске «Карпато-балканских исследований» ИСл РАН и подготовленные к печати коллегами Института болгарского языка БАН Л. Василевой, М. Витановой и С. Керемидчиевой. Эти данные сами по себе являются значительным вкладом в развитие карпато-балканских исследований на их нынешнем этапе и предоставляют обширный материал для выявления новых лексических и др. сходжений. Особый интерес для исследователей также представляет интерактивная кулинарная языковая карта Болгарии, открывающая ареальные особенности народной кухни различных регионов страны, — один из масштабных проектов ученых Института болгарского языка БАН (https://ibl.bas.bg/kulinar/kulinarna_karta.html).

С конца 90-х гг. XX века в Институте успешно развивается под руководством проф. М. Китановой относительно новое, но очень перспективное направление, — этнолингвистика. Начало XXI века ознаменовалось выходом в свет целой серии уникальных этнолингвистических словарей: „Човешкият живот — раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на семейната обредност“ (2012), „Речник на народната духовна култура на българите“ (2018), „Етнолингвистичен речник на българската народна медицина“ (2021). Каждое издание внесло существенный вклад в изучение языка традиционной культуры болгарского народа, в том числе в ареальном аспекте.

В последние годы важная часть славистических исследований Института была направлена на междисциплинарный анализ традиционных культурных и христианских ценностей, которые рассматривались в этнолингвистическом и этнокультурном аспекте в славянском пространстве Европы. Работа проводилась международным коллективом ученых из Болгарии, Словакии и России. Междисциплинарный и многосторонний анализ аксиологических понятий и ценностных систем в целом ряде славянских традиций в разные исторические периоды стал основной задачей вышедших в 2019-2020 годах трех коллективных монографий⁴, опубликованных в России, Словакии и Болгарии и получивших международное признание: «Взгляд на славянскую аксиологию» / ред. Седакова И.А., Китанова М., Женюх П. М.: Институт славяноведения РАН, 2019; *Седакова И.А., Žejuch P., Kutanova M. et al.: Axiologický výskum slovanských jazykov / Axiological Investigation into the Slavic Languages*. Bratislava: VEDA, SAV; М.: Институт славяноведения РАН, 2019; «Аксиологични проблеми в славянските езици (традиции и съвременност)» / Составители: М. Китанова, И. Седакова, П. Женюх. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2020.

⁴ Книги опубликованы по проекту РФФИ № 18-512-76003\19 в рамках Программы ERA. Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

Подробнее с публикациями Института болгарского языка БАН можно ознакомиться на сайте: <http://ibl.bas.bg/nautchna-deynost/publikatsii/>, который предоставляет возможность свободной работы с библиографией трудов сотрудников Института, сгруппированной по годам. Там же представлена библиография болгарской языковедческой литературы.

Институт болгарского языка БАН отметил свое 80-летие 15–17 мая 2022 г. в формате традиционной Международной ежегодной конференции, которая является престижным научным форумом, где представлены самые свежие достижения и результаты исследований в области болгаристики в Болгарии и зарубежье, равно как и научные успехи десяти секций Института, в том числе и итоги работы в рамках национальных и международных проектов и сотрудничества с болгарскими и иностранными научными центрами⁵.

В продолжение всех 80 лет существования Институт болгарского языка БАН стремился поддерживать высокий научный уровень работ своих выдающихся предшественников. Институт последовательно продолжает начинания своего патрона, профессор Любомира Андрейчина, имя которого ему было присвоено в 2004 г., стараясь не только развивать теоретические научные исследования, но и быть опорой в обучении болгарскому языку: в 2021 г. коллектив Института совместно с Ассоциацией болгарских школ зарубежом провели Шестой форум под названием „Исследовательские подходы в обучении болгарскому языку”. Сейчас в различных странах мира работает 40 лекторов, где иностранцам преподают болгарский язык.

В наши дни ученые Института болгарского языка БАН получили международное признание не только в сфере болгаристики, но и в целом ряде важнейших областей языкознания. Институт является членом европейской сети высоких достижений в области языковых технологий META-NET, равно как и Европейской федерации национальных языковых институтов, основанной в 2003 г. с целью поддержки и развития многоязычной Европы.

Институт славяноведения РАН высоко ценит заслуги ученых Института болгарского языка БАН. Для российских болгаристов и славистов многолетнее научное сотрудничество с болгарскими учеными имеет непреходящую ценность. Возможность делиться достижениями в изучении разных аспектов славяноведения, осуществлять совместные научные проекты, обмениваться новыми книгами способствует повышению уровня научных исследований в наших институтах.

От лица московских коллег поздравляем дружественный Институт болгарского языка им. Профессора Любомира Андрейчина БАН с юбилеем, желаем его сотрудникам долгих лет научного творчества, успехов в сфере науки и образования, а также новых идей и открытий.

⁵ Программа конференции и сборник материалов и докладов доступны по ссылке: <https://ibl.bas.bg/mezhdunarodna-yubileyna-konferentsiya-na-instituta-za-balgarskizik-vprof-lyubomir-andreytchin-2022/>

Литература

- Аксиологични проблеми в славянските езици (традиции и съвременност) / Съставители: М. Китанова, И. Седакова, П. Женюх. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020.
- Барболова З., Симеонова М., Китанова М., Мутафчиева Н., Лезурска П. Речник на народната духовна култура на българите. София, Наука и изкуство, 2018.
- Българска лексикология и фразеология / науч. ред. Е. Пернишка, Л. Крумова-Цветкова, С. Калдиева-Захариева, И. Касабов. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2013. Т. 1–3.
- Български диалектен атлас / ред. кол. И. Кочев и др. София: Издателска къща «Труд», 2001. Обобщаващ том. I–III. Фонетика. Акцентология. Лексика.
- Български етимологичен речник / ред. В.И. Георгиев. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 1971–2017. Т. 1–8.
- Взгляд на славянскую аксиологию / ред. Седакова И.А., Китанова М., Женюх П. Москва: Институт славяноведения РАН, 2019.
- Витанова М., Мичева В., Кирилова Й., Мичева-Пейчева К., Николова Н. Етнолингвистичен речник на българската народна медицина. София, Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2021.
- Граматика на съвременния български книжовен език / гл. ред. Д. Тилков. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 1982–1983. Т. 1–3.
- Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура: Памяти Галины Петровны Клепиковой / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: ИСЛ РАН, 2008. Вып. 1. Памяти Г. П. Клепиковой. Москва: ИСЛ РАН, 2008.
- Лезурска П., Павлова Н., Китанова М. Човешкият живот — раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на семейната обредност. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2012.
- Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Серия лексико-словообразовательная. Болгарские материалы / отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. Т. 1: Животный мир; Т. 2: Животноводство; Т. 3: Растительный мир; Т. 4: Профессия и общественная жизнь.
- Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная / отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 10: Народные обычаи.
- Официален правописен речник / авт. кол. В. Мурдаров и др. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2012.
- Речник на съвременния български книжовен език / ред. кол. Л. Андрейчин и др. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 1954–1959. Т. 1–3.
- Седакова И.А., Žejuch P., Китанова М. et al. Axiologický výskum slovanských jazykov / Axiological Investigation into the Slavic Languages. Bratislava: VEDA, SAV; М.: Институт славяноведения РАН, 2019.

References

- Andreichin, L., et al., eds, 1954–1959. *Rechnik na suvremennia bulgarski knizhoven ezik* [Dictionary of the Modern Bulgarian Literary Language]. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”. Vol. 1–3.
- Barbolova, Z., Simeonova, M., Kitanova, M., Mutafchieva, N., Legurska, P., 2018. *Rechnik na narodnata dukhovna kultura na bulgarite*. [Dictionary of the Folk Spiritual Culture of Bulgarians]. Sofia: Nauka i izkustvo.
- Georgiev, V.I., ed., 1971–2017. *Bulgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”. Vol. 1–8.
- Kitanova, M., Sedakova, I., Zheniukh, P., eds, 2020. *Aksiologichni problemi v slavianskite ezitsi (traditsii i suvremennost)* [Axiological problems in the Slavic languages (traditions and modernity)]. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”.
- Kochev, Iv., et al., eds, 2001. *Bulgarski dialekten atlas* [Bulgarian Dialect Atlas]. Sofia: Izdatelska kushta “Trud”. *Oboshtavasht tom. I–III. Fonetika. Aktsentologiya. Leksika* [Summary Volume. I–III. Phonetics. Accentology. Vocabulary].
- Legurska, P., Pavlova, N., Kitanova, M., 2012. *Choveshkiiat zhivot — razhdane, svatba, pogrebenie. Tematichen rechnik na semeinata obrednost*. [Human life — birth, wedding, burial. Thematic dictionary of family rituals]. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Murdarov, V., et al., eds, 2012. *Ofitsialen pravopisen rechnik* [Official Spelling Dictionary]. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Pernishka, E., Krumova-Tsvetkova, L., Kaldieva-Zakharieva, S., Kasabov, I., eds, 2013. *Bulgarska leksikologiya i frazeologiya* [Bulgarian Lexicology and Phraseology]. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”.
- Plotnikova, A. A., ed., 2008. *Karpato-balkanski dialektnyi landshaft. Iazyk i kul'tura: Pamiati Galiny Petrovny Klepikovi* [Carpatho-Balkan Dialectal Landscape. Language and Culture: In Memory of G. P. Klepikova]. Moscow: ISI RAN.
- Sedakova, I.A., Kitanova, M., Zheniukh, P., eds, 2019. *Vzgliad na slavianskuiu aksiologiyu* [A look at Slavic axiology]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Sedakova, I.A., Žeňuch, P., Kitanova, M., et al., 2019. *Axiologický výskum slovanských jazykov*. [Axiological Investigation into the Slavic Languages]. Bratislava: VEDA, SAV; Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Tilkov, D., 1982–1983. *Grammatika na suvremennia bulgarski knizhoven ezik* [Grammar of the Modern Bulgarian Language]. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”. Vol. 1–3.
- Vendina, T., ed., 2013. *Obshch斯拉vianskii lingvisticheski atlas (OLA). Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naia. Bolgarskie materialy* [Common Slavic Linguistic Atlas (OLA). Lexical and Derivational Series. Bulgarian Material]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. Vol. 1. *Zhivotnyi mir* [Animal Kingdom]; Vol. 2. *Zhivotnovodstvo* [Animal Husbandry]; Vol. 3. *Rastitel'nyi mir* [Plant Kingdom]; Vol. 4. *Professii i obshchestvennaia zhizn'* [Professions and Public Life].

- Vendina, T. I., ed., 2015. *Obshchoslavianski lingvističeskii atlas. Serii leksiko-slovoobrazovatel'naia (OLA)* [Common Slavic Linguistic Atlas (OLA): Lexical and Derivational Series]. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. Issue 10: *Narodnye obyčai* [Folk Customs].
- Vitanova, M., Micheva, V., Kirilova, Y., Micheva-Peicheva, K., 2021. *Etnolingvističeskii rečnik na bulgarskata narodna meditsina*. [Ethnolinguistic dictionary of Bulgarian folk medicine]. Sofia: Izdatelstvo na BAN "Prof. Marin Drinov".

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4

Главный редактор:
Е. С. Узенева

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Редакторы-корректоры:
Е. В. Дейкина, Т. К. Дейкина

Proofreaders:
Elizaveta V. Deykina, Tamara K. Deykina

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Computer layout:
Pavel N. Morozov

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:

On the cover:

Фрагменты фотографий из базы данных
Wikimedia Commons

Photo fragments from Wikimedia Commons

Wikimedia Commons/Zrenjanin, Trg Slobode, socha
Krále Petra I, автор изображения:
Aktron / Wikimedia Commons

Wikimedia Commons/Zrenjanin, Trg Slobode,
socha Krále Petra I, the author of the image:
Aktron / Wikimedia Commons

Лицензия Creative Commons CC BY 3.0

Under Creative Commons CC BY 3.0 licence

URL:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Zrenjanin,_Trg_Slobode,_socha_Kr%C3%A1le_Petra_I.jpg

URL:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Zrenjanin,_Trg_Slobode,_socha_Kr%C3%A1le_Petra_I.jpg

Wikimedia Commons/Goce Delčev,
spomenik u Skoplju. Всеобщее достояние
URL:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Goce_Del%C4%8Dev,_spomenik_u_Skoplju.JPG

Wikimedia Commons/Goce Delčev,
spomenik u Skoplju. Public domain
URL:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Goce_Del%C4%8Dev,_spomenik_u_Skoplju.JPG

Wikimedia Commons/Monument to Grand Duke
Nicholas Nikolaevich. St. Petersburg, Russia. (1913)
Всеобщее достояние, первоисточник электронной
версии: <http://dimon-porter.livejournal.com/67751.html>
URL:[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Monument_to_Grand_Duke_Nicholas_Nikolaevich._St._Petersburg,_Russia._\(1913\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Monument_to_Grand_Duke_Nicholas_Nikolaevich._St._Petersburg,_Russia._(1913).jpg)

Wikimedia Commons/Monument to Grand Duke
Nicholas Nikolaevich. St. Petersburg, Russia. (1913)
Public domain, source of the image: <http://dimon-porter.livejournal.com/67751.html>
URL:[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Monument_to_Grand_Duke_Nicholas_Nikolaevich._St._Petersburg,_Russia._\(1913\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Monument_to_Grand_Duke_Nicholas_Nikolaevich._St._Petersburg,_Russia._(1913).jpg)

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334, Россия

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 70×100¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,19.

Объем 19,38 печ. л.

Заказ № 103.

Тираж 500 экз.